

Толкин

Властелин Колец

Возвращение государя

Annotation

Перед вами — «Возвращение государя», третья книга трилогии «Властелин Колец». Своеобразной «Библии от фэнтези». Книги Книг, «литературной легенды», самого официально популярного произведения прошлого века. Писать о «Властелине Колец» можно много, почти бесконечно, но — ЗАЧЕМ? Комментарии здесь излишни!

-

- [КНИГА ПЯТАЯ](#)

- [Глава 1.](#)
- [Глава 2.](#)
- [Глава 3.](#)
- [Глава 4.](#)
- [Глава 5.](#)
- [Глава 6.](#)
- [Глава 7.](#)
- [Глава 8.](#)
- [Глава 9.](#)
- [Глава 10.](#)

- [КНИГА ШЕСТАЯ](#)

- [Глава 1.](#)
 - [Глава 2.](#)
 - [Глава 3.](#)
 - [Глава 4.](#)
 - [Глава 5.](#)
 - [Глава 6.](#)
 - [Глава 7.](#)
 - [Глава 8.](#)
 - [Глава 9.](#)
-

Токмун

Властелин колец

Возвращение государя

КНИГА ПЯТАЯ

Глава 1.

МИНАС-ТИРИТ

Пиппин выглянул из-под плаща Гэндальфа, не очень-то понимая, проснулся он или все еще пребывает в затянувшемся сне. В ушах свистел ветер, мимо проносился погруженный во тьму мир. Хоббит видел только мелькающие огоньки и убегающие назад смутные тени и ведать не ведал, что это звезды и остававшиеся по правую руку высокие горы юга. Еще в полудреме Пиппин попытался припомнить, давно ли он скачет и далеко ли умчался.

Кажется, конь мчался с немыслимой скоростью, пока впереди не блеснуло золото: они прибыли в молчаливый полупустой город, где на вершине холма высился дворец со сверкающей крышей. Едва хоббит оказался в этом пристанище, как над городом пронеслась крылатая тень и людей вокруг обуял ужас. Но Гэндальф что-то тихонько прошептал хоббиту на ухо, и тот задремал в уголке просторного зала. Временами он просыпался, видел входивших и выходивших воинов, слышал, как Гэндальф отдавал какие-то распоряжения, однако и эти воспоминания могли оказаться всего лишь сном.

Потом снова бешеная скачка в ночи. Вероятно, сейчас вторая... нет, третья ночь с тех пор, как он заглянул в камень — попытался сообразить хоббит, и пережитый тогда страх заставил его проснуться по-настоящему.

Все оставалось прежним: и ветер, и темнота, но где-то впереди разгоралось желтое пламя. Подумав с перепугу, что Гэндальф везет его в какие-то жуткие места, Пиппин снова юркнул под плащ, а когда высунулся снова — понял, что видит восходящую над окоемом полную луну. Стало быть, ночь только начиналась и скакать предстояло не один долгий час.

— Где это мы? — спросил хоббит, пошевелившись.

— Во владениях Гондора, — ответил маг. — Это Анориэн.

Пиппин затих, но через некоторое время дернул Гэндальфа за плащ.

— Смотри, огонь! Красный огонь! Здесь что, водятся драконы? Глянь, еще один!

— Вперед, Светозар! — крикнул Гэндальф коню. — Вперед, друг! Мы должны спешить! Это не драконы, — пояснил маг Пиппину — а сигнальные огни Гондора, призывающие на помощь. Видишь, они разгораются один за другим — на Эмон-Дин и на Эйленах и дальше на запад: Нардол, Эрелас, Мин-Риммон, Каленхад и Халифириэн у границ Рохана.

Но конь неожиданно замедлил бег, перешел на шаг и, вскинув голову, заржал. Из темноты донеслось ответное ржание, потом стук копыт, и мимо них, едва различимые, как призраки в лунном свете, промчались на запад трое всадников. Светозар подобрался, рванул галопом, и летящая мимо ночь снова засвистела в ушах ураганным ветром. На Пиппина вновь напала сонливость, и он лишь краешком уха слышал рассказ Гэндальфа: как правители Гондора приказали воздвигнуть на вершинах пограничных холмов сторожевые башни с маяками, чтоб быстрее пересылать сообщения из края в край. На каждом таком посту держали свежих коней и постоянно дежурили гонцы, готовые скакать в Рохан на севере или в Белфалас на юге.

— Давно уже на северных рубежах не зажигали этих огней, — сказал маг, — а в древние времена в них и нужды-то не было, ибо тогда Гондор обладал семью палантирами.

При упоминании о страшных камнях Пиппин заерзал.

— Спи и ничего не бойся, — успокоил Гэндальф. — Ты ведь направляешься не в Мордор, как Фродо, а в Минас-Тирит, и это самое безопасное место, какое только может нынче быть. Конечно, если Враг завладеет Кольцом, Гондор падет. Но тогда от беды не укроешься и в Хоббитании.

— Ты, как всегда, утешил, — пробормотал Пиппин, по его все равно неудержимо клонило в дрему. Он успел приметить поблескивающие в лунном свете заснеженные пики, высившиеся над облаками, как острова, подумал о том, что где-то сейчас Фродо, жив ли он, и провалился в сон.

А Фродо в этот самый час смотрел на ту же самую луну, клонившуюся к закату над Гондором.

Разбудили Пиппина голоса. Прошел еще один день, который хоббит с магом переждали в укрытии, и еще одна ночь, проведенная в бешеной скачке. Вокруг клубился холодный туман, близился сумрачный рассвет. Светозар стоял, горделиво вскинув голову: от шкуры его валил пар, но он не выказывал ни малейших признаков усталости. Пиппин огляделся: впереди толпились рослые, закутанные в плащи люди, а позади смутно вырисовывалась в тумане полуразрушенная каменная стена. Там, в тусклом свете факелов, шла работа: стучали молотки, позвякивало железо, скрипели какие-то колеса. Гэндальф разговаривал с людьми в плащах, и Пиппин, прислушиваясь, понял, что речь идет о нем.

— Верно, Митрандир, тебя мы знаем, — молвил предводитель рослых воинов. — К тому же тебе ведомы пропускные слова Семи Врат, так что ты волен ехать дальше. Но вот твой спутник — он кто таков? Не иначе как гном с северных гор. Время нынче беспокойное, и чужакам путь в нашу страну закрыт — кроме, разве что, могучих воителей, на чью отвагу и верность мы можем положиться.

— Я поручусь за своего спутника перед тронном Дэнетора, — отвечал маг. — А что до отваги, Инголд, то не суди о ней по стати. Битв и опасностей он повидал больше, чем ты, хотя и вдвое уступает тебе ростом. Вот и сейчас мы едем из Айсенгарда, где разразилось великое сражение. У нас важные новости. Мой спутник устал, не стоит будить его, чтобы представиться страже. Зовут его Перегрин, сын Паладина, и уж поверь мне, человек он весьма отважный.

— Человек? — с недоверием переспросил Инголд.

Некоторые воины рассмеялись.

— Скажете тоже, человек, — промолвил окончательно проснувшийся Пиппин. — Я хоббит, вот кто. И нет во мне никакой особой отваги, разве что когда припечет.

— Многие прославленные герои не могли бы сказать о себе большего, — улыбнулся Инголд. — Но что это за птица — хоббит?

— Хафлинг, — пояснил Гэндальф. — Нет, — поспешно добавил он, приметив на лицах людей тревожное удивление. — Не тот, о котором говорилось в пророчестве, но его родич.

— Родич, друг и соратник, — продолжил Пиппин. — Мы проделали вместе долгий путь. А коли вы гондорцы, то должны знать Боромира: он тоже путешествовал с нами, спас меня в снегах севера,

а потом пал, сразив множество врагов...

— Помолчи! — воскликнул Гэндальф. — Эту скорбную весть первым должен был услышать его отец.

— Об этом мы уже догадывались, — сказал Инголд. — Нам были явлены печальные знамения. Но проезжайте, больше я вас не задерживаю. Владыка Минас-Тирита непременно захочет услышать вести о сыне, принесет их человек или...

— Хоббит, — dokonчил Пиппин. — Боюсь, пользы от меня вашему господину будет немного, но в память об отважном Боромире я сделаю все, что в моих силах.

— Проезжайте, — повторил Инголд, и стражники расступились, пропуская Светозара в узкие, прорубленные в стене ворота. — Если сможешь, Митрандир, то помоги Дэнетору и всем нам добрым советом. Впрочем, ты всегда приносишь недобрые вести...

— Это потому, что я всегда появляюсь в час великой нужды, — откликнулся Гэндальф. — Но совет могу дать прямо сейчас. Вы припозднились с починкой стен Пеленнора, теперь вашей защитой будет не камень, а лишь собственное мужество. Мужество и надежда, о которой я ведаю, но пока сказать не могу. Отложите мастерки и острите мечи.

— Мы завершим работу до вечера, — заметил Инголд, — хотя надеемся, что этот участок стены нам защищать не придется. Ведь он смотрит на север, а там Рохан, там наши друзья. Кстати, ты слышал что-нибудь о них? Придут ли они к нам на помощь?

— Непременно придут, хотя выдержали уже немало битв за вашей спиной. Но будьте бдительны — эта дорога теперь тоже небезопасна. Безопасных больше не осталось. Когда бы не Гэндальф Горевестник, вы бы увидели со стороны Анориэна не роханских конников, а полчища врагов. И такое еще может случиться, так что не смыкайте глаз. Прощайте.

Светозар ступил на равнину за пределами Раммас-Эккор, как называли гондорцы внешнюю стену, возведенную с немалыми трудами после того, как Враг овладел Итилиэном. Стена тянулась лиг на десять: начинаясь у подножия гор и возвращаясь обратно, она опоясывала поля Пеленнора. Прекрасные плодородные уголья

длинными пологими склонами спускались к долине Андуйна. На северо-востоке от Великих Ворот города до стены было четыре лиги. За стеной лежали приречные равнины, и там стену возвели особенно высокой и крепкой, ибо она защищала дорогу от мостов и бродов Оспилята, проходившую сквозь могучие ворота с зубчатыми башнями. На юго-востоке стена подходила к городу ближе всего, между ними пролегалo не больше лиги. В этом месте Андуйн, широкой петлей обегавший холм Эмин-Арнен, резко уклонялся к западу: стена тянулась чуть ли не по самому берегу, а ниже ее лежали пристани Харлонда, где швартовались суда, шедшие вниз по течению.

Окрестности выглядели возделанными и ухоженными: повсюду виднелись нивы, сады, навесы для сушки хмеля, крепкие амбары и просторные загоны для скота. Но жили здесь лишь немногочисленные землепашцы да пастухи: основная часть гондорцев селилась в семи кругах самого города, или в Лоссарнахе, у подножия гор, или еще дальше на юг, в орошаемом пятью потоками прекрасном Лебеннине. Там, между горами и Морем, обитал крепкий народ смешанного происхождения, хоть и причислявший себя к гондорцам, но сохранивший в жилах кровь давних предков — смуглого, низкорослого племени, владевшего землями в тени холмов еще в Темные Лета, до прихода королей. А еще южнее, в Белфаласе, стоял Дол-Амрот, замок высокородного князя Имрахила. Подданными его были рослые горделивые люди с глазами цвета морской волны.

Пиппин снова задремал и проснулся, когда уже снова забрезжил рассвет. Слева колыхалось море тумана, а справа вздымались вершины гор, обрывавшихся так неожиданно, словно во дни творения мира река сокрушила каменную преграду, образовав широкую долину, ставшую в грядущие дни предметом раздоров и полем кровопролитных сражений. Как и обещал Гэндальф, там, где кончались Белые горы, хоббит увидел темную громаду Миндоллуина, глубокие тени высоких ущелий и белевшую в свете зари вершину. А на выдававшемся вперед отроге исполинской горы стоял Город Бдящих, обнесенный семью каменными стенами, столь крепкими и древними, что, казалось, их высекли великаны из костей земли.

Прямо на глазах Пиппина серевшие в рассветном сумраке стены сделались белыми и даже слегка порозовели, а когда над затянутым тучами востоком взошло солнце и его лучи высветили лик города,

хоббит ахнул от изумления, ибо взору во всем своем лучезарном великолепии предстала высившаяся в кольце укреплений башня Эктелиона. Она казалась отлитой из серебра и усыпанной жемчугами, а вершина ее сверкала, словно огромный кристалл. Над башнями города гордо реяли на утреннем ветру белоснежные знамена, а к небесам возносился звонкий и чистый зов серебряных труб.

Едва Светозар приблизился к Великим Воротам, кованые створы распахнулись.

— Митрандир! — воскликнули стражи. — Митрандир явился! Видно, и впрямь близится буря.

— Она уже здесь, — крикнул в ответ Гэндальф. — Я прилетел на ее крыльях. Пропустите меня, мне нужно увидеть Дэнетора, пока он еще правит городом. Буря грянула, и чем бы все ни закончилось, Гондор уже не останется прежним. Пропустите!

В голосе старца звучала такая мощь, что стражники расступились, не задавая вопросов, хотя многие недоуменно поглядывали на хоббита, а кое-кто косился и на Светозара. Конечно, гондорцы держали на подставах лошадей для гонцов правителя, но в стенах города их почти не было, а уж этакое коня и подавно никто не видел.

— Вот так скакун! — сказал кто-то из воинов. — Не иначе как из табунов короля Рохана. Может быть, скоро на подмогу нам явятся рохирримы?

Гэндальф не ответил, копыта Светозара уже звенели по каменным мостовым, поднимавшимся от одного яруса города к другому. Минас-Тирит располагался на семи уровнях, причем каждый был обнесен стеной. Все стены прорезали ворота, но они находились не на одной линии друг с другом: нижние, или Великие, помещались в восточной части стены, вторые были смещены на полкруга к югу, третьи на полкруга к северу, и так выше и выше, к центру города и цитадели. Мостовая поворачивала то в одну, то в другую сторону, и всякий раз, пересекая ось Великих Ворот, ныряла в прорубленный в скале сводчатый тоннель, деливший надвое все круги города, кроме первого. Древние строители мастерски воспользовались творением природы, оставив за воротами скальный массив с острым краем, выступавшим на восток, словно форштевень гигантского корабля. Он вздымался до самого верхнего круга города,

неся на себе могучую цитадель с зубчатыми стенами, вознесенную над Великими Воротами на добрых семьсот локтей. К Седьмым Воротам вел пологий, вырубленный в сплошном массиве, освещенный лампами подъем. Лишь таким путем можно было попасть на Высокий Двор, к Фонтану у подножия Белой Башни. Вид ее поражал соразмерностью, высота составляла не менее пятидесяти локтей, а на верхушке, почти в тысяче локтей над равниной, плескалось на ветру знамя наместников.

Мощь цитадели делала ее неприступной до тех пор, пока внутри оставались хотя бы несколько защитников. Правда, враг мог подступить сзади, взобравшись по подножиям Миндоллуина на узкий отрог, соединявший Холм Бдящих с Великой горой, однако и этот путь преграждали могучие валы. Здесь, меж горой и Башней, в великолепных, увенчанных куполами гробницах, покоились бывшие короли и правители Гондора.

С изумлением и восторгом созерцал Пиппин великий каменный город, какого прежде не мог себе и представить. Даже Айсенгард не сравнился бы с ним прочностью укреплений и уж тем более красотой. Однако то здесь, то там проглядывали признаки упадка, Минас-Тирит пустел, в городе жили вдвое меньше людей, чем он мог вместить. По обеим сторонам дороги высились прекрасные здания, роскошные дворцы, украшенные гербами и девизами своих бывших владельцев, но на улицах не попадалось прохожих и даже любопытные детишки не выглядывали из окон.

Прошло немало времени, прежде чем они одолели весь путь и приблизились к Седьмым Воротам. Солнце, то самое, которое в этот час освещало путь Фродо по лугам Итилиэна, озарило гладкие стены, могучие колонны и высокую арку с замковым камнем, высеченным в виде головы, увенчанной короной. Всадников в цитадель не допускали, поэтому магу и Пиппину пришлось спешиться. Повинуясь ласковой просьбе Гэндальфа, Светозар позволил увести себя в стойло.

Стражи носили черное платье с серебряным шитьем на груди — изображением белого дерева под сенью короны и звезд. То был герб наследников Элендила, и ныне во всем Гондоре этот символ использовали лишь стражи цитадели. Головы стражей покрывали необычайной формы шлемы — высокие, с длинными, до щек, пластинами и крыльями морской чайки по бокам. Шлемы пламенели

серебром, ибо были сработаны из мифрила, наследия славы былых времен.

Видимо, весть о прибытии спутников уже достигла цитадели: их пропустили молча, не задав ни единого вопроса. Они вступили на вымощенный белым плитняком двор, в центре которого зеленела трава, плескался, искрясь на солнце, фонтан, а рядом, склонившись над чашей, стояло мертвое, иссохшее дерево, и капли воды стекали с его поникших голых ветвей, как слезы.

Пиппин подивился было, с чего бы это старую корягу оставили торчать в таком прекрасном месте, но ему вспомнились слышанные от Гэндальфа слова — что-то насчет Семи Звезд, Семи Камней и белого дерева. Он повернулся к магу, чтобы задать вопрос, но они уже вступили под своды дворца, и Гэндальф заговорил первым.

— Следи за языком, Перегрин, — тихо промолвил он. — Здесь не место для хоббитской похвальбы. Тейоден добр, а вот Дэнетор человек совсем иного склада. Он гораздо могущественнее и знатнее, хотя и не король, а только Наместник. Проницательность его под стать гордости, а та весьма велика. Расспрашивать он будет по большей части тебя, ты ведь можешь поведать ему о Боромире. Правитель очень любил сына, может быть, даже слишком сильно. Тот мало походил на отца, но это лишь укрепляло отцовскую любовь. И помни: как бы Дэнетор ни страдал, как бы ни был безутешен, он наверняка попытается разузнать у тебя то, что ему не вытянуть из меня. Ни слова о Фродо и его поручении! Да и насчет Арагорна лучше помалкивать.

— Насчет Бродяжника? — удивился Пиппин. — А с ним-то что не так? Он ведь все равно сюда собирался и скоро, наверное, будет.

— Может быть, может быть... — задумчиво пробормотал маг. — Но его появление будет здесь неожиданностью для всех, даже для Дэнетора. И так, по моему разумению, лучше. Я, во всяком случае, никого предупреждать не собираюсь, — они уже подошли к высокой двери. — У меня нет времени наставлять тебя в истории Гондора, тем паче ты сам должен был изучить ее в малолетстве, чем шалопайствовать да по чужим садам лазить. Сделай, как я прошу, вот и все. Не очень-то разумно сообщать могущественному правителю о гибели наследника и о скором прибытии претендента на престол.

— Как претендента? — охнул Пиппин. — Это что же?..

— Да уж то! — проворчал маг. — Коли ты все это время то ли спал, то ли уши заткнул, так хоть сейчас пораскинь умишком, — с этими словами Гэндальф постучал.

Дверь распахнулась мгновенно и беззвучно, словно сама собой. За ней открывался огромный зал, из окон в широких нефах по обе стороны струился свет. Своды поддерживали два ряда колонн черного мрамора с капителями, украшенными причудливыми резными изображениями животных и растений. Высоко вверху поблескивал позолотой и самоцветами потолок. Здесь не было места ни занавесям, ни гобеленам, ни резному дереву — только холодный камень. Пиппин с трепетом взирал на застывшие между колоннами величественные изваяния давно усопших королей, которые напоминали ему каменных стражей Аргоната. В дальнем конце зала на ступенчатом возвышении стоял высокий трон под навесом в виде увенчанного короной шлема. За ним, на стене, поблескивало выложенное драгоценными камнями изображение цветущего дерева. Трон был пуст. У его подножия, в установленном на широкой ступени простом, без резьбы, черном каменном кресле сидел старик и держал в руке белый жезл с золотым навершием. Он рассматривал что-то у себя на коленях и не поднял глаз на вошедших.

Гэндальф и Пиппин приблизились и остановились в трех шагах от кресла.

— Приветствую Дэнетора, сына Эктелиона, правителя и наместника Минас-Тирита, — торжественно произнес маг. — В сей мрачный час я явился к тебе с вестями и советом.

Старец поднял наконец взгляд, и Пиппин увидел словно вырезанное из кости лицо. Длинный, с горбинкой нос и темные, глубоко посаженные глаза напомнили ему не столько Боромира, сколько Арагорна.

— Час воистину мрачен, — отозвался Дэнетор. — Но именно в такие времена мы привыкли видеть Митрандира. Знамения предвещают Гондору скорую гибель. Горько думать о грядущих утратах, но свою главную утрату я уже понес. Мне доложили, что ты приведешь с собой того, кто видел гибель моего сына. Это он?

— Он, — ответил Гэндальф. — Их было двое. Другой сейчас у Тейодена Роханского и, возможно, явится позднее. Оба хафлинги, но ни один из них не тот, о котором говорило пророчество.

— Хафлинги, — угрюмо промолвил старик. — Полуростки... Вовек бы не слышать мне этого слова! Оно внесло смятение в наши умы и увлекло Боромира в это безумное путешествие, навстречу безвременному концу. Боромир, мой Боромир, как же нужен ты нам сейчас! Нет чтобы пойти Фарамиру...

— Фарамир вызывался и пошел бы с радостью, — возразил Гэндальф. — Даже в горе не забывай о справедливости. Боромир сам избрал свой жребий и не уступил бы его никому. Он был сильным человеком, всегда добивался желаемого и не терпел соперников на стезе чести. Я проделал с ним долгий путь и успел понять, каков его нрав. Но ты уже знаешь о его смерти — откуда? Ты получил донесение?

— Я получил вот это! — Дэнетор отложил жезл и поднял с колен две половины большого, оправленного в серебро рога.

— Рог Боромира! — воскликнул Пиппин.

— Верно, — печально кивнул Дэнетор. — А раньше им владел я, а еще раньше каждый старший в нашем роду: так повелось с незапамятных времен, когда еще при королях Ворондил отец Мардила охотился на диких быков в степях Руна. Я слышал зов этого рога: его слабый зов донесся с севера тридцать дней назад, а потом Река принесла его ко мне разрубленным. Никто больше не протрубит в него! — повисло тяжелое молчание. Неожиданно Дэнетор пристально поглядел на Пиппина. — Что скажешь об этом, хафлинг?

— Тридцать дней... да, — сбивчиво заговорил Пиппин. — Пожалуй, так оно и есть. Я стоял рядом с ним, когда он протрубил в рог. Но помощь не пришла, одни только орки...

— Значит, — Дэнетор сверлил Пиппина взглядом, — ты был рядом? Рассказывай, рассказывай все! Почему не пришла помощь? И как вышло, что ты спасся, а он, могучий воитель, пал, хотя против него были только орки?

Пиппин покраснел и, задетый за живое, забыл о своем страхе.

— И самого могучего воителя может сразить одна стрела, а Боромира пронзило великое множество. Когда я видел его в последний раз, он рухнул у дерева и пытался вырвать из груди одну из стрел — с черным оперением. Больше мне рассказать нечего: меня оглушили и захватили в плен. Он погиб, спасая нас, меня и моего родича Мериадока, и живой ли, мертвый ли — всегда будет мне

дорог.

Воспоминание оказалось столь ясным, сильным и волнующим, что хоббит, поддавшись внезапному порыву, воскликнул:

— Наверное, замена ничтожна, но коли жизнь хоббита из Хоббитании может хоть что-то значить для повелителя могучих людей, я вручаю ее вам, ибо хочу уплатить долг отважному Боромиру! — с этими словами он обнажил клинок и положил его к ногам Дэнетора.

В печальных глазах старца, словно солнечный лучик в холодный зимний вечер, промелькнула улыбка. Он отложил рог и протянул руку.

— Подай мне свой меч.

Пиппин с поклоном подал меч рукоятью вперед.

— Откуда он у тебя? — с легким удивлением спросил правитель, рассматривая узорчатую сталь. — Он очень, очень древний, но, несомненно, выкован нашими северными сородичами. Где ты его раздобыл?

— Он найден в одном из курганов неподалеку от границ моей страны. Но ныне там обитает только Могильная Нежить и... мне не хотелось бы вспоминать об этом.

— Вижу, тебя прямо-таки оплетают странные истории, — промолвил Дэнетор. — Что лишний раз доказывает: по внешности неразумно судить о человеке... о хафлинге. Я принимаю твою службу. Вижу, тебя не смутить словами, да и сам ты мастер на уctивые речи, хотя говор твой для нас, южан, звучит непривычно. Клянись!

— Ты решился? — спросил Гэндальф.

— Решился, — уверенно ответил хоббит.

— Тогда возьми меч за рукоять и повторяй за правителем его слова.

Дэнетор положил клинок на колени, а Пиппин, держась за рукоять, стал медленно вторить ему, произнося присягу.

— Здесь и сейчас приношу я клятву верности и служения Гондору и наместнику государства. Обязуюсь говорить и молчать,

делать и способствовать, идти и стоять в нужде и изобилии, во дни войны или мира, в жизни и в смерти, от сего часа и пока не освободит меня от службы мой повелитель, смерть или конец мира. Так сказал я, Перегрин, сын Паладина, хафлинг из Хоббитании!

— А я, Дэнетор, сын Электиона, правитель Гондора и наместник короля, слышу твою клятву, принимаю ее и не премину вознаградить верность — любовью, измену — отмщением!

Пиппин получил обратно свой меч и вложил его в ножны.

— А теперь, — промолвил Дэнетор, — слушай мое первое повеление. Сейчас ты расскажешь мне о моем сыне все, что сможешь вспомнить. Все без утайки!

Он ударил в звонкий серебряный гонг, и тут же появились слуги, стоявшие, как оказалось, в затененных альковах по обе стороны дверей.

— Принесите гостям сиденья, — распорядился правитель. — Подайте нам вина, и пусть никто не беспокоит нас в течение часа. Уделить тебе больше времени я пока не смогу, — добавил он, обращаясь к Гэндальфу, — слишком уж много неотложных дел, хотя порой они представляются мне не столь уж важными. Но, может быть, вечером мы увидимся снова.

— Надеюсь, что раньше, — отозвался маг. — Я примчался из Айсенгарда, одолев сто пятьдесят лиг не для того, чтобы пополнить твоё войско одним воином, пусть даже храбрым и учтивым. Неужто тебе безразлично то, что Тейоден одержал большую победу. Айсенгард разрушен и я сломал посох Сарумана?

— Нет, Митрандир. Все это очень важно, но о многом мне уже известно, — наместник взглянул на Гэндальфа в упор, и Пиппину показалось, что в глазах обоих старцев тлеют уголья, готовые вспыхнуть пламенем.

Хоббит кожей чувствовал напряжение в воздухе.

На первый взгляд Дэнетор походил на могущественного мага больше, чем Гэндальф. Правитель казался благообразнее, величественнее и старше. Однако чутье подсказывало хоббиту, что сила Гэндальфа выше, а мудрость глубже, но его истинное величие сокрыто. И он старше правителя, гораздо старше.

«Интересно, насколько? — гадал Пиппин, удивляясь тому, что

никогда прежде ни о чем таком не задумывался. Древобрад как-то поминал о магах, но тогда Пиппин не связал эти слова с Гэндальфом. — Кто же такой Гэндальф на самом деле? Когда и зачем явился он в этот мир и когда его покинет?»

Хоббит встряхнул головой, отгоняя неуместные при таких обстоятельствах мысли, и увидел, что маг и наместник по-прежнему глядят друг другу в глаза, словно стараясь прочесть мысли другого. Но первым отвел взор Дэнетор.

— Да... — произнес он, будто отвечая на какой-то вопрос. — Говорят, что палантиры утрачены, но правители Гондора по-прежнему видят дальше и знают больше других. Прошу садиться.

Слуги принесли стулья, маленький столик и серебряный поднос с кувшином вина, кубками и закусками. Пиппин уселся, но украдкой поглядывал на старого правителя и чувствовал себя неловко. Ему чудилось, будто, помянув палантиры, Дэнетор косится на него со странным блеском в глазах.

— Ну, мой рыцарь, — не то ласково, не то насмешливо промолвил Дэнетор. — Теперь повелеваю тебе начать рассказ. Я всегда рад послушать друга моего сына.

До конца дней будет помниться Пиппину этот час, когда он, ежась под пронизывающим взглядом старца, отвечал на неожиданные, сбивающие с толку вопросы и при этом постоянно ощущал настороженное внимание Гэндальфа. Хоббит уже вконец обессилен, но тут Дэнетор ударил в гонг.

«Ну и разговорчик вышел, — подумал Пиппин. — После такого не худо бы умять три завтрака подряд».

— Отведите почтенного Митрандира в отведенные ему покои, — повелел правитель. — Его спутник может пока поселиться с ним, но теперь он воин Гондора, ибо принес нам обет верности. Ему можно доверить пароли малого круга. Его имя Перегрин, сын Паладина. Всем военачальникам быть у меня в три часа. Приходи и ты, Митрандир, — добавил Дэнетор. — Приходи, когда захочешь. Ты будешь допущен в любое время, кроме кратких часов моего сна. И не гневайся на старика; с годами разум слабеет.

— Только не твой! — возразил Гэндальф. — Уж ты-то не впадешь в слабоумие, пока жив. Думаешь, я не понял, зачем тебе битый час терзать расспросами того, кто знает меньше всего, хотя

рядом сижу я?

— Вот и прекрасно, что понял, — усмехнулся правитель. — Глупо из пустой гордыни отказываться от совета и помощи в час великой нужды. Однако ты раздаешь советы по своим замыслам, каковые мне неведомы, а правитель Гондора никогда не станет орудием в чужих руках, пусть даже достойных. У меня цель одна — благо Гондора. Дела Гондора — мои дела, и ничьи больше, во всяком случае, покуда не вернется король.

— Покуда не вернется король... — задумчиво повторил маг. — Ну что ж, достопочтенный наместник, храни королевство до этого дня, в наступление которого ныне мало кто верит. В том я окажу тебе любую помощь, какую ты соблаговолишь принять. И знай — не мое дело править народами, большими или малыми, и уж паче того превращать кого-то в свое орудие. Но ныне в опасности все, что есть доброго в мире и прекрасного, а это моя забота. И если хоть что-нибудь переживет надвигающуюся ночь и грядущим днем сможет цвести и плодоносить, я буду считать, что справился со своей задачей, пусть даже Гондор падет. Ты хранишь королевство, это так, но я ведь тоже Хранитель. Ты об этом не знал?

Гэндальф повернулся и направился к выходу. Пиппин семенил рядом. Молча они вышли из зала, пересекли двор с фонтаном и, сделав несколько поворотов, подошли к дому у северной стены цитадели. По широкой винтовой лестнице гостей ввели в просторный покой, задрапированный гладкими тканями цвета тусклого золота. Всю обстановку составляли лишь маленький стол, скамья и два стула, но в двух занавешенных альковах по обе стороны комнаты находились застланные кровати. На скамье гостей поджидали тазы и кувшины для умывания. Три высоких стрельчатых окна смотрели на север, в сторону Эмин-Мюил и Рэроса. Чтобы выглянуть в одно из них и увидеть все еще подернутую дымкой излучину Андуина, Пиппину пришлось залезть на скамью.

— Ты ведь не сердишься на меня, Гэндальф? — спросил хоббит, едва провожатый вышел и закрыл за собой дверь. — Я старался, сделал все, что мог...

— Вот уж точно! — неожиданно рассмеявшись, маг встал рядом с Пиппином, положил руку ему на плечо и тоже выглянул в окно.

Пиппин с удивлением посмотрел на лицо мага: поначалу

глубокие морщины показались ему следами забот и печалей, но потом хоббит понял, что Гэндальф действительно смеется, хуже того, сдерживается, чтобы не расхохотаться на все королевство.

— Ты и впрямь сделал все, что мог, — повторил маг. — Надеюсь, тебе не скоро доведется снова попасть между молотом и наковальней. Вот только кто из нас молот — он или я? Но все же Дэнетор узнал от тебя больше, чем тебе кажется. Он понял, что раз после Мории отряд вел не Боромир, среди вас был некто еще более высокого рода. А ты обмолвился и о том, что этот некто владеет прославленным мечом. В Гондоре придают большое значение преданиям старины, а с тех пор, как ушел Боромир, правитель ни на миг не забывал о словах пророчества.

Дэнетор не похож на других, Пиппин. Родословная его цветиста и запутанна, но в нем самом говорит чистая кровь дальних предков, нуменорцев. В нем и в его сыне Фарамире. Боромир, старший и любимый сын, был иным.

Дэнетор дальновиден. Мудрость и прозорливость позволяют ему проникать в чужие помыслы даже на расстоянии. Обмануть его трудно, а пытаться сделать это — опасно. Помни о том, ведь ты принес обет и принят на службу. Не знаю, что на тебя нашло, но сделано было от чистого сердца. Я не стал вмешиваться, порой сердце бывает мудрее разума. Дэнетора это позабавило, и, по-моему, тронуло. Во всяком случае, теперь ты волен разгуливать по всему Минас-Тириту когда свободен от службы. Но будь осторожен — отныне ты подчиняешься ему, и он об этом не забудет.

Маг глубоко вздохнул.

— С другой стороны, нет нужды особо задумываться о том, что принесет завтрашний день. Всяко ясно, что он будет хуже сегодняшнего, и тут уж я ничего не могу поделать. Фигуры расставлены, игра началась. Но одной важной фигуры я пока не вижу — Фарамира. Он теперь наследник Дэнетора. Вроде бы его нет в городе, но разузнать точнее я пока не успел. Ладно, Пиппин, мне пора идти. Постараюсь узнать побольше на совете военачальников. Но Враг уже сделал первый ход, скоро игра пойдет вовсю, и пешки будут участвовать в ней наравне со всеми прочими. Так что остри свой клинок, Перегрин, сын Паладина, воин Гондора.

Гэндальф направился к двери, но уже у порога обернулся.

— Пиппин, прошу тебя об одолжении. Я тороплюсь, так что когда соберешься пройтись, а ежели не слишком устал, так прямо сейчас, поищи Светозара да проследи, чтобы его устроили как следует. Люди здесь добрые, к животным относятся хорошо, да только, боюсь, в конях ничего не смыслят.

Гэндальф вышел, и едва за ним закрылась дверь, колокол на башне цитадели пробил три раза. Прокатился и стих серебристый звон. С восхода солнца прошло три часа.

Пиппин спустился по лестнице и, выйдя на улицу, огляделся по сторонам. Солнце пригревало, дома и башни отбрасывали четкие тени. На фоне голубого неба вырисовывалась величественная гора Миндоллуин, в снежном плаще и ледяном шлеме. По улице шли вооруженные люди, видимо, звон колоколов служил сигналом к смене караула.

— По-нашему, по-хоббитански, сейчас десять утра, — пробормотал Пиппин себе под нос. — Самое время для хорошего завтрака. Вот бы перекусить где-нибудь на солнышке. Интересно, все эти воины, они уже завтракали? А коли завтракали, так где и когда собираются обедать?

Заметив одинокого воина в черном с серебряным шитьем облачении, Пиппин собрался было обратиться к нему, но этого не потребовалось. Воин сам подошел к хоббиту.

— Ты ведь Перегрин, хафлинг? — спросил он и, не дожидаясь ответа, добавил: — Мне сказали, что ты принес клятву правителю и городу. Добро пожаловать! — Пиппин пожал протянутую руку, и воин представился: — Меня зовут Берегонд, сын Баранора. Я сегодня не в карауле, и мне велено сообщить тебе пароли и помочь освоиться. Спрашивай о чем хочешь. Ну а мне любопытно будет послушать про страну полуростков: у нас о таком народе и в преданиях-то почти ничего не сказано. А ты вдобавок еще и друг Митрандира. Ты хорошо его знаешь?

— Вроде бы и неплохо, — ответил Пиппин. — Всю жизнь, хоть она и недолгая. К тому же я проделал с ним долгий путь. Но ведь он... он целая книга, в которой мне довелось прочесть разве что пару страниц. Сдается мне, из всего нашего Дружества только Арагорн знал его как следует.

— Арагорн? — заинтересовался Берегонд. — А он кто такой?

— Он... — не сразу нашелся Пиппин. — Так, один человек, который тоже путешествовал с нами. Думаю, он сейчас в Рохане.

— А ты и в Рохане был? Расскажи, а? Ведь мы только на рохирримов и надеемся, ежели у нас вообще может быть надежда. Но извини, я насел на тебя со своими вопросами, а мне было велено отвечать на твои. Что бы ты хотел узнать?

— Э... — замялся Пиппин, — вообще-то... по правде сказать, мне хотелось бы узнать насчет завтрака. Ну, когда у вас завтракают и все такое. Есть у вас тут трактир, харчевня или еще что-то в этом роде — я как ни смотрел, ничего не приметил. А пока мы ехали, я всю дорогу надеялся: вот уж доберусь до города, там разживусь и пивком, и снедью.

Берегонд посмотрел на него с уважением.

— Сразу видно бывалого воина, — сказал он. — Наши, которые в походы ходят, тоже первым делом заботятся насчет еды и питья. Сам-то я, правда, не хаживал... так ты что ж, сегодня не ел?

— По правде сказать, ел, — ответил Пиппин. — Правитель угощал меня, но зато я целый час напролет отвечал на его вопросы, а это, знаешь ли, дело нелегкое и сытости не прибавляет.

Берегонд рассмеялся.

— У нас говорят, что за столом и маленькие люди могут вершить великие дела, и ты, как я погляжу, не уступишь в этом ни одному из воинов цитадели. Но мы находимся в крепости, время нынче военное, так что о трактирах забудь. У нас каждый встает до рассвета, получает свой паек и отправляется на службу... — заметив, что Пиппин прямо-таки спал с лица, Берегонд добавил: — Да не пугайся ты, едим мы и в полдень, и по вечерам, ближе к закату. А у кого особо тяжелые обязанности, тем и кормежка положена особая. Ты-то как раз из таких. Пойдем, раздобудем что-нибудь в кладовой, а потом поднимемся на стену, подкрепимся и полюбуемся прекрасным утром.

Неожиданно Пиппин покраснел.

— Погоди, — смущенно пробормотал он. — Я с голодухи совсем позабыл про важное дело. Гэндальф, по-вашему Митрандир, просил меня приглядеть за Светозаром. Это великий роханский скакун, сам тамошний король берег его как зеницу ока и уступил только Митрандиру. По-моему, нынешний хозяин любит и чтит его

поболе многих двуногих, и коли в вашем городе уважают Митрандира, Светозару подобает должная забота и внимание. Все равно что хоббиту.

— Хоббиту? — не понял Берегонд.

— Так называет себя мой народ, — пояснил Пиппин.

— Рад узнать. Должен сказать, непривычный выговор ничуть не вредит учтивой речи, а хоббиты, как я понял, народ учтивый. Но пойдем. Ты познакомишь меня с этим добрым конем. Я люблю животных, но мы редко видим их в своем каменном городе. Мои предки пришли из горных долин, а раньше жили в Итилиэне. Давай заглянем на конюшню, а уж потом — в кладовую. Не унывай!

Пиппин нашел коня устроенным и обихоженным как должно, ибо в шестом ярусе, за стенами Цитадели, рядом с домами гонцов находились конюшни с превосходными стойлами. Правда, сейчас там не было ни одного коня, кроме Светозара.

Завидя Пиппина, роханский скакун заржал и потянулся к нему мордой.

— Доброе утро, — приветствовал его хоббит. — Гэндальф заглянет к тебе, как только выкроит время. Он очень занят, но просил меня передать тебе привет и проследить, чтобы ты смог как следует отдохнуть после долгих трудов.

— Выглядит он так, будто рвется в путь, — заметил Берегонд. — Ну и силища, ну и стать! Представляю себе, как богата и прекрасна его сбруя.

— Достойной сбруи во всем свете не сыщешь, — отозвался хоббит. — Они с Митрандиром и так обходятся. Друга он понесет по доброй воле и поймет с полуслова, а коли не захочет, так никто на него не сядет, и ни узда, ни стремяна тут не помогут. Ну пока, Светозар. Не скучай, жди Гэндальфа, а мне надо идти, готовиться к битве.

Конь заржал так, что стены конюшни содрогнулись, а хоббит и гондорец зажали уши. Потом они ушли, не преминув удостовериться, что ясли полны до краев.

— Ну, теперь прямым ходом к нашей кормушке, — заявил Берегонд.

Вышли к северной стороне башни, спустились по длинной прохладной лестнице и очутились в широком освещенном коридоре. По обе стороны тянулись двери, одна из которых оказалась открытой.

— Это кладовая моего отряда стражи, — пояснил Берегонд и, заглянув внутрь, позвал: — Эй, Таргон! Я знаю, что пришел не вовремя, но у меня случай особый. Новый воин, которого правитель только сегодня принял на службу, проделал долгий путь, да и с утра успел основательно потрудиться. Раздобудь чего-нибудь посытнее.

От щедрот Таргона Пиппин и Берегонд разжились хлебом, маслом, сыром, сморщенными, но еще сладкими яблоками из последних зимних запасов и кожаной флягой свежего пива. Все это добро, в придачу к деревянным мискам и кубкам, сложили в плетеную корзину и взобрались на восточную стену, где светило солнышко и откуда открывался прекрасный вид.

За едой и питьем вели разговор то о Гондоре и его обычаях, то о Хоббитании и иных дальних землях, какие довелось повидать Пиппину. Чем дольше длилась беседа, тем с большим изумлением и почтением посматривал Берегонд на хоббита. А тот безмятежно болтал ногами, сидя на каменной скамье, и порой поднимался на цыпочки, чтобы заглянуть за парапет.

— Не стану скрывать, мастер Перегрин, — сказал наконец Берегонд, — поначалу-то я решил, что наш правитель просто завел себе благородного пажа, как, по слухам, было в обычае у древних королей. С первого взгляда тебя можно принять за нашего паренька лет этак десяти, а повидать тебе довелось больше, чем иным седовласым. Ты уж прости мое недомыслие.

— Прощаю! — отмахнулся Пиппин. — Тем паче, не так уж ты и ошибся. По хоббитанским меркам я и вправду чуть старше мальчишки и, как у нас говорят, «войду в возраст» только через четыре года. Но хватит обо мне. Расскажи-ка лучше про все эти земли.

Солнце поднялось уже высоко, и туманы в долине рассеялись. Крепнувший восточный ветер уносил прочь последние белесые клочья и полоскал знамена на цитадели. Далеко внизу, на краю долины, виднелась серая лента Великой Реки. Делая изгиб к юго-западу, она терялась в мареве окоема, а где-то дальше, лигах в пятидесяти, лежало Море.

Взору открывался весь Пеленнор. Пиппин различал вдали пятнышки усадеб, амбары, овины, даже черточки изгородей, но ни единой коровы или еще какой животины не приметил. Дороги и тропы, во множестве пересекавшие зеленые поля, отнюдь не пустовали. Одни подводы тянулись к городу, другие выезжали им навстречу. То и дело к Великим Вратам подлетал всадник. Самым оживленным был главный тракт, поворачивавший к югу еще круче, чем Река, и пропадавший из виду за отрогами гор. Вдоль восточной обочины, под стеной, тянулась зеленая полоса, предназначенная для верховых, скакавших в обоих направлениях, но сама мощеная дорога казалась забитой груженными повозками. Приглядевшись, Пиппин понял, что движутся подводы в строгом порядке. Ближе к восточному краю быстро катили запряженные лошадьми телеги, посередине бычьи упряжки медленно тащили тяжелые возы, а у западной обочины с натугой толкали перед собой ручные тележки пешие. Все направлялись на юг.

— Эта дорога ведет к долинам Тумладен и Лоссарнах, за которыми Лебеннин, — пояснил Берегонд. — Уходят последние беженцы, старики да женщины с малыми детишками. До полудня все они должны отойти от Ворот на лигу — таков приказ. Это печальная необходимость, — он вздохнул. — Многим из них уже никогда не свидеться с близкими. В городе и раньше-то детей было немного, а теперь почти не осталось. Правда, некоторые, постарше, которых можно приставить к какому-нибудь делу, сами не захотели уходить. Мой сын тоже остался.

Пиппин с тревогой посмотрел на восток, словно ожидая, что оттуда вот-вот хлынут орочьи орды, а потом спросил:

— Что это там? Никак другой город?

— Одни развалины, — отвечал Берегонд. — Это Осгилиат, город, лежавший по обеим сторонам Реки, бывшая столица Гондора. Враги захватили его и разорили давным-давно, но во дни юности Дэнетора наши отбили руины, конечно, не для того, чтобы там жить, но чтобы устроить форпост. А потом из Минас-Моргула нагрянули гнусные Всадники.

— Черные Всадники? — переспросил Пиппин, и глаза его расширились от вновь пробудившегося страха.

— Да, черные, — отозвался Берегонд. — Ты, я вижу, и о них

что-то знаешь. А в рассказах своих ни разу не помянул.

— Знать-то знаю, — чуть ли не шепотом произнес Пиппин. — Но поминать не хочу, особенно сейчас, так близко, так близко от...

Он осекся, отвел глаза от Реки, и ему показалось, что взор заполнила чудовищная грозная тень. Возможно, то были горы, очертания которых трудно различить с расстояния в двадцать лиг, возможно, там просто клубились тучи, но хоббиту увиденное вдруг представилось сплошной стеной мрака, который становился все плотнее и гуще. И стена эта, пусть медленно, очень медленно, но росла, затеняя лежавшие под солнцем земли.

— Так близко от Мордора, — спокойно закончил за хоббита Берегонд. — Да, ты смотришь как раз в ту сторону. Мы редко называем эту страну по имени, но Тень видим постоянно. Иногда она слабее и дальше, иногда мрачнее и ближе, а теперь, сам видишь, высока и черна, а потому черны наши думы и сердца полны тревоги. Меньше года назад Всадники захватили переправы, и наших при этом полегло без счета. Правда, Боромиру — это его заслуга — удалось выбить врагов с западного берега. Пока мы удерживаем почти половину Осгилиата, но именно там и ожидаем основного удара. Может быть, главного в предстоящей войне.

— А когда все начнется? — спросил Пиппин. — Как ты думаешь? Прошлой ночью я видел сигнальные огни и гонцов. Гэндальф сказал, что это означает войну, и отчаянно сюда торопился. А здесь я никакой спешки не вижу.

— Это потому, что у нас все готово, — пояснил Берегонд. — Затишье перед бурей, только и всего.

— А почему тогда прошлой ночью зажгли огни?

— Так ведь поздно посылать за подмогой, когда город уже в осаде. Но мне, конечно, неведомы планы правителя и его полководцев. Есть разные способы собирать сведения. А Дэнетор, он не такой, как все: прозорливость его выше человеческого разума. Поговаривают, будто запершись по ночам в Башне, в своем высоком покое, он прозревает грядущее и порой даже борется силой мысли с Врагом. Потому-то он и состарился до поры. К тому же, возможно, поступило какое-то сообщение от Фарамира. Он сейчас далеко, послан за Реку с важным заданием. Ну и, наконец, вечером пришло тревожное известие из Лебеннина: к устью Андуина приближается

большой флот, ведомый корсарами Умбара. Они больше не страшатся могущества Гондора, вступили в союз с Врагом и теперь готовят нападение. А это значит, что нам не стоит рассчитывать на помощь из Лебеннина и Белфаласа; народ там крепкий и многочисленный, но тамошним жителям придется оборонять свои дома. Вот и выходит, что надежда у нас только на Рохан. Тем более радостна для нас весть о победе рохирримов, та, что принес ты.

И все же, — Берегонд помолчал и окинул взглядом окрестности. — И все же случившееся в Айсенгарде должно остеречь нас: похоже, мы опутаны коварными Вражьими сетями. Грабежи, набеги, стыки у бродов, вылазки в Анориэне и Итилиэне — все это не так уж важно. Похоже, начинается великая, давно задуманная война, и мы, что бы ни говорила нам гордость, не единственная, а может быть, и не главная цель Врага. Огромные силы пришли в движение и на востоке, за Внутренним морем, и на севере, в Лихолесье, и на юге, в Хараде. Все народы, все страны подвергнутся испытанию — устоят они или падут... перед Тенью. Однако, достойнейший Перегрин, нам выпала высокая честь навлечь на себя самую страшную ненависть Темного Властелина, ибо истоки этой ненависти теряются в глубинах времени и в глубинах Моря. Самой яростной атаки следует ждать здесь. Вот почему спешил сюда Митрандир. Ведь если падем мы, кто устоит? Скажи, Перегрин, а у тебя есть хоть малейшая надежда, что нам удастся выстоять?

Пиппин не ответил. Он смотрел на белые стены, башни, развевающиеся знамена и солнце в небе, но не мог забыть сгущавшейся на востоке Тьмы и невольно думал о длинных, расползавшихся повсюду щупальцах Тени, об орках в лесах и горах, о предательстве Айсенгарда, о птицах-доносчиках, о Черных Всадниках, добравшихся аж до Хоббитании, о крылатом ужасе — назгулах. Последняя мысль заставила его содрогнуться. Надежда угасла, а в следующий миг, кажется, померкло на миг и солнце, словно затененное черным крылом. Издалека, с небесной вышины, донесся едва слышный, но все равно леденящий сердце, жестокий и холодный вой. Хоббит побледнел и привалился к стене.

— Что это было? — спросил Берегонд. — Я тоже почувствовал...

— Тень судьбы, — пробормотал Пиппин. — Черный Всадник на крыльях.

— Да, это Тень судьбы, — повторил за хоббитом гондорец. — У меня кровь стынет в жилах. Боюсь, Минас-Тирит обречен.

Некоторое время оба сидели молча, уныло склонив головы. Но когда Пиппин поднял глаза и увидел по-прежнему ясное солнце и развевающиеся на ветру знамена, он встрепенулся.

— Нет, — заявил хоббит. — Я не поддамся отчаянию. Вот Гэндальф на моих глазах в пропасть канул, а ведь вернулся и теперь с нами. Небось устоим, хоть бы и на одной ноге.

— Верно сказано! — воскликнул Берегонд, вскочив на ноги. — Гондор пока еще не погиб. Наши стены падут разве что после того, как вровень с ними вырастут валы из вражеских трупов. Но у нас есть другие крепости и тайные ходы, что ведут в горы. Надежда и память все равно будут жить в какой-нибудь укромной зеленой долине.

— Но по мне, — заметил Пиппин, — чем бы все ни кончилось, лишь бы побыстрее. Я ведь, по правде, никакой не воин, мне и думать-то о битвах не хочется, а сидеть и ждать, когда от меня ничего не зависит, и вовсе неумогу. Как долго тянется этот день! Ждать и ждать — просто невыносимо. Полагаю, кабы не Гэндальф, в Рохане так и ждали бы невесть чего.

— Тут ты в точку попал, — кивнул Берегонд. — У нас многие чувствуют то же самое. Но погоди, вот вернется Фарамир, и все, может быть, переменится. Он отважен, куда отважнее, чем кажется многим. Нынче мало кто верит, что человек сведущий и в пении искусный может быть доблестным воителем, но Фарамир как раз таков. Он не столь горяч и порывист, как Боромир, но ничуть не менее решителен. Однако, — на лице Берегонда появилось сомнение, — с Фарамиром ли, нет ли — что мы сможем сделать? Штурмовать Мордор нам не по силам, только и остается, что ответить ударом на удар. Но наши руки крепки, и ответный удар будет тяжел.

Гондорец схватился за рукоять меча. При одной мысли о битве в глазах его появился воинственный блеск. Глядя на горделивого и статного, как все люди, встреченные им в этой стране, воина, Пиппин с тоской подумал, что его-то рука легче перышка.

«Пешка, — припомнил он слова Гэндальфа. — Пешка и есть, да еще и не на то место поставленная».

Когда солнце достигло зенита, зазвенел полуденный колокол. Крепость словно ожила: все, кроме оставшихся на часах, собирались к обеду.

— Пойдем со мной, — предложил Берегонд. — Пообедаешь сегодня с нашим отрядом. Возможно, правитель оставит тебя при себе, но пока ты еще никуда не причислен, так что тебе все равно. Мы примем тебя с радостью, да и ты, наверное, не прочь завести новых знакомых, пока еще есть время.

— Пойдем, — с готовностью согласился хоббит. — По правде сказать, мне тут одиноко. Мой лучший друг остался в Рохане, так что, не будь тебя, и поговорить было бы не с кем. Слушай, а может, ты возьмешь меня в свой отряд? Или хоть замолвишь словечко?

— Такие дела решают командиры, — рассмеялся Берегонд, — а я всего-навсего рядовой воин третьего отряда цитадели. Правда, в городе наша служба считается весьма почетной.

— Тогда, боюсь, это не для меня, — промолвил Пиппин. — Знаешь, давай сначала заглянем ко мне, а если Гэндальф не вернулся, я пойду с тобой... как гость.

Гэндальфа в покоях не оказалось, и Берегонд отвел хоббита в расположение третьего отряда, где Пиппину оказали самый радушный прием. В крепости все у всех на виду: слухи о прибытии Митрандира и о его долгой беседе с Дэнетором уже облетели всю цитадель. Поговаривали, будто маг привез с собой князя загадочной страны полуростков, что где-то на севере, и этот князь готов заключить союз с Гондором и выставить пять тысяч мечей. Вот-вот подойдет роханское войско — утверждали иные — и каждый из рохирримов везет с собой в седле по хафлингу, низкорослому, но свирепому и неукротимому в бою.

Эти вселяющие надежду слухи Пиппин, хотя и с сожалением, опроверг, но отделаться от княжеского титула ему не удалось. По мнению воинов, друг Боромира, удостоенный аудиенции у правителя, являлся весьма знатной особой. Его благодарили за приезд, угощали от всей души, а рассказы о дальних странах и приключениях слушали с таким интересом, что хоббиту постоянно приходилось напоминать себе о предостережении Гэндальфа и «следить за языком».

Обед закончился. Поднявшись, Берегонд сообщил хоббиту, что ему, как и его товарищам, пора на службу так что им придется

расстаться.

— Чтобы не скучать, — посоветовал воин, — отыщи моего сынишку, пусть он покажет тебе город. Его зовут Бергил, а найти его можно в Нижнем Круге, там теперь все ребятишки, которые остались в городе. Спустишься туда, спроси старый постоялый двор, что на улице Фонарщиков. А мне стоять в карауле у Великих Врат.

День выдался погожий, для марта, пожалуй, и жарковатый, хотя стало немного облачно. Пиппина клонило в сон, но возвращаться в пустую комнату не хотелось, и он решил последовать совету Берегонда, хотя первым делом наведалься на конюшню и угостил Светозара прихваченными с обеда лакомствами. Конь принял угощение с благодарностью, хотя нехватки в корме у него не было. Потом хоббит двинулся вниз по извилистым улочкам.

Люди глазели на него с любопытством, но вели себя учтиво и приветствовали на гондорский манер — склоняя голову и прикладывая руки к груди. Однако позади он слышал возгласы: люди высовывались из окон и призывали соседей взглянуть на «князя полуростков». Не все говорили на Общем Наречии, но что значат слова «Эрнил-и-Перианнат», хоббит усвоил очень быстро и понял, что титул прилип к нему намертво.

Наконец по множеству переходов и улиц он спустился в нижний, самый широкий круг, и ему показали улицу Фонарщиков, которая, как выяснилось, вела к самым Великим Вратам. Не составило труда и отыскать старый постоялый двор — огромное строение из выветренного серого камня. Два крыла здания выходили к улице, фасад с широкой, обрамленной колоннадой, лестницей находился в глубине. На зеленой лужайке перед домом играли мальчишки — первые дети, которых увидел Пиппин в Минас-Тирите. Стоило хоббиту остановиться, чтобы поглядеть на них, как один бойкий малец тут же припустил через лужайку ему навстречу.

— Привет, — сказал паренек, озирая хоббита с головы до пят. — Ты откуда? Чужой?

— Был, — ответил Пиппин. — Но теперь я вроде как воин Гондора.

— Да брось, — рассмеялся мальчуган. — Коли так, мы все тут воины. А лет тебе сколько, а звать как? Мне уже десять, и я скоро дорасту до пяти локтей. Мой отец в Страже служит, он там выше

всех. А твой кто?

— Уж не знаю, на какой вопрос отвечать, — улыбнулся хоббит. — Мой отец хозяйствует на земле близ Тукборо, в Хоббитании. Лет мне двадцать девять, так что я чуток постарше тебя, а вот роста во мне всего четыре локтя, и больше я не вымахаяю, разве что вширь раздамся.

— Двадцать девять! — присвистнул малец. — Так ты же совсем старый, как мой дядюшка Йорлас. А все равно — спорим, я могу тебя на лопатки положить или хоть на уши поставить.

— Смочь-то сможешь, — усмехнулся Пиппин, — если я разрешу. А может статься, что и сам на уши встанешь. Знаешь, в моей маленькой стране есть всякие хитрые приемчики. А там, позволь тебе сообщить, я считаюсь очень большим и сильным и отроду не позволял никому ставить меня на уши. Вот вырастешь, повзрослеешь, тогда поймешь, что не все таковы, какими кажутся с виду. Ты принял меня за хилого недомерка, а я грозный отважный хафлинг, с каким лучше не связываться. У-у!

Пиппин скорчил такую страшную рожу, что парнишка невольно отшатнулся, но тут же выправился и сжал кулаки.

— Да нет! — покатился со смеху хоббит. — Не всякому слову верь: мало ли что наболтает о себе чужеземец. Я не драчун. Но уж если ты решил бросить мне вызов, то не мешало бы первым делом представиться.

— Я Бергил, сын Берегонда из третьего отряда Стражи, — горделиво приосанившись, ответил мальчик.

— Так я и думал, — промолвил Пиппин. — Уж больно ты на отца похож. Как раз к тебе он меня и послал.

— Чего же ты сразу не сказал! — воскликнул Бергил, но неожиданно побледнел. — Только не говори, что он решил отослать меня с девчонками. Нет, последние подводы уже ушли...

— Ничего такого он говорить не наказывал, — успокоил Пиппин. — Тебе велено показать чужеземцу город. А я взамен мог бы рассказать тебе о дальних краях.

Бергил захлопал в ладоши и с облегчением рассмеялся.

— Вот здорово! — воскликнул он. — Пойдем! Мы как раз

собирались к воротам. Пошли с нами.

— А что там такого?

— До заката по Южной Дороге должны пройти вожди наших дальних земель. Пойдем, всех их и увидишь.

Бергил оказался превосходным товарищем, пожалуй, лучшим, какой попадался Пиппину с тех пор, как он расстался с Мерри. Вскоре они уже вовсю болтали и смеялись, позабыв о разнице в возрасте и не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Однако у ворот Пиппин необычайно возвысился в глазах мальчугана, ибо стоило ему назвать свое имя и пароль, как его не только пропустили наружу, но и разрешили взять с собой Бергила.

— Красотища! — восхитился тот. — Теперь-то мы все увидим. А то ведь нам, мальчишкам, нынче не разрешают выходить за ворота без старших.

Перед воротами, на мощеной площади, куда сходились все ведущие в Минас-Тириг дороги, собралась немалая толпа. Едва Пиппин с Бергилем успели протиснуться вперед, как взревели трубы и послышались приветственные восклицания:

— Форлонг! Форлонг!

— Чего это они? — спросил хоббит.

— Форлонг явился, — пояснил мальчуган. — Старый Форлонг Толстяк, владетель Лоссарнаха... это там, где мой дедуля живет. Ура, вот и он! Славный старина Форлонг!

Во главе колонны неспешно выступал здоровенный тяжеловес, а на нем восседал грузный широкоплечий человек, уже немолодой, седобородый, но в кольчуге, черном шлеме и с увесистым копьем. За ним, ряд за рядом, шли покрытые дорожной пылью, но отлично снаряженные воины с огромными боевыми топорами. Все как на подбор суровые и кряжистые, они были заметно смуглее жителей города.

— Истинный друг! Верное сердце! — восклицали в толпе, но когда колонна прошла, послышались и иные, разочарованные голоса.

— Как их мало! Всего-то две сотни, а мы ждали в десять раз больше! Все из-за Черного Флота — Форлонгу пришлось оставить большую часть своих людей дома. Ну да ладно, у нас каждый ратник

на счету.

Отряд за отрядом проходили в ворота. Верные своему долгу жители южных провинций выступили на защиту города, но их было слишком мало, меньше, чем ждали, и гораздо меньше, чем требовалось. Дерворин, сын правителя долины Рингло, привел три сотни пехотинцев. Высокий Дуинир и два его сына — Дуилин и Деруфин — возглавляли ополчение взгорий Мортонда и долины Черных Корней, состоявшее из пятисот лучников. Из Анфаласа, с самого побережья, пришли пастухи, охотники и хуторяне, вооруженные чем попало — доспехи имели лишь малочисленные дружинники их вождя Голасгила. У горцев Ламедона — всего-то горстка — не было даже предводителя. Рыбаки Этира прислали всех, кого смогли снять с кораблей: таких набралось несколько сот. Хилурин Прекрасный с зеленых холмов Пиннат-Гелин ехал во главе трехсот отважных воинов в зеленом. Последней шла рать знатнейшего из всех, Имрахила, князя Дол-Амрота, родича Дэнетора. За горделивыми позолоченными знаменами со знаками Ладьи и Серебряного Лебедя следовал отряд рыцарей в полном вооружении на мышастых жеребцах и семь сотен рослых, сероглазых, темноволосых воинов. Эти шли с песней.

В город вошло меньше трех тысяч человек, и ждать больше было некого.

Топот, пение и приветственные возгласы смолкли в отдалении. Любопытствующие постояли еще немного и начали расходиться. Ветер утих, в неподвижном воздухе висела поднятая сотнями ног пыль. Красное солнце склонялось за Миндоллуин, и на город ложилась тень. Близилось время закрытия Врат.

Пиппин поднял глаза, и ему показалось, что небо стало пепельно-серым, словно и его заволокло пылью. На западе угрюмо багровели последние отблески заката, и Миндоллуин казался грозным черным исполином в огненном плаще.

— День был чуден, а ночь обещает беду, — пробормотал Пиппин, совсем позабыв, что рядом стоит парнишка.

— Верно, — подхватил тот. — Мне точно достанется, коли я не вернусь до закатного колокола. Пошли! Слышишь трубу? Это сигнал к закрытию ворот.

В город вошли последними, а когда добрались до улицы

Фонарщиков, повсюду уже звонили колокола, а в окнах зажигались огни.

— До свидания, — попрощался Бергил. — Кланяйся от меня отцу, скажи, что я благодарю его за славную компанию. И обязательно приходи снова, я буду ждать. Теперь мне почти хочется, чтобы войны не было, уж мы бы тогда с тобой повеселились. Наведались бы в Лоссарнах, к дедушке, там по весне раздолье. Но ничего, мы еще туда попадем. Нашего правителя им нипочем не одолеть, да и отец у меня наипервейший храбрец. Ну, пока. До встречи.

Они расстались, и Пиппин поспешил в цитадель. Обратный путь показался ему очень долгим, хоббит устал и основательно проголодался. Быстро темнело, но на небе не проглянуло еще ни одной звезды. К ужину Пиппин опоздал, но Берегонд добыл для него снеди, усадил рядом с собой и принялся расспрашивать о сыне — повидать мальчика удавалось нечасто. Однако хоббит расслаиваться не стал: на сердце у него отчего-то сделалось пасмурно и захотелось поскорее разыскать Гэндальфа.

— Дорогу-то найдешь? — спросил Берегонд, когда Пиппин собрался уходить. — На улице хоть глаз выколи; вдобавок нынче вышел приказ не зажигать огней на улицах и стенах. Да, и еще, как раз тебя касается. Завтра с утра тебе велено явиться к правителю. В третьем отряде тебе, по всему видно, не служить, но, может быть, еще свидимся. Прощай, Перегрин, доброй ночи!

Когда Пиппин добрался-таки до своей комнаты, там было почти темно — лишь на столе горела крохотная лампадка. Гэндальф отсутствовал, отчего хоббиту сделалось совсем тоскливо. Он забрался было на скамью, чтобы поглазеть в окошко, но с таким же успехом мог бы смотреть в чернильницу. Притворив ставни, хоббит лег на кровать, некоторое время прислушивался, не идет ли Гэндальф, но в конце концов забылся тревожным сном.

Разбудил его свет, пробивавшийся даже сквозь занавес. На столе ярко горели свечи, были разложены какие-то свитки, а Гэндальф мерил ногами комнату, бормоча под нос:

— Фарамир, когда же вернется Фарамир?

— Привет, — сказал хоббит, выглянув из-за занавески. — Рад тебя видеть, а то думал, ты и вовсе про меня позабыл. Долгий сегодня

был день.

— Зато ночь слишком коротка, — буркнул Гэндальф. — Я пришел сюда, потому что мне нужно побыть одному и подумать. Не мешай, лучше спи, пока есть возможность. На рассвете я отведу тебя к Дэнетору. Впрочем, о чем я, какой рассвет? Рассвета не будет, пришло время Тьмы.

Глава 2.

СЕРАЯ ДРУЖИНА

Едва стих топот копыт и Светозар унес в ночь Гэндальфа с Пиппином, Мерри вернулся к Арагорну. Собрать было нечего: котомки своей он лишился у Парт-Галена, а несколько полезных вещей, прихваченных из Айсенгарда, всегда держал при себе в маленьком узелке. Хасуфел уже стоял под седлом, Леголас и Гимли ждали сигнала тронуться в путь возле своего коня.

— Итак, из нашего отряда осталось четверо, — сказал Арагорн. — Мы будем держаться вместе, но дальше поедem не одни, как я думал прежде. После этого крылатого ужаса король решил выступать без промедления, чтобы вернуться к холмам под покровом ночи.

— А куда потом? — спросил Леголас.

— Пока сказать не берусь. Тейоден назначил сбор войск в Эдорасе на четвертую ночь считая от нынешней. Туда он и отправится, а там, как я думаю, его будут ждать вести о войне. Всадники Рохана двинутся к Минас-Тирит. Что же до меня и тех, кто захочет пойти со мной...

— Я с тобой, — заявил Леголас.

— И я тоже, — поддержал Гимли.

— ...Так вот, наш путь темен, — продолжил Арагорн. — Нам тоже нужно в Минас-Тирит, но как мы туда попадем, я еще не решил. Надо подумать.

— Мне бы тоже с вами, — промолвил Мерри. — Конечно, проку от меня маловато, но неохота, знаешь ли, мешаться попусту под ногами у занятых людей. Конникам не до меня, хотя король и сказал, что, когда вернется домой, я непременно должен буду рассказать ему про Хоббитанию.

— Вот видишь, — сказал Арагорн, — стало быть, тебе прямой резон идти с ним. Но, боюсь, Тейодену не скоро выпадет случай спокойно посидеть в Медусельде и послушать твои байки. Многим

надеждам суждено увянуть этой горькой весной.

Вскоре все уже сидели верхом: Тейоден, двадцать два конника свиты, Леголас с Гимли позади и Арагорн с Мерри. Скакали быстро, в темноте миновали курганы у бродов Айсена, но тут неожиданно замыкавший отряд всадник пустил коня в галоп и поравнялся с королем.

— Государь, — промолвил он, — позади нас верховые. Еще у бродов мне показалось, что сзади слышен конский топот, а теперь сомнения нет. Нас догоняют.

Тейоден приказал остановиться, и отряд изготовился к бою. Арагорн ссадил Мерри на землю, обнажил меч и встал рядом с королем. Эймер и его оруженосец отъехали назад, чтобы в случае окружения охранять короля с тыла. Каждый знал, что ему делать, отчего Мерри еще пуще прежнего ощутил свою полнейшую никчемность. В голову лезла всякая дурь — а что ежели королевский эскорт перебыют, а он улизнет и останется один в бескрайних степях Рохана?

— Чему быть, того не миновать, — решил хоббит, затянул потуже пояс и обнажил клинок.

Теперь уже все явственно слышали конский топот, а когда заходившая луна выплыла из-за скрывавшего ее облака, стали видны быстро приближавшиеся со стороны бродов темные фигуры. Лунный свет поблескивал на наконечниках копий. Сосчитать преследователей было трудно, но их отряд по меньшей мере не уступал числом королевскому.

— Стой! — зычно крикнул Эймер, когда незнакомцы приблизились шагов на пятьдесят. — Кто вы такие и что привело вас в Рохан?

Чужаки мигом осадили коней. В наступившей тишине один из них спешил и медленно двинулся вперед, подняв в знак мирных намерений руку с раскрытой ладонью. Но воины Тейодена не опустили оружия.

Не дойдя шагов десяти, человек остановился. Он был высок ростом и голос его звучал ясно.

— Рохан? Правильно ли я расслышал? Это слово радует мой слух. Мы искали эту землю, спешили сюда издалека.

— Вы вступили в пределы Рохана, как только пересекли брод, — молвил Эймер. — Здесь правит король Тейоден, и никто не вправе разъезжать по его земле без его дозволения. Итак, кто ты такой, почему спешил сюда и что здесь ищешь?

— Мое имя Хальбарад, я Следопыт с севера, — отвечал незнакомец, — а ищу я Арагорна. До нас дошли слухи, что он в Рохане.

— И ты нашел его! — вскричал Арагорн.

Бросив поводья Мерри, он устремился навстречу новоприбывшему и заключил его в объятия.

— Хальбарад, друг Хальбарад! Вот уж нечаянная и воистину счастливая встреча.

Мерри вздохнул с облегчением. Он-то боялся, что это какая-то последняя пакость Сарумана, и совсем приготовился отдать жизнь за Тейодена, но коли с геройской гибелью можно повременить — оно и к лучшему.

— Все в порядке! — крикнул Арагорн, обернувшись к королю. — Это мои сородичи из той страны, где я жил. Ну а сколько их и что их сюда привело, расскажет мой верный друг Хальбарад.

— Со мной тридцать человек, все, кого удалось быстро собрать, — сообщил Хальбарад. — К нам присоединились Элладан и Эллохир, сыновья Элронда. Узнав, что тебе нужна помощь, мы выступили немедленно и скакали быстро, как могли.

— Но я не посылал за подмогой, — удивился Арагорн, — хотя и нуждался в ней. Мысленно я частенько обращался к вам, хоть бы и сегодня вечером, но никаких вестей не слал. Однако подождем с вопросами. Нам грозит опасность, и мы очень торопимся. Поедем вместе, если государь позволит.

Дозволить Тейоден, разумеется, дозволил, и с немалым удовольствием.

— Если эти твои сородичи хоть чем-то похожи на тебя, доблестный Арагорн, — молвил король, — то тридцать Следопытов могут стоять целого войска.

Объединенный отряд двинулся дальше. Некоторое время Арагорн ехал рядом с дунадэями, расспрашивая их о делах на

севере. Потом Эллохир сказал ему:

— Отец наказал передать тебе следующее: «Время торопит. Если не хочешь опоздать, вспомни о Стезе Мертвецов».

— Время подгоняет меня всю жизнь, ибо цель моя высока, а дни слишком коротки, — вздохнул Арагорн. — Но лишь крайняя нужда может заставить меня избрать такой путь.

— Подумать придется, — отозвался Эллохир. — Но всяко не сейчас, посреди дороги.

Арагорн кивнул, помолчал, потом обратился к Хальбараду.

— Что это у тебя? — вместо копья Следопыт держал высокий штандарт в черном, оплетенном ремнями чехле.

— Дар Девы из Разлога, — отвечал тот. — Плод ее долгих тайных трудов. Она просила передать его тебе со словами: «Час настал. Ныне решается судьба нашей надежды. Прими предназначенное тебе, Элессар».

— Да, — кивнул Арагорн. — Я знаю, что это. Пусть останется пока у тебя.

Он обернулся, взгляделся в северный небосклон, усыпанный яркими звездами, и дальше поскакал молча.

К тому времени, когда достигли Горнбурга, небо на востоке уже серело в преддверии рассвета. Порешили прилечь, отдохнуть, а потом устроить совет.

Мерри спал как убитый до тех пор, пока его не растормошили Леголас и Гимли.

— Вставай, лежебока, — смеялись они. — Солнце уже высоко, все давно на ногах. Пойдем, мы покажем тебе окрестности.

— Три дня назад тут разыгралось сражение, — сказал Гимли. — Мы с Леголасом состязались, и я таки переиграл его на одного орка. Пошли, глянешь, где это было. А еще тут рядом пещеры, Мерри, полные чудес пещеры. Может, заглянем туда прямо сейчас, а, Леголас?

— Нет времени, — откликнулся эльф. — Не дело любоваться чудесами наспех. Скоро полдень, мы только и успеем, что поесть, а

там снова в дорогу.

Мерри поднялся, потягиваясь и зевая. Он не выспался; Пиппина, всегда умевшего поднять настроение, рядом не было, и хоббит снова почувствовал себя ненужным. Все при деле, строят какие-то непонятные планы, а он...

— Где Арагорн? — спросил Мерри, чтобы отвлечься от невеселых дум.

— Наверху, в башне, — отвечал Леголас. — Уже несколько часов как сидит там со своим родичем Хальбарадом, а нам сказал, что ему нужно подумать. Сдается мне, спать он так и не ложился.

— Чудной народ эти северяне, — заметил Гимли. — Суровые, крепкие как камень, вроде нашего Арагорна, но мрачноватые. Слова лишнего не обронят. Роханские конники рядом с ними кажутся шаловливыми юнцами.

— Они больше молчат, — согласился Леголас, — но коли говорят, то учтиво, как и Арагорн. Но вот Элладана и Эллохира никак мрачными не назовешь, они и снаряжены иначе, и держатся по-иному. Ведь это сыновья Элронда из Разлога.

— А вы узнали, почему они появились? — спросил Мерри.

Он уже оделся, набросил на плечи серый плащ, и все трое направились к разбитым воротам.

— Ты же слышал, откликнулись на призыв о помощи, — напомнил Гимли. — Оказывается, в Разлог прислали весточку: «Арагорн нуждается в подмоге. Пусть дунадэйны скачут в Рохан». Но кто ее передал и как, это, похоже, и самим Следопытам невдомек. По мне, тут не обошлось без Гэндальфа.

— Нет! — покачал головой Леголас. — Это Галадриэль. Разве не она сообщила через Гэндальфа о Серой Дружине с севера? Помните?

— Ты прав, — согласился Гимли. — Владычица Леса. Она многое прочла в наших сердцах и мыслях. И почему мы с тобой не подумали о том, чтобы позвать на подмогу наших сородичей, а, Леголас?

Стоявший в воротах эльф обратил взор на северо-восток, и его прекрасное лицо омрачила тревога.

— Не думаю, чтобы они откликнулись, — промолвил он. — Им

нет нужды идти на войну: она сама пришла к ним.

Друзья прошли за ворота, припоминая перипетии недавней битвы, и показали Мерри курганы, упокоившие павших рохирримов, а дальше, за валом, обширные проплешины вытоптанной хуорнами травы. Примерно в лиге от вала угрюмо чернело Мертвое Холмище. Всюду кипела работа: пленные горцы под началом воинов Горнбурга приводили в порядок порушенные укрепления, но эльфу и гному, помнившим неистовый грохот битвы, долина казалась на удивление тихой. Гуляли недолго, а как только вернулись назад, Тейоден подозвал Мерри и усадил рядом с собой.

— Конечно, я предпочел бы принять тебя в Эдорасе, в своем Чертоге, — сказал король. — Но, боюсь, по возвращении в Медусельд нам будет не до пиршеств. Так что угостимся и поговорим сейчас. А потом в дорогу. Поедем вместе.

— Вместе?! — обрадованно воскликнул хоббит, донельзя благодарный королю за ласковые слова. — Вот здорово! Правда, — уныло добавил он, — я всем только мешаю. Но я постараюсь не быть обузой.

— Ничуть в этом не сомневаюсь, — улыбнулся Тейоден. — Я велел подобрать для тебя подходящего коня: мы поедем в Эдорас горными тропами, мимо наших убежищ, где меня дожидается Эйовин, а на такой дороге пони не уступит любому скакуну. Ну а чтобы ты не скучал без дела и не считал себя лишним, я предлагаю тебе службу. Хочешь стать моим оруженосцем?

— Еще бы! — восхитился Мерри.

— Вот и отлично. Эйомер, — обратился король к племяннику, — нового королевского оруженосца не мешало бы подобающе вооружить.

Эйомер с сомнением покачал головой.

— Здесь нет больших складов оружия, государь. Легкий шлем мы, пожалуй, подберем, но чтобы найти кольчугу по росту и подходящий меч, это едва ли.

— Меч у меня есть, — сказал Мерри, извлекая из черных ножен маленький яркий клинок. Затем, поддавшись внезапному, идущему из самого сердца порыву, он опустил на одно колено, припал губами к руке старого короля и взволнованно промолвил:

— Государь, Мериадок Брендибак из Хоббитании кладет к твоим ногам свой меч и свою жизнь. Прими их, как и мою верность, если будет на то твоя воля.

— Принимаю охотно, — Тейоден благословляющим жестом возложил старческую руку на голову хоббита и возгласил: — Встань, Мериадок, воин Рохана, оруженосец Медусельда. Да сопутствует удача твоему доброму мечу.

— Ты стал мне как отец, государь, — растроганно проговорил Мерри.

— Боюсь только, что ненадолго, — печально откликнулся Тейоден.

Обед подходил к концу, когда к королю обратился Эйомер.

— Государь, скоро уж пора выступать. Я готов дать сигнал, но где же Арагорн? За столом он так и не появился.

— Собираемся, — решил Тейоден. — Пусть найдут Арагорна и напомнят ему о скором отъезде.

Сопровождаемый свитой, к которой теперь принадлежал Мерри, король вышел на луг, где его дожидались воины. Многие уже сидели в седлах. Отряд насчитывал немало клинков: войскам Рохана предстояло собраться в Эдорасе, и в крепости остался лишь маленький гарнизон. Тысяча копейщиков ушла еще ночью, но сопровождать короля предстояло пяти сотням воинов — большей частью из числа ополченцев Вестфольда.

Следопыты держались особняком, чуть в стороне от рохирримов. Темно-серые плащи скрывали их доспехи, поверх шлемов были накинuty капюшоны. Вооружение составляли мечи, луки и копья. На оружии и конской сбруе не имелось никаких украшений: ни серебра, ни золота, ни самоцветов; лишь на левом плече каждого из северян красовалась скреплявшая плащ серебристая застежка в виде многолучевой звезды. Могучие скакуны дунадэйнов ростом и горделивой статью походили на роханских, но шерсть их была не такой шелковистой. Один конь стоял без седока: сородичи привели с севера Рогерина, собственного коня Арагорна.

Снежногривый уже перебирал копытами под Тейоденом, а Мерри взобрался на своего пони, которого звали Стибба, когда из

ворот вышли Эймер, Арагорн, Хальбарад, несший древко в черном чехле, а с ними двое неразлично похожих друг на друга воинов в сверкающих кольчугах и серебристых плащах. Высокие, темноволосые, сероглазые сыновья Элронда были чарующе прекрасны, хотя никто не мог определить по их лицам, юноши это или зрелые мужи. За ними следовали Леголас и Гимли. Но Мерри смотрел только на Арагорна, смотрел и дивился произошедшей в нем перемене. За одну неполную ночь он словно постарел на много лет. Его мрачное, осунувшееся лицо выдавало смертельную усталость.

— У меня беспокойно на сердце, государь, — молвил он, приблизившись к Тейодену. — Я слышал странные слова и увидел новую грозную опасность. Нелегкие раздумья терзают меня, боюсь, мои планы придется изменить. Скажи, когда ты рассчитываешь прибыть в Дунхар?

— Прошел уже час после полудня, — ответил за короля Эймер. — Коли выступим немедленно, так достигнем убежища на третий вечер. А на следующий день состоится объявленный государем сбор ополчения. Если мы хотим собрать все силы Рохана, быстрее не получится.

— Три дня... — пробормотал Арагорн, словно размышляя вслух... — Войска только начнут собираться и... И вправду, быстрее никак не получится, — он поднял глаза, и теперь лицо его выражало твердую решимость. — Тогда, государь, нам придется расстаться. С твоего позволения я поеду дальше со своими сородичами. Поеду открыто, мы не будем больше таиться. Мне нужно попасть на восток кратчайшим путем, и этот путь — Стезя Мертвецов.

— Стезя Мертвецов?! — с дрожью в голосе переспросил Тейоден. Эймер промолчал, но Мерри показалось, что глаза сенешаля расширились от изумления, а слышавшие эти слова конники побледнели. — Стезя Мертвецов... — король, похоже, был совершенно ошеломлен. — Мы слышали про этот путь, но знаем также, что пройти им не удавалось никому из смертных.

— О, Арагорн, друг мой, — печально произнес Эймер. — Я надеялся, что мы с тобой бок о бок сразимся с нашими недругами, но коли ты избрал Стезю Мертвецов, нам суждено распрощаться, и едва ли мы свидимся под этим солнцем.

— Я сделал свой выбор, — твердо заявил Арагорн. — Но верь

мне, Эймер, нам еще доведется побывать вместе в бою, пусть даже между нами встанут все полчища Мордора.

— Ты волен поступать по-своему, Арагорн, — сказал Тейоден. — Быть может, тебе и вправду дано пройти неведомыми, недоступными для других путями. Не стану скрывать, разлука меня печалит, тем паче что без тебя и твоей славной дружины силы наши уменьшатся. Но коли так, я тем более должен поспешить. Прощай!

— Прощай, государь, — поклонился Арагорн, — да увенчает твой путь великая слава! Прощай, Мерри! Мы оставляем тебя в надежных руках, о лучшем и мечтать не приходится. Леголас и Гимли отправляются со мной, но мы будем о тебе помнить. Прощай.

— До свидания! — только и смог пролепетать Мерри.

Других слов у него не нашлось. К горлу подступил ком, он чувствовал себя маленьким и одиноким. Ему было жаль расставаться с друзьями, мрачные, загадочные слова нагоняли страх, а всегда умевшего приободрить и разогнать тоску Пиппина рядом не было. Роханские кони нетерпеливо перебирали копытами, и хоббиту хотелось покончить с тягостным прощанием и поскорее пуститься в дорогу.

Впрочем, дожидаться пришлось недолго. Тейоден отдал приказ, Эймер взмахнул рукой, и королевский отряд двинулся вперед. Выехав за вал, конники поскакали по дороге, забиравшей к востоку. Около лиги она тянулась вдоль подножий холмов, потом свернула на юг.

Арагорн долго глядел вслед королю.

— Я расстался с дорогими моему сердцу друзьями, Хальбард, — промолвил он, — и самый маленький из них значит для меня не меньше других. Ему неведомо, что ждет его впереди, но знай он самое страшное, все равно не повернул бы назад.

— Мне ли не знать славный народец из Хоббитании? — кивнул Хальбард. — Про таких, как они, и говорят: «Мал золотник да дорог». Я немало потрудился, охраняя рубежи Хоббитании, и не их вина, что им это неведомо.

— Судьбы наши сплетены воедино, — задумчиво произнес Арагорн, — но делать общее дело приходится порознь. Ладно, нам тоже не мешает поторопиться. Я только перекушу, и в дорогу.

Леголас, Гимли — мне надо с вами поговорить.

Они вернулись в Горнбург, сели за стол, однако Арагорн долго не начинал обещанного разговора. Наконец Леголас прервал затянувшееся молчание.

— Успокойся, Арагорн, прогони омрачающую тебя тень, — молвил эльф. — Что с тобой? Мы вернулись в крепость перед рассветом, так что же случилось за это время?

— Мне довелось выдержать битву пострашнее, чем у Хельмовых Врат, — отвечал Арагорн. — Я заглянул в камень Ортханка, друзья мои.

— Как?! — со страхом и изумлением воскликнул Гимли. — Заглянул в этот проклятый камень! Да ведь даже Гэндальф, сам Гэндальф опасался этого! Ты сказал что-нибудь... Ему?

— Ты забываешь, с кем говоришь! — глаза Арагорна сверкнули. — Разве я уже не провозгласил открыто свой титул? Что я мог сказать Ему?! — он помолчал и продолжил уже мягче. — Нет, друг Гимли, я не выдал никаких тайн. Камень принадлежит мне, и я решил, что имею право и силу его использовать. Насчет права спора быть не может, а вот сил... сил мне едва достало, — Арагорн глубоко вздохнул и покачал головой. — Борьба была страшной, я не скоро оправлюсь, но Он не услышал от меня ни слова, и более того, мне удалось подчинить камень своей воле. Уже одно это для Него удар. И еще — Он видел меня. Да, Гимли, видел, но не в том обличье, которое знаешь ты. Было ли это моей ошибкой... не думаю. Узнать, что я существую, что хожу по земле — это второй удар, пожалуй, тяжелее первого. В глазах Сарумана в Ортханке я был всего лишь одним из воинов в роханских доспехах, но Саурон не забыл ни Исилдура, ни меча Элендила. И вот ныне, в тот час, когда он приступил к исполнению своих гнусных замыслов, перед ним предстает наследник Исилдура и показывает ему заново откованный, слишком памятный для него клинок. Могущество его велико, однако еще не настолько, чтобы ему стал неведом страх. И его беспрестанно терзают сомнения.

— Но все же он очень силен, — заметил Гимли, — и теперь, конечно же, поспешит нанести свой удар.

— Поспешный удар часто проходит мимо цели, — указал Арагорн. — К тому же мы не станем ждать, а постараемся опередить

его. Дело в том, что, подчинив камень своей воле, я многое узнал. Гондору грозит новая опасность: с юга надвигаются Вражьи рати, а это неизбежно отвлечет силы от обороны города. Если не предотвратить угрозу, Минас-Тирит не продержится и десяти дней.

— Значит, все пропало, — вздохнул Гимли. — Нам некого послать на подмогу, да и какая помощь поспела бы туда вовремя?

— Послать некого, — согласился Арагорн. — Значит, я должен отправиться туда сам. Что же до времени... Есть только один путь, которым можно добраться до побережья, прежде чем все будет кончено. И этот путь — Стезя Мертвецов.

— Стезя Мертвецов, — угрюмо повторил гном. — Звучит не очень-то обнадеживающе, вот и роханцам, как я приметил, эти слова пришлись не по вкусу. Под силу ли смертному пройти этой дорогой? А если ты все же пройдешь и проведешь нас, как сможем мы столь малыми силами сдержать натиск Мордора?

— Смертные не ступали на этот путь со времен прихода рохирримов, — промолвил Арагорн, — для них он закрыт. Но в темный роковой час наследник Исилдура может одолеть его... если ему достанет решимости. Послушайте, вот что передал мне через своих сыновей Элронд из Разлога, превыше всех искушенный в премудрости: «Пусть Арагорн помнит о словах Провидца и Стезе Мертвецов».

— А ты знаешь, что это за слова? — спросил Леголас.

— Да. Малбет-Провидец во дни Арведуи, последнего короля Форноста, изрек:

Злая мгла облегла всю землю —
Тьмой крылатой объята от заката и до восхода.
Врата града рухнут; враг попирает
Королей могилы. Сила Мертвых восстанет
Во искупление клятвопреступления:
Эхом у камня Эреха всех созывает
Рог, трубящий в отрогах горных.
Кто же трубит, призывая забытых
В сумраке сером, всех умерших?
Тому королю наследник, кому они присягали.
Ибо судьба неизбежна — он к Морю пробьется
По Стезе Мертвецов отсюда...

— По мне, так смысл этого пророчества еще темнее, чем путь, о котором там говорится, — проворчал Гимли.

— Хочешь постигнуть его, так пойдем со мной, — сказал Арагорн. — Я избрал этот путь, хотя и без радости, по суровой нужде. И с собой могу взять лишь тех, кто последует за мной по доброй воле, ибо их ждут тяжкие труды и великий страх, а может, и нечто худшее.

— Если надо, я пойду Стезей Мертвецов, куда бы она ни привела, — заверил Гимли.

— Я тоже пойду, — спокойно сказал Леголас. — Меня не страшат мертвые.

— Надеюсь, эти забытые не позабыли, как сражаться, — буркнул гном. — Иначе непонятно, чего ради их беспокоить.

— Это мы узнаем, если доберемся до Эреха, — промолвил Арагорн. — Некогда эти люди поклялись сражаться против Саурана, и им придется сражаться, чтобы исполнить нарушенную клятву. На вершине Эреха и по сей день стоит Черный камень, доставленный Исилдуром, как говорят, из Нуменора. Когда создавалось королевство Гондор, на этом камне король горцев принес обет верности моему предку. Саурон вернулся, мощь его возросла, и Исилдур призвал горцев на помощь. Но они не откликнулись, ибо уже поддались Вражьим чарам и склонились к Тьме. И тогда Исилдур сказал королю: «Ты последний король своего народа. Запад сильнее Темного Властелина, а на тебя и твоих подданных я налагаю великое проклятие — не знать вам покоя отныне и до того дня, когда клятва ваша будет исполнена. Ибо война эта продлится несчетные годы и в конце ее вы будете призваны снова».

Устрашась гнева Исилдура, горцы не осмеливались выступить на стороне Саурана. Они укрылись в далеких тайных убежищах, где медленно хирели и угасали, пока вовсе не исчезли с лица земли. Другие народы более их не видели. Но проклятие Исилдура не утратило своей силы. Ужас Бессонных Мертвецов и поныне лежит на холме Эрах, где некогда обитало племя изменников. И я должен пройти дорогой ужаса, ибо нуждаюсь в помощи и не могу получить ее от живущих.

Арагорн выхватил меч, и в полумраке трапезной Горнбурга обнаженный клинок сверкнул, словно молния.

— К камню Эреха! — воскликнул воитель. — Я пройду Стезей Мертвецов! Хотите — так следуйте за мной.

Ничего не ответив, эльф и гном встали из-за стола и вышли за Арагорном на луг, где уже дожидалась молчаливая Серая Дружина. Леголас сел верхом и помог взобраться на коня Гимли. Арагорн вскочил на Рогерина. Хальбарад протрубил в большой рог, по Хельмовой расщелине прокатилось гулкое эхо, и кони Следопытов понеслись вскачь, провожаемые взглядами остававшихся в крепости роханцев.

Пока воинство Тейодена неспешно двигалось по горным дорогам, Серая Дружина вихрем пронеслась по долине, и к полудню следующего дня Следопыты уже прибыли в Эдорас. После недолгого отдыха продолжили путь и, прежде чем пала тьма, добрались до роханских горных убежищ.

Эйовин радостно приветствовала гостей. Дунадэйны и сыны Элронда восхищали всех своей мужественной статью, но сама дева почти не отрывала взгляда от Арагорна. За ужином он поведал ей обо всем случившемся после отъезда Тейодена: о победе у Хельмовых Врат, полном разгроме Сарумана и намечавшемся великом сборе роханского ополчения. Глаза Эйовин светились от радости.

— Вы все устали, — сказала наконец Эйовин. — Я не ждала вас и не подготовила приема, достойного столь славных воителей. На отдых придется разместиться наспех, но завтра я исправлю свою оплошность и воздам должную честь героям.

— В том нет нужды, — возразил Арагорн. — Постели и завтрак — вот все, что нам требуется, ибо мы едем по срочному, неотложному делу и будем в седлах с первым лучом рассвета.

— Коли так, — с улыбкой промолвила Эйовин, — спасибо, что ты приехал издалека лишь затем, чтобы порадовать меня новостями.

— Чтобы порадовать тебя, стоит проделать и более долгий путь, — учтиво ответил Арагорн. — Но не стану лукавить, только ради этого я бы сюда не приехал. Я просто следовал своей дорогой.

— Но тогда ты сбился с пути, — нахмурилась дева. — Здесь вокруг горы, и ни на восток, ни на юг дороги нет. Тебе придется

вернуться в Эдорас.

— Нет, — покачал головой Арагорн. — С пути меня сбить не так-то просто, ибо я странствовал по этим землям задолго до того, как ты осчастливила их своей красотой. Дорога есть. Завтра я поеду Стезей Мертвецов.

Лицо девушки покрылось мертвенной бледностью. Изумленная и испуганная, она не сразу решилась заговорить.

— Но зачем, Арагорн? Неужели твое срочное дело сводится к тому, чтобы поскорее найти смерть? Ничего другого ты на той дороге не встретишь. Мертвые не пропускают живых.

— Меня, может быть, и пропустят. В любом случае я должен попытаться, другого выхода нет.

— Но это безумие! Столько славных воителей, доблестных героев — неужто вы канете во мрак вместо того, чтобы сразиться с врагом? У нас каждый воин на счету! Не лучше ли тебе и твоей дружине соединиться с войсками моего брата, тогда наша надежда воссияла бы еще ярче.

— Это не безумие, Эйовин, это веление судьбы. Я иду путем, что мне предначертан. Остальные следуют за мной по доброй воле: любой свободен вернуться в Эдорас и сражаться плечом к плечу с рохирримами. Но я отправляюсь Стезей Мертвецов, даже если придется идти одному.

Ужин доедали в молчании. Больше Эйовин не вымолвила ни слова и лишь не сводила с Арагорна потемневших от горя глаз. Окликнула она его лишь тогда, когда он уже стоял на пороге отведенного ему, Гимли и Леголасу шатра.

Он обернулся и увидел ее мерцающее в ночи белое платье.

— Арагорн, — спросила она, — почему ты выбрал этот ужасный путь?

— Потому что другого мне не дано. Только он сулит малую надежду на победу. Я не ищу опасностей ради них самих, Эйовин. Будь у меня возможность следовать зову своего сердца, я был бы сейчас далеко на севере, в прекрасной долине Разлога.

Некоторое время девушка молчала, словно размышляя о значении последних слов, а потом неожиданно положила руку на его

плечо.

— Ты отважен и непреклонен. Именно таких и осеняет слава, — она снова умолкла, но спустя несколько мгновений продолжила: — Раз ты сделал свой выбор и берешь с собой добровольцев, возьми и меня. Мне надоело прятаться в горах, я хочу вступить в бой и встретить опасность лицом к лицу.

— Но долг повелевает тебе остаться с твоим народом, — возразил Арагорн.

— Мне слишком часто напоминают о долге! — воскликнула Эйовин. — Но разве в моих жилах не течет кровь Эйорла? Я воительница, а не сиделка! Долгие годы мне приходилось заботиться о немощном старце, но теперь Тейоден вновь обрел силу, так почему же я не вправе устраивать жизнь по-своему?

— Никто не отнимает у тебя этого права, — сказал Арагорн, — но жизнь надлежит устраивать с честью. На тебя пала обязанность управлять людьми. Король мог остановить свой выбор на ком-нибудь из сенешалей Марки, и разве хоть один из них покинул бы вверенный ему народ, даже сочтя, что это занятие не для воина?

— Неужели выбор всегда будет останавливаться на мне? — в голосе девушки звучала неподдельная горечь. — Неужели мне суждено всю жизнь присматривать за домом, пока всадники добывают себе славу, готовить еду и стелить постели к их возвращению?

— Возможно, — печально произнес Арагорн, — скоро настанет день, когда не вернется никто. Возможно, твоя доблесть станет последней надеждой укрывшихся здесь. И доблесть останется доблестью, даже если некому будет воздать хвалу принявшим последний бой на пороге дома.

— Все твои слова сводятся к одному, — пылко возразила Эйовин. — «Ты — женщина, и твое место дома, а когда воины падут с честью на поле брани, ты можешь сгореть вместе с домом, который им больше не нужен». Но я из Дома Эйорла, я не служанка. Конем и оружием я владею не хуже любого воина и не боюсь ни боли, ни смерти.

— Тогда чего ты боишься?

— Клетки! — воскликнула девушка. — Я боюсь просидеть за ее

прутьями всю жизнь, пока старость не отнимет у меня последнюю надежду совершить подвиг.

— Ты жаждешь подвига и в то же время пытаешься отговорить меня от опасной дороги, — покачал головой Арагорн.

— Я никогда не посмела бы советовать доблестному мужу избегать опасности, — возразила Эйовин. — Потому и призываю тебя отправиться на войну, туда, где твой меч поможет нам стяжать победу и славу. Отважному надлежит быть там, где его ждут.

— Я тоже так думаю, — согласился Арагорн. — Потому ты и должна остаться здесь. Тебе нечего делать на юге.

— Так же, как и твоим соратникам, — вздохнула она. — Они идут лишь потому, что не желают расставаться с тобой, потому что любят тебя! — с этими словами дева повернулась и скрылась в ночи.

Солнце еще не поднялось над горными кряжами востока, а Арагорн уже был готов к отъезду. Серая Дружина сидела в седлах и ее вождь сам собирался вскочить на коня, когда появилась Эйовин. На сей раз она была в доспехах, на поясе — меч, в руках — кубок. По роханскому обычаю она отпила глоток, желая уходящим удачи, и подала кубок Арагорну.

— Прощай, княжна Рохана, — молвил тот, пригубив вина. — Я пью за счастье Дома Эйорла и всего твоего народа. Передай брату: мы еще встретимся с ним, пройдя сквозь тени.

Леголас и Гимли, восхищавшиеся горделивым самообладанием красавицы, с удивлением заметили подступившие к ее глазам слезы.

— Так ты не возьмешь меня с собой? — спросила она.

— Нет, — решительно отвечал Арагорн. — Я не могу сделать это без согласия короля и твоего брата. Они не вернутся до завтрашнего дня, а мне дорог каждый час, каждая минута. Прощай!

— Прошу тебя! — воскликнула девушка, упав на колени.

— Нет! — повторил Арагорн.

Он бережно поднял ее, поцеловал ей руку, вскочил в седло и, не оглядываясь, поскакал прочь. Лишь ехавшие рядом с ним видели, что в глазах его стояла боль.

Бессильно уронив руки, Эйовин провожала его взглядом, пока

отряд не скрылся в мрачной тени Горы Призраков, где находились Врата Мертвых. Потом она повернулась и, спотыкаясь, будто слепая, вернулась в свое жилище. Никто в лагере не видел этого прощания, а когда поутру люди узнали, что странные чужаки ушли, многие вздохнули с облегчением.

— И без того времена нелегкие, — говорили некоторые. — Не нужны нам здесь ни эльфы, ни те, которые им сродни. Приспичило им во мрак, пусть и идут, а нас оставят в покое.

Дружина скакала в сером сумраке, ибо солнце еще не поднялось над черневшим впереди горным кряжем. Чем дальше продвигались меж обрамлявшими подступы к Темной Двери древними стоячими камнями, тем чаще сердца сковывал необъяснимый страх. Наконец оказались в лощине, поросшей черными деревьями, от вида которых поежился даже Леголас. Прямо на пути, словно перст судьбы, высилась мрачная скала.

— У меня кровь стынет в жилах, — пробормотал Гимли. Остальные промолчали. Голос гнома прозвучал глухо, как будто слова поглотила устилавшая землю черная хвоя. Кони артачились, и чтобы обойти испускавшую леденящие волны ужаса скалу, всадникам пришлось спешиться и взять животных под уздцы. За скалой ущелье упиралось в отвесную каменную стену, посреди которой, словно отверстый зев самой ночи, зияла Темная Дверь. Над широкой аркой были высечены смутно различимые изображения, а от самого черного провала веяло таким страхом, что люди невольно остановились. Но Леголас оставался совершенно спокойным — тени умерших ничуть его не пугали.

— Недобрая дверь, — молвил Хальбарад. — Чую, за ней затаилась моя смерть. Я-то все равно войду, но коня не уломать...

— Мы должны войти все, и люди, и кони, — решительно заявил Арагорн. — Даже если мы пройдем сквозь эту тьму, останется преодолеть многие лиги. Каждый потерянный час приближает торжество Саурана. За мной!

Он двинулся вперед, и явленная им сила воли была столь велика, что дунадэйны и их кони последовали за ним. Любовь к хозяевам заставила скакунов преодолеть страх, но Арод, конь из Рохана, не мог сдвинуться с места. Его била дрожь, на шелковистой шкуре выступил пот. Тогда Леголас закрыл ему глаза руками и тихонько пропел на

ухо несколько слов. Дрожь унялась, и Арод неуверенно пошел за эльфом. Позади остался один Гимли. Колени его тряслись, ноги не повиновались.

— Неслыханно! — вскричал он, гневаясь на самого себя. — Чтобы гном не отваживался спуститься под землю, куда не колеблясь вошел эльф! — Гимли собрал все силы и, хотя ему казалось, что ноги его налились свинцом, как в омут бросился в ужасный проем. Он ступил за порог, и его, бесстрашно блуждавшего по глубочайшим пещерам мира, мгновенно обволокла жуткая непроглядная тьма.

Впрочем, вскоре тьма несколько поредела. Спутники захватили с собой факелы, и теперь Арагорн шагал впереди, высоко подняв один из них. Замыкал шествие, тоже с факелом в руке, Элладан. Отставший Гимли пытался нагнать его. Он не видел ничего, кроме маячившего впереди тусклого пятна света, а когда отряд останавливался, ему чудился непрерывный негромкий ропот, глухие отзвуки голосов, бормотавших странные слова на языке, неведомом никому из живущих.

На пути не встречалось никаких препятствий, однако чем дальше шел гном, тем сильнее становился его страх. Он чувствовал, что повернуть уже невозможно, ибо позади, во мраке, собираются и следуют за Серой Дружиной незримые грозные рати.

Гимли уже потерял счет времени, когда случилось то, что впоследствии он предпочитал не вспоминать. И без того широкий проход расширился еще больше, стены пропали из виду, накативший на гнома ужас едва не лишил его способности двигаться. Слева, во мраке, что-то блеснуло. Арагорн остановился, а потом направился туда.

— Неужто он вовсе ничего не боится? — пробормотал гном.

В любой другой пещере Гимли, сын Глоина, первым устремился бы на блеск золота, но только не здесь! Даже если там горы сокровищ, пусть себе лежат, где положены. Ему они не нужны!

Тем не менее гном подступил ближе и увидел, что Элладан держит в руках оба факела, а Арагорн опустился на колени над распростертыми на камнях останками могучего воина. Тот лежал ничком, голову покрывал великолепный шлем, вызолоченную кольчугу перехватывал золотой пояс со вставками из гранатов. Воздух подземелья был сух, и ржа не тронула роскошных доспехов.

Вглядевшись, гном понял, что воин лежит перед закрытой каменной дверью. Рядом валялся меч, зазубренный, словно им пытались рубить скалу.

Так и не прикоснувшись к клинку, Арагорн встал, вздохнул и негромко произнес:

— Никогда, до скончания времен, не распустятся здесь цветы симбельмейна. Девять и еще семь курганов покрылись зеленой травой за те годы, что пролежал он здесь, у закрытой двери. Куда ведет она? Зачем он хотел войти? Никто никогда этого не узнает, — неожиданно он обернулся и, словно обращаясь к бормочущей позади тьме, воскликнул: — Но я пришел сюда не за этим. Храните и дальше свои сокровища, погребенные в Проклятой Горе. Мне нужна только быстрота. Пропустите нас и следуйте за нами. Я призываю вас к Камню Эреха!

Ответом ему была тишина, более ужасающая, чем невнятный шепот.

Внезапный порыв ледяного ветра заставил факелы затрепетать и погаснуть: разжечь их снова так и не удалось. Дальнейшего пути — далек ли он был, долго ли длился — гном почти не запомнил. Гимли ковылял позади дружины, а сзади надвигалось что-то немыслимо жуткое. Ему чудились приглушенные шаги несчетного множества ног. Случайно споткнувшись, он пополз дальше на четвереньках, как зверь, теряя остатки воли и уже почти не понимая, бежать ли вперед или броситься назад, в кромешное небытие.

И вдруг в тот миг, когда жуть сделалась неодолимой, Гимли слышал журчанье воды. Забрезжил свет, показалась широкая арка, и отряд вышел на поверхность. Впереди лежала дорога, круто спускавшаяся вниз между утесами и нырявшая на дно ущелья, такого глубокого, что небо казалось по-ночному темным, и на нем тускло мерцали маленькие звезды. Однако, как узнал гном потом, оставалось еще два часа до заката того же самого дня, когда они покинули лагерь рохирримов в Дунхаре. Впрочем, гном все равно был уверен, что идет в сумерках — сумерках иного года, а возможно, и иного мира.

Дружина снова уселась в седла, и Гимли занял место позади Леголаса. Скакали безостановочно до глубокого вечера, но даже когда пали самые настоящие синие сумерки, страх все еще следовал позади.

Леголас и Гимли ехали ближе к хвосту колонны. Позади них держался Элладан, последний в цепочке, но один из первейших на стезе чести.

Леголас обернулся, и Гимли увидел огромные, яркие и совершенно спокойные глаза эльфа.

— Мертвые следуют за нами, — молвил Леголас. — Я вижу людские тени, бледные знамена, похожие на клочья облаков, и лес копий, как зимние заросли в туманную ночь. Мертвые следуют за нами.

— Да, — подтвердил Элладан. — Мертвые движутся позади. Они вняли призыву.

Внезапно ущелье оборвалось: перед ними расстиралось широкое плато, а долго сопровождавший их ручей с холодным звоном сбегал вниз по каменистым уступам.

— Что это за край? — поинтересовался Гимли.

— Мы в долине Мортонда, большой, холодной реки что впадает в Море, омывающее стены Дол-Амрота. Люди зовут ее Черный Корень — думаю, нет надобности объяснять, почему.

Местность шла под уклон. Солнце село, все вокруг казалось серым, а далеко внизу светились огни в домах людей. Земля эта была плодородной и обжитой.

Придержав коня, Арагорн возвысил голос так, чтобы его могли слышать все, от первого до последнего в строю.

— Друзья! Забудьте об усталости! Скачите во весь опор! Нам нужно поспеть к Камню Эреха до ночи, а путь еще долг!

Дружина промчалась по горным лугам, пересекла переброшенный через стремительный поток мост и выехала на дорогу, спускавшуюся в долину. Когда всадники поравнялись с первыми домами, там уже позакрывали двери и погасили огни. Люди прятались кто куда, а застигнутые в поле бросали работу и разбегались, как преследуемые охотниками олени.

— Король Мертвых! — раздавались в ночи истошные крики. — Король Мертвых!

Неистово звонили колокола, все живое бежало перед Арагорном, но Серая Дружина неслась мимо всполошенных селений, пока кони

не стали спотыкаться от усталости. Еще до полуночи, в сгустившейся тьме, что была под стать пещерной, отряд достиг холма Эрех.

Вокруг лежали пустые земли, ибо древний страх перед мертвыми не позволял людям возделывать их. На вершине покоился вросший в почву черный каменный шар высотой в человеческий рост. Его неземной вид заставлял многих верить, будто он упал с неба, хотя знатоки старинных преданий утверждали иное — его доставил из Нуменора и установил здесь Исилдур. Так или иначе, но близ Камня не только не селились, но и подходить-то к нему боялись. Поговаривали, будто вокруг него собираются призраки, и тогда над холмом слышен неумолкающий шепот.

Серая Дружина остановилась. Эллохир подал Арагорну оправленный в серебро рог. Арагорн гулко протрубил, и стоявшим рядом почудилось, будто они слышали звуки ответных рогов, похожие на дальнее пещерное эхо. Никакого другого отклика не было, но все чувствовали, что вокруг холма собирается много численное незримое войско. С гор налетел ветер, холодный, как дыхание призраков.

Арагорн спешил и, встав возле камня, громогласно крикнул:

— Клятвопреступники, зачем вы пришли?

Из мрака ночи, словно откуда-то издалека, донесся голос:

— Исполнить клятву и обрести покой!

— Час настал! — молвил Арагорн. — Ныне мой путь лежит к Пеларгиру на Андуине, и когда тот край будет очищен от приспешников Саурана, я сочту клятву исполненной и навсегда отпущу вас с миром. Я, Элессар, потомок и наследник Исилдура Гондорского, повелеваю — следуйте за мной.

По его знаку Хальбарад развернул стяг, но во тьме полотнище казалось черным, вышитых на нем символов было не разглядеть. Повисла могильная тишина, на протяжении всей долгой ночи не слышалось больше ни шепота, ни шороха, ни вздоха. Дружина остановилась на ночлег рядом с Камнем, но мало кому удалось заснуть. Вокруг холма, в глубоких ночных тенях, таился безмолвный страх.

Едва забрезжил холодный бледный рассвет, как Арагорн поднял Дружину и повел дальше одному ему ведомыми дорогами. Отряд

мчался, как ветер. Никто из людского племени не вынес бы столь бешеной, изнуряющей скачки, кроме дунадэйнов севера, да и тем придавала сил неколебимая воля их вождя. С ними скакали сыны Элронда, эльф Леголас и гном Гимли.

Когда далеко на западе, за их спинами, закатное солнце окрасило кровью Пиннат-Гелин, они уже миновали перешеек Тарланг, пересекли Ламедон и вышли к Келембелу на Кэриле. Призрачная рать шла по пятам, а впереди нее шествовал необоримый ужас. Ни в самом городке, ни у бродов Кэрила не было никого: жители, не ушедшие на войну, при первом известии о появлении Короля Мертвых бросили свои дома и бежали в холмы.

Рассвета следующего дня Серая Дружина не увидела, ибо ушла во тьму Мордора и скрылась из глаз смертных. Мертвые шли следом.

Глава 3.

РОХАНСКИЙ СБОР

Ныне все дороги вели на восток, навстречу войне и надвигающейся Тени. В тот самый час, когда мимо стоявшего у Великих Врат Пиппина под знаменем Дол-Амрота проезжали рыцари Имрахила, король Тейоден со своим отрядом спускался с гор.

Близился вечер, но солнце еще светило, и впереди всадников, обгоняя коней, бежали по земле длинные тени. Король провел в пути целый день и теперь ехал медленно. Обогнув голый скальный массив, тропа нырнула под шелестящий полог высоких елей, где царил сумрак. Длинной, петляющей колонной воины спускались все ниже и ниже, а когда оказались на дне узкого ущелья, уже стемнело. Мгла приглушила блеск водопадов.

Всю дорогу рохирримы спускались вдоль скачущего с уступа на уступ ручья, который теперь, пробив себе дорогу сквозь скалы, выбегал в долину и, слившись с небольшим притоком, пенистой струей устремлялся дальше, к Эдорасу. По правую руку над долиной вздымалась могучая гора Мерзлый Рог. Ее окутывали тучи, но зазубренная, покрытая вечными снегами вершина возносилась выше туч — надо всем миром. Тенистые восточные склоны отливали голубизной, западные рдели в пламени заката.

По пути Мерри наслушался рассказов про этот край и теперь с любопытством озирался по сторонам. Здесь не было неба: в туманном мареве глаз различал только горы. Уступ громоздился над уступом, стена за каменной стеной, а меж ними разверзались мрачные, заполненные туманом пропасти. Хоббит ехал словно во сне, прислушиваясь к плеску воды, шепоту деревьев и стуку копыт о камни. Дома его тянуло в горы, ведь они всегда упоминались в самых интересных, захватывающих историях, но сейчас он чувствовал себя неуютно. Грозное величие подавляло, будто все Средиземье нависало над ним своей исполинской тяжестью.

«Слишком уж тут все большое, — думалось ему, — куда лучше сидеть в маленькой комнатушке у камелька, где мне самое место».

Мерри изрядно подустал — отряд ехал хоть и неспешно, но

почти без отдыха. Три долгих дня, час за часом, хоббит трясся в седле, то поднимаясь к перевалам, то спускаясь в лощины, то переправляясь через многочисленные речушки. Порой, когда позволяла ширина дороги, он ехал рядом с королем. Многие всадники добродушно посмеивались, уж больно забавно выглядел крохотный хоббит на сером лохматом пони бок о бок с восседавшим на могучем белом скакуне Тейоденом. Но ему до этих насмешек не было дела — он рассказывал о Хоббитании или с увлечением слушал предания рохирримов о великих воителях прошлого. Но чаще, особенно в этот последний день, ему приходилось молча следовать за королевским конем да прислушиваться к звучной, неторопливой речи ехавших сзади всадников. Некоторые слова их языка напоминали хоббитанский говор, но произносились несколько по-иному, а понять, в чем смысл разговора, так ни разу и не удалось. Зато бодрые, звонкие походные песни брали за сердце — тут и понимать было нечего.

В тот вечер Мерри особенно остро чувствовал одиночество.

— Интересно, — гадал он, — как дела у Пиппина, где сейчас Арагорн, да Леголас с Гимли... — и тут хоббит вздрогнул, словно от неожиданного прикосновения холодной руки. — А Фродо-то с Сэмом, — укорил он себя. — Я ведь о них уже и забывать начал, а их задача самая важная. Помочь бы им, да только как? Они небось в сотнях лиг отсюда, да и живы ли?

Он уныло вздохнул.

— Ну вот и долина! — молвил Эйомер. — Мы почти на месте.

Всадники придержали коней. Внизу, за створом ущелья, словно сквозь высокое окно, виднелось широкое ровное пространство, уже окутанное тьмой. Лишь близ реки мерцал единственный огонек.

— На месте, да не на том, — откликнулся Тейоден. — Здесь мы не задержимся, мне еще предстоит долгий путь. Прошлой ночью луна была полной, а значит, завтра я должен быть в Эдорасе. Там соберутся воины Марки.

— Государь, — понизил голос Эйомер, — не отвергай моего совета. Напутствуй уходящих и возвращайся сюда. Чем бы ни кончилась война, ты...

— Нет! — с улыбкой прервал Тейоден. — Нет, сын мой, ибо отныне я буду звать тебя сыном. Не уподобляйся Гриму, не пытайся

сбить меня с толку вкрадчивыми речами. Мои старческие уши больше не будут внимать им, — он приосанился и оглянулся на длинную цепочку всадников, хвост которой терялся в сумерках. — Мне кажется, будто мы выступили в поход не несколько дней, а множество лет назад, но я не стану больше опираться на посох. Если война кончится поражением, чего ради хорониться в горах? Ну а победим, так пусть я даже паду — это не будет слишком высокой ценой. Сегодня мы заночуем здесь. У нас осталась по крайней мере одна мирная ночь. Вперед.

В полной темноте отряд спустился в долину. Река Снеговая — а здесь горный ручей уже превратился в настоящую реку — протекала по западному краю долины, и скоро тропа вывела всадников к броду. Переправа охранялась. Скрывавшиеся в тени скал воины выступили вперед и, узнав короля, разразились приветственными возгласами. По долине прокатился гулкий зов рога. Его подхватили другие рога, и за рекой стали зажигаться огни.

Внезапно откуда-то сверху дружно грянули трубы, породив меж каменных стен звонкое эхо.

Так король Марки с победой вернулся с запада к подножию Белых гор. Его уже ждали. Как только дозорные сообщили о приближении всадников, военачальники поспешили к броду, навстречу своему государю. Возглавлявший их Данхир, вождь обитавшего в долине народа, не преминул доложить, какие новости получил от Гэндальфа.

— Три дня назад Светозар примчался с запада в Эдорас, и Гэндальф поведал нам об одержанной победе, а также передал твой приказ о всеобщем сборе. Радость охватила наши сердца, но тут явилась крылатая тень...

— Выходит, она побывала и там, — молвил Тейоден. — Мы тоже видели ее, но раньше, в ночь перед отъездом Гэндальфа.

— Та это была или другая, — покачал головой Данхир, — но тварь ужасная, сгусток летящей тьмы, похожий очертаниями на огромную птицу или летучую мышь. Она пролетела над самой крышей Медусельда и издала такой вопль, что у многих заledenели сердца. И тогда Гэндальф присоветовал нам не собираться на равнине, а дожидаться тебя здесь, в горном укрытии. И еще он велел

не разжигать огней, кроме как по крайней необходимости. Говорил властно, как бы от твоего имени, и мы выполнили все его указания, о чем не пожалели. Сюда, в долину, никакие тени не залетали.

— Хорошо, — одобрительно кивнул Тейоден. — Я еду в крепость; там отдохну, но сначала буду держать совет. Пусть придут ко мне без промедления мои сенешали.

Дорога вела на восток, прямо через долину, ширина которой составляла около полумили. Вокруг расстилались луга, поросшие жесткой, серевшей в ночи травой, а впереди угрюмо маячила отвесная стена, в которой на заре времен промыла путь Снеговая, — последний выступ Мерзлого Рога.

Долина была полна народа. Вдоль дороги, приветствуя короля и его спутников, толпились воины, а дальше, теряясь во тьме, тянулись ровные ряды палаток и коновязей, щетинились, словно молодой лесок, вонзенные в землю копья. С гор тянуло холодным ветром, но в лагере не горел ни один костер. Взад-вперед расхаживали караульные, закутанные в теплые плащи.

«Сколько же здесь всадников? — гадал Мерри. — В темноте не разберешь, но уж точно не одна тысяча».

Пока он глазел по сторонам, тропа приблизилась к ограждавшему долину с востока склону и круто пошла на подъем. Хоббит изумленно вытаращился — такого он еще не видел. В седой древности, от которой не осталось даже преданий, неведомые мастера прорубили в отвесной скале дорогу, взбирающуюся вверх резкими зигзагами. По ней можно было провести лошадей и даже, хоть и с трудом, затащить повозки, а вот штурмовать ее снизу представлялось делом безнадежным — обороняющиеся могли бы сдержать натиск любого числа врагов. На каждом повороте торчали огромные каменные изваяния — неуклюжие каменные толстяки, сидевшие, скрестив ноги и сложив на круглых животах короткие пухлые ручки. Время стерло черты их лиц, и лишь темные дыры глазниц печально взирали на проходящих. Всадники не обращали на пукколов — пузанов, как называли здесь истуканов — ни малейшего внимания. В них не было мощи, они не внушали трепета: один лишь Мерри разглядывал фигуры с любопытством и даже, пожалуй, с жалостью.

Через некоторое время он огляделся и понял, что поднялся над

долиной уже на несколько сот локтей. Далеко внизу смутно различались всадники, переправлявшиеся через брод и цепочкой тянувшиеся к приготовленному для них лагерю. Наверх, в горную крепость, поднимался только король со своей свитой. Наконец дорога прошла каменной тесниной и вывела на поросшее травой и вереском плоскогорье, высоко над ущельем Снеговой. Между Мерзлым Рогом на юге и зубастым краем Айсенгарда на севере вздымалась мрачная громада Горы Призраков. К ней, разделяя плато надвое и теряясь в тени дальних деревьев, тянулась двойная линия грубых каменных столбов. Решившийся последовать этим путем до конца пришел бы к угрюмому утесу, за которым находилась Темная Дверь.

Таким был Дунхар, творение давно забытых племен, о которых не поминали ни легенды, ни песни. Что они строили — крепость, тайное капище или усыпальницы, ныне не знал никто. Сей труд был завершен в Темные Лета, когда ни один корабль не приставал к западным побережьям и дунадэйны еще не основали Гондор. Неведомые строители исчезли, оставив после себя лишь придорожных истуканов.

Камни на плоскогорье потрескались, почернели, а некоторые и вовсе попадали. Они походили на гнилые зубы, торчавшие из старческих десен, но выглядели зловеще, и Мерри, понятия не имевший, кто и зачем их здесь понатыкал, искренне надеялся, что король не последует далеко по этой мрачной дороге. Потом он разглядел по обе стороны скопления шатров и палаток, теснившихся у краев плато, подальше от камней. Справа, где попросторнее, их было больше, а по левую руку виднелся маленький лагерь с высоким шатром посередине. С той стороны выехал всадник, и король свернул с дороги ему навстречу. Приблизившись, Мерри с удивлением понял, что перед ним женщина, облаченная в кольчугу и опоясанная мечом. Из-под стального шлема ниспадали длинные светлые косы.

— Приветствую тебя, государь Марки! — воскликнула она. — Мое сердце радуется твоему возвращению.

— Привет и тебе, Эйовин, — откликнулся Тейоден. — Все ли у тебя в порядке?

— Все хорошо, государь, — голос воительницы звучал твердо, но хоббиту послышалась в нем затаенная печаль. Ему даже показалось, что дева недавно плакала, хотя, глядя на ее суровое лицо, в такое трудно было поверить. — Все хорошо. Поначалу, правда,

пришлось трудновато. Люди отвыкли от военных тягот, многие роптали. Было много сердитых слов, но обошлось без злых дел. Теперь все наладилось. Твой шатер ждет тебя — меня предупредили о твоём прибытии.

— Значит, сюда приехал Арагорн, — сказал Эймер. — Он ещё здесь?

— Нет, — Эйовин отвела глаза и окинула долгим взглядом темневшие на юго-востоке горы. — Он явился ночью и вчера, ещё до зари, снова отправился в дорогу.

— Ты опечалена, дочь моя, — сочувственно заметил Тейоден. — Что случилось? Скажи, он говорил тебе о том пути? — король указал в сторону Горы Призраков.

— Да, государь, — вздохнула Эйовин. — Он ушел в Тень, откуда никто никогда не возвращался. Мне не удалось отговорить его.

— Значит, наши пути разошлись, — печально промолвил Эймер. — Он потерян для нас, и наши надежды тают.

По прибытии в лагерь король удалился в свой шатер, куда уже собирались призванные на совет вожди. Мерри отвели палатку поблизости, где он и сидел в одиночестве, размышляя об услышанном.

— Стезя Мертвецов, — бормотал хоббит себе под нос, — что бы это значило? Все друзья разбрелись, у каждого своя судьба. Гэндальф с Пиппином воюют на востоке, Фродо с Сэмом в Мордоре, а Бродяжника, Леголаса и Гимли занесло на какую-то Стезю Мертвецов. Интересно, о чем там совещается король и когда отправится он в поход? А с ним и я.

Вдобавок ко всем этим невеселым мыслям Мерри основательно проголодался. Он совсем уж было собрался пройтись по лагерю и глянуть, нельзя ли где заморить червячка, когда пропела одинокая труба и явившийся посланец призвал хоббита в королевский шатер — ему как оруженосцу надлежало прислуживать за трапезой государя.

Шатер был велик, но стол накрыли в отгороженном плетеной ширмой закутке, и сидели за ним всего лишь четверо — сам Тейоден, Эймер, Эйовин и Данхир. Мерри, как подобало, встал за королевским сиденьем, но старик улыбнулся и усадил его с собой, по

левую руку.

— Негоже тебе стоять, Мериадок, — молвил он. — Твое дело не подавать кубки, а веселить мое сердце рассказами.

Собравшимся, однако, было не до веселья. Ели и пили в молчании, пока хоббит, набравшись смелости, не задал давно мучивший его вопрос.

— Государь, я уже не раз слышал про Стезю Мертвецов. Что это за стезя такая? Бродяжник, то есть я хотел сказать Арагорн, он куда пошел?

Тейоден лишь тяжело вздохнул, и за него ответил Эйомер.

— Куда — этого мы и сами толком не знаем, оттого-то у нас и тяжесть на сердце. Ну а Стезя Мертвецов... ты уже прошел по ней несколько шагов. Нет, не подумай, что я о каких-нибудь дурных предзнаменованиях. Дорога, которой мы приехали, ведет к двери, а что лежит за ней, неведомо никому.

— Никому, — подтвердил Тейоден. — Однако есть одно старинное предание, что передается в Доме Эйорла из поколения в поколение. Будто бы за Дверью под Горой Призраков пролегает тайная тропа... куда она выводит, об этом не говорится. Никто не пытался вызнать ее секрет с тех пор, как Бэлдор, сын Брего, ступил за Дверь и пропал навеки. Вышло так, что на пиру, устроенном Брего по случаю возведения Золотого Чертога, его сын осушил слишком большой рог и дал опрометчивую клятву... да так и не воссел на трон, что предназначался ему как наследнику.

Люди говорят, будто Мертвые Темных Лет охраняют тот путь и живым не проникнуть в их потаенные залы. Сами они порой выходят наружу, и когда на дороге перед Дверью появляются тени, жители долины прячутся по домам, закрывают двери и ставни и дрожат от страха. Но Мертвые появляются редко, как говорят, только накануне великих бедствий.

— Однако, — тихо добавила Эйовин, — по всей долине рассказывают, что недавно безлунной ночью по дороге прошло целое призрачное войско. Откуда — неизвестно, но оно поднялось по дороге и скрылось под горой. Тени спешили словно на воинский сбор.

— Но Арагорну-то там что понадобилось? — пытался дознаться

Мерри. — Неужто он никому не сказал, зачем туда идет?

— Уж коли ты, его друг, ничего не знаешь, — покачал головой Эймер, — так мы и подавно. Он непреклонен в достижении своих целей, но что заставило его сделать такой выбор, живущим знать не дано.

— Мне показалось, он сильно изменился с тех пор, как я впервые увидела его в Золотом Чертоге, — добавила Эйовин. — Осунулся, помрачнел... Быть может, он призван Мертвыми, а стало быть, обречен.

— Быть может, и призван, — кивнул Тейоден. — Сердце подсказывает, что мне с ним больше не увидаться, но вот обречен ли он — то нам неизвестно. Арагорн не простой человек, судьба его высока. Ты печалишься о нем, дочь моя, но вспомни предание и утешься. Рассказывают, когда Эйорлинги пришли с севера и двигались вдоль Снеговой, присматривая надежное убежище, Брего и его сын Бэлдор поднялись по крепостной лестнице и приблизились к самой двери. На пороге сидел старец, столь древний, что выглядел ровесником гор. Некогда царственный и высокий, он иссох, сделавшись с виду как старый камень. Его и приняли за статую, но когда попытались обойти, словно из-под земли донесся голос, возвестивший на Западном Наречии: «Путь закрыт». Брего и Бэлдор воззрились на него и поняли — старик жив, хотя сам едва их видит. «Путь закрыт, — повторил он. — Проложившие его мертвы, и Мертвые не допустят туда живых, пока не настанет срок». «А когда он настанет?» — спросил нетерпеливый Бэлдор, но не дождался ответа, в тот же миг старик умер и упал ничком. Наш народ так и не узнал ничего больше об исконных обитателях гор. Кто знает, может, срок настал и Арагорн сможет пройти.

— Кто знает?.. — невесело повторил Эймер. — Вот именно, может ли человек, входя в Дверь, быть уверенным, что время пришло? Я так не сунулся бы туда, даже окажись один на один против всех полчищ Мордора. Жаль, что столь славный воитель покинул мир живых, да еще и в час нужды. Зла довольно и на поверхности, стоит ли лезть за ним под землю? Вот-вот грянет война...

Он умолк. Снаружи донесся шум: кто-то выкликал имя Тейодена. Начальник стражи отдернул полог шатра.

— Гонец из Гондора, государь, — доложил он. — Просит принять его без промедления.

— Пусть войдет, — повелел король.

Рослый человек ступил внутрь, и Мерри едва сдержал изумленное восклицание: хоббиту показалось, что перед ним воскресший Боромир. Конечно, гонец был ему незнаком, но и вправду походил на Боромира как родной брат — такой же высокий, сероглазый и горделивый. Могучий торс воина облегалась легкая кольчуга, с плеч свисал темно-зеленый дорожный плащ, на шлеме поблескивала маленькая серебряная звезда.

Опустившись на одно колено, гонец протянул Тейодену стрелу с черным оперением и окрашенным в красный цвет зазубренным стальным наконечником.

— Приветствую государя Рохана, друга Гондора, — молвил он. — Мое имя Хиргон, я послан к тебе Дэнетором с этим знаком войны. Гондор в великой опасности. Рохирримы не раз выручали нас в прежние времена, но ныне правитель призывает поспешить как только возможно. Иначе Гондор не устоит.

— Красная Стрела, — проговорил Тейоден, глядя на знак беды, давно ожидаемый, но оттого не менее зловещий. Рука его слегка дрогнула. — Ни разу не появлялась она в Рохане за годы моего правления. Неужто ваши дела и вправду так плохи? Когда ждет нас Дэнетор и на какую помощь он рассчитывает?

— Сколько у тебя войск, лучше ведомо тебе, государь, — ответил Хиргон. — Но может случиться так, что Минас-Тирит будет окружен и ты не сумеешь прорвать осаду. Правитель просил передать, что рохирримы принесли бы больше пользы внутри, чем снаружи.

— Но он ведь знает, что мы конники, нам привычнее биться верхом, на равнинах, а не за стенами. К тому же мой народ расселен по широким просторам, быстро всадников не собрать. Скажи, Хиргон, известно ли правителю Минас-Тирита, в каком положении находимся мы? У нас война уже началась, мы одержали победу и теперь готовимся к новым битвам. Сбор войск, как ты наверняка заметил, уже начался — благодаря советам побывавшего здесь Гэндальфа Серого.

— Что ведомо правителю, о чем он догадывается, судить не

мне, — отвечал воин. — Но наше положение отчаянное, иначе не скажешь. Мой господин не шлет тебе приказов, он лишь напоминает о старой дружбе, о прежних клятвах и призывает тебя сделать все возможное для твоего же блага. По нашим сведениям, многие восточные короли подались под руку Мордора. Повсюду полыхает война, стычки идут на полях Дагорлада, а с юга надвигаются харадримы. Наши южные побережья объаты страхом, помощи оттуда ждать не приходится. Поспеш, государь! Судьба решается под стенами Минас-Тирита, ибо, если черный поток не остановить там, он затопит и роханские степи. Твой народ не отсидится здесь, в этом горном убежище.

— Мрачные вести, — произнес Тейоден, — хотя трудно назвать их неожиданными. Передай Дэнетору, что даже не чувствуй мы сами, какова угроза, все равно откликнулись бы на зов. Но Рохан понес большие потери в битве с предателем Саруманом, а теперь, после всего услышанного, нам следует позаботиться об охране своих границ с севера и востока. Сил Темного Властелина вполне хватит на то, чтобы сковать нас у стен города и одновременно ударить через Реку на Врата Королей.

Но хватит обмениваться благоразумными советами. Мы придем. Сбор назначен на завтра, и мы выступим, как только все будет готово. Марка способна выставить десять тысяч копий, однако мне придется выделить людей на охрану Эдораса и пограничных крепостей. Я приведу в Гондор тысяч шесть. Сообщи Дэнетору: в этот грозный час сам король Марки явится ему на подмогу, хоть и не надеется вернуться назад. Но путь недалек, а если заморить людей и коней в скачке, они не смогут сражаться. С завтрашнего утра пройдет не меньше недели, прежде чем ты услышишь боевые кличи скачущих с севера сынов Эйорла.

— Неделя! — горестно воскликнул Хингорн. — Пусть хоть так. Правда, через неделю, если к нам не поспеет другая и вовсе нежданная подмога, вы скорее всего найдете лишь разрушенные стены и сможете разве что лишь распугать орков и не позволить темнокожим южанам пировать в Белой Башне.

— На худой конец сделаем хотя бы это, — отозвался Тейоден. — А сейчас, достойный Хиргон, мне надо отдохнуть. У меня за плечами битва и долгий путь. Отдохни и ты. Завтра увидишь сбор ополчения и, быть может, малость приободрись. Утро вечера мудренее.

С этими словами король встал, и все последовали его примеру.

— Отдохнуть, — распорядился Тейоден, — постарайтесь выспаться как следует. И ты, добрый Мериадок, сегодня мне больше не понадобишься. Я призову тебя завтра с восходом, будь наготове.

— Я буду готов, даже если ты велишь мне скакать за тобой по Стезе Мертвецов, — пылко заверил Мерри.

— Не поминай ее попусту, чтобы не накликать беду, — сказал король. — Впрочем, беда и без того на пороге, и нынче любая тропа может оказаться стезей мертвецов. Но насчет твоей дороги ничто еще не решено. Доброй ночи!

— Не оставит же он меня здесь, — твердил себе Мерри в своей палатке. — Не оставит, быть такого не может...

С этими мыслями он заснул и почти сразу же — так, во всяком случае, ему показалось, проснулся от того, что его тряс за плечо какой-то человек.

— Вставай, холбитла, — повторял тот, — вставай!

Мерри сел и протер глаза. Было еще темно.

— В чем дело? — спросил он.

— Тебя призывает король.

— Но ведь солнце еще не взошло.

— Сегодня оно не взойдет, холбитла, — мрачно отозвался воин, — а может, не взойдет вообще никогда. Его скрыла Тьма, но есть солнце, нет ли, а время не стоит на месте. Поторопись.

Поспешно одевшись, Мерри вышел наружу. Мир потемнел. Неподвижный воздух казался бурым, а все вокруг — тусклым и расплывчатым, почти лишенным очертаний. Слабый, все убывающий свет брезжил лишь далеко на западе, куда еще не дотянулись щупальца мрака. Облаков видно не было, сам небосвод превратился в сплошную тучу, бесформенную и угрюмую. Люди, глядя наверх, беспокойно переговаривались, на лицах многих читался испуг.

С упавшим сердцем хоббит направился в королевский шатер, где, помимо Хиргона, застал еще одного гондорского гонца. Точно так же одетый и снаряженный, он был пониже ростом и пошире в плечах. Когда Мерри вошел, новоприбывший посланец говорил с

королем.

— ...эта Тень поднялась из Мордора, государь. По пути я видел, как она накрыла Истфольд, восточную окраину твоего королевства. Тьма ползла на запад, пожирая звезды, нынче добралась досюда и движется дальше. Война началась!

— Война началась, — повторил Тейоден после долгого молчания. — То будет величайшая битва нашего времени, в которой суждено пасть многим и многим. Но теперь по крайней мере нет надобности таиться. Мы поедем открыто, кратчайшим путем, и так быстро, как только сможем. Время сбора пришло, и дожидаться запоздавших уже некогда. Как там у вас в Минас-Тирите с припасами? Нам с собой много не взять, лишний груз — потеря времени.

— Припасов хватит на всех, — заявил Хиргон. — Езжайте налегке, только поскорее.

— Зови герольдов, Эйомер, — приказал Тейоден. — Отдай приказ строиться.

Эйомер вышел, и спустя мгновение загудели трубы, но далеко не так звонко и ясно, как в прошлый вечер. Тяжелый воздух глушил все звуки, делая их хриплыми и дребезжащими.

— Ну вот, добрый Мериадок, — промолвил король, обернувшись к хоббиту. — Я отправляюсь на войну. Скоро мы расстанемся: с этого часа ты свободен от службы, но не от дружбы. Мне бы хотелось, чтобы ты остался здесь и послужил Эйовин. Она будет править вместо меня.

— Но, государь!.. — сбивчиво заговорил Мерри. — Я предложил тебе свой меч, и ты его принял. Я не хочу расставаться с тобой! Все мои друзья ушли на войну, и я не захребетник, чтобы прятаться в горах!

— Ты велик сердцем, но не вышел ростом, — улыбнулся Тейоден. — Мы поскачем быстро: пони за скакунами не угонится, а с боевым конем тебе не сладить.

— Тогда привяжи меня к седлу, к стремени, хоть к конскому хвосту, — упорствовал хоббит. — А нет, так я побегу следом, все ноги стопчу, но не отстану.

— Ну, не горячись, — похлопал его по плечу король. — Поедем

вместе до Эдораса, я покажу тебе Медусельд. С этой дорогой твой Стибба справится. Настоящая-то скачка начнется потом, на равнине.

— А пока, достойный Мериадок, — вступила в разговор Эйовин, — пойдём со мной. Арагорн просил подобрать для тебя подходящее воинское снаряжение. Я так и сделала, сердцем чую, что оно тебе понадобится.

Дева отвела хоббита к шатру королевской стражи, откуда оружейник вынес маленький шлем, круглый щит и все прочее.

— Кольчуги на твой рост у нас не нашлось, а ковать уже некогда, — сказала Эйовин. — Возьми кожаный нагрудник, легкий и прочный, пояс и нож. Меч у тебя свой, а по этому щиту каждый поймет, что ты воин Марки, — на щите, таком же, как у Гимли, красовался роханский герб, белый конь на зеленом поле. — Доброй удачи тебе, Мериадок, надеюсь, мы ещё свидимся. Прощай!

Хоббит в ответ низко поклонился.

Мрак сгущался, но король Рохана готовился повести свои войска на восток. Многие отправлялись в этот поход с тяжелым сердцем, но суровые рохирримы были верны своему государю, и никто не роптал. Даже в лагере беженцев из Эдораса, где разместились старики, дети и женщины, обошлось без жалоб и слез. Люди молча смотрели в глаза судьбе.

Спустя два часа, которые пролетели как миг, королю подвели коня, и он начал объезжать строй. Высокий и величавый, с ниспадавшими из-под шлема серебряными сединами, предстал он перед воинами и одним своим гордым, неустрашимым видом пробудил в них надежду.

На широких полях вдоль шумной реки выстроились рохирримы — пятьдесят пять сотен конников в полном вооружении и несколько сот вспомогательного войска с вьючными лошадьми. Протрубил один-единственный рог. Король поднял руку, и воинство Марки пришло в движение. Впереди ехали двенадцать королевских телохранителей, прославленных своей доблестью, за ними сам Тейоден с Эйомером по правую руку.

С Эйовин он уже распростился, и сколь грустным ни было расставание, теперь все его мысли сосредоточились на предстоящей дороге. Позади короля трясся на своей лошаденке Мерри, скакали гондорские гонцы и ещё дюжина телохранителей. Они проезжали

мимо сурового, молчаливого строя ожидавших сигнала людей и уже приблизились к концу шеренги, когда один из конников поднял глаза, и Мерри поймал его пристальный взгляд.

«Какой молодой», — подумал хоббит, заметив, что и ростом, и шириной плеч этот всадник заметно уступает большинству соратников. Он уловил блеск в ясных серых глазах и поежился: ему вдруг почудилось, что так может смотреть лишь человек, оставивший надежду и решившийся искать смерти.

Они спустились вниз по сереющей во мгле дороге вдоль Снеговой. Мимо поселений в долине, где женщины, стоявшие в темных проемах дверей, провожали их печальными взглядами. Так, без труб и барабанов, без музыки и восклицаний начался великий поход на восток, о котором сложили песни, звучавшие в Рохане и много поколений спустя.

Из тесных утесов сын Тенгела
С утра во мрак безрассветный соратников выводил:
В Эдорас въехал, в свое владенье —
Мгла облегла златоглавую хоромину,—
Простился в чертогах с престолом наследным,
С народом, с кровной родней и с кровом.
Где пировал он, бывало, немало в дни света:
Темнота густела. Пустился он дальше —
Беда впереди, позади — стон и трепет.
Но словам он верен и выполнит клятву.
Пять дней и ночей Тейоден едет;
На восход походом ехали Эйорлинги
Через Фольд и Фейнмарк, и Фириэнвуд.
Всадников шесть тысяч через Санлендинг,
К Мундбургу много могучему под Миндоллуином.
В земли князей, приплывших из-за Моря,—
Там стогны престольные обстали враги и пламя.
Рок торопит ратников. Мрак поглощает
Коней и конников — цокот подков по камню
Молкнет во мгле; так молвится в песне.

В полдень, больше походивший на поздний пасмурный вечер, король прибыл в Эдорас, где к войску присоединились три дюжины

опоздавших на сбор всадников. Перекусив, Тейоден снова собрался в путь и сердечно попрощался с хоббитом. Тот упрашивал взять его с собой, но старый король проявил твердость.

— Я же сказал, Стибба не угонится за нашими скакунами. И подумай сам, тебе ли, при всей твоей храбрости, сражаться на полях Гондора? Там разразится страшная битва, падут многие грозные воители, а ты попросту погибнешь напрасно.

— Кто знает? — возразил Мерри. — Я твой оруженосец, и мое место рядом с тобой. И мне вовсе не хочется, чтобы потом, в песнях и преданиях, меня поминали как никчемного бездельника, от которого никому не было никакого прока.

— А мне не хочется, чтобы ты попусту сложил голову, — отрезал король. — Поклялся повиноваться мне, вот и повинуйся. Случись нам сразиться у ворот Эдораса, твои подвиги наверняка воспели бы менестрели, но до Мундбурга, где правит Дэнетор, больше сотни лиг, а мои всадники не станут брать лишнюю ношу — им нельзя перегружать коней. Все, Мериадок, больше говорить не о чем!

Пристыженный и опечаленный, Мерри бродил среди собиравшихся в дорогу воинов. Они проверяли сбрую и снаряжение, осматривали коней, а некоторые с беспокойством поглядывали на низкое небо. Неожиданно кто-то тронул хоббита за плечо. Тот обернулся и узнал юного конника, замеченного им еще в Дунхаре.

— Кто не сдается, тот своего добьется, так у нас говорят, — шепнул молодой воин. — Я так уже добился... почти. А вот тебе, как мне кажется, очень хочется последовать за государем. По лицу вижу.

— Хочется-то хочется, — пробормотал Мерри. — Да только как?

— Очень просто, — ответил юноша. — Усажу тебя перед собой, укрою плащом, в таком сумраке никто ничего не заметит. Кто рвется в бой, тому отказывать нельзя. Только смотри, никому ни слова. Ну что, согласен?

— Само собой! — воскликнул Мерри. — Слов нет, как я тебе благодарен, хоть мы даже и не знакомы. Я и имени твоего не знаю.

— Разве? — улыбнулся всадник. — Зови меня Дернхельм.

Так и случилось, что когда поход продолжился, хоббит Мериадок сидел в седле впереди Дернхельма, могучий серый скакун

которого вовсе не заметил этой ноши, ибо юноша, при всей своей силе и ловкости, был куда легче прочих своих товарищей.

Они двигались навстречу мраку. Первый привал сделали в двенадцати лигах от Эдораса, в ивовых зарослях, при впадении Снеговой в Энтаву. С утра путь продолжился — теперь он лежал через Фольд и Затопье, где по правую руку дубовые леса взбирались по склонам холмов, затененных угрюмым Халифириэном, высившимся у рубежей Гондора, а по левую клубились туманы над болотистой дельтой Энтавы. Даже в этих необжитых краях распространялись слухи о разразившейся на севере войне. Люди, укрывшиеся в глуши, рассказывали о врагах, нападавших на восточные границы, об орочьих стаях, рыщущих в Роханской низине.

— Вперед! Вперед! — подгонял всадников Эймер. — Поворачивать уже поздно. Слева нас прикрывают топи. Надо спешить. Вперед!

Король Тейоден покинул свою страну. Миля за милей ложилась под копыта коней дорога. По сторонам один за другим вставали гондорские холмы с сигнальными вышками: Каленхад, Мин-Римон, Эрелас, Нардол...

Но огни на них не горели. Серая мгlistая тишь царила вокруг. Свет все убывал, а вместе с ним таяла в сердцах надежда.

Глава 4.

ОСАДА

Разбудил Пиппина Гэндальф. В комнате по-прежнему горели свечи, ибо за окнами едва брезжил тусклый сероватый свет. Воздух казался спертым, словно перед грозой.

— Который час? — позевывая, спросил Пиппин.

— Начало третьего, — отозвался маг. — Поднимайся да приведи себя в надлежащий вид, тебя призывает правитель. Не забывай, что ты теперь у него на службе.

— А завтраком он угостит?

— Нет, об этом я позаботился, — Гэндальф указал на стол. — Ешь и учти, до полудня больше ничего не получишь. Провизия в городе на счету.

Пиппин покосился на ломоть хлеба, крохотный, на его взгляд, кусочек масла да на чашку молока и уныло пробормотал:

— Зачем ты только меня сюда привез?

— Сам знаешь, — буркнул в ответ маг, — чтобы не дать твоей глупости довести тебя до беды. Коли не нравится, так себя и вини — больше некого.

Хоббит надулся, но промолчал.

Вскоре он уже шел рядом с Гэндальфом по холодному коридору к дверям тронной залы. Дэнетор сидел на том же месте, в той же позе, что и в прошлый раз.

«Ну точно старый терпеливый паук, — подумалось Пиппину. — Вид такой, будто он со вчерашнего дня и не шевельнулся».

Правитель предложил Гэндальфу сесть, а стоявшего Пиппина вроде и не заметил, однако через некоторое время обратился к нему:

— Ну, добрый Перегрин, надеюсь, вчера ты провел день с пользой и удовольствием, хотя сомневаюсь, чтобы наша скудная еда пришлась тебе по вкусу. Тут уж ничего не поделаешь — время такое.

Хоббит смутился. Ему показалось, что правитель не только осведомлен о каждом его шаге и слове, но даже читает мысли.

— Что же ты собираешься делать у меня на службе? — спросил Дэнетор.

— Я думаю, мои обязанности укажет мне повелитель, — нашелся с ответом Пиппин.

— Укажу, — усмехнулся Дэнетор, — но после того, как выясню, на что ты способен. А чтобы узнать это поскорее, мне лучше держать тебя при себе. Один из моих оруженосцев просил отпустить его, вот пока его и заменишь. Будешь выполнять мои поручения и развлекать меня беседой, если война и дела правления оставят на это время. Петь умеешь?

— Умею, — радостно воскликнул хоббит. — Я неплохо пою... — тут он замялся и поправился — ... неплохо по нашим меркам. Дома меня хвалили, да только наши песни не больно-то годятся для дворцовых залов и нелегких времен. У нас редко поют о чем-нибудь пострашнее ветра или дождя. В Хоббитании в ходу незамысловатые, веселые песенки, все больше застольные.

— Ты напрасно решил, будто подобные песни неуместны в моем дворце в наши суровые дни, — возразил Дэнетор. — Напротив, нам, истомленным долгой борьбой с Тенью, приятно будет услышать голос далекой земли, где не знают ни войны, ни страха. Это позволит почувствовать, что труды наши не пропадают втуне, пусть мы и не дождемся за них благодарности.

Однако Пиппина сказанное вовсе не вдохновило. По его разумению, исполнять простенькие, разухабистые деревенские песенки в великолепных покоях Минас-Тирита означало выставять себя на посмешище. К счастью, в настоящий момент от него ничего подобного не требовалось. Дэнетор обратился к Гэндальфу, и они повели разговор о рохирримах, о короле Тейодене и его племяннике Эймере. Хоббиту оставалось только удивляться тому, как много знал старый правитель о делах далекой страны, тем паче что из беседы явствовало — сам Дэнетор не покидал пределов Гондора уже много лет.

Хоббит молча стоял и слушал, пока правитель не вспомнил о нем снова.

— Ступай в оружейную цитадели, — повелел он. — Там тебе

выдадут одеяние и доспехи, подобающие воину Башни. Я отдал приказ еще вчера, так что все должно быть готово. Облачишься как надлежит, тогда возвращайся.

Хоббит отправился в оружейную и вскоре совершенно преобразился. Он оделся в черное с серебром: тело облегла скованная по росту кольчуга из вороненой стали, на голове красовался высокий шлем с крыльями по бокам и серебряной звездой в налобье. Довершала убранство надетая поверх кольчуги короткая черная туника с вышитым серебром на груди изображением Белого Древа. Старую одежду сложили и убрали: Пиппину оставили только серый лориэнский плащ, да и то с тем условием, чтобы он не носил его на службе. Теперь хоббит и впрямь походил на князя, каким его считали в городе, но непривычная роскошь заставляла его чувствовать себя неловко, да и надоевший сумрак не добавлял радости.

Впрочем, тягостно на сердце было не только у Пиппина, но и у всех в городе. Солнце так и не проглянуло. Напротив, с востока, из Мордора, медленно ползла на запад, пожирая остатки света, мрачная тяжелая туча. Внизу царило полное безветрие, застоявшийся воздух не давал вздохнуть полной грудью. Казалось, будто вся долина Андуина замерла в ожидании разрушительной бури.

В одиннадцатом часу, освободившись наконец от службы, Пиппин первым делом отправился поискать чем подкрепиться, надеясь, что это поможет развеять невеселые мысли и хоть как-то скрасит тягостное ожидание. По счастью, ему встретился Берегонд, только что вернувшийся с Пеленнорских полей — его посылали с поручением к Сторожевым Вышкам, вверх по дороге. Вместе они раздобыли снеди и, как в прошлый раз, отправились на стену: под крышей было так душно, что у хоббита кусок застревал в горле. Настал час заката, но теперь все небо затянула тусклая мгла, и лишь в последний миг, уже уходя за горизонт, солнце смогло послать свой прощальный луч. Тот самый луч, что высветил перед Фродо, что стоял на перекрестье путей, поверженную голову каменного короля. Но полей Пеленнора свет не коснулся, уныло и безрадостно расстилались они в тени Миндоллуина.

Пиппину казалось, будто между вчерашним и сегодняшним днем пролегли годы. Еще вчера он был всего-навсего беспечным

хоббитом, и хотя повидал кое-какие опасности, это его не очень-то изменило. Теперь же он стал настоящим воином, одним из тех, кому придется отстаивать город в жесточайшей битве. В другое время Пиппин порадовался бы великолепным доспехам, в каких с незапамятных времен не красовался, наверное, ни один парнишка из Хоббитании, однако ему было ясно, что тут не игра и он не ряженный, а взаправду состоит на службе у грозного, могущественного правителя, которого ждет столкновение с еще более могучим врагом. И шлем, и кольчуга угнетали своей тяжестью, хотя были сработаны по росту и силе хоббита. Пиппин отбросил в сторону плащ, отвел взгляд от темнеющих внизу полей и вздохнул.

— Что, нелегкий выдался денек? — спросил Берегонд. — Ты, я вижу, устал.

— От безделья да ожидания еще не так устанешь, — проворчал хоббит. — Я, почитай, весь день проторчал столбом у двери Дэнетора, пока он там совещался с Гэндальфом, князем Имрахилом и другими важными особами. Ты, конечно, можешь возразить, что это высокая честь, да только у нас знаешь как говорят: «честь-то честь, было б что поесть». Нести такую скучную службу, да еще натошак — нелегкое испытание для хоббита. А тут еще хмарь эта поганая: такая тоска берет, что уже и еда не радует. У вас тут всегда так при восточном ветре?

— Нет, — ответил Берегонд. — Это ведь не настоящие облака, а дым с Огненной горы или еще какое-то Вражье ухищрение. Он наслал на нас Мрак, чтобы смутить умы и сердца. Надо признать, отчасти ему удалось добиться своего. Вот и ты тоже совсем раскис. Хоть бы Фарамир поскорее вернулся, уж его-то не запугать. Люди тревожатся, ведь он ушел за Реку, а там ныне Тьма.

— Да, — кивнул Пиппин, — Гэндальф тоже беспокоится насчет Фарамира, где он да что с ним. С совета сегодня ушел мрачнее тучи: похоже, у него дурные предчувствия.

Внезапно хоббит осекся и зажал уши ладонями. Берегонд, смотревший в проем между зубцами на тесную равнину, оцепенел, глаза его расширились от ужаса. С неба донесся уже знакомый устрашающий вопль, но только теперь в нем звучала такая злобная мощь, что сердце сжималось в ледяной комок.

Берегонду все же удалось совладать с собой.

— Смотри! Смотри! — с трудом выговорил он. — Там, над равниной! Ты только взгляни!

Пиппин без особой охоты выглянул за стену. Внизу расстился Пеленнор, вдали, во мгле, смутно угадывалась полоса Андуина, а между городом и Рекой реяли черные, чернее самой ночи, крылатые тени, с виду напоминавшие стервятников, но намного превосходившие размерами самых больших орлов. Они носились широкими кругами, то приближались к стенам на расстояние полета стрелы, то стремительно удалялись, то взмывая вверх, то опускаясь почти к самой земле.

— Черные Всадники, — сдавленно прошептал Пиппин. — Черные Всадники поднялись в воздух! Смотри, Берегонд! — вырвался у хоббита испуганный крик. — Они охотятся! Там на равнине люди. Верховые, их четверо... нет, пятеро. Да что же это такое делается! Гэндальф! — в отчаянии возопил Пиппин, будто мог его услышать. — Гэндальф, на помощь!

Снова раздался жуткий душераздирающий вой, почти, но все же не до конца заглушивший звук рога, который оборвался на протяжной, высокой ноте.

— Фарамир! — вскричал Берегонд. — Это его рог! Отважное сердце! Но как же ему прорваться к Воротам? На испуг его не возьмешь, но вдруг у них — кроме страха — есть и иное оружие? Гляди, наши держатся! Они проскочат... Нет, кони взбесились! Седоки попадали, в седле остался только один. Он повернул коня, хочет собрать своих! Это наш командир, его слушаются и кони, и люди. Но проклятая тварь летит прямо на него! Неужто никто не поможет?! Фарамир! — Берегонд сорвался с места и помчался во тьму, к Воротам.

Пиппин, укрывшийся было за каменным зубцом, устыдился своего страха. Вот Берегонд, он настоящий Страж цитадели, думает не о своей шкуре, а о спасении командира. Но на выручку все равно не поспеть. Хоббит снова посмотрел вниз и первым делом увидел белую вспышку. Казалось, будто навстречу бегущим людям со скоростью выпущенной из лука стрелы летит серебряная звезда. Потом снизу донесся зов: слов было не разобрать, но голос Пиппин узнал сразу.

— Гэндальф! — вне себя от радости вскричал он. — Старина

Гэндальф, наш Белый Всадник! Где беда, он сразу туда! Давай, Гэндальф! — хоббит орал, словно на скачках. — Давай!

Но не только он заметил скакавшего по равнине мага. Черная тень метнулась тому наперерез, но Гэндальф воздел руку, и в небо ударил ослепительный белый луч. Назгул с воем вильнул в сторону, и это поубавило решимости у остальных. Быстрыми кругами они взвились к облакам и унеслись на восток. Над Пеленнором стало чуточку посветлее.

Гэндальф съехался с верховым, и оба остановились, поджидая спешенных воинов. Из Ворот уже валом валили люди, и в город спасенные вошли в окружении целой толпы. Сообразив, что скорее всего они направляются в цитадель, к наместнику, Пиппин поспешил туда, протискиваясь среди тех, кто, как и он, наблюдал за происходившим с высоты стен.

На улицах звучали громкие крики — выкликали имена Фарамира и Митрандира. Зажглись факелы, и хоббит увидел медленно ехавших бок о бок в сопровождении множества людей всадников. Один, весь в белом, больше не испускал свечения; его одежды поблекли, словно на них накинули пелену или внутренний огонь истратил себя. Другой, в темном плаще, уронил голову на грудь и, похоже, едва держался в седле. Перед цитаделью оба спешили: конюхи увели лошадей, а они зашагали вперед: Гэндальф размашисто и твердо, а его спутник в зеленом пошатываясь, как если бы смертельно устал или был ранен.

Протиснувшись вперед, Пиппин разглядел бледное лицо Фарамира, и у него перехватило дыхание. За горделивым спокойствием угадывалась память о недавно перенесенном ужасе, совладать с которым позволила лишь могучая воля. А как похож Фарамир на своего старшего брата, всегда восхищавшего Пиппина мужественной красотой и манерой держаться! Приглядевшись, хоббит изумился другому, не так бросающемуся в глаза, однако несомненному сходству. Суровое величие, затаенная в глазах печальная мудрость заставляли вспомнить об Арагорне. Весь облик Фарамира, быть может, не столь явно, как у царственного наследника Исилдура, указывал на древнее и высокое происхождение. В жилах обоих текла незамутненная кровь Старшего Рода. Теперь хоббит прекрасно понимал порыв Берегонда; он видел перед собой подлинного вождя, за которым всякий, включая и его самого, последовал бы даже в тень черных крыльев.

— Фарамир! — кричал Пиппин вместе со всеми, поддавшись общему ликованию. — Фарамир!

Фарамир, видимо, услышал непривычно звучащий голос, поискал глазами, откуда он доносится, и на лице его отразилось неподдельное изумление.

— Хафлинг в доспехах цитадели! — воскликнул воин. — Откуда?

— Из своей страны, — ответил Гэндальф. — Сюда приехал со мной. Но не стоит задерживаться, ты устал, а нас ждут и впереди долгий разговор. Он пойдет с нами, и не только для того, чтобы удовлетворить твое любопытство. Ему пора на службу, если он еще не забыл, что состоит при особе правителя. Идем.

В личных покоях Дэнетора, вокруг жаровни с угольями, были расставлены три кресла. Слуги принесли вино и удалились, а Пиппин остался стоять за спиной правителя. Фарамир сел по левую руку от Дэнетора, Гэндальф разместился в высоком резном кресле по правую. Отпив вина, Фарамир начал рассказ, и хоббит, жадно прислушиваясь, совершенно позабыл об усталости. А вот маг чуть ли не дремал — доклад Фарамира о событиях за Рекой не слишком его интересовал. Разгром одного харадского отряда, пусть даже подкрепленного мумаком, представлялся магу, как и прочие пограничные стычки, делом малозначительным.

— Я должен поведать еще кое о чем, — сказал Фарамир и неожиданно посмотрел на Пиппина. — Дело в том, что это не первый хафлинг, попавший пряником из северных сказок в быль южных земель. Не первый, которого я видел.

При этих словах Гэндальф резко выпрямился и вцепился в подлокотники, но не проронил ни слова и суровым взором оборвал готовое сорваться с губ Пиппина восклицание. Дэнетор смерил глазами обоих и кивнул, словно в знак того, что понял куда больше, чем было сказано. Фарамир подробно поведал о встрече в Итилиэне, причем смотрел главным образом не на отца, а на Гэндальфа, а временами, словно желая освежить воспоминания, косился на Пиппина.

Когда молодой вождь рассказывал о Фродо, Сэме и событиях в Хеннет-Аннун, Пиппин заметил, что руки старого мага мелко дрожат,

и сам смертельно перепугался. Да и как было не испугаться, коли Гэндальф — не кто-нибудь, а сам Гэндальф! — не мог совладать со своей тревогой. Ну а услышав о намерении хоббитов идти к Кирит-Унгол, маг не выдержал и вскочил на ноги.

— Кирит-Унгол? — переспросил он. — Моргульская долина... Время, Фарамир, я хочу знать время! Когда ты с ними расстался? Когда они доберутся до этой проклятой долины?

— Мы распростились утром два дня назад, — ответил Фарамир. — Оттуда до Моргулдуина будет лиг пятнадцать, если идти напрямиком на юг. Как бы они ни спешили, им не попасть туда раньше сегодняшнего дня. Теперь я понял, чего ты боишься, Митрандир. Но успокойся, этот мрак не имеет отношения к ним. Тень поползла на запад еще вчера вечером и накрыла Итилиэн прошлой ночью. Ясно, что Враг готовил нападение заранее и назначил час задолго до того, как я расстался с хафлингами.

— Позавчера утром... — бормотал Гэндальф, беспокойно расхаживая взад и вперед. — Три дня пути. А где вы расстались, далеко ли это место отсюда?

— Лигах в двадцати пяти, — сказал Фарамир. — Я не мог вернуться раньше, потому что заходил на остров Кэир-Андрос. Там у нас пост, и там оставались кони. Я взял лошадей и поскакал с верховыми к городу, а остальных людей отослал к Осгилиату усилить охрану бродов. Надеюсь, — тут он посмотрел на отца, — все сделано правильно?

— Надеешься?! — вскричал Дэнетор, и глаза его вспыхнули. — Зачем ты спрашиваешь? Командовал сам, решал все сам, а теперь хочешь знать мое мнение? Мои советы уже давно ничего для тебя не значат! Думаешь, я не заметил, как ты смотрел на Митрандира, дожидаясь от него одобрительного кивка да гадал, не сболтнул ли лишнего в присутствии собственного отца! Я, может, и стар, но из ума пока не выжил, не оглох и не ослеп. Умолчал ты о многом, но мне все понятно и без слов. О Боромир, почему тебя нет со мной?!

— Если ты не одобряешь мои поступки, отец, — спокойно отозвался Фарамир, — я хотел бы знать, что сделал не так. И почему, посылая меня на вылазку, ты и словом не обмолвился о том, чего от меня ждешь?

— Можно подумать, это могло бы что-нибудь изменить! —

раздраженно ответил Дэнетор. — Ты все равно поступил бы по-своему. Мне ли тебя не знать, ты всегда и во всем стремишься выказывать благородство и великодушие на манер древних королей. Все это, может быть, и неплохо для высокородного властителя во дни мира и благоденствия. Но на войне доверчивость и доброта могут обернуться гибелью!

— Значит, я встречу смерть! — горделиво молвил Фарамир.

— Ты-то встретишь! — вконец разъярился Дэнетор. — Для тебя честь выше жизни, но речь идет не о тебе одном, а еще и о твоём отце, о твоём народе! Кто позаботится о людях, теперь, когда нет Боромира?!

— Стало быть, ты жалеешь, что я не оказался на его месте? — спросил Фарамир.

— Да, — отрезал Дэнетор. — Боромир был предан мне, а не моему учителю-чародею. Уж он бы не забыл о нуждах страны и ее правителя. Вместо того чтобы отвергнуть могучий дар судьбы, он доставил бы его мне.

— Я позволю себе напомнить, — медленно проговорил Фарамир, с трудом сдерживая гнев и обиду, — не кто иной, как ты решил отправить в Имладрис не меня, а брата. Он поехал туда, исполняя твою волю.

— Не надо беречь мою рану, — тягостно вздохнул старик. — Ничто не забыто: я совершил ошибку и за то испил до дна горькую чашу. О, если бы все сложилось иначе! Если бы эта вещь попала ко мне!

— Успокойся! — примирительно сказал Гэндальф. — Боромир пал, но пал с честью, и да упокоится он в мире. Но не обманывайся, ты не получил бы того, о чем идет речь. Доставшись ему, оно у него бы и осталось, а ты по его возвращении не узнал бы собственного сына.

— Вот как? — холодно усмехнулся Дэнетор. — Вижу, Боромир отказался покорствоваться твоей воле. Мне бы он его отдал. Тебя считают мудрецом, Митрандир, однако тут ты перемудрил. Есть иная мудрость: простая рассудительность подсказывает порой верные решения, в то время как кудесники путаются в собственных суетных хитросплетениях, способных обернуться глупостью.

— Иная мудрость? В чем же она состоит? — любопытствовал Гэндальф.

— Да в том, чтобы не бросаться в крайности. Спору нет, пользоваться этим сокровищем опасно, но отправлять его напрямик в лапы Врагу, да еще доверив неразумному хафлингу, как поступили вы с моим сыном, и вовсе глупо.

— А как бы поступил премудрый и рассудительный Дэнетор?

— Ни так, ни этак. Уж во всяком случае я никогда не поддался бы призрачным надеждам и не совершил бы столь безумного поступка. Кольцо следовало сохранить, надежно укрыв от посторонних взоров. И воспользоваться им разве что в случае крайней нужды и для достижения победы. Полной, окончательной победы, после которой все остальное не будет иметь значения.

— Ты, по своему обыкновению, думаешь лишь о торжестве Гондора, — заметил Гэндальф. — Но есть ведь и другие народы, другие жизни, другие времена. Я, например, сострадаю даже рабам Мордора.

— Падет Гондор, так другим народам негде будет искать помощи, и другие времена уже не настанут! — резко возразил Дэнетор. — Будь Вражье сокровище замуровано в подземельях цитадели, мы не тряслись бы сейчас от страха при виде Тени, опасаясь худшего. А если ты думаешь, что я не выдержал бы подобного испытания, значит, плохо меня знаешь.

— Нет, — спокойно отозвался маг. — Знаю я тебя хорошо, потому и не доверяю. И раньше не доверял, иначе давно отдал бы Его тебе на сохранение, избавив от тяжких, опасных трудов и себя, и многих других. А теперь, выслушав тебя, убедился, что был прав и что ты заслуживаешь доверия не больше, чем Боромир. Но, — Гэндальф предостерегающе поднял руку, — не спеши давать волю своему гневу. В этом деле я не доверяю даже самому себе, потому и отказался, хотя мне и предлагали, даже просили принять это сокровище в дар. Ты еще достаточно силен, что бы владеть собою, Дэнетор, но окажись оно здесь, пусть даже погребенное под всей толщей Миндоллуина, оно покорило бы тебя, выжгло бы твой разум, и тогда все равно пришла бы Тьма, может быть, гибельнее нынешней.

В глазах Дэнетора вспыхнула ярость. Он встретился взглядом с Гэндальфом, и Пиппин снова ощутил напряженность в воздухе. Две

могучие воли скрестились словно клинки: казалось, вот-вот посыплются искры. Хоббит съежился в ожидании страшного удара, но спустя мгновение старый правитель совладал с собой.

— Если бы то, если бы это... — холодно проговорил он, пожимая плечами. — Пустые слова, ничего больше. Сокровище кануло во Мрак, и теперь только время покажет, какова будет его и наша судьба. Ждать осталось недолго. Ну а пока все, кто борется с Врагом каждый на свой лад, должны быть заодно. Надежду терять нельзя — хотя бы на то, что нам достанет мужества умереть свободными, когда ничего другого не останется, — он повернулся к Фарамиру и, словно и не было никакого жаркого спора, спросил: — Что ты думаешь о силах в Осгилиате?

— Их недостаточно, — отвечал Фарамир. — Потому-то я и послал туда отряд из Итилиэна, как уже докладывал.

— Этого мало, — указал Дэнетор. — Именно туда будет направлен первый удар, и там позарез нужен настоящий вождь.

— И там, и во многих других местах, — вздохнул Фарамир. — Я тоже любил брата и чувствую, как нам его не хватает, — он встал, но тут же пошатнулся и не упал лишь потому, что успел схватиться за спинку кресла. — Дозволь мне удалиться, отец.

— Да, я вижу, что ты очень устал. Скакал издалека, во весь опор, а тут еще, как мне рассказывали, эти страшные Тени с неба...

— Не стоит об этом, — попросил Фарамир.

— Не стоит, так не стоит, — согласился Дэнетор. — Ступай отдохни, пока есть возможность. Боюсь, завтра придется еще труднее.

Попрощавшись с правителем, все отправились по своим покоем. На улице царила непроглядная тьма. Гэндальф и Пиппин возвращались к себе в полном молчании, хоббит освещал дорогу маленьким факелом. Но когда за ними закрылась дверь, Пиппин потянул мага за рукав.

— Как думаешь, осталась хоть какая-нибудь надежда? Я насчет... перво-наперво насчет Фродо.

Гэндальф погладил хоббита по голове.

— Особой-то надежды никогда не было, — со вздохом ответил маг, — разве что «призрачная», как только что было сказано. Ну а когда я услышал про Кирит-Унгол... — Гэндальф умолк, подошел к окну и взглянул, словно силясь пронзить взором мрак на востоке... — Кирит-Унгол... — повторил он. — Хотел бы я знать, почему они выбрали этот путь. Да, — маг снова обернулся к хоббиту, должен признаться, Пиппин, что когда я услышал это название, у меня сердце оборвалось. И все же рассказ Фарамира обнадежил. Судя по всему, Враг начал войну и сделал первый шаг, когда Фродо был еще в пути. Теперь Вражье Око долго будет обращено куда угодно, только не на собственные земли, — что ему там высматривать. Однако я даже отсюда, издалека чувствую его торопливость и страх. Он начал раньше, чем собирался. Знать бы, что его к этому подтолкнуло.

Гэндальф задумался.

— Неужто всему виной твое глупое любопытство? — размышлял он вслух. — Ведь как вышло: пять дней назад мы низвергли Сарумана и забрали его камень... И что с того? Использовать палантир, во всяком случае, с толком и так, чтобы Он об этом не знал, мы все равно не можем. Хотя постой! Как же я сразу не сообразил? Арагорн! Его срок приближается. Силы и твердости у него достаточно. Он смел, решителен, зря на рожон не полезет, но если потребуется, пойдет на любой риск. Вот, наверное, в чем разгадка. Арагорн заглянул в палантир, бросил открытый вызов Врагу, и тот увидел его. Это было сделано неспроста, чтобы... — маг осекся и махнул рукой. — Ладно, быть может, мы узнаем побольше от конников Рохана, если они не явятся слишком поздно. Давай-ка лучше спать, впереди у нас нелегкие дни.

— Но... — начал было Пиппин.

— Что еще за «но»? — нахмурился маг. — Ладно, спрашивай, но больше одного «но» я сегодня не потерплю.

— Да я насчет Голлума, — пояснил хоббит. — Не понимаю, как они решились идти вместе, даже следовать за ним. И ведет он их в какое-то гадкое место, как я понял, Фарамиру оно понравилось не больше, чем тебе.

— Да я и сам не все понимаю, — признался Гэндальф. — Хотя давно был уверен, что судьбы Фродо и Голлума как-то связаны и, прежде чем все кончится, им непременно предстоит встретиться. Ну а

про Кирит-Унгол лучше вообще помолчать. Дурное место, однако меня больше пугает предательство... Чему быть, того не миновать. Даже закоренелый изменник может предать сам себя и, вовсе того не желая, совершить благое деяние. Так тоже бывает. Но все, хватит разговоров. Спокойной ночи!

Настало сумрачное хмурое утро, и приободрившиеся было с прибытием Фарамира люди снова впали в уныние. Крылатые Тени на виду больше не появлялись, но время от времени с высоты доносился их вой. Слышавшие его замирали от ужаса, а те, кто послабее духом, дрожали и не могли сдержать слез.

— Где же рохирримы? — гадали многие, поглядывая на север.

Фарамир снова уходил.

— Уж и отдохнуть не дают, — вполголоса толковали на улицах. — Правитель слишком суров к своему сыну, а ведь на нем нынче двойное бремя. Трудится без усталости и за себя, и за погибшего брата.

Фарамир и вправду уходил не по своей воле. Таково было решение совета, а точнее — правителя города, не настроенного в то утро прислушиваться к чужому мнению.

Военачальники собрались спозаранку, и все сошлись на том, что без помощи Рохана отразить наступление с юга в открытом бою невозможно. Оставалось лишь крепить стены и ждать.

— Но мы не должны оставлять внешние линии обороны, — указал Дэнетор. — Рэммас-Эккор стоил нам великих трудов, и Враг должен дорого заплатить за переправу через Реку. К северу от Кэир-Андроса лежат топи, там войско не провести, а южнее Лебеннина Андуин так широк, что потребуется целая флотилия лодок. Удар будет нанесен в Осгилиате, как и в прошлый раз, когда его отразил Боромир.

— То была всего лишь проба сил, — заметил Фарамир. — Теперь все иначе. Враг может положить у переправы по десять своих на каждого нашего и счесть это выгодным обменом. Ему ничего не стоит потерять целую рать, а у нас каждый маленький отрядец на счету. И если он все-таки прорвется за Реку, защитникам Осгилиата уже не отступить — до города слишком далеко.

— Нельзя забывать и о Кэир-Андросе, — вступил в разговор Имрахил. — Удерживая Осгилиат, необходимо позаботиться о левом фланге. Придут рохирримы, не придут — это пока неизвестно. Зато точно известно — Фарамир сам разведет, — что к Черным Воротам стягиваются неисчислимые полчища. Враг может выйти к Реке одновременно в нескольких местах.

— Риск есть, — согласился Дэнетор, — но на то и война. Кэир-Андрос укреплен, там имеется пост, а больше туда посылать некого. Однако ни Осгилиата, ни Пеленнора я без боя не отдам, если, конечно, сыщется полководец, которому достанет мужества выполнить волю своего правителя.

Воцарилось молчание, нарушил которое Фарамир.

— Твоя воля для меня закон, отец, — молвил он. — Раз Боромира нет я пойду вместо него и сделаю все, что в моих силах, если таков твой приказ.

— Да, приказ таков, — коротко ответил Дэнетор.

— Тогда прощай, отец, — поклонился Фарамир. — Если я вернусь, думай обо мне лучше.

— Это зависит от того, как ты вернешься, — сурово произнес Дэнетор.

Последним, кто говорил с Фарамиром перед отъездом на восток, был Гэндальф.

— Я знаю, у тебя горечь на сердце, — сказал он. — Но не лезь понапрасну на рожон. Ты еще будешь нужен здесь, и не только как воитель. Поверь, Фарамир, отец любит тебя. Ну, в добрый путь!

Фарамир уехал во главе небольшого отряда добровольцев. Многие пытались разглядеть со стен, что происходит в Осгилиате, но разрушенный город скрывала мгла. Другие неотрывно смотрели на север, считая лиги, отделявшие Рохан от Минас-Тирита.

— Придет ли Тейоден? — гадали они. — Не забудет ли о старом союзе?

— Придет, — заверял сомневающихся Гэндальф. — Непременно придет, разве что несколько запоздает. Пока еще рано. Сами посудите: красную стрелу он получил в лучшем случае два дня назад,

а путь от Эдораса неблизкий.

Поздним вечером со стороны Реки, загоняя коня, прискакал гонец с безрадостными вестями. Выступившее из Минас-Моргула войско уже подтягивалось к Осгилиату, соединившись с подошедшими с юга полчищами свирепых харадримов.

— Их снова ведет Черный Предводитель, — говорил гонец, содрогаясь от ужаса. — Страх переправился через Андуин впереди его воинства.

Этими словами закончился для Пиппина третий день пребывания в Минас-Тирите. В ту ночь мало кому удалось уснуть. Надежда таяла, ибо все понимали, что даже Фарамир не сможет удерживать переправу долго. На следующий день Тьма сгустилась до предела и больше уже не росла. Зато рос страх: гонцы донесли, что Вражье воинство переправилось через Андуин, а Фарамир, собрав уцелевших людей, отступает к стенам Пеленнора под натиском десятикратно превосходящих сил.

— Уж не знаю, успеет ли он укрыться за стенами, — говорил вестник, — враги идут по пятам. Они дорого заплатили за переправу, но все же меньше, чем мы рассчитывали. У них все было хорошо подготовлено. Теперь-то ясно, что в восточном Осгилиате давно уже строили лодки и сколачивали плоты. Так валом и валили, но самое страшное не это, а их Черный Предводитель. Мало кто устоит при его появлении. Перед ним и собственные-то воины трепещут, по первому его знаку они хоть сами на смерть пойдут, хоть друг друга поубивают.

— Значит, там я нужнее, чем здесь, — сказал Гэндальф и без промедления ускакал во Тьму.

Пиппин остался один и в ту ночь так и не сомкнул глаз.

Он стоял на стене, неотрывно глядя на восток.

Когда, словно в насмешку, ибо над городом висела тьма, зазвонили утренние колокола, Пиппин увидел далеко на равнине огненные вспышки. Поднялась тревога, люди схватились за оружие.

— Стена Пеленнора пала! — кричали повсюду. — Они проделывают в ней бреши чародейским зельем. Они идут!

Но первыми появились не враги, а горстка всадников во главе с Гэндальфом: они сопровождали вереницу повозок с ранеными. Не теряя времени маг направился к Дэнетору. Правитель сидел в верхнем покое, над тронной залой Белой Башни. Пиппин был с ним: заслышав колокол, хоббит вспомнил о службе и поспешил к наместнику. Дэнетор всматривался сквозь тусклые окна то на север, то на восток, то на юг, щуря темные глаза, словно надеялся пронзить взглядом окутавшую город со всех сторон мглу. Но чаще всего он оборачивался на север и порой напряженно прислушивался, будто благодаря ведомому одному лишь ему древнему искусству мог слышать топот копыт на далеких полях.

— Фарамир вернулся? — первым делом спросил Дэнетор.

— Нет, — ответил Гэндальф. — Но когда мы расставались, он был жив. Собрал отряд, чтобы прикрыть отступление через Пеленнор, иначе оно превратилось бы в бегство. Прикрыть-то прикроет, но долго ему не продержаться, слишком уж силен враг. Пришел тот, кого я боялся.

— Неужто сам Темный Властелин? — вскричал Пиппин, забывший от ужаса, что ему не пристало вступать в разговор.

— Нет, достойный Перегрин, — горько рассмеялся Дэнетор, — пока еще нет. Он появится только после полной победы, чтобы восторжествовать надо мной. Войну Враг ведет чужими руками, как и все великие властители, если они мудры. Как и я — сижу здесь, в Башне, размышляю, наблюдаю и выжидаю, не щадя даже собственных сыновей. А мне ведь еще под силу орудовать мечом.

Старик выпрямился и распахнул черный плащ, скрывавший, как оказалось, кольчугу и длинный меч в черных с серебром ножнах.

— Долгие годы я не снимал брони ни днем, ни ночью, — промолвил он. — Нельзя расслабляться, ибо изнеженность порождает робость.

— Однако сейчас твоими дальними укреплениями уже овладел самый грозный из полководцев Барад-Дура, — сказал Гэндальф. — Это бывший король Ангмара, великий чародей, а ныне предводитель назгулов, Призрак Кольца, копьё ужаса в руке Саурона и тень отчаяния для его противников.

— Вот соперник тебе под стать, Митрандир, — молвил Дэнетор с невеселой усмешкой. — Что до меня, мне давно известно, кто ведет

полчище Темной Башни. Неужто ты вернулся лишь ради того, чтобы сообщить мне это? Или же просто не решился померяться с ним силами?

Пиппин зажмурился от страха. Он ждал, что Гэндальф взъярится, но, как оказалось, напрасно.

— Может, и так, — спокойно отвечал маг. — Нам еще не пришло время испытывать силу. К тому же, если верить древним пророчествам, он падет не от руки мужа. Его судьба сокрыта даже от Мудрых. Впрочем, этот Владыка Отчаяния покуда вперед не рвется. Гонит в атаку своих, а сам командует из тыла, не иначе как руководствуясь мудростью, о которой ты только что говорил. Но хватит о нем. Я привез раненых, которых еще можно исцелить. Но прежде всего вернулся за тем, чтобы сообщить — в стенах множество брешей и скоро моргульские орды хлынут на равнину. Надо встретить врагов в поле, а для того нужна конница. Всадников у них мало, и мы можем надеяться хотя бы на краткий успех.

— Всадников и у нас в обрез, — проворчал Дэнетор. — Рохирримы были бы сейчас очень кстати.

— Прежде них появятся другие, — сказал Гэндальф. — Уцелевшие защитники Кэир-Андроза. Остров захвачен. Из Черных Ворот вышла новая рать, и сейчас она переправляется через Реку на северо-востоке.

— Кое-кто поговаривает, будто тебе, Митрандир, в радость приносить дурные вести, — отозвался правитель. — Да только для меня это никакая не новость. Я знал о случившемся еще до ночи. И насчет конной вылазки тоже думал. Давай-ка спустимся вниз, посмотрим, что можно сделать.

Время шло. Дозорные со стен видели отступающие отряды. Разрозненные кучки усталых, зачастую раненых воинов отходили в беспорядке, а иные просто бежали, словно от погони. Далеко на востоке зажглись и стали расползаться по равнине огни. Горели дома и амбары. Потом, прорезая мрак, ручейки красного пламени стали стекаться из разных точек к широкой дороге, что вела от Осгилиата к городским воротам.

— Враги наступают, — переговаривались люди. — Проломили стену да так и прут с факелами через бреши. Где же наши?

Еще не настал вечер, но в сумрачной мгле даже самые зоркие воины цитадели не могли разглядеть ничего, кроме множившихся пожарищ да факельных ручьев, сливавшихся в сплошные огненные потоки. Наконец на виду, примерно в миле от города, показался последний отряд, сохранявший строй и не поддавшийся панике. Дозорные затаили дыхание.

— Должно быть, это Фарамир, — говорили на стенах. — Ему повинуются и кони, и люди. Он еще держится.

Когда до Ворот оставалось не более ста шагов, из мрака галопом вылетели всадники — все, что осталось от прикрывавшего отход отряда. Соединившись со своими, они развернулись и снова ударили на преследователей. Навстречу им катился настоящий огненный вал, полчища визжащих орков с факелами в руках и свирепых южан под красными знаменами. А потом боевые кличи перекрыл душераздирающий вой, и из-под облаков вынырнули Крылатые Тени — несущие смерть назгулы.

Отступление превратилось в бегство. Строй распался, люди бросали оружие, крича от страха, а иные и просто падали без чувств на землю.

Но тут в цитадели запели трубы — Дэнетор подал сигнал к конной атаке. Сигнал, которого давно дожидались у Ворот все оставшиеся в городе верховые. Лавина всадников понеслась на врага, и со стен раздались радостные восклицания. В первых рядах, под знаменем Лебедя, скакали закованные в сталь рыцари князя Имрахила.

— Амрот за Гондор! — восклицали они. — Амрот за Фарамира!

Разделившись на два потока, конница обтекла отступавших и с громом обрушилась на вражеские фланги. А впереди всех мчался, как ветер, вновь представший в истинном свете Белый Всадник, и с его воздетой руки срывались разящие молнии.

Назгулы с хриплыми воплями взвились вверх и скрылись во тьме, ибо их предводитель все еще избегал поединка со столь могучим противником. Моргульская орда дрогнула и бросилась врассыпную: факелы мерцали и гасли, как искры, рассеянные порывом ветра. Отступавшие воспряли духом и сами перешли в наступление. Преследователи превратились в преследуемых. Поле усеяли трупы южан и орков. Всадники настигали бегущих и рубили

их на всем скаку.

Однако Дэнетор не позволил увлечься преследованием. Хотя вражий натиск и захлебнулся, с востока уже подступали новые полчища. Трубы пропели отход, и конница остановилась. Позади конных шеренг восстановили строй пехотинцы. Отступление завершилось в полном порядке. Воины вступили в город под гром ликующих криков, но ликование скоро поумерилось, ибо стало ясно, что Фарамир потерял не меньше трети своих людей. Да и его самого нигде не было видно.

Последними въезжали в ворота рыцари Имрахила. Знамя Дол-Амрота реяло над их головами, а сам князь прижимал к груди бездыханное тело найденного на поле брани своего родича, Фарамира, сына Дэнетора.

— Фарамир! Фарамир! — горестно восклицали люди, но он не отвечал, и его несли все выше по извилистой дороге в цитадель, к отцу. Когда назгулы уже разлетелись, убоявшись Белого Всадника, сдерживавший конников Харада Фарамир рухнул на землю, получив тяжкую рану, и лишь молниеносная атака рыцарей Дол-Амрота спасла его от участи быть искромсанным мечами южан.

— Твой сын вернулся, — сказал Имрахил Дэнетору, когда принес Фарамира в Белую Башню. — Вернулся, покрыв себя неувядаемой славой.

Князь рассказал обо всем, что видел, но правитель лишь смотрел на мертвенно бледное лицо сына и молчал. Потом он приказал приготовить для Фарамира ложе и уложить его здесь же, отпустил всех, а сам поднялся в самый верхний, тайный покой. Многие в ту ночь видели, что сквозь узкие окна долго пробивался бледный свет. Потом он вспыхнул и погас, а когда Дэнетор спустился и, по-прежнему молча, сел у постели, лицо его осунулось и посерело так, что казалось, будто он ближе к смерти, чем раненый.

Итак, Рэммас-Эккор подвергся разрушению, Пеленнором завладели враги, и город оказался в осаде. Последние беглецы явились со стороны северной дороги, и привел их Инголд, тот самый, который встретил Гэндальфа и Пиппина на границе менее пяти дней назад, когда солнце еще всходило и с каждым новым утром возрождалась надежда.

— О рохирримах ничего не слышно, — сообщил он. —

Наверное, они уже не придут, а коли и придут, так это нам не поможет. Их опередит другое войско, которое, как говорят, уже захватило Андрос и переправляется на наш берег Реки. Сильное войско: несчетная орда орков с Багровым Оком на щитах, а с ними люди, да такие, каких мы прежде не видели. На гномов смахивают — ростом не вышли, но в плечах широки, все как один бородатые и сражаются огромными топорами. Не иначе как дикари откуда-нибудь с востока. Они перекрыли северную дорогу и вступили в Анориэн. Теперь рохирримам не прорваться.

Ворота были закрыты. Всю ночь караульные на стенах тревожно всматривались во тьму. Правда, разглядеть можно было лишь пламя пожарниц: по всему Пеленнору догорали постройки, а враги вдобавок выжигали сады и рощи, словно задались целью не оставить ни единого деревца. Снизу доносился неумолчный гул голосов, а порой и дикие вопли: орки жестоко добивали раненых или, по своему гнусному обычаю, терзали тела павших. Сколько врагов перешли Реку, в ночи было не понять, но поутру, когда непроглядный мрак слегка посерел, стало ясно, что оправдались самые худшие опасения. Равнина чернела от марширующих отрядов, и повсюду, насколько мог видеть глаз, словно скопища поганых грибов, вырастали лагеря черных и багровых шатров.

Орки, суетсяь, словно муравьи, копали рвы на расстоянии полета стрелы от стен. Готовые они тут же заполняли огнем, и никто в городе не мог понять, как разводили это пламя и что его питало. Скорее всего, не обошлось без колдовских ухищрений. Вся эта возня продолжалась день напролет, на глазах у бессильных защитников Минас-Тирита. За огненными рвами устанавливали подвозившиеся на огромных повозках чудовищные метательные машины. Таких дальнобойных баллист и катапульт в городе не было, и никто не мог помешать подготовке к штурму.

Правда, поначалу вражьи приготовления не вызывали особого беспокойства. Стены Минас-Тирита, воздвигнутые в те времена, когда еще не было позабыто древнее мастерство Нуменора, вздымались на огромную высоту и прочностью не уступали даже Ортханку. Неуязвимые снаружи ни для огня, ни для стали, они могли выдержать любой удар и стоять неколебимо, пока не провалятся под землю поддерживающие их скалы.

— Нет, — успокаивали друг друга люди, — пусть сюда явится

хоть сам Неназываемый, ему не войти в город, пока мы живы.

— Так это пока живы, — угрюмо бормотали другие, — а долго ли мы продержимся? У него есть оружие, перед которым с начала мира пало множество твердынь. Голод, вот чем он возьмет нас за горло. Дороги перерезаны. Рохан на помощь не придет.

Но метательные машины и не были направлены против несокрушимых стен. План нападения на издревле противостоявшую Мордору крепость был разработан не вожаком шайки разбойников или орочьей стаи — за этим планом таился могучий и злобный разум. Раздались громкие крики, заскрипели блоки, и снаряды, взлетая высоко в небо, стали падать на крыши домов и улицы нижних ярусов. Некоторые взрывались, разбрасывая чародейский огонь. Начались пожары. А потом на город обрушился еще один град, не столь разрушительный, сколь устрашающий. На мостовые посыпались отсеченные головы павших защитников Рэммас-Эккора и Осгилиата. Многие лица были изуродованы или искажены предсмертными муками, каждое чело клеймил гнусный знак Барад-Дура. Люди узнавали своих близких, товарищей по оружию или мирным трудам.

Минас-Тирит не мог ответить на это ничем, кроме слез и проклятий, к которым нападавшие были глухи. Иные из них и вовсе не знали Западного Наречия, обходясь собственным говором, более походившим на хриплое карканье или лай. А очень скоро мужество осажденных подверглось еще более страшному испытанию. Враг обладал оружием, действовавшим вернее и быстрее, чем голод, оружием, имя которому — отчаяние. Над крепостью, подобно гнусным стервятникам, жаждущим пожрать плоть обреченных, закружили назгулы. Теперь, когда Темный Властелин открыто начал войну, их кошмарный вой исполнился еще большей разящей мощи. Закаленные воины без чувств падали наземь, и даже у самых стойких руки не держали оружие. Сознание меркло: пораженные ужасом помышляли только о бегстве или призывали смерть как избавление.

На протяжении всего этого черного дня Фарамир лежал без сознания в покоях Белой Башни. Жар не спадал, горячечный бред не прекращался, и по городу разнеслись слухи, что конец его неминуем. Дэнетор молча сидел возле постели, не сводя глаз с сына, будто совершенно позабыв о врагах, осаде и своих обязанностях.

Пиппину казалось, что так туго ему не приходилось даже в лапах урук-хай. Наместник не отдавал никаких повелений, но и не

отпускал, так что хоббиту оставалось лишь час за часом стоять у дверей сумрачной палаты, со страхом взирая, как меняется лицо Дэнетора. Тот старел прямо на глазах. Что-то, горе или, быть может, раскаяние, надломило его гордую волю. Раньше Пиппин больше всего боялся увидеть в глазах правителя гнев, но когда они наполнились слезами, это оказалось для него совершенно непереносимым.

— Не надо отчаиваться, повелитель, — запинаясь, пролепетал хоббит. — Он еще может поправиться. Надобно посоветоваться с Гэндальфом.

— Не говори мне больше о чародеях, — угрюмо отозвался старик. — Все их ухищрения нелепы. Враг овладел тем, на что возлагалась безумная надежда. Сила его умножилась: ныне ему ведомы наши помыслы, и все содеянное нами оборачивается для нас гибелью. Сына, собственного сына я послал на верную смерть без последнего напутствия, не найдя для него доброго слова — и вот он лежит предо мной на пороге небытия! Чем бы все ни кончилось, род наместников пресекся, а значит, неминуем и конец Гондора. Если кто и переживет войну, то потомки выходцев с запада превратятся в жалкий, ничтожный сброд, таящийся по холмам и обреченный на вымирание.

Но тут его речь прервали донесшиеся из-за дверей голоса. Кто-то призывал правителя.

— Я не выйду, — молвил Дэнетор. — Мое место здесь, рядом с сыном. Вдруг он придет в себя, вдруг скажет хоть слово перед кончиной, ждать которой осталось совсем недолго. А обороной путь командует кто угодно, даже Серый Простак, со своими вздорными надеждами! Оставьте меня.

Так Гэндальф оказался во главе защитников города. Один его вид наполнял сердца мужеством, отгоняя страх перед крылатыми теньями. Казалось, он способен одновременно быть в нескольких местах — то появлялся в цитадели, то у Ворот, то на стенах нижнего круга. Повсюду его сопровождали Имрахил и рыцари Дол-Амрота в сияющей броне. Величественные и горделивые, они не ведали страха, словно воскресшие герои древнего Нуменора.

— Только гляньте на этих, из Дол-Амрота, — перешептывались

люди. — Не зря, видно, толкуют, будто они сродни эльфам. В их земле, в Белфаласе, некогда жил народ Нимродэли.

Случалось, кто-нибудь начинал напевать строфы из Песни о Нимродэли или иной баллады, незабытой до сих пор в долине Андуина. Однако стоило рыцарям отойти, песни смолкали. Над людьми снова смыкались тени, сердца леденели, и доблесть Гондора обращалась в прах. Близилась ночь, и город медленно погружался во тьму отчаяния. Никто уже не пытался тушить пожары, и почти весь нижний круг был охвачен пламенем. В некоторых местах воины на внешней стене оказались отрезанными от своих — они не могли ни отступить, ни получить подкрепление. Но таких, самых верных и стойких, оставалось немного, большинство укрылось за вторыми воротами.

Овладев равниной, враги спешно навели мосты через Реку. Весь день по мостам переправлялись войска и подвозилось снаряжение, а в середине ночи начался решительный штурм. Передовые отряды нападающих прошли по оставленным между огненными рвами проходам и ринулись вперед, не обращая внимания на летевшие со стен стрелы. Пламя давало достаточно света, чтобы превратить врагов в прекрасные мишени для метких гондорских лучников, но стрелков было прискорбно мало, и нанести противнику серьезный урон они не могли. Тот, кто командовал атакой, наблюдая за ней из тайного укрытия, решил, что мужество защитников стен сломлено и их остается сокрушить окончательно. Он подал знак, и из тьмы медленно поползли вперед выстроенные в Осгилиате огромные осадные башни.

И снова к покоям правителя в Белой Башне прибыли гонцы. На сей раз они были так настойчивы, что Пиппину пришлось их впустить. Дэнетор неохотно оторвал взгляд от лица Фарамира и молча повернулся к ним.

— Нижний круг города в огне, — доложил старший из прибывших. — Какие будут приказания? Митрандир Митрандиром, но люди желают идти в бой под водительством наместника королевства, своего законного правителя. Некоторые уже бегут, оставляя стены без защиты.

— Зачем? — вскричал Дэнетор. — Зачем бегут эти глупцы? Всем нам все равно суждено сгореть, и незачем оттягивать неминуемое! Возвращайтесь к своим погребальным кострам, а я

взойду на свой. Да, да, на костер! Тела Дэнетора и Фарамира не будут набальзамированы и погребены в пышных усыпальницах. Их заменит огонь. Так завершали свой земной путь короли варварских народов до того, как с Запада приплыл первый корабль, путь же будет так и теперь, когда Запад пал. Ступайте прочь.

Не поклонившись и не промолвив ни слова, воины покинули Башню.

Дэнетор отпустил руку Фарамира и, бросив на него еще один взгляд, горестно произнес:

— Он горит, уже горит. Дом его духа обращается в пепел, — затем правитель медленно подошел к хоббиту и заглянул ему в глаза. — Прощай! — зазвучали негромкие слова. — Прощай, Перегрин, сын Паладина. Недолго продолжалась твоя служба, а сегодня она закончилась. Я освобождаю тебя от клятвы. Иди и умри так, как найдешь нужным. Хочешь, так и вместе с твоим приятелем, бестолковым кудесником, который и привел тебя к гибели. Позови моих слуг и уходи. Прощай!

Пиппин преклонил колено, но неожиданно вскочил и, не опуская глаз под взглядом грозного старца, с хоббитской прямоотой выпалил:

— Не хочу я прощаться! Но уйти, коли велено, уйду, тем паче что и вправду не прочь повстречаться с Гэндальфом. Никакой он не бестолковый, и я не стану помышлять о смерти, покуда у него есть надежда. А насчет службы — она не окончена, пока вы живы. Надеюсь, даже если враги ворвутся в цитадель, я буду с вами до конца и, может быть, покажу себя достойным высокой чести носить доспехи и зваться воином Гондора.

— Дело твое, — безразлично проговорил Дэнетор. — Поступай как знаешь, а моя жизнь кончена. Позови слуг! — он умолк и снова повернулся к Фарамиру.

Пиппин повиновался, и в палату явились шестеро рослых челядинцев. Зная, что правитель не в духе, они приблизились к нему с трепетом, но Дэнетор говорил с ними спокойно, не повышая голоса. Был отдан приказ укрыть Фарамира одеялами и поднять его вместе с ложем. Медленно, стараясь не потревожить метавшегося в горячке раненого, слуги понесли Фарамира к выходу из Башни. За ними, сгорбившись и тяжело опираясь на посох, следовал старый правитель, а позади пристроился Пиппин. Процессия, до крайности смахивавшая

на похоронную, пересекла темный, озаряемый лишь багровыми отсветами пожаров двор и по знаку Дэнетора задержалась у увядшего Древа.

Здесь царила почти полная тишина: толстые стены глушили доносившиеся снизу звуки сражения, так что было слышно, как печально капает с мертвых ветвей вода. Под изумленными, растерянными взглядами караульных скорбное шествие миновало ворота цитадели. Затем последовал поворот на запад, и дорога вывела к двери в стене шестого круга. Ее открывали лишь во время погребальных церемоний, кроме правителей, ею пользовались только отмеченные особым знаком служители Дома Усопших. За дверью начинался извилистый путь к возведенным на узком отроге в тени Миндоллуина гробницам королей и их наместников.

Из сторожки выскочил насмерть перепуганный привратник с фонарем в руке. По приказу Дэнетора дверь бесшумно распахнулась, фонарь у сторожа забрали, и все двинулись дальше. Дрожащий свет вырывал из мрака древние стены и ровные ряды колонн. Гулкое эхо множило мерную поступь слуг. Рат-Динен, улица Безмолвия, пролегавшая между огромными склепами, увенчанными бледными куполами и покрытыми рельефными изображениями давно умерших людей, привела к Дому наместников. Слуги вошли туда и опустили свою ношу.

Пиппин с беспокойством озирался по сторонам. Он находился в сводчатом зале, столь просторном, что свет фонаря не достигал стен и позволял видеть лишь ряды резных мраморных постаментов. На каждом возлежала человеческая фигура со сложенными на груди руками. Один постамент, ближайший к входу, оставался пустым. На него по велению правителя возложили Фарамира. Дэнетор лег рядом с сыном. Слуги закрыли обоих одним покрывалом и скорбно склонили головы, как перед смертным ложем.

— Здесь мы будем ждать, — тихо, но отчетливо произнес старик. — Не надо звать бальзамировщиков, они не потребуются. Принесите побольше сухих дров, сложите вокруг нас и полейте маслом. Когда прикажу, дадите мне факел. Это все, исполняйте.

— Я... это... с вашего разрешения, — в ужасе залепетал Пиппин, но, так и не договорив, стремглав бросился из обители смерти.

— Бедный Фарамир! — твердил он себе. — Это ж надо

додуматься — заживо хоронить! Его не оплакивать надо, а лечить! Тут без Гэндальфа не обойтись, он позарез нужен. Но где его сыскать? Он небось в самой гуще сражения. Будет ли у него время заниматься умирающим да безумцем?

— Эй, — крикнул Пиппин одному из слуг, вставшему на часах у двери. — Твой господин не в себе. Не торопись исполнять приказы. Главное, не приноси сюда огня, пока Фарамир жив. Дождись Гэндальфа!

— Разве в Минас-Тирите повелевает не правитель Дэнетор, а Серый Странник? — угрюмо отозвался слуга.

— Видать, Серый Странник, раз больше некому! — бросил в сердцах Пиппин и со всех ног припустил по извилистой дороге назад к городу. Он промчался мимо ошарашенного привратника и бежал, не останавливаясь, пока не достиг ворот цитадели.

— Куда это ты так спешишь, друг Перегрин? — окликнул страж, в котором хоббит узнал Берегонда.

— Митрандира ищу, — ответил запыхавшийся Пиппин.

— Коли правитель послал, стало быть, дело спешное, — почтительно сказал Берегонд. — Я не вправе тебя задерживать, но может, все-таки скажешь, что тут происходит? Я только заступил на пост, а мне говорят, правитель, мол, отправился к Фен-Холлен, Запертой Двери, а перед ним слуги несли Фарамира.

— Все точно, — подтвердил Пиппин. — Несли и принесли. По улице Безмолвия напрямиком в Дом Усопших.

Берегонд опустил голову, пытаясь скрыть подступившие к глазам слезы.

— Я слышал, будто он при смерти, — упавшим голосом проговорил Страж, — но никак не думал, что умрет так скоро.

— Да он вовсе не умер! — воскликнул Пиппин. — По моему разумению, его еще можно спасти. Вся беда в том, что правитель пал раньше своего города. Вбил себе в голову, будто все кончено и, кроме смерти, уповать не на что. Худо дело... — хоббит коротко поведал о странных словах и поступках Дэнетора. — ...Теперь понимаешь, почему мне нужно срочно найти Гэндальфа?

— Тогда иди вниз, где идет битва. Он там.

— Так и сделаю, благо правитель разрешил мне идти куда угодно. А тебя, Берегонд, вот о чем попрошу — не дай случиться самому страшному. Помешай ему сжечь заживо себя и сына!

— Но как? Я ведь на страже и не могу покинуть пост без приказа самого правителя.

— Выбирай! — взъярился Пиппин. — Или приказ, или жизнь Фарамира! Неужто до тебя не дошло: Дэнетор спятил! Он не может больше править, да и не хочет! Ну, мне некогда. Коли смогу, вернусь.

Хоббит помчался вниз, к наружным стенам. Встречные, завидя плащ и доспехи цитадели, окликали его, верно, надеясь услышать новости из Башни, но он, не обращая внимания, пробежал мимо, пока не миновал Вторые Ворота и не оказался в охваченном пожарами нижнем круге. Здесь его поразила тишина. Хоббит едва успел подумать о том, почему же не слышно ни криков, ни лязга оружия, как воздух потряс вырвавшийся одновременно из множества глоток вопль, а следом за ним — чудовищной силы глухой удар. Пиппина охватил страх, однако он, с трудом унимая дрожь в коленках, все же обогнул угол и, уже ступив на площадь перед Воротами, остолбенел. Гэндальф был там, но Пиппин не окликнул его, а отпрыгнул, сжался в комочек и затаился в тени.

Начавшийся в середине ночи штурм продолжался. Гремели барабаны, с юга и с севера накатывали все новые полчища. В красном неровном свете казалось, будто за стенами сами собой движутся дома — харадские мумаки подтаскивали ближе из-за огненных рвов метательные машины и осадные башни. Но тот, кто возглавлял наступление, похоже, особо не интересовался ходом сражения и не считал потерь. Задача первого натиска сводилась к тому, чтобы испытать крепость обороны и заставить защитников рассредоточиться по стенам. Главный удар был нацелен на Ворота. Выкованные из стали, охраняемые неприступными башнями и бастионами, они казались несокрушимыми, но все же именно здесь находилось самое уязвимое место города.

Еще громче ударили барабаны, еще выше взвились надо рвами языки пламени, и вперед выдвинулся огромный, намного превосходивший размерами все прочие боевые машины, таран. Долго ковали его в темных кузницах Мордора. Подвешенный на мощных

цепях, длиной с огромное дерево, он имел наголовье из вороненой стали в виде безобразной оскаленной волчьей морды и таил в себе заклятие, несущее разрушение. В память о Молоте Подземного Мира давних времен таран называли Грондом. Его волокли мумаки, вокруг сновали целые толпы орков, а позади вышагивали горные тролли.

Но сопротивление у Ворот было особенно сильным: там стояли насмерть рыцари Дол-Амрота и самые стойкие из воинов города. Со стен тучами летели камни, копья и стрелы, осадные башни рушились или внезапно вспыхивали, как факелы. Земля пропиталась кровью, всюду громоздились трупы, но нападавшие, словно впад в безумие, рвались напролом, прямо по обломкам машин и телам павших соратников.

Гронд, хоть и медленно, но продвигался вперед. Обивка защищала его от зажигательных стрел, а если какой-нибудь раненый мумак впадал в бешенство и давил обступивших его орков, место затоптанных тут же занимали другие.

Бой барабанов уподобился грому, и на виду у защитников появилась ужасная фигура: рослый всадник в черном плаще с низко надвинутым капюшоном. Он ехал медленно, попирая трупы копытами своего коня и не обращая внимания на свистевшие вокруг стрелы. Остановившись, всадник взмахнул длинным тускло светящимся мечом, и волна неодолимого ужаса захлестнула и оборонявшихся, и наступавших. Оружие падало из слабеющих рук, никто не мог натянуть тетиву. На миг все стихло.

Снова грянули барабаны. Мощным рывком Гронд подтащили к самым Воротам. Могучие лапы троллей качнули его, и на створы обрушился первый удар. Содрогнулись стены, грохот прокатился по всему городу, но сталь выдержала. Тогда Черный Предводитель приподнялся на стременах, и над полем боя троекратно прозвучало древнее заклинание. Слова давно забытого языка были исполнены такой силы, что могли сокрушать и людские сердца, и мертвый камень.

Трижды ударил таран, и третий удар оказался роковым. С ослепительной, словно сверкнула молния, вспышкой огромные Ворота рухнули и рассыпались грудой обломков.

Предводитель назгулов — черная тень ужаса и отчаяния —

проехал под аркой, где никогда прежде не проходил ни один враг. Никто не препятствовал ему, защитники Ворот бежали в полном смятении. Все, кроме одного.

Посреди площади за Воротами, верхом на застывшем, словно он сошел с одной из резных картин на Рат-Динен, Светозаре, противника поджидал Гэндальф.

— Ты не пройдешь! — молвил маг, и Черный Всадник остановился. — Убирайся в бездну, в небытие! Ни тебе, ни твоему Властелину нет места в этом мире. Уходи!

Всадник откинул капюшон, и взору Гэндальфа предстал сгусток Тьмы, сквозь которую просвечивало багровое пламя. Но эту мрачную пустоту венчала бледная королевская корона. С невидимых губ сорвался мертвящий смех.

— Старый глупец, — донеслось из черноты, — старый глупец, это мой час! Неужто ты не в силах распознать смерть, даже когда она перед тобой? Все твои потуги напрасны, сейчас ты умрешь! — Предводитель назгулов воздел меч, и клинок вспыхнул злобным холодным пламенем.

Гэндальф не двинулся. В этот самый миг где-то далеко, в глубине города, пронзительно и звонко запел петух. Не считаясь ни с войной, ни с колдовскими чарами, он приветствовал встававшее высоко в небесах, над теньями смерти, невидимое для людей утро.

И клич не остался без ответа. Отражаясь эхом от темных склонов Миндоллуина, над равниной пронесся громовой зов множества боевых рогов. Рохан все-таки пришел.

Глава 5.

ПОХОД РОХИРРИМОВ

Стояла такая темень, что лежавший на земле, завернувшийся в одеяло Мерри тщетно силился хоть что-то разглядеть. Ночь была тихой, безветренной. Вокруг тихонько вздыхали невидимые деревья, но хоббиту не давал покоя совсем другой звук. Вот и сейчас откуда-то издалека донесся глухой рокот барабанов. Он раздавался снова и снова, звучал то дальше, то ближе. «Интересно, часовые наши что-нибудь слышат?» — подумал Мерри.

Часовых, как и весь стан рохирримов, тоже скрывала тьма. Пахло лошадьми. Хоббит слышал, как они мягко переступают копытами по густо устланной опавшей хвоей земле. Войско остановилось на отдых в сосновом бору у подножия холма Эйленах, что возвышался над расстилавшимся рядом с пересекавшей восточный Аноризн дорогой густым Друаданским лесом.

Несмотря на усталость, сон Мерри не брал. Поход продолжался уже пятые сутки, мрак с каждым днем сгущался, и бодрости это не добавляло. Хоббит едва не жалел, что нарушил недвусмысленный королевский приказ и ввязался в эту историю, и частенько задумывался, знает ли о его непослушании Тейоден. А вдруг рассердится да задаст взбучку? Но куда взбучкой и не пахло. Похоже, Дернхельм как-то договорился с сенешалем Эльфхельмом, командиром второго эйореда, и все конники попросту не замечали Мерри, как будто бы тот был не хоббит, а всего-навсего лишний вьюк. Оно бы и не худо, но с хоббитом никто не разговаривал, даже из Дернхельма слова было не вытянуть. Одиночество угнетало: много ли радости чувствовать себя беспомощным и никчемным?

Между тем путь становился все опаснее. До внешних укреплений Гондора оставалось менее дня езды. Многие из высланных вперед разведчиков не вернулись, и уцелевшие доложили, что дорога перерезана. Враг встал лагерем в трех милях от Эмон-Дин, а крупный отряд движется навстречу рохирримам, и их сейчас отделяет от противника не больше трех лиг. В придорожных лесах рыскали стаи орков.

Ночью Тейоден и Эймер держали совет, а Мерри маялся от тоски. Ему не хватало собеседника, а вспомнив о Пиппине, он расстроился еще больше. Другу-то небось тоже не сладко — брошен бедолага один-одинешенек в огромном каменном городе. Вот будь он, Мерри, большим и сильным, вроде Эймера, так затрубил бы в рог и галопом вперед, Пиппину на выручку.

Хоббит вздохнул, присел и прислушался. Барабаны рокотали совсем близко. Потом донеслись приглушенные голоса, и между деревьями замелькали неяркие, полуприкрытые фонари. Люди приближались, осторожно пробираясь сквозь лес. Прежде чем Мерри успел убраться с дороги, рослый воин споткнулся об него и выругался, помянув недобрым словом древесные корни. Хоббит узнал голос Эльфхельма.

— Никакой я не корень, — обиженно проворчал он. — Где это видано, чтобы топтать по живым хоббитам? Но, раз уж так вышло, так хоть объясни, что тут происходит.

— Прошу прощения, — извинился Эльфхельм. — Темнотища-то какая: не разберешь, где корень, а где холбитла. Но хватит разлеживаться, государь приказал всем быть в боевой готовности и ждать сигнала к выступлению.

— Враги нагрянули? — встревоженно спросил Мерри. — Значит, это их барабаны.

— Нет, нет, — успокоил его Эльфхельм. — Враги идут по дороге, в холмы не углубляются. В барабаны бьют лесные дикари, так они переговариваются друг с другом на расстоянии. Говорят, это племя — все, что осталось от очень древнего и некогда многочисленного народа. Сейчас они живут в Друаданском лесу, но их очень мало, а известно о них и того меньше. Осторожны, как звери, и великие мастера прятаться по чащобам. Войны ни с Маркой, ни с Гондором не ведут, но и союзниками никогда не были. Однако сейчас их пугает Тьма и появление орков; им кажется, что могут вернуться Темные Лета, и тут я их понимаю — сами-то мы зарекаемся не станем, верно? Хорошо, что мы с ними не враждуем, стрелки-то они отменные, и бьют из засады отравленными стрелами. Сейчас один из лесных вождей беседует с королем — он хочет предложить нам помощь. Больше я пока ничего не знаю. Ну, меня ждут дела. А ты будь наготове.

С этими словами Эльфхельм растворился во тьме. У Мерри и без того на сердце было пасмурно, а тут еще какие-то дикари с отравленными стрелами. Ожидание и безделье сделались невыносимыми. Подталкиваемый тревогой и любопытством, хоббит поднялся и бесшумно двинулся на свет.

Огни привели его на поляну, где под раскидистым деревом стоял шатер короля. Перед шатром, в круге света от свисавшего с ветки, прикрытого сверху фонаря, Мерри увидел Тейодена и Эйомера. Перед ними сидело странное существо, с первого взгляда больше походившее на замшелый валун, чем на человека, но то был человек: приземистый, плотный, с короткими толстыми руками и ногами. Его клочковатая борода топорщилась, словно сухой мох, а всю одежду составляла травяная набедренная повязка. Чудное обличье все же показалось хоббиту знакомым: он призадумался и вдруг вспомнил каменных Пузанов из Дунхара. Вполне возможно, этот оживший истукан приходился дальним потомком тем, кого изобразили в незапамятной древности канувшие в забвение ваятели.

Лесовик говорил низким гортанным голосом и, к удивлению Мерри, на Общем Наречии, хотя частенько сбивался и вставлял незнакомые слова. Когда хоббит приблизился, он, судя по всему, отвечал на какой-то вопрос...

— Нет, Отец Конепасов, наша не сражаться. Только охотиться. Убивать в лесах горгунов, ненавидеть все племя. Врагам горгунов помогать. У лесовиков длинные уши, зоркие глаза, они знают все тропы. Лесовики жить здесь до первых каменных домов, до того, как прийти другие из-за Великих Вод...

— Но нам-то нужна как раз военная помощь, — сказал Эйомер. — А что можете предложить вы?

— Вести, — ответил дикарь. — Лесовики взбираться на холмы и видеть все. Каменный Город закрыт. Там огонь: гореть сперва снаружи, а теперь и внутри. Ваша хотеть попасть туда, так? Тогда ваша спешить. Но там, — рука указала на восток, — на конской дороге горгуны и люди, плохие люди. Их много больше, чем Конепасов.

— Откуда ты знаешь? — с сомнением спросил Эйомер.

Плоское лицо и темные глаза старика оставались бесстрастными, но в голосе прозвучала досада.

— Наша — лесовики. Вольный народ, не глупые дети. Моя — великий вождь Гхан-бури-Гхан. Моя сосчитать многое: звезды на небе, листья на деревьях, люди в темноте. У тебя десять раз по двадцать двадцаток и еще пять. У них больше. А под Каменным Городом еще. Конепасам не пройти к Городу по конной дороге.

— Увы, — вздохнул Тейоден, — похоже, он не ошибается. А наши разведчики донесли, что дорогу перекопали рвами и вбили в землю острые колья. С налета нам не прорваться.

— Но ведь Мундбург горит! — воскликнул Эймер. — Мы должны спешить!

— Ваша слушать Гхан-бури-Гхан! — проворчал старый лесовик. — Он знать еще одна дорога. Он вести тропами, где нет рвов, нет горгуны — только лесовики и звери. Народ Каменных Домов проложить много дорог. Холмы кромсать, как охотники добыча. Лесовики гадать, они есть камни? Через Друадан к Риммону ходить повозки, очень большие. Теперь нет. Дорогу забыть, но лесовики помнить. Она за холмом, под травой и деревьями. Вести от Риммона к Дину, потом снова к дороге Конепасов. Лесовики показать. Ваша убить горгуны, прогнать темнота ярким железом, лесовики вернуться, спокойно спать.

Тейоден и Эймер заговорили между собой по-рохански, но очень скоро король обратился к Гхан-бури-Гхану.

— Мы принимаем твое предложение. Правда, враг останется у нас за спиной, но что с того? Если падет Каменный Город, мы уже не вернемся. А выстоит, так отрезанными окажутся сами орки. Будь верен нам, вождь, мы щедро вознаградим тебя, и Марка вступит с твоим народом в союз на вечные времена.

— Мертвые не вступать в союз с живыми и не дарить, — отозвался дикарь. — Твоя выжить, твоя оставлять лесовики в покое, не охотиться на них. Гхан-бури-Гхан не врать. Он сам идти с отцом Конепасов. Твоя убить Гхан, если ловушка.

— Быть по сему! — сказал Тейоден.

— Сколько времени уйдет на обход? — спросил Эймер. — Дорога, наверное, узкая; идти придется пешком, коней вести в поводу...

— Лесовики всегда ходить пешком, — откликнулся Гхан. —

Дорога узкая в начале и в конце, в долине четыре коня в ряд. Лесовики добираться отсюда до Дина с восход до полдень.

— Часов семь... — прикинул Эймер. — Положим, семь часов для передовых отрядов и десять для всех остальных. В пути возможны непредвиденные задержки. К тому же войско растянется длинной цепью, собрать его и построить удастся не сразу. Который час?

— Кто знает? — ответил Тейоден. — Нынче все время ночь.

— Темно не ночь, — возразил Гхан. — Лесовики чуют солнце, даже не видеть. Оно вставать над горами. В небесных полях начинаться день.

— Значит, выступать надо без промедления! — заявил Эймер. — Даже так сегодня мы уже не успеем на помощь Гондору.

Слушать дальше Мерри не стал и незаметно улизнул. В любой момент мог прозвучать сигнал к выступлению. Теперь всего один переход отделял его и рохирримов от битвы, из которой, как думалось хоббиту, мало кто вернется живым. Но он подавил подступающий страх, вспомнив о Пиппине — каково тому в осажденном, пылающем Минас-Тирите.

В тот день все обошлось благополучно. Воины Марки не только не нарвались на засаду, но вовсе не увидели никаких признаков врага. Ни один орк или другой вражий лазутчик не узнал о продвижении войск: тайную дорогу надежно оберегали невидимые ни для кого, но все примечавшие лесные охотники. Чем ближе к осажденному городу, тем гуще становился мрак. Шли не растягиваясь, плотными колоннами, ибо уже в нескольких шагах кони и люди пропадали из виду. Каждый отряд вел проводник из лесовиков, а старый Гхан держался рядом с королем. Поначалу двигались очень медленно — не так просто было провести под уздцы коней сквозь густые, скрывавшие тропу заросли, и только ближе к вечеру голова колонны спустилась по восточным склонам Эмон-Дин в сокрытую долину. Там пролегал древний тракт, выводивший в конце концов к конной дороге, что шла в Рохан через Аноризн. В Гондоре об этом тракте позабыли много поколений назад, мостившие его плиты давно исчезли под травой и листьями, опавшими с буйно разросшихся деревьев. Под прикрытием леса и холмов войско могло пройти

незамеченным до самой равнины Андуина.

Ближе к створу долины передовой отряд остановился. Пока остальные подтягивались, король созвал военачальников на совет. Эймер предложил выслать вперед разъезд, но старый Гхан покачал головой.

— Конепасы отдыхать, — сказал он. — Лесовики видеть все, что можно. Скоро приходить, скоро говорить.

И точно, едва успели собраться командиры, как из мрака вынырнули другие «истуканы», до того похожие на Гхана и друг на друга, что Мерри решительно не мог отличить одного от другого. Они заговорили со своим вождем на незнакомом гортанном языке, после чего Гхан обернулся к королю.

— Лесовики узнать, — сообщил дикарь. — Возле Дина, — он указал рукой в сторону сторожевого холма, — большой лагерь, много людей. Час ходьбы. Зато между это место и город никого. Все заняты, ломать стены. Почти совсем порушить: горгуны принести земные грома и дубины из черного железа. Глупые горгуны не смотреть по сторонам. Они думать, стеречь все дороги! — Тут старый Гхан издал диковинный булькающий звук, не иначе как рассмеялся.

— Добрые вести! — воскликнул Эймер. — Даже в этом мраке снова блеснул лучик надежды. Бывает и так, что Вражьи хитрости против него же оборачиваются. Я-то боялся, что они займут стену и она станет для нас неодолимой преградой. Конница не может штурмовать укрепления. Но их стремление не оставить от всего гондорского камня на камне сыграло с ними злую шутку — орки сами расчистили нам путь. Пока они заняты стеной, мы подойдем поближе, а потом сметем их одним ударом.

— Благодарю тебя, Гхан-бури-Гхан. Да сопутствует тебе удача за добрые вести и оказанную помощь, — молвил Тейоден.

— Убить горгуны! Убить проклятые орки! — ответил Гхан. — Больше ничего. Ваша прогнать темнота и убить орки.

— Для того мы и проделали долгий путь, — сказал король. — Мы попытаемся, а чего добьемся — покажет завтра.

Гхан-бури-Гхан припал к земле и коснулся ее морщинистым лбом в знак прощания. Потом он встал, собираясь удалиться, но неожиданно замер, принохиваясь и глядя вверх, словно

настороженный лесной зверь, учуявший подозрительный запах. Глаза его заблестели.

— Ветер меняться! — воскликнул он и с этими словами мгновенно растворился во мраке.

Больше никто из рохирримов его никогда не видел. Вскоре далеко на востоке снова послышался барабанный бой. Никому во всем войске не пришло в голову опасаться измены лесовиков, хотя казались они народом странным и не слишком приятным.

— Дальше вполне обойдемся без проводников, — сказал Эльфхельм. — В мирные дни многие из наших бывали в Мундбурге. Хоть бы и я. Когда выйдем к дороге, она отклонится к югу, и по ней до стены будет семь лиг. По обочинам растет густая трава. Гондорские гонцы всегда считали этот участок самым подходящим для быстрой скачки. Припустим по траве, помчимся как ветер и без особого шума.

— Впереди жестокая битва, нам нужно отдохнуть, — заметил Эймер. — Лучше сделать это сейчас, а ночью продолжить путь. Тогда к рассвету, даже если он опять не наступит, мы достигнем полей.

Король согласился, и военачальники разошлись, однако Эльфхельм вскоре вернулся.

— Прибыли разведчики, государь, — доложил он. — Врагов не обнаружили, но наткнулись на трупы: двое людей и кони.

— Кто же они? — спросил Тейоден.

— Боюсь, государь, гондорские гонцы. Один не иначе как Хиргон, его рука все еще сжимала красную стрелу. По ней и опознали, головы-то у обоих отрублены. Похоже, они погибли, когда скакали на запад. Думаю, на обратной дороге они наткнулись на врагов, уже захвативших внешние стены, поняли, что до города им не добраться, и повернули назад.

— Плохо дело, — вздохнул Тейоден. — Выходит, Дэнетор так и не узнал, что мы спешим на помощь.

— Подгоняет нужда, но лучше поздно, чем никогда, — сказал Эймер. — Старая поговорка, но верная. Особенно нынче.

Ночью воинство Рохана двинулось вдоль дороги, держась по обе ее стороны. Густая придорожная трава глушила топот копыт. Когда всадники обогнули отрог Миндоллуина и повернули на юг, далеко впереди появилось багряное зарево.

Король ехал впереди в окружении телохранителей. За ними следовал эйоред Эльфхельма, и Мерри с удивлением приметил, что Дернхельм неуклонно продвигался вперед, пока не догнал всадников королевской свиты. Никто не обратил на это внимания.

Неожиданно движение приостановилось. Хоббит услышал впереди приглушенные голоса — высланные вперед и побывавшие почти у самой стены разведчики вернулись к королю с докладом.

— Там море огня, государь, — говорил командир разъезда. — Город окружен пламенем, на равнине полно врагов. Но все силы брошены на штурм. На внешней стене почти никого не осталось, да и оставшиеся заняты тем, что ее доламывают. За дорогой никто не следит.

— Ты помнишь слова дикаря? — спросил другой воин. — Меня зовут Видфар, в мирные дни я жил в степи и тоже умею распознавать ветер. Он меняется, это чистая правда. Потянуло с юга, и я, хоть и слабо, чувствую запах Моря. Похоже, к тому времени, когда мы пройдем за стену, займется рассвет.

— Воистину добрая весть, Видфар, — отозвался Тейоден. — Да пребудет с тобой удача долгие годы, — он обернулся и заговорил в полный голос так, что его слышали не только телохранители, но и многие в передовом эйореде.

— Конники Марки, сына Эйорла, час настал! Впереди — враг и огонь, а наши дома остались далеко позади. Однако, хоть мы и примем бой на чужой земле, слава, которую вы пожнете, навеки пребудет вашей. Вы клялись королю, земле и союзу дружбы. Время исполнить клятву!

Воины громыхнули копьями о щиты.

— Эйомер, сын мой, ты поведешь первый эйоред и пойдешь в центре, за королевским знаменем, — прозвучал приказ. — Ты, Эльфхельм, сразу за стеной возьмешь правее, а Гримбольд левее. Остальным разворачиваться в том же порядке и поддерживать тех, кто впереди. Ударим в самое скопище врагов. Другие планы строить бесполезно, мы не знаем, как обернутся дела в поле. Так вперед же,

не страшась Тьмы!

Что бы там ни предсказывал Видфар, пока еще не рассвело, и всадники взяли с места в карьер во мраке. Мерри трясся позади Дернхельма, левой рукой цепляясь за воина, чтобы не упасть, а правой пытаясь вытащить меч. «Прав был старый король, сто раз прав, — с горечью думал он. — В сече от меня никакого толку, а вылечу из седла, так затопчут копытами, никто даже не заметит».

До стены оставалось не больше лиги, и конники одолели это расстояние очень быстро, куда быстрее, чем хотелось бы хоббиту. Короткая стычка закончилась, едва начавшись — несколько выкриков, лязг стали, и малочисленный орочий заслон был попросту втоптан в землю. Миновав разрушенные Северные Ворота Раммаса, Тейоден придержал коня. Передовой эйоред собрался под его знаменем. Оглянувшись, Мерри увидел, что люди Эльфхельма выворачивают на правый фланг, а Гримбольд ведет своих на восток. Но Дернхельм почему-то остался с отрядом короля.

Хоббит выглядывал из-за спины всадника, но мало что мог рассмотреть. Далеко впереди, лигах, может быть, в десяти, полыхал страшный пожар, но между ним и роханским воинством пролегали огненные линии. Они охватывали город широким полумесяцем, и до ближайших было не больше лиги. Рохирримы хлынули на поля Пеленнора, вливаясь в проломы подобно тому, как вода просачивается сквозь трещины и щели в плотине, которую до сих пор считали надежной. Но разум и воля Черного предводителя в этот час полностью сосредоточились на гибнущем городе. Враг не ведал о том, что в его планы уже вкрался изъян.

Так никем и не обнаруженный, отряд Тейодена приблизился к первой линии осадных огней. По сигналу короля воины остановились. Город лежал совсем рядом. Тянуло гарью, казалось, что над равниной витает тень смерти. Кони беспокойно всхрапывали и переступали ногами.

Тейоден неподвижно сидел в седле, взирая на агонию Минас-Тирита. Боль искадила его лицо, плечи поникли, спина согнулась. Мерри и сам чувствовал гнетущую тяжесть ужаса и сомнений. Он слышал медленное биение своего сердца, и ему казалось, будто неуверенность заставила остановиться самое время. Они пришли слишком поздно, а это, что бы там ни говорил Эйомер, даже хуже, чем никогда. Все пропало. Вот сейчас, в следующий миг, Тейоден

горестно вздохнет, уронит седую голову и, пряча глаза, прикажет поворачивать к холмам.

Но в следующий миг произошло нечто иное. Мерри ощутил наконец ветер, о котором так долго говорили. Слабое дуновение коснулось лица! Забрезжил свет, слабый, едва уловимый, но все же свет! Далеко на юге стали видны нависшие над горизонтом серые тучи, а за ними занималось утро.

В то же мгновение мрак прорезала ослепительная вспышка, словно из земли ударила в небо яркая молния. Светящаяся игла Белой Башни выступила из тьмы, а над долиной прокатился громовой раскат. Город снова утонул во мгле, но Тейоден уже воспрянул духом. Он приподнялся на стременах, выпрямился во весь рост, и равнину огласила боевая песнь Рохана.

Гоном, гоном, конники Тейодена!
Скачите! Скачите! Мечи поднимайте!
Ломайте копья! Щиты дробите!
На клинках мы подыдем солнце!
Гоном! Гоном! За Гондор! За Гондор!
Гоном! Гоном! За Гондор! За Гондор!

Затем король выхватил из рук Гутлафа, своего оруженосца, огромный рог и вострубил с такой неистовой, нечеловеческой силой, что рог лопнул. Зов его могучим грозовым хором тут же подхватили другие рога.

Гоном! Гоном! За Гондор! За Гондор!

Тейоден что-то крикнул своему скакуну, и тот вихрем сорвался с места. Позади реяло на ветру знамя — белый конь на зеленом поле. Грохотали копыта, стремительно неслась по полю ведомая Эймером дружина, но никто не мог догнать вырвавшегося вперед короля. Охваченный воинственным пылом, неудержимый, как буря, он летел навстречу судьбе, подобный айнуру, самому Оромэ Великому, сражавшемуся в битве валаров на заре мира. Поднятый золоченый щит поймал солнечный луч, и трава под копытами Снежногривого налилась изумрудным блеском, ибо настало утро. Ветер с Моря разогнал Тьму и полчища Мордора дрогнули. В ужасе бежали они

перед катившимся на них, оцетинившимся копьями валом, а конники в упоении боя пели, пели и безжалостно разили врагов. Песнь их, прекрасная и грозная, была слышна в осажденном городе.

Глава 6.

ПЕЛЕННОРСКАЯ БИТВА

Но натиск на Гондор возглавлял отнюдь не вожак орочьей стаи или шайки разбойников. Пусть Тьма развеялась слишком рано, до назначенного Темным Властелином срока, пусть удача отвернулась от предводителя штурмующих войск в тот миг, когда он уже протянул за ней руку, но рука эта была очень длинной. Под его главенством собрались несчетные рати. То был Король-Кольценосец, предводитель назгулов, страшнейший и опаснейший из слуг Саурона. Он покинул Ворота, но не бежал, а вознамерился переломить ход сражения.

Прорвавшись к дороге, что вела от Ворот к Реке, Тейоден, король Марки, свернул к городу, от которого его отделяло теперь не более мили, и слегка придержал коня, выискивая новых противников. Вокруг государя собрались его воины, в их числе и Дернхельм. Впереди, ближе к городским стенам, конники Эльфхельма уже крушили осадные машины, а тех, кто их охранял и обслуживал, загоняли в огненные рвы. Рохирримы овладели всей северной частью Пеленнора: становища орков пылали, а сами они искали спасения в бегстве к Реке. Но осада продолжалась, Ворота не были освобождены, а в южной части равнины стояли свежие, еще не вступавшие в бой Вражьи полчища. За дорогой собрались под своим знаменем основные силы харадримов. В растущем свете их вождь заметил вырвавшегося вперед короля Рохана и скомандовал атаку.

Засверкали выхваченные из ножен кривые мечи, и южане с дикими завываниями устремились вперед.

Это не осталось незамеченным. Тейоден развернул Снежногривого и помчался навстречу. Стремительно сближались два вождя и два знамени — алое полотнище с черным змеем Харада и белый конь Марки на зеленом поле. Две конные лавины с грохотом сшиблись, и харадримы на опыте познали, что в бою на копьях всадникам Рохана нет равных. Северян было мало, но харадская орда не устояла перед их яростным, как лесной пожар, натиском. Сразив копьем вражьего предводителя, Тейоден выхватил меч и одним взмахом рассек вражеского знаменосца вместе с древком его стяга.

Черный змей упал на землю. Уцелевшие южане повернули вспять и обратились в бегство.

Но в тот самый миг, когда короля осияла величайшая слава, блеск его золотого щита внезапно потускнел. Занявшееся было утро смеркло, над полем сгустилась тень. Кони вскидывались на дыбы, сбрасывая седоков.

— Ко мне, Эйорлинги! — кричал Тейоден. — Воспряньте! Не бойтесь Тьмы!

Но и его конь вскинулся, захрапел и рухнул наземь, пронзенный черной стрелой. Падая, он подмял под себя короля.

На землю опускалась огромная, подобная туче тень. То было летающее чудовище, похожее на гигантскую птицу без перьев; крыльями твари служили огромные лапы с растянутыми между когтей кожистыми перепонками. Тварь омерзительно смердела. Последний выводок подобных страшилищ, населявших Средиземье в незапамятной древности и чудом переживший свое время, был найден Темным Властелином в потаенном горном гнездовье. Саурон откармливал детенышей падалью, пока они не превзошли размерами все крылатые создания, приручил их, а потом роздал своим слугам вместо коней.

Чудище спускалось все ниже и наконец с хриплым карканьем сложило перепончатые крылья и, выгнув голую змеиную шею, уселось прямо на труп Снежногривого.

На спине твари восседал огромный грозный всадник в черном плаще и стальной короне: меж короной и плащом не было ничего, кроме непроглядной тьмы и мертвенно светящихся глаз. Исчезнув от Ворот, предводитель назгулов вернулся на поле боя, дабы сеять смерть, обращая надежду в отчаяние, а победу в гибель. Оружием ему служила черная железная булава.

Все сопровождавшие Тейодена воины либо погибли, либо умчались прочь на обезумевших от страха конях. Но король не остался один. Рядом с ним был юный Дернхельм, чья преданность превозмогла страх. В глазах воителя стояли слезы, ибо своего государя он любил, как отца. Мерри тоже находился неподалеку. Когда пала тень, скакун Дернхельма сбросил обоих всадников и умчался прочь. Хоббит отполз на четвереньках в сторону и сжался в комок, от страха не смея даже открыть глаза.

«Встань, трус несчастный! — кричало его сердце. — Ты королевский оруженосец! Ты говорил Тейодену, что он будет твоим отцом!» Но леденящий ужас сковал волю, не позволяя даже пошевелиться.

И тут заговорил Дернхельм, голос которого до странности напомнил хоббиту другой, тоже знакомый.

— Прочь, мерзкий стервятник, гнусное отродье Тьмы! Оставь мертвых в покое!

Голос, исполненный могильного холода, ответил:

— Не становись между назгулом и его добычей. Он не убьет тебя, нет. Он унесет тебя в запредельный мрак, в узилище скорби, где плоть твоя будет пожрана, а ничтожный разум пребудет в подчинении Всевластного Ока.

Лязгнул выхваченный из ножен меч.

— Попробуй исполнить свои угрозы. А я, как смогу, попробую тебе помешать.

— Помешать мне? Глупец. Помешать мне не в силах ни один доблестный муж, никто из воителей.

И тут, к величайшему изумлению Мерри, Дернхельм рассмеялся. Смех его был подобен звону стали.

— Глупец ты, ибо имеешь дело вовсе не с мужем-воителем. Пред тобой женщина. Я Эйовин, дочь Эйомунда. Не становись между мною и моим родичем и государем. Не знаю, живой ты или только подобен живому, но если дерзнешь коснуться его — погибнешь окончательно!

Крылатая тварь злобно каркнула, но Кольценосец молчал, словно им внезапно овладело сомнение. Удивление заставило Мерри на миг позабыть о страхе, и хоббит открыл глаза. В нескольких шагах от него, распространяя вокруг себя Тьму сидело чудовище, над ним, подобно тени отчаяния, высился предводитель назгулов. А немного левее, лицом в его сторону, стоял тот, кого Мерри привык называть Дернхельмом. Но теперь шлем спал, и по плечам воина золотыми волнами струились длинные волосы. На щеках девы блистали слезы, однако взор ее серых глаз был непоколебимо тверд. Одной рукой она сжимала меч, другой держала щит, которым заслонялась от мертвящего взгляда своего врага. Да, то была Эйовин. Эйовин — она

же Дернхельм! Хоббиту вспомнилось лицо юного воина, каким оно было при отъезде из горного убежища — лицо человека, оставившего надежду и ищущего смерти. Мерри проникся восхищением и состраданием, а эти чувства пробудили таящееся в сердце каждого хоббита мужество.

— Она не погибнет, — прошептал он, сжимая кулаки. — Такая красивая, грустная, одинокая... По крайней мере в этот грозный час...

Назгул не смотрел в его сторону, но все равно он не решался двинуться, боясь привлечь к себе губительный взгляд. Потом начал отползать в сторону, медленно, очень медленно. Черный главарь, терзаемый яростью и сомнением, полностью сосредоточился на стоявшей перед ним деве и не замечал хоббита, как не заметил бы копошащегося в пыли червя.

Внезапно чудище распростерло зловонные крылья, с криком взмыло в воздух и обрушилось на Эйовин, целя в нее клювом и когтистой лапой.

Дева Рохана не дрогнула — истинная дочь королей была тонкой и гибкой, но твердой, как клинок из закаленной стали. Она встретила нападение стремительным смертоносным ударом по вытянутой змеиной шее, и отсеченная голова упала на землю, как камень. В тот же миг Эйовин отскочила назад, и обезглавленная тварь, ломая кожистые крылья, рухнула наземь. Мрак развеялся, и золотые волосы зависли в лучах утреннего солнца.

Но перед девой уже выросла грозная, устрашающая фигура Черного Всадника. С яростным, непереносимым для слуха криком он обрушил на Эйовин черную булаву. Щит разлетелся вдребезги, державшая его рука сломалась, сама дева упала на колени. Назгул навис над ней, как туча, глаза его загорелись губительным огнем, булава взлетела, чтобы нанести последний удар, от которого не будет спасения.

Но неожиданно он отпрянул, взыв словно от страшной боли, и его удар не достиг цели — булава обрушилась на землю. Подкравшись сзади, Мерри вонзил в него свой клинок, пробив черный плащ и попав в невидимую ногу ниже кольчуги.

— Эйовин! Эйовин! — кричал хоббит.

Слышала дева его зов или нет, но последним усилием она

поднялась и вонзила меч в пустоту между короной и плащом. Клинок разлетелся на множество блистающих, как искры, осколков, со звоном покатилась по земле корона, а Эйовин упала ничком прямо на поверженного врага. Но плащ и кольчуга были пусты. Смятые и бесформенные лежали они на земле. Истошный вопль пронзил воздух, истончаясь, взлетел к небесам и замер. И больше этого вопля не слышали нигде и никогда.

Хоббит Мериадок стоял среди павших, моргая словно сова при дневном свете. Слезы ослепляли его, словно сквозь пелену тумана, он видел золотые волосы лежавшей неподвижно Эйовин и лицо короля, встретившего смерть в час своей славы. Наклонившись, Мерри взял руку Тейодена, желая припасть к ней губами, но король внезапно открыл глаза.

— Прощай, друг холбитла, — едва слышно вымолвил он. — Я иду к предкам. Теперь мне не стыдно предстать перед ними, могучими и славными. Я сразил черного змея. Мрачным было утро, но впереди радостный день и золотой вечер.

Мерри душили слезы.

— Прости меня, государь, — сокрушенно промолвил он. — Я оказался никчемным оруженосцем: и приказ нарушил, и на службе не сделал ничего путного, только вот плачу теперь, прощаясь с тобой.

— Не печалься, — слабо улыбнулся старый король. — Я на тебя не сержусь. Как откажешь в прощении тому, кто мал ростом, но велик сердцем? Будь благословен, живи счастливо и не забывай меня. Жаль, что не доведется мне, как было обещано, посидеть с тобой у очага в Медусельде, послушать твои рассказы о зелье трубочном... — он умолк и закрыл глаза. Мерри склонился над ним, но тут Тейоден заговорил снова. — Где Эйомер? Мне хотелось бы увидеть его, пока я еще могу видеть. Ему быть королем после меня. И еще — надо известить Эйовин. Она так не хотела отпускать меня в поход, словно чувствовала, что нам больше не встретиться.

— Государь, — сбивчиво начал Мерри, — государь, она... — но в этот миг его слова потонули в шуме, громких восклицаниях и пении рогов.

Хоббит огляделся: в своей печали он совсем позабыл, что находится на поле брани. Ему показалось, что Тейоден пал несколько часов назад, а наяву времени прошло совсем немного. Битва

продолжалась, и, судя по всему, вот-вот должна была закипеть новая ожесточенная схватка.

Со стороны Реки выступили свежие полчища. Моргульские отряды повернули от стен, а с юга надвигались рати Харада: впереди скакали всадники, за ними шла пехота, а позади маячили башенки на спинах мумаков.

На северной стороне равнины Эйомер спешно собирал и строил в боевые порядки отряды рохирримов. Отчаянный бой шел у дороги: все, кто еще мог держать оружие, устремились на вылазку. Над головами теснивших врага воинов реял серебряный лебедь Дол-Амрота.

«Где же Гэндальф? — промелькнуло в голове Мерри. — Неужто его здесь нет? Быть может, он спасет короля и Эйовин?»

В это время к месту гибели Тейодена примчались ведомые Эйомером всадники. Кони артачились, отказываясь приближаться к трупам чудовища, и им пришлось спешиться. Эйомер подошел к королю и замер в скорбном молчании. Один из воинов взял королевское знамя из рук погибшего знаменосца и поднял его. Тейоден медленно открыл глаза, увидел свой стяг и знаком повелел вручить его Эйомеру.

— Будь благословен, король Марки, — проговорил он. — Скачи к победе! И попрощайся за меня с Эйовин.

С этими словами Тейоден отошел к предкам, так и не узнав, что любимая племянница лежит рядом. А обступившие его суровые воины не стыдились слез, ибо старый властитель был любим всеми.

Тогда возвысил голос Эйомер.

Скорбных слез не лейте! Лежит могучий.
Пал на бранном поле. Оплачут жены
Воителя гибель. Нам же снова в битву!

Так пропел он, но слезы стояли и в его глазах.

— Здесь разразится битва, — молвил новый король. — Государя надобно унести, да и других воителей негоже бросать в чистом поле.

Он оглядел убитых, называя их по именам, и внезапно увидел

сестру. Эймер пошатнулся, словно пораженный стрелой, лицо его побледнело от скорби, а сердце захлестнула волна столь неистовой ярости, что некоторое время он не мог вымолвить ни слова.

— Эйовин! Эйовин! — сорвалось наконец с его губ. — Как ты оказалась здесь? Что привело тебя — безумие или колдовство? Смерть всем! Смерть! Смерть!

Не дожидаясь, пока подтянутся остальные отряды или подойдет подмога из города, он вскочил в седло, вострубил в рог и, не оглядываясь, помчался вперед. Неудержимой лавиной неслись за ним рохирримы. Они вторили своему вождю, и от края до края оглашал равнину их грозный клич:

— Смерть! Смерть! Смерть!

Маленький хоббит Мериадок так и остался в стороне, никем не замеченный. Некоторое время он всхлипывал, а потом утер слезы, подобрал полученный от Эйовин зеленый щит и, забросив его за спину, принялся искать свой меч. В тот миг, когда Мерри нанес удар, поразивший назгула, рука его онемела, и меч выпал. Рука не повиновалась до сих пор. Вот он, меч! Но что это? Стальной клинок дымился, словно тлеющая головешка, пока не истаял, обратись в дым прямо на глазах изумленного хоббита.

Так покинул мир клинок из кургана, сработанный мастерами Северного Королевства. Оружейник, выковавший его много веков назад, мог бы гордиться судьбой своего творения, ибо в ту пору главным врагом дунадэйнов севера был грозный чародей, могущественный король Ангмара. Иной клинок, пусть бы его направляла самая сильная рука, не смог бы нанести Призраку Кольца гибельную рану, рассечь колдовские скрепы, соединявшие незримое тело со злобной волей в некое подобие жизни.

Из копий и плащей воины соорудили носилки. На одни положили короля, на другие Эйовин, чтобы отнести в город: унести же павших рядом с Тейоденом семерых конников во главе с Деорвином было некому. Их тела сложили подальше от убитого чудовища и обнесли частоколом из копий. Потом, после битвы, крылатую тварь сожгли, а Снежногривого похоронили на месте его гибели, воздвигнув над могилой камень с эпитафией на языках Гондора и Марки:

В сече верный конь убит.

Здесь, под камнем, он лежит.

Над этой могилой всегда зеленела сочная трава, а там, где сожгли чудовище, земля так и осталась черной и голой.

Мерри понуро брел за носилками, совершенно позабыв о битве. Он смертельно устал, его бил озноб, и каждый шаг отдавался болью во всем теле. Со стороны Моря напозли набухшие тучи. Они прорвались дождем, будто само небо вознамерилось оплакать Тейодена с Эйовин и своими слезами притушить еще полыхавшие в городе пожары. Словно сквозь пелену тумана хоббит увидел двигавшийся навстречу отряд защитников города. Во главе его ехал князь Имрахил. Приблизившись, он остановил коня и спросил:

— Какую ношу несете вы, воины Рохана?

— Короля Тейодена, — последовал ответ. — Он мертв. Теперь рохирримов ведет в бой король Эйомер. Его можно узнать по белому конскому хвосту на шлеме.

Князь спешил и преклонил колени, воздавая честь павшему государю. Лицо его омрачилось печалью, но когда он взглянул на другие носилки, все иные чувства уступили место изумлению.

— Что я вижу? — воскликнул он. — Женщина! Неужто даже жены рохирримов поспешили нам на подмогу?

— Только одна, — ответили ему. — Это госпожа Эйовин, сестра нового короля. До сего часа никто не знал, что она тоже отправилась в поход, а теперь все мы скорбим о ее гибели.

Князь еще раз взгляделся в ее прекрасное бледное лицо, коснулся холодеющей руки и воскликнул:

— Рано говорить о гибели, друзья! Она ранена, может быть, смертельно ранена, но еще жива. Отнесите ее в город, к целителям, — с этими словами он поднес к губам девушки свой блистающий наруч, и полированная сталь чуть затуманилась от едва уловимого дыхания.

Имрахил послал в город гонца с известием о случившемся и просьбой о помощи, а сам вскочил в седло и во главе своих рыцарей поскакал вперед. Битва еще не кончилась.

Вскоре сражение разгорелось с новой силой. Лязг оружия, конское ржание и крики людей перекрывались грохотом барабанов, пением труб и оглушительным ревом разъяренных мумаков. У южных стен города гондорская пехота сошлась врукопашную с полчищами Моргула, тогда как почти вся конница пыталась пробиться на восток, к Эймеру. Всадников вели Хурин Высокий, Страж Ключей и правитель Лоссарнаха, Хирлуин с Зеленых Холмов и князь Имрахил со своими рыцарями.

Помощь подоспела к рохирримам не сразу. Поначалу удача отвернулась от них, ибо Эймера подвел его необузданный гнев. Первым ударом всадники Марки рассеяли харадскую конницу, их стальной клин глубоко вонзился в плотную массу пехотинцев. Но всюду, где появлялись мумаки, роханские кони начинали храпеть и пятиться. Огромные звери с башнями на спинах возвышались над полем, как живые крепости, а дрогнувшие было харадримы собирались вокруг них, сплачивая ряды. В момент атаки харадское войско втрое превосходило числом конников Эймера, но вскоре соотношение сил изменилось сильнее прежнего. К южанам подошло подкрепление из Осгилиата. После смерти предводителя назгулов моргульский военачальник Готмог бросил в бой свою разноплеменную рать — сражавшихся топорами вастаков, варьягов из Кханда, смуглых южан в алых одеждах и полулюдей-полутроллей из дальнего Харада, черных, белоглазых, с красными языками. Они обходили рохирримов, стараясь зайти им в тыл, а часть сдерживала силы Гондора, препятствуя их соединению с Роханом.

И именно тогда, когда чаша весов стала клониться в сторону Мордора и воспрявшие было защитники твердыни снова прощались с надеждой, со стороны города донеслись громкие крики.

Время шло к полудню, поднявшийся ветер унес дождевые тучи на север, и при ясном солнечном свете дозорные на стенах издалека увидели картину, не оставлявшую сомнений в том, что все упования тщетны. Благодаря тому, что у Харлонда Андуин делал широкую петлю, русло при хорошей погоде просматривалось из города на несколько лиг, и все могли видеть, как вверх по течению движется подгоняемый южным ветром могучий флот — множество многовесельных галер и высоких кораблей под черными парусами.

— Корсары! — в отчаянии кричали люди. — Корсары Умбара!

Пиратский флот! Белфалас пал, и Этир, и Лебеннин тоже! Все пропало!

Без приказа — ибо все, кто имел право отдавать распоряжения, находились на поле брани — в городе тревожно забили в колокола. Загудели трубы, призывая войска ввиду новой опасности укрыться за стенами. Но зов не был услышан, ибо все звуки подхватывал и уносил прочь гнавший корабли ветер.

Впрочем, рохирримы не нуждались в сигналах, ибо и без того прекрасно видели над Рекой черные паруса. В пылу сражения Эйомер увел своих людей слишком далеко, почти к самому Харлонду. Он рассчитывал отогнать врагов к гавани и сбросить их в Реку, но теперь оказался в западне. Вклинившийся сзади вражий отряд отрезал его от спешивших на помощь рыцарей Имрахила, а появление черного флота означало неминуемый разгром.

Воодушевленные нежданной подмогой полчища Мордора ринулись в бой с удвоенной яростью, а Эйомеру оставалось лишь слать проклятия тому самому ветру, который он благословлял утром. С осознанием безнадежности к королю вернулось хладнокровие. Прозвучал приказ, затрубили рога, созывая всех, кто мог пробиться под королевское знамя. Эйомер принял решение спешить всадников, выстроить стену щитов и стоять насмерть. А раз смерть неминуема, пусть же она будет достойной песен, даже если на всем западе не останется никого, кто воспел бы последний подвиг последнего короля Марки. Он поднялся на вершину зеленого холма, и Белый Конь затрепетал на ветру над его головой.

Из мрака, из тьмы, восходу навстречу
Воин скакал с клинком гневливым,
Стезю доблести к печали великой.
Грянем же дружно! Вперед! За Гондор!

Эйомер пропел эти строки и рассмеялся. Сердце его преисполнилось жаждой битвы. Он был молод, только что стал королем доблестного народа и до сих пор не получил ни одной раны. Вид черных парусов повергал в отчаяние, но Эйомер смеялся и грозил им мечом.

И тут внезапно на глазах у изумленных воинов он высоко подбросил сверкнувший на солнце меч, поймал его за рукоять и

запел. Все взоры обратились к Реке. Передний корабль как раз поворачивал к Харлонду, и стало видно, что поднятое над ним знамя украшает Белое Древо — исконный символ Гондора. Древо венчали семь звезд и корона — герб Элендила, не появлявшийся в королевстве уже несчетные годы. Знаки ослепительно сияли в утреннем свете, ибо Арвен, дочь Элронда, выложила звезды самоцветами, а венец вышила мифрилом и золотом.

Так явился в страну своих предков прошедший Стезей Мертвецов Арагорн, сын Араторна, наследник Исилдура, нареченный Элессаром. Ветер с Моря пригнал его корабли в Гондор. Рохирримы приветствовали его стяг ликующими возгласами, они потрясали мечами, и равнина словно озарилась вспышками молний. Еще громче запели городские трубы, еще громче зазвонили колокола, но теперь в этих звуках слышалось торжество.

Приспешников Мордора охватил ужас. Не в силах понять, как могло случиться, что корабли союзников доставили к городу врагов, они сочли это колдовством. Судьба обернулась против них, обрекая на гибель. Рыцари Дол-Амрота ударили на восток, тесня полутроллей, варгов и ненавидевших солнечный свет орков. Эйомер повел своих на юг, и бежавшие перед ним враги оказались между молотом и наковальней. Прибывшие на кораблях воины спрыгивали на причалы Харлонда и с ходу бросались в бой. Там были ополченцы южных провинций из Лебеннина и Ламедона, суровые дунадэйны севера, Леголас и Гимли, Элладан и Элрохир, и отважный знаменосец Хальбарад. Вел же всех Арагорн со Звездой Элендила на челе и пламенеющим Андрилом в деснице.

Битва еще кипела вовсю, когда Эйомер и Арагорн встретились посреди усеянного вражескими телами поля. Опершись на мечи, они взглянули друг на друга и улыбнулись.

— Видишь, мы встретились, хотя нас и разделяли все полчища Мордора, — молвил Арагорн. — Не так ли говорил я в Горнбурге?

— Истинно так, — отозвался Эйомер. — Но надежда обманчива, а тогда я не знал, что ты обладаешь даром предвидения. Однако нежданная помощь благословенна дважды, и никогда еще встреча друзей не была столь радостной. И столь своевременной, — добавил он, пожимая протянутую Арагорном руку. — Ты едва не опоздал. Сегодня мы понесли много горьких потерь.

— Так отомстим же за них! — вскричал Арагорн, и они вместе устремились в бой.

Сражение не затихало еще долго. Южане и вастаки были отважными, закаленными в боях воинами. Они не просили пощады и, даже теснимые со всех сторон, использовали любую возможность, чтобы собраться с силами и перейти в наступление. Занятые ими холмы и разоренные усадьбы превращались в крепости. Но когда солнце зашло наконец за Миндоллуин и вечерняя заря окрасила кровавым багрянцем склоны холмов и Реку, все было кончено. Великая битва на полях Пеленнора завершилась. Трава на равнине пропиталась кровью, и в кольце стен Раммас-Эккора не осталось ни одного живого врага. В Минас-Моргул и в Мордор удалось уйти немногим, а Харада достигли только рассказы о всесокрушающем гневe Гондора.

Арагорн, Эйомер и Имрахил возвращались к Воротам. Они устали настолько, что уже не могли ощущать ни радости, ни печали, но, благодаря то ли счастливой судьбе, то ли их мощи и несравненному воинскому искусству, ни один из них не получил ни царапины. Однако многие славные воители и вожди были ранены, изувечены или лишены жизни. Под ударами топоров пал бывший по своему обыкновению пешим Форлонг. Дуилин из Мортонда и его брат Деруфин подвели своих лучников почти вплотную к мумакам, приказав стрелять тем в глаза, и обезумевшие чудовища втоптали обоих в землю. Не вернулся в Пиннат-Гелин Хирлуин Прекрасный, Гримслэйд не дождался Гримболда, не увидел больше родного севера суровый Следопыт Хальбарад. Всех же погибших в этой великой битве, знатных и простолюдинов, рядовых и военачальников, не исчислил никто. По прошествии времени менестрель из Рохана сложил песнь о курганах Мундбурга.

В холмах предгорий горны запели,
Клинки и копья засверкали на Юге,
Кони скачут в каменный Гондор,
Будто ветер утренний. Тут и битве начало.
Тейоден, Тенгелов сын, к своим Золотым Чертогам,
К долинам зеленым, к наследным владеньям,
Жалом ужален, вживе уже не вернется,
Владыка северный. Дунхере и Деорвин,

Хардинг и Худлаф, Херефара и Гримболд,
Хорн и Фастред в кургане схоронены,
Павшие под Мундбургом на поле брани.
А рядом в кургане гондорские воители:
К холмам приморским не сможет вернуться Хирлуин,
Старый Форлонг в Арнах цветущий
Не прибудет с победой, и победные лучники,
Деруфин и Дуилин — туда, где темные воды,
Не вернутся к тенистым подножиям Мортонда.
От зари до зари смерть косила
Воителей пеших и конных. Сон их вечен
На гондорских лугах у Реки Великой.
Серебро-серые, будто слезы, несет она воды —
Кроваво-красные в день битвы ревели волны:
То ли потоками крови, то ли закатом окрашена,
Когда на хребтах по верхам полыхали огни сигнальные,
Когда на Пеленнор пала алая роса вечерняя.

Глава 7.

КОСТЕР ДЭНЕТОРА

Черная Тень исчезла, а Гэндальф все еще недвижно стоял перед пустым провалом разбитых Ворот. Пиппин поднялся на ноги, и с восторгом вслушался в пение рогов. С этих пор и до конца его дней, стоило хоббиту слышать дальний зов рога, как к его глазам подступали слезы. Но тут Гэндальф зашевелился, шепнул что-то на ухо Светозару, и конь шагнул по направлению к арке.

— Гэндальф! Гэндальф! — заорал со всей мочи Пиппин, и маг остановился.

— Что ты здесь делаешь? — спросил он. — Разве не знаешь, что по закону города воин, облаченный в черное с серебром, не вправе покидать цитадель без разрешения правителя?

— Да разрешил он мне... — зачастил хоббит. — Даже отослал. Но мне боязно. Там может случиться что-то ужасное. С правителем неладно, кажется, он лишился рассудка. Боюсь, он убьет и себя, и Фарамира. Только на тебя и надежда, сделай что-нибудь!

Гэндальф взглянул в зияющий проем под аркой, откуда доносился шум битвы.

— Мне надо ехать, — сказал он. — Там Черный Всадник, он может натворить бед. Нельзя терять ни минуты.

— А как же Фарамир? — в отчаянии воскликнул Пиппин. — Он ведь жив, а они сожгут его! Живьем сожгут, если никто их не остановит!

— Сожгут живьем? — переспросил Гэндальф. — Да что там творится? Выкладывай поскорее.

— Дэнетор отправился к усыпальницам, — затараторил Пиппин, — и Фарамира с собой забрал. Мне сказал, мы, мол, все равно сгорим, так он ждать не намерен. Послал людей за дровами и маслом для погребального костра. Я рассказал Берегонду, да боюсь, он не посмеет оставить пост. А и посмеет — что он сделает против воли правителя? — дрожащей рукой хоббит коснулся колена

Гэндальфа и взмолился: — Спаси Фарамира, ты ведь можешь!

— Возможно, — отозвался маг, — хотя боюсь, тогда погибнут другие. Но что делать, придется идти. Больше ему никто не поможет. Каков враг, он сумел нанести удар в самое сердце нашей Твердыни. Это его происки!

Приняв решение, Гэндальф больше не мешкал, подхватил Пиппина, усадил перед собой и велел Светозару скакать к цитадели. Город гудел: воодушевленные подмогой воины, отбросив страх и отчаяние, хватались за оружие. Командиры собирали отряды, и многие, уже построившись, спешили вниз, к Воротам.

— Куда ты, Митрандир? — окликнул мага попавшийся навстречу князь Имрахил. — Рохирримы вступили в бой на полях Гондора. Нам потребуются все наши силы.

— Собирай кого можешь, и поскорее, — откликнулся Гэндальф. — Я приду при первой возможности, но сейчас спешу по делу. С Дэнетором беда, бери командование на себя!

Уже неподалеку от цитадели маг и хоббит ощутили дуновение встречного ветерка. На южном небосклоне заметили слабый отблеск зари, но теперь и это не сулило надежды. Оба смертельно боялись опоздать.

Ворота Цитадели не охранялись.

— Берегонд ушел! — с возродившейся надеждой воскликнул Пиппин.

Гэндальф поворотил коня и поскакал ко входу в усыпальницу. Всегда запертая дверь оказалась открытой настежь. На пороге лежал мертвый привратник. Ключи у него забрали.

— Вражьи козни, — печально промолвил Гэндальф. — Его излюбленная манера: сеять смуту в сердцах, поднимать друга против друга и даже непоколебимую верность долгу использовать в своих гнусных целях.

Маг спешился, снял с коня Пиппина и попросил Светозара вернуться на конюшню.

— На поле боя мы с тобой неразлучны, мой друг, — сказал он, — но здесь меня ждет дело совсем иного рода. Жди моего зова, а

уж тогда не мешкай.

Они двинулись по извилистой дороге. Дул ветер, становилось светлее, и из мрака по сторонам, словно серые призраки, выступили изваяния и ряды колонн. Неожиданно тишина в конце улицы взорвалась громкими криками и лязгом мечей: такие звуки не тревожили обитель усопших со дня основания города. Гэндальф и Пиппин со всех ног бросились к гробнице наместников, высокий купол которой смутно вырисовывался в сумраке.

— Остановитесь! — кричал Гэндальф, избегая по каменным ступеням к двери. — Остановитесь! Это безумие!

Слуги Дэнетора с мечами и факелами в руках пытались прорваться в усыпальницу. Путь им преграждал воин в доспехах цитадели. Клинок Берегонда уже сразил двоих наступавших, они лежали у ног Стража, истекая кровью. Но уцелевшие теснили его и проклинали, именуя клятвопреступником и изменником. А изнутри, из гробницы, доносился голос Дэнетора:

— Скорей, скорей! Выполняйте приказ! Убейте предателя! Или и это я должен делать сам?!

Дверь, которую Берегонд удерживал левой рукой, распахнулась, и за его спиной возникла высокая фигура правителя. С безумным огнем в глазах Дэнетор занес обнаженный меч.

Но Гэндальф уже взбежал к порогу. Слуги отскочили с его пути и закрыли глаза руками, ибо во гневе он сиял, как ослепительная белая молния. Маг воздел руку, и меч правителя отлетел куда-то назад, во тьму, а сам Дэнетор невольно отпрянул.

— Что здесь происходит? — воскликнул Гэндальф. — Живым не место в обители усопших. И почему твои люди проливают кровь здесь, в то время как у Ворот кипит битва? Неужто наш Враг дотянулся даже до Рат-Динен?

— С каких это пор правитель Гондора должен перед тобой отчитываться? — яростно вскричал Дэнетор. — Разве я не вправе приказывать собственным слугам?

— Приказывать вправе, — ответил маг. — Но люди могут и не внимать твоим повелениям, коль скоро ты обратил свою волю ко злу и безумию. Где Фарамир, твой сын?

— Там, внутри, — ответил Дэнетор. — Он горит, уже горит!

Пламя пожирает его изнутри. Но скоро сгорит все. Запад пал. Все погибнет в огне. Останется только пепел. Пепел и дым, который развеет ветер.

Видя, что старик лишился рассудка, не зная, что он уже успел натворить, Гэндальф отстранил его и устремился внутрь. Берегонд с Пиппином поспешили следом. Они увидели Фарамира, лежавшего без чувств на каменном постаменте. Вокруг были сложены дрова, обильно пропитанные маслом, как и одежда и покрывало Фарамира, но разжечь костер, к счастью, еще не успели. И тут Гэндальф показал, что под его плащом таится не только мудрость, но и немалая телесная сила. Легко взбежав на высокую грудку поленьев, он подхватил раненого на руки, прыгнул вниз и направился к выходу. Фарамир не пришел в себя, однако застонал и позвал отца.

Дэнетор вздрогнул, словно этот зов вырвал его из забытья. Злобный огонь в глазах сменился слезами.

— Не забирайте моего сына, — взмолился старик. — Он зовет меня!

— Да, зовет! — отозвался Гэндальф. — Но тебе мы его не отдадим. Ему необходимо лечение, я не уступлю его смерти, не испробовав все возможное. А твой долг — быть во главе тех, кто защищает город. Ищешь смерти, так ее легко можно повстречать у Ворот. Ты сам это прекрасно знаешь.

— Он уже не проснется, — простонал Дэнетор. — Битва бессмысленна. Чего ради цепляться за жизнь? Зачем ты разлучаешь нас перед кончиной?

— Даже наместник Гондора не властен назначить час собственной смерти, — ответил Гэндальф. — Не следуй примеру тех властителей, которые, поддавшись гордыне и отчаянию, убивали своих близких, чтобы не покидать мир в одиночестве, а потом лишали жизни себя. Они находились под властью Тьмы и исполняли чужую волю.

С этими словами маг вынес Фарамира из склепа и опустил на те самые носилки, на которых его доставили к Дому Усопших. Дэнетор, с тоской глядя на сына, двинулся было следом, но на пороге остановился. Лицо его исказила мука.

— Пойдем с нами, — позвал Гэндальф. — Нас ждут. Ты еще многое можешь сделать.

Но Дэнетор внезапно расхохотался, быстро отступил к своему ложу и схватил сверток, еще недавно служивший ему подушкой. Вернувшись к двери, старик сорвал ткань, и в его руках оказался палантир. Темный полупрозрачный шар на глазах наполнялся красным свечением, озаряя лицо правителя. Багровые отблески и резкие тени делали его словно высеченным из камня — величественным, горделивым и страшным.

— Гордыня и отчаяние! — вскричал он. — Ты, верно, думал, что Белая Башня ослепла? Нет, Серый Простак, я видел куда больше, чем тебе кажется. Твои надежды смехотворны, их питает неведение. Ступай, исцеляй кого хочешь, сражайся с кем заблагорассудится! Пустая суета! Стоит ли стараться, чтобы отсрочить неминуемое на час или на день? Вы можете даже одержать победу на полях Пеленнора, но Силу, что поднялась ныне, одолеть нельзя. К этому городу протянулся пока лишь один ее палец. Весь восток пришел в движение. Вот и ветер, ветер твоих чаяний, обманул тебя и гонит сейчас вверх по Андуину флот под черными парусами!

Сам ты можешь обманываться, но меня тебе не обмануть. Думаешь, я не знаю, кто твои спутники и каковы их цели? Как бы не так! Одной рукой ты вроде бы поддерживаешь меня, ибо до поры я нужен тебе как щит против Мордора, а другой готовишься посадить на мое место бродягу-северянина. Но знай, Гэндальф, Митрандир или как тебе хочется называться, по-твоему не будет. Наместник Дома Анариона не опустится до того, чтобы стать выжившим из ума лакеем при этом выскочке! Пусть он имеет все права, пусть он и вправду потомок Исилдура, никто не увидит меня склонившимся перед последышем обнищавшего Дома, давно утратившего и власть, и величие.

— Ну а как бы поступил ты, будь будущее в твоей власти? — спокойно спросил Гэндальф.

— Я оставил бы все, как было при мне и моих предках, — ответил Дэнетор, — правил бы городом и страной, в свое время передал бы бразды сыну с тем, чтобы он стал властителем, а не подручным у чародея. Но злая судьба отказала мне в этом, и теперь я не хочу ничего: ни никчемной жизни, ни поруганной любви, ни попорченной чести!

— Ни любовь, ни честь не несут урона, если наместник,

исполняя долг, возвращает данные ему права, — возразил Гэндальф. — И сына, пока он жив, ты не вправе лишать возможности сделать собственный выбор.

При этих словах глаза Дэнетора снова вспыхнули яростью. Прижав к себе камень левой рукой, он выхватил правой нож и бросился к носилкам, но Берегонд успел заслонить Фарамира собою.

— Вот как! — в бешенстве вскричал Дэнетор. — Ты украл любовь моего сына, но этого тебе мало! Хочешь завладеть им всем, без остатка, и похищаешь и сердца моих воинов! Но одного ты меня не лишишь — права распорядиться своей жизнью по своему усмотрению. Сюда! — призвал он слуг. — Сюда, если еще хоть кто-нибудь мне верен!

Двое взбежали по ступеням. Дэнетор вырвал у ближайшего факел и метнулся к костру. Прежде чем Гэндальф успел помешать ему, он ткнул факелом в политые маслом дрова, и они мгновенно вспыхнули. Дэнетор вскочил на каменный постамент и там, среди огня и дыма, преломил жезл наместника об колено, швырнул обломки в пламя, а сам лег, обеими руками прижав к груди палантир. Говорят, что с тех пор всякий, кто заглядывал в этот камень, — если не обладал волей, достаточно сильной, чтобы направить палантир к другой цели, — видел в нем обгорелые старческие ладони.

В скорби и ужасе Гэндальф отвернулся, закрыв за собой дверь. Некоторое время он молча стоял у порога, а изнутри доносился рев бушующего пламени. Потом послышался громкий вопль, но больше Дэнетор не кричал. И никто из смертных его больше не видел.

— Таков конец Дэнетора, сына Эклетiona, — сказал Гэндальф, а потом, повернувшись к Берегонду и застывшим в ужасе слугам, добавил: — И с ним настал конец того Гондора, который вы знали. Злые дела совершились здесь, но теперь призываю вас отбросить разделяющую вас вражду, ибо ее посеял Враг, а вы позволили чувству долга заманить себя в его сети. Поймите, верные, но слепые в своем повиновении слуги правителя, только благодаря измене Берегонда Фарамир не сожжен заживо. Унесите своих павших товарищей, не оставляйте их в этом злосчастном месте. А мы отнесем Фарамира, с этого часа ставшего наместником Гондора, туда, где ему постараются помочь. А будет он жить или умрет — решит судьба.

Гэндальф с Берегондом подняли носилки и зашагали к выходу,

поспешая в Палаты Исцеления. За ними плелся понурый Пиппин. Слуги Дэнетора задержались, их взоры были прикованы к склепу, где встретил свой страшный конец правитель. Маг еще не миновал Рат-Динен, когда позади послышался грохот. Крыша Дома Усопших просела, а потом рухнула. Повалил дым, над развалинами взметнулись языки пламени. Слуги в ужасе бросились догонять Гэндальфа.

У двери в стене Берегонд задержался и, бросив взгляд на убитого привратника, с горечью сказал:

— Вот о чем я буду сокрушаться всю жизнь. Но я безумно спешил, а он не хотел ничего слушать и поднял на меня меч.

Затем, достав взятый у убитого привратника ключ, он закрыл и запер дверь.

Теперь ключ, наверное, надлежит отдать правителю Фарамиру?

— Пока правитель болен, всем городом распоряжается Имрахил, князь Дол-Амрота, — ответил Гэндальф. — Но решать, вижу, придется мне; его-то здесь нет. Оставь ключ у себя, будешь хранить, пока не восстановится порядок.

Палаты Исцеления, располагавшиеся в шестом круге, предназначались для тяжело больных, а сейчас туда сносили получивших самые жестокие раны. Вокруг прилепившегося к южной стене здания зеленела трава, его обступали деревья — здесь был единственный настоящий сад во всем Минас-Тирите. И здесь же находились последние оставшиеся в городе женщины — сиделки, помощницы целителей и знахарки, умевшие выхаживать раненых.

В тот миг, когда Гэндальф и его спутники заносили Фарамира в Палаты, с поля за Воротами донесся пронзительный жуткий вопль. Он взлетел в небеса, исполнив сердца людей ужасом и ввергнув их в оцепенение. Но едва страшный крик замер вдали, подхваченный и унесенный ветром, все неожиданно воодушевились надеждой, какой не помнили со дня прихода Тени. Тьма поредела, и из-за туч проглянуло солнце.

Но лицо Гэндальфа оставалось печальным. Поручив Берегонду и Пиппину передать Фарамира целителям, он взошел на ближнюю стену, застыл, словно белое изваяние, и всмотрелся в поле. Ничто не могло укрыться от его взора: увидев, как Эймер резко осадил коня над телами павших, маг тяжело вздохнул, поплотнее завернулся в

плащ и спустился вниз. Выйдя из Палат, Берегонд с Пиппином застали его стоящим у дверей в глубоком раздумье.

— Друзья мои! — промолвил он после долгого молчания. — Для нас, для города, для всего Запада свершилось нечто великое и печальное. Плакать нам или радоваться? Сбылось то, на что никто не смел и надеяться — предводитель назгулов ушел из мира. Вы слышали его последний вопль, вопль отчаяния. Но избавление от него оплачено ценой горьких потерь. Будь я там, мне удалось бы отвести беду; всему виной безумие Дэнетора. Вот как далеко протянул Враг свою руку! И теперь мне ясно, как его злая воля проникла в самое сердце города.

Наместники полагали, что тайна эта ведома только им, но я давно догадывался, что здесь, в Белой Башне, хранится по меньшей мере один из Семи Камней. Когда-то Дэнетор справедливо слыл мудрецом: он не подходил к палантиру, не пытался бросить вызов Саурону ибо осознавал пределы собственной силы. Но мудрость изменила ему: смертельная опасность, нависшая над страной, побудила его заглянуть в камень, и он был обманут. После отъезда Боромира снедаемый тревогой правитель смотрел в палантир все чаще, и яд все глубже проникал в его сердце. Дэнетор был слишком силен, чтобы Темный Властелин смог подчинить его себе, однако все увиденное ввергало наместника в отчаяние, подтачивало волю и разум. Саурон показывал ему лишь одно — неодолимую, грозную, всесокрушающую мощь Мордора.

— Теперь понятно, — пробормотал Пиппин, содрогнувшись от тягостного воспоминания. — Тогда мне это показалось странным: он вышел из комнаты, где, верно, лежал палантир, и его было не узнать — он выглядел постаревшим и сломленным.

— Как раз в тот час, когда Фарамира принесли в Башню, — добавил Берегонд, — многие из нас заметили свечение в ее окнах. Но такое бывало и раньше. В городе давно ходили слухи, будто правитель борется с Врагом силой мысли.

— Увы, это подтверждает мои догадки, — сокрушенно промолвил Гэндальф. — Вот каким путем воля Саурана проникла в Минас-Тирит, и вот почему мне пришлось задержаться здесь. А теперь придется задержаться еще дольше: скоро моя помощь потребуется не одному Фарамииру. Пойду к Воротам встречать уцелевших. Велики утраты, велика моя скорбь, и быть может, самые

горестные вести еще впереди. Пиппин, пойдем со мной. А ты, Берегонд, возвращайся в цитадель и доложи о случившемся начальнику Стражи. Боюсь, он должен будет отчислить тебя из Стражей, но передай ему мой совет: сейчас твое место в Палатах Исцеления, подле Фарамира. Ты спас его от огня, служи ему и дальше. Охраняй, будь с ним, пока не очнется — если он, конечно, вообще когда-нибудь очнется. Ну, ступай. Я скоро вернусь.

С этими словами он повернулся и вместе с Пиппином направился в нижний город. Пока они спешили вниз, ветер пригнал серые тучи. Хлынувший дождь прибил огонь: над орочьими рвами и пепелищами теперь поднимался густой дым.

Глава 8.

ПАЛАТЫ ИСЦЕЛЕНИЯ

Когда скорбная процессия добралась до ворот Минас-Тирита, Мерри от слез и усталости почти ничего не видел. В воздухе висел запах гари; чадил подожженные или сброшенные в огненные ямы осадные машины. Повсюду валялись трупы, среди которых выделялись исполинские туши южных чудовищ. Некоторые из них обгорели, многим переломали хребты сброшенными со стен тяжелыми камнями, а иных сразили целившие в глаза меткие лучники Мортонда. Дождь прекратился, на небе проглянуло солнце, но нижний город окутывал едкий дым.

В Воротах, расчищая проход, уже трудились люди. Из города вынесли носилки. На одни бережно уложили Эйовин, на других, под златотканым покровом, покоилось тело короля Тейодена. Носилки сопровождали факельщики, бледное при солнечном свете пламя трепетало на ветру.

Так вступили в город Тейоден и Эйовин. Все встречные останавливались и склоняли непокрытые головы в низких поклонах. Шествие миновало закопченный, засыпанный пеплом нижний круг и двинулось вверх по мощеным улицам. Мерри это восхождение казалось бесконечным и бесцельным, словно в кошмарном сне. Он шел и шел, совершенно не понимая, зачем и куда.

Хоббит еле переставлял ноги. Он отставал, и факелы вперед медленно удалялись, пока их свет не исчез. В глазах было темно, ему думалось, что перед ним мрачный тоннель, ведущий в могилу, откуда нет выхода. Неожиданно сквозь тягостный бред донесся живой голос.

— Мерри! Вот так удача, я все-таки тебя нашел!

Хоббит потряс головой, и туман перед глазами немного рассеялся. Он обнаружил себя в узком переулке нос к носу с Пиппином. Больше поблизости никого не было. Мерри протер глаза.

— Где король? — спросил он. — Где Эйовин? — но тут же пошатнулся, сел на ступеньку какого-то крыльца и заплакал.

— Их унесли в цитадель, — ответил Пиппин. — Ты не иначе как

задремал на ходу и свернул не туда, куда надо. Мы как увидели, что тебя с ними нет, Гэндальф тут же послал меня на поиски. Досталось тебе, бедолага. Но кабы ты знал, до чего я рад тебя видеть! Ты, конечно, устал, я не стану донимать тебя разговорами. Скажи одно: ты не ранен?

— Нет, — пробормотал Мерри. — Вроде бы нет. Только вот правая рука не слушается, отнялась, когда я его ударил. А меч мой сгорел, целиком сгорел, точно щепка.

Пиппин ничего не понял, но встревожился — никак его друг бредит.

— Пойдем со мной, — сказал он. — Вижу, тебе трудно, но ты уже постарайся. Я бы сам тебя понес, да силенок не хватит. Им надо было и тебя положить на носилки. Но ты уж не обижайся, тут, в городе, все такого страха натерпелось, что немудрено было проглядеть одного бедного хоббита, бредущего с поля боя.

— Оно не всегда худо, ежели тебя проглядят, — откликнулся Мерри. — Вот недавно он меня не заметил, и... Нет, не могу об этом! Помогите мне, Пиппин. В глазах опять темно, и рука совсем заглохла.

— Мерри, дружище, обопрись на меня, — Пиппин подставил плечо. — Вот так, пошли. Шаг за шагом, глядишь, и дойдем. Тут недалеко.

— Ты ведешь меня, чтобы похоронить? — вяло спросил Мерри.

— Да ты что, какие похороны? — Пиппин старался, чтобы голос его звучал бодро, хотя сердце разрывалось от боли и жалости. — Мы идем в Палаты Исцеления.

Они вывернули из переулочка, зажатого между высокими домами и наружной стеной четвертого круга, вышли на главную улицу и стали подниматься к цитадели. Мерри шатался и бормотал что-то бессвязное, ноги его заплетались.

«Не дотащить мне его, — подумал Пиппин. — Что же делать? Здесь оставить не могу, а помочь, как назло, некому».

Но тут послышался топот: по улице во всю прыть бежал мальчишка, и когда он поравнялся с хоббитами, Пиппин узнал давешнего своего приятеля Бергила, сына Берегонда.

— Эй! — окликнул паренька Пиппин. — Рад видеть тебя живым. Куда несешься как угорелый?

— Бегу с поручением к целителям, — ответил Бергил. — Поручение важное, задерживаться не велено.

— И не надо, — махнул рукой Пиппин. — Ты только передай им, что тут у меня раненый хоббит... скажи лучше «периан», понятнее будет. Он идет с поля битвы, до города кое-как дотащился, а дальше уже не может. А увидишь Митрандира, расскажи и ему, он рад будет. Бергил убежал.

«Подожду здесь», — подумал Пиппин. Он осторожно уложил Мерри на мостовую, выбрав место, где пригревало солнышко, сел рядом и положил голову друга себе на колени. Правая рука Мерри бессильно обвисла; тронув ее, Пиппин вздрогнул. Она была холодна как лед.

Довольно скоро их нашел самолично Гэндальф. Маг склонился над Мерри, погладил его по лбу и бережно поднял на руки.

— Его следовало внести в город с почестями, — сказал он, — вот уж кто полностью оправдал мои надежды. Хорошо, что Элронд тогда уступил; не отпусти он вас с отрядом, этот день мог бы стать куда печальнее.

Гэндальф вздохнул.

— Но теперь мне надо заботиться и о нем, а ведь судьба сражения еще не решена.

Так и получилось, что Фарамир, Эйовин и Мериадок оказались в Палатах Исцеления. Ухаживали за ними очень хорошо, ибо, хотя многое из древнего знания с годами утратилось, целители Гондора были искусны в своем деле. Они умело врачевали раны и многие болезни, которым были подвержены смертные к востоку от Моря. Лишь средства от старости у них не имелось. Теперь гондорцы жили ненамного дольше всех прочих и мало кто из них одолевал столетний рубеж, сохранив силы, за исключением отпрысков знатнейших домов с незамутненной нуменорской кровью. Но сейчас целители были в растерянности: их познаний и искусства не хватало для того, чтобы овладеть с поразившим многих никогда прежде не виданным недугом. Болезнь называли Черной Немочью, потому что причиной

ее были назгулы. Заболевшие погружались во все более глубокий сон, их сковывали молчание и смертный холод, и они умирали. Врачеватели ясно видели, что и хафлинга, и деву Рохана поразила именно эта тяжкая, неизлечимая хворь. Поначалу раненые еще бормотали что-то в бреду, и лекари внимательно прислушивались, надеясь, вдруг бессвязные слова хоть что-нибудь подскажут. Но раненых все глубже затягивала могильная тьма, и когда солнце стало клониться к западу, они уже даже не стонали, похолодели и с виду все больше походили на мертвецов. А вот Фарамир, наоборот, метался в горячке, и сбить жар никак не удавалось. Гэндальф озабоченно переходил от одного к другому, выслушивая сбивчивые рассказы о том, кто да как бредил. День близился к концу, за стенами продолжала бушевать битва, и удача склонялась то на ту, то на другую сторону, а маг все выжидал и наблюдал, не в силах покинуть Палаты Исцеления. Когда за окнами заалел закат, стоявшим рядом показалось, будто серые лица Эйовин и Мерри чуточку порозовели. Можно было подумать, что болезнь отступает, но то была лишь обманчивая надежда. И тут Йорет, старейшая из сиделок, со слезами взиравшая на прекрасное лицо любимого всем городом Фарамира, всхлипывая пробормотала:

— Умрет, бедненький, вот ведь горе какое. Прежде, когда в Гондоре были короли, такого бы не случилось. В Книгах Премудрости-то сказано: «Руки короля — руки целителя». Так настоящего короля и узнавали.

— Ох, Йорет, люди надолго запомнят твои слова! — воскликнул стоявший рядом Гэндальф. — Они сулят надежду. Быть может, король уже здесь, в Гондоре. Ты ведь слышала, о чем толкуют на улицах.

— Мне не до того, — проворчала сиделка. — Мое дело печься о хворых, а не собирать досужие слухи.

Но Гэндальф уже поспешно вышел. Закат догорел, и на все еще дымившуюся местами равнину опустился серый, как зола, вечер.

Незадолго до этого Арагорн, Эйомер и Имрахил в окружении своих рыцарей и командиров приблизились к городу. У самых ворот Арагорн сказал:

— Смотрите, как полыхает заходящее солнце. Это знак того, что в нашем мире грядут великие перемены. Но город и вся страна долгие

годы пребывали под властью наместников, и я не хочу входить незванным. Война не кончена, нельзя давать повод к раздорам. Я не стану предъявлять свои права до победы. Мой шатер будет стоять в поле, а коли правителю будет угодно меня увидеть, пусть пригласит.

— Но ты уже поднял королевское знамя и явил все знаки Дома Элендила, — возразил князь. — Неужто ты потерпишь, чтобы кто-то оспорил твои притязания?

— Нет, — ответил Арагорн. — Но, по-моему, время еще не пришло, и я не желаю ссориться с кем бы то ни было, кроме Врага и его прихвостней.

— Мудро, — согласился Имрахил. — Я Дэнетору родич и хорошо знаю его нрав. Он всегда отличался гордостью и упорством, а к старости, да со смертью сына стал еще более подозрительным и суровым. Но пристало ли тебе оставаться за воротами, как какому-нибудь нищему бродяге?

— Почему же нищему? — улыбнулся Арагорн. — А что до бродяги, так ведь я вождь Следопытов, непривычных к городам да каменным хоромам, — с этими словами он приказал свернуть знамя, а Звезду Северного Королевства снял со шлема и передал на хранение сыновьям Элронда.

Расставшись с ним, Имрахил и Эйомер вошли в город и сквозь запрудившую улицы возбужденную толпу поднялись к цитадели. Но сиденье наместника в Тронном зале оказалось пустым. Там, на установленном перед троном скорбном бело-зеленом ложе, покоился Тейоден. Двенадцать факелов горели вокруг, двенадцать воинов — по шесть от Рохана и Гондора — несли траурный караул. Поверх укрывавшего короля по грудь златотканого покрывала лежал обнаженный меч, в ногах — щит. Свет факелов плясал на ниспадавших серебристыми волнами сединах, но лик короля был молодым и прекрасным. Казалось, он спит.

Имрахил и Эйомер замерли в печальном молчании. Потом князь спросил:

— Где наместник? И где Митрандир?

— Наместник Гондора в Палатах Исцеления, — ответил один из стражей.

Эйомер с недоумением осмотрелся по сторонам.

— Но где же Эйовин, моя сестра? Ей подобает покоиться рядом с королем, и с не меньшими почестями. Где ее положили?

— Когда Эйовин принесли в город, она была еще жива, — сказал Имрахил. — Разве ты этого не знал?

Окрыленный нечаянной надеждой, Эйомер повернулся и, не промолвив больше ни слова, вышел. Князь последовал за ним.

Когда они подошли к Палатам Исцеления, небо уже усыпало звезды. У входа им повстречался Гэндальф. Рядом с ним стоял какой-то человек в сером плаще с низко надвинутым капюшоном.

— Митрандир, — заговорил Имрахил. — Мы ищем правителя, и нам сказали, что он здесь. Разве он ранен? Как это могло случиться? И где доблестная Эйовин?

— Здесь, — ответил маг, — она еще жива, но смерть витает над нею. Здесь и Фарамир, раненный, как вы знаете, отравленным оружием. Правитель теперь он, ибо Дэнетор погиб в огне.

— Дорого же обошлась нам победа, — горестно вздохнул князь. — В один день и Гондор, и Рохан лишились своих властителей. Но рохирримы без вождя не остались, у них есть Эйомер. А кто будет править городом? Не пришло ли время послать за Арагорном?

— Он уже здесь, — молвил незнакомец в сером, выйдя в свет висевшего над дверьми фонаря.

То и вправду был Арагорн, без шлема, в скрывавшем кольчугу лориэнском плаще. Из всех знаков высокого достоинства он не расстался лишь с зеленым камнем, подарком Галадриэли.

— Я пришел по просьбе Гэндальфа, — пояснил он, — но вовсе не для того, чтобы принять правление. Для всех я остаюсь предводителем дунадэйнов Арнора. До выздоровления Фарамира обязанности наместника подобает исполнять его родичу, князю Дол-Амрота. Однако все мы, по моему разумению, должны действовать заодно, уповая не столько на силу, сколько на мудрость. Поэтому пусть над нами начальствует Гэндальф.

Имрахил и Эйомер охотно с этим согласились.

— Пойдем, — сказал им маг, — время дорого, некогда стоять в дверях да вести разговоры. Для тех, кто лежит в Палатах, есть только

одна надежда — Арагорн. Знаете, что услышал я от одной мудрой женщины? «Руки короля — руки целителя. Так и узнают настоящего короля».

Арагорн вошел первым, остальные за ним. У входа стояли двое воинов в форме защитников цитадели: один высокий, как и все гондорцы, а другой с виду просто мальчишка. Едва Арагорн ступил на порог, низкорослый стражник радостно воскликнул:

— Бродяжник! Вот так встреча! А знаешь, это ведь я первым догадался, кто идет на черных кораблях. А здешние слушать меня не хотели, заладили свое: «Пираты, пираты!» Но как это у тебя вышло?

Арагорн рассмеялся и взял хоббита за руку.

— Встреча и впрямь добрая, — сказал он. — Но уж прости, сейчас мне не до рассказов.

— Странное обращение к королю, — тихонько сказал Имрахил Эймеру. — Может быть, он примет корону под каким-нибудь другим именем?

Арагорн расслышал эти слова и обернулся.

— Весьма вероятно, имен у меня достаточно. На Высоком Наречии древности я зовусь Элессар, Эльфийский Берилл, — он указал на зеленый камень. — Еще меня называют Энвиниатар, Возобновляющий. Ну а Бродяжник... так меня прозвали на севере, и это прозвание станет родовым для моего дома, если мне удастся его основать. На Высоком Наречии звучит вовсе неплохо — Телконтар. Подходящее имя и для меня, и для моих наследников.

С этими словами он пошел дальше, и все вместе с ним. Гэндальф на ходу поведал о состоянии Эйовин и Мериадока.

— Я долго не отходил от их постелей, — говорил он. — Поначалу они еще могли говорить, потом впали в непробудный сон, а теперь проваливаются все глубже и глубже в замогильную тьму.

Сначала Арагорн подошел к Фарамиру, затем к Эйовин и под конец к Мерри.

— Даже не знаю, — вымолвил он с тяжелым вздохом, — достаточно ли окажется моего искусства. Жаль, что с нами нет Элронда. Он самый старший из нас, и сил у него куда как больше. Но я сделаю все, что от меня зависит.

— Прежде чем браться за дело, тебе не мешало бы подкрепиться и отдохнуть, — сказал Эймер, заметивший, что Арагорн выглядит смертельно усталым.

— Нет, нет! — возразил Арагорн. — Помощь нужна немедленно, всем троим, а особенно Фарамиру. Время стремительно утекает.

— Добрая женщина, — подозревал он Йорет, — скажи, есть ли здесь запасы целебных трав?

— А как же, господин, — пустилась в объяснения сиделка, чутьем признав в Арагорне важную особу. — Запасы-то есть, но боюсь, ежели и дальше все так пойдет, нам их не хватит. И пополнить неоткуда. Страх-то кругом какой — все горит, все рушится! Подручных в Палатах, почитай, не осталось — послать некого, да и куда посылать? Все дороги перекрыты. Я уж и не припомню, когда торговцы из Лоссарнаха последний раз приезжали к нам на рынок. Но покуда мы кое-как обходимся, вот сами увидите, ежели...

— Увижу, увижу... — нетерпеливо прервал Арагорн словоохотливую сиделку. — Но это позже, а сейчас я хочу знать, имеется ли у вас ацелас.

— Ацелас? — сиделка подняла брови. — Нет, я и слова-то такого сроду не слыхивала. Разве что травника спросить, ему памятни всякие старые названия.

— А тебе, часом, не памятно название «король-трава»? В народе-то оно больше в ходу.

— А, это! — Йорет пожала плечами. — Что бы вам сразу так, простому, не сказать? Нет, почтеннейший, чего не держим, того не держим. Да и с чего бы, в ней ведь нет никакого проку. Бывало, как пойдем мы с сестрицами в лес да на эту травку наткнемся, я всегда говаривала: «Придумают же люди имечко, ни в лад, ни впазд. Травка невзрачная, бесполезная — уж всяко не для королевского сада». Правда, ежели растереть, духовитая и запах бодрит, но только и всего, верно?

— Верно, верно! — остановил поток слов Арагорн. — А теперь, любезнейшая, коли тебе дорог Фарамир, поработай-ка ногами так же шустро, как языком. Сыщи мне в городе пучок-другой этой травки.

— А коли не найдется, — добавил Гэндальф, — так мы с матушкой Йорет наведаемся в Лоссарнах. Прогуляемся по лесу,

только без ее сестриц. Светозар ей покажет, что такое настоящая спешка.

Когда Йорет ушла, Арагорн велел другой сиделке согреть воды. Затем он взял Фарамира за руку и коснулся ладонью его лба. Фарамир не шелохнулся. Похоже, он едва дышал.

— Совсем обессилел, — обернулся Арагорн к Гэндальфу. — Но тут дело не в ране. Она излечима. Будь он сражен оружием назгула, как мы боялись, ему бы не пережить нынешнего вечера. Надо полагать, его ранили южане. Кто вытащил стрелу? Она сохранилась?

— Вытащил я, — ответил Имрахил, — и остановил кровотечение. Стрелу не сберег, в бою было не до того. Да и не стрела то была, а, припоминаю сейчас, дротик, какие и верно в ходу больше у южан. Но я думал, что его метнул назгул, иначе с чего бы начался такой жар? Рана-то неглубокая и с виду явно не смертельная. В чем тут, по-твоему, дело?

— Много всякого, все одно к одному сошлось, — покачал головой Арагорн, — усталость, обида на отца, рана, ну а хуже всего — Черная Немочь. Фарамир так крепок телом и духом, что, хоть он и побывал под Тенью еще до того, как отправился в Осгилиат, Мрак овладевал им очень медленно. Он держался, но когда был еще и ранен, силы его оставили. Раньше мне нужно было прийти, раньше!

В это время появился травник.

— Вы изволили спрашивать о король-траве, — обратился он к Арагорну, — сие растение нам известно, хотя так его называет только простонародье. На благородном наречии это ацелас, ну а кто понимает по-валинорски...

— Например, я, — оборвал его Арагорн. — И мне все равно, будешь ты говорить «асеа аранион» или «король-трава», лишь бы у тебя нашлось то, что мне нужно.

— Прошу прощения, — поклонился травник. — Вижу, вы не только воитель, но сведущи также и в древнем знании. Но, увы, этой травы у нас нет. Здесь, в Палатах Исцеления, врачуют самые тяжкие недуги и раны, а ацелас, насколько мне ведомо, не имеет особых лечебных свойств. Разве что освежает воздух да снимает усталость. Осмелюсь предположить, вас просто заинтересовал старинный стишок: иные, вроде матушки Йорет, частенько его твердят, даже не понимая, о чем речь.

Коль во мрак за шагом шаг
Хворых увлекает враг,
Коль слишком близок смертный час —
Примените ацелас:
Против силы вражьей —
Сила длани княжьей!

Бессмыслица, конечно, но старухи запомнили. Правда, они по сей день готовят настой из ацеласа и дают его от головной боли.

— Тогда, — воскликнул Гэндальф, — во имя короля, найди мне поскорее старуху, у которой меньше познаний, да мудрости побольше. Может, в ее доме сыщется то, чего нет у тебя!

Арагорн опустился на колени у ложа Фарамира и снова положил ладонь ему на чело. Некоторое время он не шевелился, но все присутствующие чувствовали огромное напряжение. Шла борьба, и борьба нешуточная. Лицо Арагорна осунулось и стало землисто-серым. Снова и снова он повторял имя Фарамира, но с каждым разом все тише и слабее, как будто и сам удалялся от них, окликая затерявшегося во Тьме.

Но тут появился запыхавшийся Бергил. Он принес крохотный пучок ацеласа, всего шесть листочков, завернутых в тряпицу.

— Нашел! — с порога закричал мальчуган. — Вот король-трава! Только сухая, сорвана пару недель назад. Может, сгодится, а?

Он бросил взгляд на Фарамира и неожиданно ударился в слезы.

— Сгодится, сгодится, — с улыбкой заверил его Арагорн. — Успокойся, теперь самое худшее позади.

Он взял два листочка, подышал на них и растер между ладонями. Комната тут же наполнилась таким свежим ароматом, словно сам воздух проснулся и затрепетал, искрясь от радости. Потом Арагорн бросил листья в поднесенную ему чашу с кипящей водой, и сердца всех, кто находился рядом, возрадовались. Повеяло весной, каждому вспомнилось солнечное росистое утро в краю его молодости. Арагорн выпрямился, словно обретая новые силы, а когда поднес чашу к лицу Фарамира, в глазах его светилась улыбка.

— Это ж надо! — шепнула Йорет стоявшей близ нее

женщине. — Кто бы мог подумать? Травка-то какова, я ее недооценила! Мне вспомнились розы Имлот-Мелуи в пору моего девичества. Видать, этот воин — настоящий целитель; истинный король, и тот не сыскал бы лучшего снадобья.

Неожиданно Фарамир шевельнулся, открыл глаза и увидел склонившегося над ним Арагорна. А увидев, узнал, хотя никогда не встречал прежде. Взор его просиял.

— Ты звал меня, государь, — едва слышно промолвил он, — и я пришел. Что прикажешь, мой король?

— Оставь мир Теней, пробудись к жизни, — ответил Арагорн. — Сейчас ты очень устал. Отдохни, подкрепись и жди моего возвращения.

— Все будет исполнено, — сказал Фарамир. — Но пристало ли мне лежать в праздности, когда вернулся подлинный король?

— Отдыхай! — повторил Арагорн. — Мы еще встретимся, а пока прощай. Я нужен другим.

Он направился к выходу, Имрахил, Эймер и Гэндальф последовали за ним. Берегонд с сыном остались подле Фарамира, от нечаянной радости оба просто остоленели. Пиппин тоже замешкался, но потом поспешил за Гэндальфом и, уже закрывая за собой дверь, расслышал слова Йорет:

— Король! Нет, вы слышали — король! Руки целителя — разве не я это говорила?!

Вскоре уже все в Палатах Исцеления прознали о появлении короля-врачевателя, и весть эта, как на крыльях, разнеслась по городу.

— Она приняла страшный удар и тяжело пострадала, — сказал Арагорн, осмотрев Эйовин. — Рука, державшая щит, сломана, но эта беда невелика. Срастется, был бы уход хороший да воля к жизни. А вот с правой рукой, той, в которой был меч, дела обстоят гораздо хуже. Она соприкоснулась со злом столь великим, что из нее ушла жизнь, хотя видимых повреждений нет. Чтобы даже помыслить о схватке с таким врагом, нужны несравненная отвага и сила духа, ну а поднявший на него меч должен и вовсе быть крепче стали. Злая судьба свела их пути. Эйовин прекрасна: прекраснейшая ветвь на могучем древе королевского рода. Но мне трудно говорить о ней, я не

всегда ее понимаю. Когда увидел впервые, она показалась мне белой лилией, стройной, чарующей, но горделивой и холодной, подобно тем дивным цветам, что эльфийские мастера выковывают из стали. Их не отличить от живых... да только они не живые. А потом мне подумалось, что она все же живой цветок, живой, но скованный морозом. Им можно любоваться, но лучше не трогать. Лед — не сталь, он хоть и тверд, да хрупок... Ведь ее недуг начался задолго до роковой битвы, не так ли, Эймер?

— Не понимаю, зачем ты спрашиваешь, — печально отозвался вождь рохирримов. — Ни я, ни сестра никогда ни в чем тебя не винили, но мороз, о котором ты говоришь, сковал ее после встречи с тобой. Конечно, забот да печалей ей хватало и прежде, но она разделяла их со мной. Она любила государя, страдала от того, что Змеиный Язык прокрался в его сердце, но никак не была безразлична к жизни!

— Друг мой, — вмешался Гэндальф, — у тебя есть кони, воинские подвиги, вольные поля, а ей выпало родиться женщиной, хотя редкий воитель сравнился бы с ней доблестью. И такая дева превратилась в сиделку при больном, дряхлевшем на глазах старике, стала чем-то вроде посоха, на который он опирался. Думаешь, Змеиный Язык вливал яд только в уши Тейодена? Разве ты не слышал, как Золотой Чертог сравнивали с грязной конюшней, а сынов Эйорла — с шайкой пьяных разбойников, чьи дети подбирают под столами объедки вместе с псами? Так говорил Саруман, а Змеиный Язык повторял за ним. Конечно, дома он подбирал слова помягче, но смысл их от этого не менялся. Не всеми горестями делилась с тобой сестра, не всеми. Любовь и гордость не позволяли ей разомкнуть уста, но кто знает, о чем говорила она наедине с собой горестными ночами, когда вся ее жизнь сжималась в комок, а смыкавшиеся вокруг стены превращали жилище в губительную для вольного духа клетку?

Эймер не отозвался: он молча смотрел на сестру, словно пытаясь по-новому оценить прошлое.

— То, что видел ты, Эймер, не укрылось и от меня, — нарушил молчание Арагорн. — Сердце мое терзалось печалью, ибо я встретил любовь прекрасной и отважной девы, но ответить на это чувство не мог. Думаешь, мне легко было оставить ее в слезах и отчаянии? Вступив на Стезю Мертвецов, я не знал большего страха, чем страх

за ее судьбу. Но скажу и другое — в тебе она любит брата, человека, которого по-настоящему знает, а во мне только манящую мечту о славе и подвигах, о великих свершениях и необъятном мире за рубежами Рохана.

Надеюсь, мне достанет сил исцелить тело, вернуть ее из замогильного Мрака. Но к чему восстанет она — к надежде, забвению или отчаянию, — то мне неизвестно. И если отчаяние возьмет верх, она все равно умрет, разве что найдется иное лекарство, какое я ей дать не могу. Увы, ведь подвиги ее равны деяниям славнейших из славных.

Он склонился над девушкой, вглядываясь в лицо, белизной и впрямь подобное лилии, но холодное и затвердевшее, как могильный камень. Затем, коснувшись губами бледного чела, Арагорн позвал:

— Эйовин, дочь Эйомунда, проснись! Твоего врага больше нет!

Она не шелохнулась, но дыхание стало глубже — было видно, как поднимается и опускается ее грудь. Арагорн растер еще два листочка ацеласа, бросил их в кипящую воду и омыл этой водой лоб и лежавшую поверх одеяла безжизненную, холодную руку. И тогда — то ли оттого, что он и впрямь обладал забытым ныне могуществом, то ли так подействовали на всех его слова об Эйовин, — но всем присутствующим показалось, будто в окно ворвался свежий ветерок, юный и чистый, словно только что зародившийся на снежных вершинах под звездным куполом или на морских побережьях, омываемых волнами в пенных барашках.

— Пробудись, Эйовин, Дева Рохана, — повторил Арагорн, взял ее правую руку и с радостью ощутил тепло — жизнь возвращалась. — Пробудись! Тень исчезла, Мрак развеялся! Зови, она вернется, — сказал он Эйомеру, вложив руку девушки в его ладонь, а сам повернулся и вышел из комнаты.

— Эйовин! Эйовин! — восклицал Эйомер, и по щекам его текли слезы.

Внезапно она открыла глаза и слабо проговорила:

— Эйомер! Какая радость! А они все твердили, что ты убит... Но нет, то были темные голоса из кошмарного сна. Долго ли я спала?

— Нет, сестра, совсем недолго, — откликнулся Эйомер. — И не думай больше об этом, не надо.

— Я так устала, — вздохнула девушка. — Мне бы чуточку отдохнуть. Но сначала скажи, что с государем? Или не надо, уж это точно был не сон. Он мертв. Погиб, как и предчувствовал.

— Да, — подтвердил Эймер. — Погиб, но перед смертью наказал мне проститься с тобой. Ты была ему дороже дочери. Теперь его тело с почестями покойся в цитадели Гондора.

— Горе нам, — вздохнула Эйовин. — Но все обернулось лучше, чем я смела надеяться в те темные дни, когда мне казалось, что Дом Эйорла впал в ничтожество и никогда не вернет себе былой чести. Да, Эймер, а жив ли оруженосец государя, холбитла? Если жив, ты должен посвятить его в рыцари Марки. Вот кто настоящий герой!

— Он жив, — поспешно заверил девушку стоявший неподалеку Гэндальф. — Правда, ранен и лежит здесь, в Палатах Исцеления. Я как раз к нему сейчас и пойду, а Эймер с тобой останется. Отдыхай да поменьше говори о войне и горестях, пока совсем не поправишься. Великое счастье видеть, как столь доблестная воительница возрождается к жизни и надежде.

— К жизни? — повторила Эйовин. — Может, и так, во всяком случае, если для меня найдется конь, оставшийся после павшего воина, да место в эйореде. Что же до надежды... не знаю.

Войдя в комнату Мерри, Гэндальф и Пиппин увидели склонившегося над хоббитом Арагорна.

— Мерри, бедный старина Мерри! — воскликнул Пиппин и бросился к ложу.

Друг его выглядел хуже, чем Фарамир или Эйовин. Казалось, что с их не столь уж давней разлуки Мерри прожил целую жизнь, полную страданий и непосильных трудов, а теперь умирает.

— Да не бойся ты, — успокоил Арагорн. — Я поспел вовремя и уже позвал его. Он вернется, просто слишком устал, да и испытание ему выпало ужасное. Как и Эйовин, он дерзнул нанести удар исчадию Мрака, и вдвоем они изгнали это зло из мира. Твой друг так весел, так силен духом, что он все переборет, хотя скорбь не забудется. Но она не омрачит его сердце, а только научит мудрости.

Он возложил руку на голову Мерри, мягко провел ладонью по темным кудрям, прикоснулся к векам и снова позвал по имени. Запах ацеласа заполнил комнату, как аромат цветущих садов и медовых

ульев. Мерри открыл глаза и сказал:

— Есть охота. Который час?

— Ужин ты уже пропустил, — опешил от неожиданности Пиппин. — Но я сбегаяю, может, для тебя чего и дадут...

— Дадут, дадут, — заверил хоббита Гэндальф. — Все, чего только пожелает доблестный воитель Рохана, все, что найдется в Минас-Тирите, где его имя окружено почетом.

— Вот и отлично, — обрадовался Мерри. — Значит, так, сначала ужин поплотнее, а потом трубочку... — тут его лицо помрачнело. — Нет, трубки не надо. Пожалуй, я больше никогда не смогу курить.

— Это еще почему? — изумился Пиппин.

— Ну... — пробормотал Мерри. — Понимаешь, старый король умер, а курево будет напоминать мне о нем. Он жалел, что ему так и не выпал случай толком послушать мой рассказ о хоббитанском зелье. Это ж, почитай, его последние слова были! Вот закурю и тотчас вспомню, как мы в Айсенгарде встретились, какой он был добрый... А его уже нет.

— Так ты кури и думай о нем, — посоветовал Арагорн. — Вспоминай великого добросердечного короля, всегда державшего слово. Он сумел подняться над Тенью к своему последнему ясному утру. Коротка была твоя служба, но ты будешь гордиться ею, покуда жив. Храни о нем светлую память.

— И то верно, — улыбнулся Мерри. — Покурю да подумаю, ежели Бродяжник достанет мне, что для этого требуется. Был у меня в мешке табачок славный, из Сарумановых запасов, но куда он запропастился в бою — честное слово, не знаю.

— Почтеннейший Мериадок! — с напускной суровостью сказал Арагорн. — Коли ты думаешь, что я прошел сквозь горы и пересек Гондор с огнем и мечом только для того, чтобы угостить табачком нерадивого воина, который разбрасывает свое снаряжение где попало, то совершенно напрасно. Не найдется твой мешок, так пошли за здешним травником. Он поведаст тебе, что за травой, о которой ты спрашиваешь, не числится никаких полезных свойств, а зовется она в просторечии «заморский сорняк», или, по-благородному, «галенас», и сообщит еще множество названий на всяких ученых языках, добавит несколько полузабытых строчек, которых сам не понимает, выскажет

сожаление по поводу отсутствия чего-либо подобного в Палатах Исцеления да с тем тебя и оставит — размышлять об истории и древних наречиях. Я, с твоего позволения, сделаю то же самое. В настоящей постели, вроде твоей, я не спал с тех пор, как выехал из Дунхара, а не ел со вчерашнего вечера.

Мерри поймал его руку и поцеловал.

— Не сердись, прости меня, — промолвил он. — Иди, отдохни. Намучился ты с нами с тех пор как мы повстречались в Пригорье. Но что с нас взять: мы, хоббиты, когда настает важный миг, вечно несем околесицу, потому как нужных, правильных слов попросту не находим. Заменяем их шуточками, хоть они и не к месту.

— Да знаю я вас, — улыбнулся Арагорн. — Знаю, люблю и хочу, чтобы Хоббитания навсегда осталась такой, какой она есть.

С этими словами он поцеловал Мерри в лоб и вышел, а Гэндальф последовал за ним.

— Ну что скажешь? — спросил оставшийся с товарищем Пиппин. — Я насчет нашего Бродяжника. Где еще такого найдешь, кроме, конечно, Гэндальфа? По моему разумению, они родичи; может, дальние, но родичи. Кстати, дружище, твой мешок лежит возле кровати, а когда мы встретились, был у тебя за спиной. Бродяжник его приметил, это уж точно. Да и у меня кое-какой запасец имеется. На, набивай трубочку — тот самый «Долгодольский лист». Я сбегая, приищу тебе чего-нибудь перекусить, ну а потом отдохнем да поболтаем. Эх, дружище! Не можем мы, Туки да Брендибаки, долго оставаться на вершине: все бы нам закуток поукромнее, поуютнее отыскать.

— Верно, — согласился Мерри. — Я и правда не могу, во всяком случае сейчас. Но, Пиппин, по крайней мере мы можем их видеть и чтить. Конечно, родная земля — начало начал, все мы глубоко пустили корни в Хоббитании. Но есть, наверное, нечто еще глубже, еще выше. По-моему, даже садовник, возделывая свой маленький садик, трудится ради чего-то высшего, хотя сам об этом может и не знать. А вот мы с тобой знаем, нам повезло.

Мерри умолк, а потом покачал головой.

— Сам не пойму, что это на меня накатило. Отродясь таких речей не говаривал. Ладно, достань-ка мою трубку. Надеюсь, она не сломалась. Где твой хваленый лист?

Тем временем Арагорн и Гэндальф наведались к смотрителю Палат Исцеления и сообщили, что Фарамир и Эйовин останутся на его попечении еще не один день.

— Как только Эйовин станет лучше, она захочет уйти, — сказал Арагорн, — но чтобы поправиться окончательно, ей необходимо пробыть здесь по меньшей мере дней десять.

— А Фарамиру, — добавил Гэндальф, — можно рассказать о смерти отца, но никоим образом о поразившем Дэнетора перед кончиной безумии. Он все узнает, когда выздоровеет и вернется к своим обязанностям. Смотри, чтобы Берегонд и периан не проболтались, они тоже при этом присутствовали.

— А как быть с другим перианом, Мериадоком? — спросил смотритель. — Что ему можно, чего нельзя?

— Скорее всего, уже завтра он сможет встать, — ответил Арагорн. — Захочет, так пусть прогуляется с друзьями, это ему не повредит.

— Замечательный народ! — уважительно покачал головой смотритель. — Крепкий, стойкий, а ведь с виду не скажешь.

У дверей Палат Исцеления собралась толпа. Все хотели видеть Арагорна, многие надеялись, что он исцелит их близких, сраженных тяжкими ранами или Черной Немочью. Арагорн не мог не внять мольбам — он послал за сыновьями Элронда, и вместе они трудились до глубокой ночи. По всему городу только и говорили, что о возвращении истинного короля. По зеленому камню на груди его называли Элессар, Эльфийский Берилл, и таким образом имя, предреченное при рождении, он получил от своего народа.

К утру, почувствовав, что силы его на исходе, Арагорн завернулся в серый плащ, выскользнул из города и, вернувшись в свой шатер, уснул.

А когда занялась заря, люди увидели реющее над Башней знамя Дол-Амрота с белоснежным кораблем-лебедem на синих волнах. Оставалось только гадать — уж не пригрезилось ли возвращение короля?

Глава 9.

ПОСЛЕДНИЙ СОВЕТ

После битвы наступило ясное погожее утро. Ветер переменился на западный и теперь нес по небу легкие облака. Поднявшись спозаранку, Леголас и Гимли попросили разрешения пройти в город, им не терпелось повидать Мерри с Пиппином.

— Большая радость узнать, что они живы, — сказал Гимли. — Мы потратили столько сил, пытаясь их вызволить, что было бы обидно, окажись наши труды напрасными.

Вместе они вступили в Минас-Тирит. Встречные с изумлением взирали на странную пару: прекрасного обликом эльфа, задумчиво напевающего мелодичную песню, и важного гнома, который поглаживал бороду и оценивающим взглядом присматривался к строениям.

— Каменная кладка совсем недурна, — снисходительно одобрил он, — но не везде, а уж улицы можно бы устроить и получше. Когда Арагорн взойдет на престол, предложу ему пригласить каменщиков Горы, и мы сделаем город таким, что им будут гордиться.

— Здесь не хватает садов, — добавил Леголас. — Дома мертвы: зелени почти нет, а без зелени какая радость? Когда Арагорн взойдет на престол, эльфы Лихолесья пришлют ему певчих птиц и вечнозеленых деревьев.

Когда они пришли к Имрахилу, Леголас низко поклонился князю, ибо с первого взгляда понял, что в его жилах течет эльфийская кровь.

— Приветствую тебя, князь, — молвил он. — Народ Нимродэли давно покинул лориэнские леса, но, как я вижу, не все отплыли из гавани Амрота на запад.

— Память о том хранится в преданиях моей страны, — отозвался князь. — Но никто из Дивного Народа не бывал у нас несчетные годы. Признаюсь, я никак не чаял повстречать эльфа здесь, среди войны и печали. Что привело тебя сюда?

— Я один из Девяти, вышедших с Митрандиром из Имладриса, — отвечал эльф, — а сюда мы с моим другом гномом явились вместе с Арагорном. Но сейчас нам хотелось бы повидать друзей, Мериадока и Пиппина. Мы слышали, они на твоём попечении.

— Вы найдете их в Палатах Исцеления, и я с удовольствием провожу вас туда, — учтиво предложил Имрахил.

— Достаточно будет, если ты пошлешь кого-нибудь показать нам дорогу, — ответил Леголас. — Арагорн просил передать тебе и Эймеру Роханскому, что он не хочет до поры снова вступать в город, а потому просит вас обоих пожаловать в его шатер. Митрандир уже там.

— Мы не заставим себя ждать, — заверил Имрахил, и они любезно распрощались.

— Воистину достойный вождь и славный воитель, — сказал Леголас, проводив его взглядом. — Если и ныне, во дни заката, в Гондоре можно встретить таких людей, каким же было это королевство в лучшие времена?

— Вот и каменная кладка у них лучше всего самая старая, — заметил Гимли. — У людей, скажу я тебе, всегда так: то им весенние заморозки мешают, то летняя сушь, а там, глядишь, задумывали много, да сделали мало.

— Однако семена, посеянные ими, непременно взойдут, — возразил эльф. — Они прорастут даже в пыли или на камнях, прорастут, когда никто этого уже не ждет. Век людей короток, но их деяния переживут нас с тобой.

— Хоть и переживут, а все же, думаю, так ничем и не кончатся, — ворчал гном.

— Эльфам про то неведомо, — откликнулся Леголас.

Явившийся вскоре княжий слуга проводил их до Палат Исцеления и там, в саду, они нашли хоббитов. Радостной была эта встреча: друзья с удовольствием прогуливались, оживленно беседуя и наслаждаясь покоем. Когда Мерри устал, присели отдохнуть на стене. Позади зеленел сад Палат Исцеления, а впереди, на юге, поблескивал на солнце Андуйн. По широким просторам Лебеннина и южного Итилиэна несла Река свои воды к Морю, столь далекому, что увидеть

отсюда его не мог даже Леголас.

Разговор продолжался, но эльф неожиданно умолк, ибо, глядя против солнца, увидел летевших вверх по течению белокрылых морских птиц.

— Смотрите! — воскликнул он. — Чайки! Как же далеко залетают они. А ведь я не видел их никогда в жизни, пока не побывал в Пеларгире.

Их крики оглашали воздух, когда мы мчались к причалам, чтобы захватить с налета вражеские корабли. Помню, тогда я замер, позабыв на миг о войне и обо всем на свете. В плачущих голосах мне слышалось Море. Море! Увы, мне так и не довелось увидеть его. Но тоска по Морю вечно живет в сердцах моих сородичей, и лучше ее не пробуждать. О, эти чайки! Теперь мне не обрести покоя ни под буком, ни под вязом.

— Не говори так! — вмешался Гимли. — В Средиземье есть еще на что посмотреть и над чем потрудиться. А если однажды весь Дивный Народ уйдет в Гавани, в каком тусклом мире придется жить тем, кто вынужден остаться.

— Тусклом и печальном! — поддержал его Мерри. — Не уходи в Гавани, Леголас. Всегда найдется народ, большой или малый, хотя бы даже разумные гномы, вроде Гимли, которым ты будешь нужен. Во всяком случае я на это надеюсь. Правда, чувствую, что худшее в этой войне еще впереди. Как бы мне хотелось, чтобы все кончилось, и кончилось хорошо!

— Да что вы все о грустном! — воскликнул Пиппин. — Гляньте — солнышко светит, мы снова, пусть на пару деньков, собрались вместе, неужто нам больше и поговорить не о чем? Ну-ка, Гимли, расскажи, как вы путешествовали с Бродяжником. А то ведь что ты, что Леголас — оба с утра раз десять помянули какой-то диковинный путь, а толком так ничего и не поведали.

— Здесь-то, может, солнце и светит, — проворчал Гимли, — но мне тем паче не хочется вспоминать весь мрак и ужас этого, как ты говоришь, «диковинного пути». Честно признаюсь, знай я заранее, что это такое, никакая дружба не заманила бы меня на Стезю Мертвецов.

— Стезю Мертвецов? — переспросил Пиппин. — Припоминаю, Арагорн говорил что-то такое, но я так в толк и не взял, о чем это он.

Давай, Гимли, рассказывай.

— Ну уж нет, — покачал головой гном. — Не стану, по той простой причине, что мне стыдно. Гимли, сын Глоина, всегда почитал себя крепче любого человека и думал, что уж под землей-то будет себя чувствовать всяко увереннее, чем эльф. А вышло так, что я самым постыдным образом перетрусил и если выдержал дорогу, то лишь благодаря воле Арагорна.

— И благодаря любви к нему, — добавил Леголас. — Кто его знает, тот и любит, хотя каждый по-своему. Даже та холодная дева из Рохана. Мы покидали лагерь в Дунхаре ранним утром, и весь тамошний народ обуял такой страх, что никто не вышел нас проводить, кроме Эйовин, которая сейчас в Палатах Исцеления. Печальным было это прощание.

— Но самое страшное началось потом, — пробормотал Гимли. — Как вспомню, оторопь берет, — куда уж тут рассказывать.

— Ну а я расскажу, — молвил эльф, видя, что хоббиты сгорают от любопытства. — Мне эти страхи непонятны. Призраки меня не пугают. Силы-то в них никакой нет, одна видимость.

Он кратко поведал о пути через подземное обиталище мертвых и мрачной встрече у Камня Эреха.

— Четыре дня и четыре ночи скакали мы от Черного Камня, — говорил Леголас. — И надо же такому случиться — во Тьме Мордора моя надежда окрепла, ибо чем дальше мы двигались по этой земле, тем более грозной и устрашающей выглядела Армия Теней. Там были и пешие, и конные, но все двигались одинаково резво, в полном молчании и со свирепым огнем в глазах. На взгорьях Ламедона они догнали нас и, наверное, оставили бы позади, но Арагорн приказал им вернуться на место. Ему повинуются даже тени — подумалось мне тогда, — пожалуй, они сослужат службу. Так оно и вышло.

Настал день, когда так и не рассвело. В сумраке мы миновали Кэрил, потом Рингло и на третьи сутки безумной скачки добрались до Линхира, что близ устья Гилраина. Там шел бой; местные жители с трудом удерживали переправы, а на них наседали поднявшиеся по реке умбарские пираты и южане Харада. Наше появление положило конец схватке — войско Короля Мертвых нагнало на всех такого страха, что и защитники, и нападавшие с криками разбежались кто куда. Только у Энгбора, правителя Ламедона, хватило мужества

встретить нас. Арагорн приказал ему собрать своих людей, пропустить призрачное воинство и следовать за нами. «В Пеларгире вы потребуетесь наследнику Исилдура», — сказал он. Переправившись через Гилраин и разогнав мордорских прихвостней, мы устроили привал, но скоро Арагорн поднял нас, заявив, что Минас-Тирит уже в осаде и может пасть прежде, чем мы успеем на помощь. Ночь еще не кончилась, а наша дружина уже снова скакала во весь опор, по равнинам Лебеннина.

Леголас умолк, вздохнул и, обратив взор на юг, негромко запел:

По зеленым лугам Лебеннина
От Келоса до Эруи ручьи текут серебром,
И стоят высокие травы. Ветер с Моря —
И колышутся белые лилии, и звенят золотыми
Колокольцами мэллос и альфирин
На зеленых лугах Лебеннина.
Ветер с Моря.

Зелеными зовутся эти поля в песнях моего народа, но перед нами они предстали мрачными и угрюмыми. Враги бежали от нас сломя голову, мы мчались за ними, как ветер и, наконец, преследуя их, вырвались к Великой Реке.

Так широки были ее воды, так пронзительно кричали над головой чайки, что сердце мое дрогнуло. Я почувствовал близость Моря. О, этот чаячий плач! Не зря, совсем не зря предостерегала меня владычица. Теперь мне не забыть его никогда.

— А что до меня, — вмешался Гимли, — так я никаких чаек и не заметил. Главное, мы дорвались-таки до настоящей битвы. Там, в Пеларгире, стоял флот Умбара — пятьдесят больших кораблей и неисчислимое множество мелких суденышек. Страх летел впереди нас, он достиг гавани вместе с толпами спасавшихся бегством. Некоторые корабли успели отплыть вниз по Реке или к другому берегу, а многие лодки, что не могли отчалить из-за тесноты, попросту подожгли. Но прижатые к воде харадримы приготовились дать нам отпор. Отступать им было некуда, а когда показался наш небольшой отряд, они рассмеялись: их-то войско все еще оставалось многочисленным и сильным.

И тут Арагорн остановил нас. «Вперед, клятвопреступники! —

вскричал он громовым голосом. — Заклинаю вас Черным Камнем, вперед!» Серая волна призраков хлынула к берегу, сметая все на своем пути. Я слышал боевые кличи и звуки рогов, доносившиеся будто издалека, словно отголоски давно позабытого сражения Темных Лет. Повсюду мерцали бледные клинки, но не думаю, что мертвые пустили их в ход, они не нуждались ни в каком оружии, кроме страха. Страх, которому не мог противостоять никто.

Они прошли по всем кораблям — и стоявшим у причалов, и успевшим отплыть, — ибо двигались по воде так же легко, как и по суше. Охваченные безумием моряки прыгали за борт, остались только прикованные к веслам рабы. Мы довершили разгром — ударили в самую гущу впавших в панику, и они падали перед нами, словно листья с деревьев. Выйдя к берегу, Арагорн послал на каждый из захваченных кораблей по дунадэйн из своей дружины. Они выпустили из трюмов пленников, расковали рабов, призвали ничего не бояться и объявили свободными людьми.

Еще до темноты всякое сопротивление прекратилось; немногие уцелевшие бежали на юг. Мне тогда подумалось, как странно и удивительно, что мордорских прихвостней побили силы Тьмы и ужаса — излюбленное оружие их Властелина.

— Это так, — согласился Леголас. — А я, взглянув на Арагорна, подумал еще и о другом — сколь грозным и могущественным властителем мог бы он стать, вздумайся ему завладеть Кольцом. Но благородство его духа выше разума Сауона. Ведь Арагорн — потомок Лютиэн, чей род не пресечется до скончания времени.

— Гномьи глаза столького не прозревают, — сказал Гимли, — но в тот день Арагорн был воистину могуч. Весь Черный флот оказался в его руках. Он взошел на палубу самого большого корабля и приказал трубить в отнятые у врагов трубы.

На берегу выстроилось призрачное войско, безмолвное и почти невидимое. Лишь в провалах глазниц изредка вспыхивали багровые отблески пламени еще догорающих на воде судов. «Внемлите наследнику Исилдура! — возгласил Арагорн. — Ваша клятва исполнена. Возвращайтесь, и никогда больше не тревожьте живых. Я освобождаю вас и дарую вам вечный покой!»

Тогда Король Мертвых выступил вперед, преломил копье, низко поклонился, повернулся и пошел прочь, а за ним все его воинство.

Миг — и от всей великой призрачной рати не осталось следа, она сгинула, как туман под неожиданным порывом ветра. Мне показалось, будто я очнулся ото сна.

Ночью мы отдыхали, но в порту кипела работа. Среди освобожденных рабов оказалось немало гондорцев, захваченных во время набегов на Лебеннин и Этир. Они присоединились к нам, а скоро и Энгбор Ламедонский привел отряд всадников. Едва развеялся страх перед мертвыми, люди стали стекаться отовсюду: имя наследника Исилдура манило их, словно светоч во мраке ночи. За ночь поврежденные корабли привели в порядок, и рано поутру флот отплыл — это случилось позавчера утром, всего через шесть дней после того, как мы вышли из Дунхара. Все делалось быстро, но Арагорн все равно боялся опоздать. «От Пеларгира до пристаней Харлонда сорок две лиги, — говорил он, — но мы должны попасть туда завтра, иначе все будет потеряно».

На веслах теперь сидели свободные люди и гребли они не за страх, а за совесть, но плыть приходилось против течения, а попутного ветра, как назло, не было. Мы вроде и победили, но особой радости я не ощущал. И тут Леголас неожиданно рассмеялся. «Выше бороду, сын Глоина, — молвил он. — Слышал присловье: «Коли гном вконец отчается, тут надежда и рождается?»» Правда, что за надежду удалось ему углядеть да где, он мне так и не сказал. Настала ночь, такая, что хоть глаз выколи, но впереди, далеко на севере, мы увидели отражавшееся от облаков зарево. «Это полыхает Минас-Тирит», — сказал Арагорн.

Но в полночь и вправду родилась надежда. Этирские моряки сказали, что ветер меняется. Так оно и вышло: скоро он задул с Моря, наполнил наши паруса, и мы понеслись, оставляя за кормой пену. Так и вышло, что рано поутру знамя Арагорна уже реяло над полем брани. То был великий день и великий час, что бы ни сулило мне будущее.

— Что бы ни случилось, подвиг всегда останется подвигом, — промолвил Леголас. — А пройти Стезей Мертвецов — настоящий подвиг, и пребудет таким вовеки, даже если в Гондоре некому будет его воспеть.

— А на то похоже, — невесело проворчал Гимли. — Гэндальф-то с Арагорном оба мрачнее ночи. Хотел бы я знать, о чем они без конца совещаются. Ясное дело, мне, как и Мерри, не терпится

дождаться победы и конца войны. Но я не прочь приложить к этой победе руку во славу народа Одинокой горы.

— Я тоже не откажусь сразиться, — поддержал Леголас. — И за честь Великого Леса, и просто из любви к королю, осененному Белым Древом.

Друзья умолкли. Каждый задумался о своем, а тем временем внизу, под стеной, вожди никак не могли прийти к окончательному решению.

Расставшись с Леголасом и Гимли, князь Имрахил послал за Эймером, и они вместе спустились на равнину, к шатру Арагорна, стоявшему неподалеку от того места, где пал король Тейоден. Там, кроме самого наследника Исилдура, их уже дожидались Гэндальф и сыновья Элронда.

— Послушайте, что сказал перед смертью наместник Гондора, — промолвил маг. — «Вы можете одержать победу на полях Пеленнора, но Силу, поднимающую ныне, одолеть нельзя». Я не собираюсь впадать в отчаяние по примеру Дэнетора, однако в его словах есть доля правды.

Палантиры не лгут. Даже владыка Барад-Дура не может заставить камень показать то, чего нет. Конечно, в его власти отобрать для слабодушного самые страшные картины, подавляющие волю и разум, но, как бы то ни было, Дэнетору не померещились собранные против Гондора неисчислимые мордорские полчища. Все, что он видел, существует на самом деле. С огромным трудом мы отразили первый удар, а следующий будет гораздо сильнее. В такой войне — тут Дэнетор не ошибся — нет надежды на победу. Силой оружия нам ничего не добиться, и безразлично, будем ли мы отсиживаться за стенами, отбивая приступ за приступом, пока не падем, или сами выступим за Реку, навстречу неминуемому поражению. Выбирать приходится из двух зол. Благоразумие подсказывает: надо по мере возможности укрепить стены и ждать нового штурма. Конец будет тот же, но наступит он несколько позже.

— Значит, ты советуешь нам отступить в Минас-Тирит, в Дол-Амрот и в Дунхар и попрятаться там, как детишки прячутся в песочных замках перед приливом, который все равно смоет песок? — спросил Имрахил.

— А разве мой совет нов? — ответил вопросом на вопрос

Гэндальф. — Разве до сих пор вы поступали иначе? Но нет, я сказал «благоразумие подсказывает», но никого к этому самому благоразумию не призывал. Я сказал «силой оружия нам ничего не добиться», но вовсе не говорил, что не верю в победу. Напротив, я надеюсь на победу, только не военную. Ныне все зависит от Кольца Всевластья — на нем зиждется Барад-Дур, в нем надежда Саурона.

Вы знаете достаточно, чтобы понять, в каком положении и мы сами, и Саурон. Попади Кольцо к нему, вся наша доблесть пропадет втуне: его победа будет быстрой и полной, столь полной, что он, быть может, восторжествует до конца времен. Но будь Кольцо уничтожено, он падет, падет так низко, что едва ли восстанет снова. В Кольцо вложена большая часть изначальной силы Саурона, и с гибелью Кольца все содеянное или начатое Врагом с его помощью обратится в прах, а сам он в злобную, но бессильную Тень, которая больше не сможет обрести плоть. Только так можно изжить величайшее из зол нашего мира. Конечно, это не единственное и не последнее зло, ведь и Саурон не более чем прислужник иного, давно поверженного Врага. Но мы в ответе не за вечность, а за свое время. Наше дело выкорчевывать злые всходы на знакомых полях, с тем чтобы наши потомки могли возделывать очищенную от сорняков землю. А уж вырастят они урожай или нет — это не в нашей власти.

Все это Саурон знает не хуже нас. Знает и то, что его сокровище нашлось, но вот где оно, ему покуда неизвестно. Он терзается сомнениями, ибо слишком хорошо понимает: окажись Кольцо у нас, здесь найдутся такие, кому вполне по силам с ним совладать. А у него есть основания думать, что мы заполучили Кольцо. Ведь, если я не ошибаюсь, Арагорн, он видел тебя в камне Ортханка. Верно?

— Верно, — кивнул Арагорн, — перед самым выступлением из Горнбурга. Я заглянул в палантир, ибо решил, что время пришло, да и сам камень послан мне не случайно, а с какой-то целью. Это произошло на десятый день после того, как Хранитель ушел от Рэроса на восток. По моему разумению, надо было отвлечь Око от его собственной страны. С тех пор как Саурон вернулся в Башню, ему нечасто бросали вызов. Правда, знай я, сколь скор и силен будет ответ, наверное, не решился бы показаться ему. Тут не помешала бы твоя помощь, но тебя-то не было.

— Что-то я не пойму, — вмешался Эймер. — Ты вот говоришь, ежели Кольцо заполучит Враг, мы пропали. Но как же он решается

нападать, думая, что оно у нас?

— Во-первых, он в этом еще не уверен, — пояснил Гэндальф. — Догадки догадками, но их нужно проверить. Во-вторых, ему прекрасно известно, что никто, даже самый могущественный и мудрый, не может полностью овладеть Кольцом за короткий срок. Значит, ему нельзя терять времени. Ну и, наконец, — Кольцом нельзя владеть сообща, у него может быть только один хозяин. Даже находясь в наших руках, Кольцо может помочь Врагу, если величайшие из нас сцепятся из-за обладания им, а он в это время нанесет неожиданный удар.

Сейчас он выжидает. Видит и слышит Саурон многое, ведь его назгулы по-прежнему здесь. Сегодня перед рассветом они пролетали над полем; правда, люди устали и спали так крепко, что почти никто этого не заметил. Он примечает знаки, которые не могут его не тревожить: неведомо откуда появляется меч, некогда отсекий ему палец вместе с Кольцом, и тут же от него отворачивается удача. Первый натиск на Гондор заканчивается не только разгромом, но и падением самого грозного из его подручных.

Все это настораживает, заставляет Око смотреть в нашу сторону и ни в какую другую. Вот пусть и останется прикованным к нам как можно дольше — в том наша надежда. Вот что я предлагаю. Кольца у нас нет. Мудро это было или глупо, но его отослали прочь, и теперь либо оно будет уничтожено, либо мы. Без Кольца нам Саурона не одолеть. Но мы должны любой ценой отвлечь Око от подлинной угрозы. Пусть победы оружием не добиться, оружие может пригодиться для того, чтобы дать Хранителю Кольца шанс, хотя бы самый ничтожный. Арагорн начал, нам следует продолжить. Попытаемся заставить Саурона нанести решающий удар. Он поднимет для этого все войска, бросит на нас всех — до последнего орка, — так что страна его опустеет. Мы будем приманкой, и он эту приманку схватит, непременно схватит, ибо сочтет, что бросить ему вызов посмел только новый обладатель Кольца. Представьте себе ход его мысли: «Слишком рано возгордился этот наглец, слишком рано он поднял голову. Я заманю его в ловушку, из которой не спастись, и когда она захлопнется, то, чем он завладел, станет моим — снова и навек».

В эту ловушку нам предстоит идти с открытым забралом, собрав все мужество и без особой надежды. Вполне может статься, что все

мы сложим головы в этой битве, и даже если Фродо сделает свое дело и Барад-Дур падет, мы так об этом и не узнаем. Не увидим зари новой эпохи. Но, я полагаю, таков наш долг. Лучше уж пасть так, хотя бы в неведении, чем дожидаться гибели, не сходя с места, и умереть, точно зная, что никакой новой эпохи не наступит.

Некоторое время все молчали. Первым заговорил Арагорн.

— Я начал, мне и продолжать. Мы стоим на краю пропасти, надежда смешалась с отчаянием. Всякое промедление губительно. Призываю всех внять совету Гэндальфа. Он долго боролся против Саурана, так узнаем же, чем завершатся его труды. Не будь его, все было бы кончено давным-давно. Но я не приказываю, а именно призываю. Пусть каждый сам сделает свой выбор.

— Таким же советом напутствовал нас наш отец Элронд, — сказал Элрохир. — Потому мы с братом и пришли с севера. Мы не отступим.

— Что до меня, — промолвил Эймер, — то я во всех этих мудреных делах особо не смыслю, да и нужды в том не вижу. Довольно того, что мой друг Арагорн пришел на помощь мне и моему народу, и мой долг — помочь ему, коли он позовет. Я иду.

— Ну а я, — взял слово Имрахил, — считаю Арагорна своим королем, требует он того или нет. Его воля для меня приказ, поэтому я тоже иду. Однако сейчас на меня временно возложены обязанности наместника Гондора, и прежде всего мне надлежит подумать о людях. Надо приготовиться к любым неожиданностям. Пока остается надежда на победу, Гондор необходимо защищать. Нельзя допустить, чтобы, одолев Врага, мы вернулись в разоренный край, к дымящимся развалинам. А такое может случиться — рохирримы сообщают о вражеском войске у нас в тылу.

— Ты прав, — согласился Гэндальф. — Но я и не собирался оставлять город без защитников. Выведи мы отсюда всех воинов до единого, наших сил все равно не хватит для штурма Мордора. Достаточно выставить рать, способную бросить Врагу вызов, завязать бой. Но эта рать должна выступить как можно скорее. Самое позднее через два дня. Скольких мы сможем собрать за это время? Нужны добровольцы, знающие, на что идут.

— Люди устали, многие ранены, — отозвался Эймер. —

Погибло немало коней, а эта потеря невосполнима. Если поход состоится так скоро, я с трудом наберу две тысячи, а еще столько же придется оставить для обороны города.

— Мы можем рассчитывать не только на тех, кто участвовал в этой битве, — сказал Арагорн. — Побережья теперь свободны, и сюда направляются подкрепления из южных областей. Два дня назад я отправил из Пелагира через Лоссарнах четыре тысячи человек под предводительством бесстрашного Энгбора. Они подойдут вовремя, до нашего ухода. Многие последовали за мной вверх по Реке, на всех судах, какие смогли найти. Ветер попутный, так что ждать недолго. Самые быстрые корабли уже в Харлонде. Думаю, мы сможем повести на восток семь тысяч конных и пеших, оставив при этом город защищенным лучше, чем перед штурмом.

— Ворота разбиты, — напомнил Имрахил. — Где найти мастеров, чтобы восстановить их?

— В Эреборе, в королевстве Даина, такие мастера найдутся, — ответил Арагорн. — Если наши надежды не развеются в прах, я попрошу Гимли, сына Глоина, пригласить умельцев из-под Горы. Ну а пока остается полагаться на мужество защитников. Люди надежнее любых ворот, а уж коли дрогнут они, так и никакие ворота от Врага не спасут.

Совет кончился на том, что вожди порешили выступить послезавтра утром с семью тысячами войска. Большую часть его составят пешие, ибо у границ Мордора с конницей не очень-то развернешься. Арагорн поведет две тысячи воинов из числа тех, кого призвал под свое знамя на юге, Имрахил выставит три с половиной тысячи своих бойцов, а Эйомер — пять сотен пеших рохирримов, лишившихся коней, и столько же отборных всадников. Будет и еще один отряд в пятьсот верховых, с ним пойдут сыновья Элронда, дунадэйны и рыцари Дол-Амрота. Всего наберется шесть тысяч пеших и тысяча конных. Основные силы Рохана — около трех тысяч под командованием Эльфхельма — перекроют Западную дорогу, чтобы враги не смогли нагрянуть из Анориэна. На север и на восток, через Осгилиат, к дороге на Минас-Моргул немедленно выслали разведчиков.

Когда наконец силы были подсчитаны и предстоящий путь

намечен, Имрахил неожиданно расхохотался.

— Смех да и только! — воскликнул князь. — По-моему, так не шутил никто за всю историю Гондора. В дни величия королевства любой передовой отряд был бы больше того семитысячного войска, с которым мы собрались штурмовать горы и неприступные ворота Черной Страны. Это ведь все равно, что мальчишке целиться камышинкой из игрушечного ивового лука в закованного в сталь рыцаря. Если Темный Властелин и впрямь знает так много, как говоришь ты, Митрандир, то не посмеется ли он над нами, вместо того чтобы пугаться? Не раздавит ли нас одним мизинцем, словно пчелу, что попыталась его ужалить?

— Нет. Он попытается поймать пчелу и вырвать жало, — отозвался Гэндальф. — Среди нас есть такие, чье имя стоит тысячи закованных в сталь рыцарей. Нет, ему будет не до смеха.

— Как, впрочем, и нам, — заметил Арагорн. — Если это и шутка, то слишком горькая, чтобы над нею смеяться. Нет, это наш последний поход, которым, удачен он будет или нет, завершится отчаянная, рискованная игра, — он выхватил Андрил, высоко воздел сияющий на солнце клинок и возгласил: — Ты не обрешь покоя в ножнах, пока не закончится последняя битва!

Глава 10.

ЧЕРНЫЕ ВРАТА ОТКРЫВАЮТСЯ

Спустя два дня воинство Запада собралось на равнине Пеленнора. Наступавшие из Анориэна орочи орды и полчища вастаков рохирримы измотали в стычках, рассеяли и наконец обратили в бегство. Сломленный враг покатился к Кэир-Андросу, не помышляя более о сопротивлении. С устранением этой угрозы и прибытием новых подкреплений с юга город оставался под достаточно надежной защитой. Разведчики доносили, что дороги на восток свободны до самого Перекрестка Павших Королей. Теперь все было готово к последнему походу.

Леголасу и Гимли предстояло ехать в передовом отряде вместе с Гэндальфом, Арагорном, дунадэйнами и сыновьями Элронда. Мерри, к величайшему его огорчению, в поход не взяли.

— Ты еще слишком слаб, — сказал Арагорн. — Но не стоит унывать: даже если до конца этой войны тебе и пальцем шевельнуть не придется, ты уже снискал великую славу. Ну а народ Хоббитании в походе будет представлять Перегрин. Не завидуй ему, должен же он сравняться с тобой в доблести. К тому же, по правде сказать, опасность пока еще одинаково велика для всех. Вполне возможно, нас ждет горький конец у Ворот Мордора, а тебе придется сражаться до тех пор, пока последний островок света — здесь или в другом месте — не поглотит черный прилив. Прощай!

Так и получилось, что Мерри стоял на стене, уныло глядя на собирающиеся рати, в компании столь же понурого Бергила. Его отец отправлялся в поход с отрядом городского ополчения, ибо не мог считаться Стражем цитадели, пока не будет разобрано его дело. С тем же отрядом как полноправный воин Гондора уходил и Пиппин. Мерри увидел его со стены: хоббит почти терялся среди рослых воинов Минас-Тирита, но держался с достоинством.

Запели трубы, войско пришло в движение. Отряд за отрядом, дружина за дружиной удалялись на восток. Мерри смотрел им вослед, пока они не пропали из виду. Утреннее солнце последний раз блеснуло на шлемах и наконечниках копий, а он все стоял, повесив

голову, чувствуя себя одиноким и покинутым. На сердце его лежал камень: все, кто был ему дорог, уходили навстречу затягивавшей восточный горизонт мгле, и хоббит не слишком надеялся встретиться с ними снова.

Словно откликаясь на зов отчаяния, боль в руке усилилась. Мерри почувствовал себя бесконечно старым и слабым, свет перед глазами померк. Но тут его тронул за плечо Бергил.

— Пойдем, друг периан, — молвил парнишка. — Тебе никак снова плохо. Давай-ка я провожу тебя назад, к целителям. И не надо печалиться, они вернутся. Не так-то просто одолеть людей из Минас-Тирита. А уж когда с ними такие воители, как доблестный Элессар и мой отважный отец, то и подавно.

К полудню войска подошли к Осгилиату. Там повсюду кипела работа: спешно собранные мастеровые приводили в порядок паромы и понтонные мосты. Соорудили их враги, а вот уничтожить во время панического бегства не успели, хотя что могли испортили и сломали. Люди собирали брошенное противником награбленное добро и разрушали возведенные на восточном берегу укрепления, что были направлены против Гондора. Переправившись через Андуин, оставили позади руины древней столицы и двинулись по широкой прямой дороге, соединявшей некогда Твердыню Солнца с Твердыней Луны, обращенной ныне в мрачный Минас-Моргул. В пяти милях за Осгилиатом объявили привал: первый дневной переход закончился.

Но конники последовали дальше и еще до вечера достигли Перекрестка. В кольце гигантских деревьев царила мертвая тишина. Не слышалось ни одного возгласа, ни одна стрела не вылетела из зарослей, но с каждым шагом напряжение возрастало. Казалось, будто каждый камень и дерево, каждый лист и травинка настороженно прислушиваются. Темнело, далеко на западе, за Андуином, садилось солнце, на фоне синевы неба светились снежные пики, но Эфел-Дуат впереди был окутан мглой. Арагорн направил трубачей на каждую дорогу, которая выходила из древесного круга. Запели трубы, и герольды громогласно возгласили:

— Правители Гондора вернулись в исконные владения. Отныне и вовеки этот край принадлежит им!

Мерзкую одноглазую голову сбросили с плеч каменного

изваяния и разбили вдребезги, а на ее место водрузили голову старого короля в венце из белых и золотистых цветов. Злобные орочьи письма со статуи стерли.

Затем военачальники стали держать совет относительно дальнейших действий. Некоторые предлагали нанести удар по Минас-Моргулу, захватить его, разрушить и тем самым открыть себе путь в Мордор.

— Быть может, — размышлял Имрахил, — дорога, ведущая через перевал, лучше подходит для того, чтобы напасть на Темного Властелина, чем северные ворота?

Однако Гэндальф решительно, выступил против, напомнив, что в долине обитает зло, вселяющее в людей безумие и наполняющее сердца ужасом. Да и в любом случае, по его мнению, нельзя было привлекать Око Мордора к этой дороге, ибо, по словам Фарамира, именно ее избрал Хранитель Кольца.

На следующий день, когда подтянулись основные силы, было решено оставить на Перекрестке надежное охранение на тот случай, если туда нагрянут войска из Минас-Моргула или с юга. В засаду отрядили в основном лучников, прекрасно знавших тропы Итилиэна и способных затаиться на лесистых склонах возле дорог. Отдав необходимые распоряжения, Гэндальф и Арагорн с передовым отрядом проехали вперед, ко входу в Моргульскую долину, и их взорам предстал злобный город. Твердыня была темна и безжизненна: обитавших там орков и прочих мордорских тварей истребили у стен Города, назгулы куда-то запропали. Но сам воздух долины дышал страхом и злобой. Воины разрушили мост через ядовитую реку, выжгли зловонные луга по ее берегам и вернулись к лагерю.

На следующий день, третий после выступления из Минас-Тирита, войска двинулись по дороге на север. Следуя этим путем, от Перекрестка до Мораннона предстояло пройти сотни миль, и никто не взялся бы предугадать, что может случиться на столь долгом пути. Шли открыто, но осторожно, высылая вперед конные разъезды, а по обе стороны дороги, особенно по восточной, со стороны Эфел-Дуат, откуда могли незаметно подкрасться враги, сновали туда-сюда пешие разведчики. Погода стояла прекрасная, дул устойчивый западный ветер, но он не мог разогнать тоскливую хмарь, висевшую над близкими склонами Гор Теней. А дальше, за кряжем, к небу

поднимались и вовсе неподвластные ветру клубы дыма.

Время от времени по приказу Гэндальфа звучали трубы, и герольды возвещали:

— Внемлите и покорствуйте! Правители Гондора возвращаются! Да сгинут непокорные!

Однако Имрахил посоветовал объявлять не о правителях, а о пришествии короля Элессара.

— Во-первых, это правда, хотя король еще не взошел на трон, — указал князь, — ну а во-вторых, одно имя короля Элессара заставит Врага призадуматься.

С этого момента герольды трижды в день возглашали имя Элессара. Но им никто не отвечал.

Поход проходил спокойно, продвижению ничто не препятствовало, но сердца даже самых храбрых воинов не оставляла тревога, и с каждой пройденной милей она становилась все сильнее. А к концу второго дня пути от Перекрестка произошла первая стычка. Сильный отряд орков и вастаков попытался устроить засаду в том самом месте, где Фарамир разгромил воинов Харада. Дорога там прорезала холм и шла по дну лощины, так что западня была устроена со знанием дела, но искусные разведчики с Хеннет-Аннун, предводительствуемые Маблунгом, вовремя обнаружили врага, и тот сам оказался в ловушке. Конница обошла противника с запада и, обрушившись на него одновременно с тыла и фланга, вынудила бежать на восток, в холмы.

Но победа отнюдь не окрылила военачальников.

— Это военная хитрость, — сказал Арагорн. — Враг хочет убедить нас в том, что не готов дать отпор, и заставить потерять бдительность.

С этого вечера снова появились назгулы — теперь они неотступно следовали за войсками, и никакое передвижение не могло от них укрыться. Они кружили так высоко, что оставались невидимыми для всех, кроме Леголаса, но их присутствие ощущал каждый. Углублялись тени, тусклое солнце. Кольценосцы пока не снижались и не подавали голоса, но стряхнуть леденящий ужас не удавалось никак.

Время шло, и безнадежный поход близился к концу. На

четвертый день пути от Перекрестка и шестой от Минас-Тирита земли, на которых теплилась жизнь, кончились. Дальше до самого ущелья Кирит-Горгор простиралась пустыня. На северо-западе, под взгорьем Эмин-Мюил, лежали топи. Вид этого гиблого края нагонял такую тоску, такое глубокое, безысходное отчаяние, что скоро стало ясно — многие воины не смогут идти дальше.

Арагорн взирал на них скорее с жалостью, нежели с гневом. Для молодых рохирримов из далекого Вестфольда или для мирных землепашцев Лоссарнаха Мордор был не более чем именем из страшной сказки, которой путали в детстве, и теперь, оказавшись в преддверии Темной Страны, они чувствовали себя так, словно наяву оказались в кошмарном сне. Иные напрочь забыли о целях этой войны и кляли судьбу, заманившую их в столь страшное место.

— Ступайте! — отпустил их Арагорн. — Но не роняйте воинской чести, не бегите. А если не хотите вернуться домой с позором, отправляйтесь на юго-запад и попробуйте отбить у врага Кэир-Андрос. Этим вы укрепите оборону и Гондора, и Рохана.

Некоторые устыдились настолько, что сумели совладать со страхом и остались, но многие ушли, радуясь возможности принести хоть какую-то пользу. После их ухода, с учетом того, что немало людей пришлось оставить на Перекрестке, в войске насчитывалось не более шести тысяч человек. С этими силами вожди Запада намеревались бросить вызов Черным Вратам и всей мощи Мордора.

Дальше продвигались медленно, не растягиваясь и постоянно ожидая нападения. На исходе пятого дня пути от Моргульской долины разбили последний в пути лагерь, окружив его кострами, на которые пошли торчавшие кое-где мертвые деревья. Ночь прошла беспокойно. Почти никто так и не сомкнул глаз, ибо за кромкой света виднелись блуждающие тени, а совсем неподалеку завывали волки. Ветер прекратился, воздух казался совершенно неподвижным. Небо оставалось безоблачным, светил ясный молодой месяц, но все вокруг тонуло в поднимавшихся над землей испарениях. К утру похолодало. Снова поднялся ветер, но на этот раз северный, резкий и порывистый. Ночные призраки рассеялись, местность выглядела совершенно пустой. На севере расстилалась искореженная, измученная земля — голые, опаленные холмы, кучи шлака и дробленого камня, ямы, над которыми поднимался ядовитый дым. На юге, теперь уже совсем близко, находился Кирит-Горгор с Черными Вратами, по обе стороны

которых грозно высились черные высокие башни — Зубья Мордора. На последнем отрезке пути войско свернуло с дороги на восток и теперь приближалось к Мораннону с северо-запада, как когда-то Фродо.

Огромные стальные створы Черных Врат под угрюмой аркой были плотно закрыты. На укреплениях никто не показывался. Вокруг царила тишина, но тишина напряженная, настороженная. Марш отчаяния завершился. Воины стояли в сером, холодном рассветном сумраке, взирая на могучие стены и высокие башни, и каждый понимал, что даже имея они осадные машины, даже не будь у Врага других войск, кроме тех, что охраняют проход, попытка штурма все равно была бы обречена на провал. А другие войска у Врага были, и войска немалые. Во мраке пещер и тоннелей, источивших скалы близ Мораннона, таились злобные полчища. Вдобавок и назгулы сбились в стаю и теперь, словно коршуны, кружили над Зубьями. Но они только наблюдали, ибо Враг все еще выжидал.

Не оставалось ничего другого, как довести задуманное до конца. Арагорн занял лучшую позицию, какую смог найти, — воины разместились на склонах двух огромных холмов из земли вперемешку с дробленным камнем, которые были насыпаны рабами Мордора за несчетные годы тяжких трудов. Между холмами и Моранноном пролегла широкая полоса топкой зловонной грязи. Выстроив войска, вожди в сопровождении знаменосца, трубачей и герольдов выехали к воротам. Впереди скакал Гэндальф, за ним Арагорн с сынами Элронда, Эймер Роханский и Имрахил. К ним присоединились и Леголас, Гимли и Перегрин, так что у Ворот были представлены все враждебные Мордору народы.

Остановились в пределах слышимости от Мораннона. Развернулось знамя, запели трубы, и над черными бастионами возвысились звонкие голоса герольдов.

— Мы вызываем Властелина Темной Страны! Он незаконно начал войну с Гондором, захватил и разорил многие земли. Ныне государь Гондора призывает его к ответу, дабы он исправил содеянное зло и ушел навеки. Пусть он выйдет!

Ответа не последовало. Стены и башни оставались погруженными в молчание. Саурон хотел сначала поиграть со своей добычей и лишь потом нанести смертельный удар. Вожди уже вознамерились было повернуть обратно, но тут тишина взорвалась

ревом труб, от которого закладывало уши, и грохотом барабанов, подобным раскатам грома. Средние створы ворот с лязгом распахнулись и выпустили посольство Черной Твердыни.

Выступавший впереди черный конь — если это вообще был конь, ибо морда огромного страшного чудовища более походила на оскаленный череп, в провалах ноздрей и глазниц которого полыхало пламя — нес на себе могучего всадника в черном одеянии и черном шлеме. Но то был отнюдь не Призрак Кольца, а живой человек, служивший наместником Барад-Дура; он называл себя не иначе как «уста́ми Сау́рона», а его подлинное имя не сохранилось даже в преданиях. Однако рассказывали, что он происходил из народа, прозванного «черными нуменорцами». Поселившись в Средиземье во дни могущества Сау́рона, они добровольно подчинились ему из любви к темному знанию и стали самыми преданными его слугами. Этот, первейший из них, был сведущ в магии и снискал расположение своего Властелина жестокостью, которой превосходил любого орка.

Его сопровождал небольшой отряд воинов в черных доспехах, под черным стягом с изображением Багрового Ока. Остановившись в нескольких шагах перед вождями, он смерил их с головы до пят презрительным взглядом и рассмеялся.

— Есть тут хоть кто-нибудь достаточно знатный, чтобы говорить со мной? Или, на худой конец, такой, что у него хватит ума меня понять? Уж, конечно, не ты, — насмешливо бросил он Арагорну. — Чтобы стать королем, мало нацепить эльфийскую стекляшку и окружить себя всяким сбродом.

Арагорн не ответил, он лишь поймал и удержал его взгляд. Некоторое время они смотрели глаза в глаза, а потом, хотя Арагорн и не прикоснулся к оружию и даже не шевельнулся, его противник вскрикнул и отпрянул, словно от удара.

— Я глашатай и посол, на меня нельзя нападать! — воскликнул он.

— Таков обычай, — произнес Гэндальф. — Но там, где обычаи соблюдаются, послы не ведут себя с такой наглостью. Впрочем, никто тебе не угрожает. Пока ты управляешь посольством, можешь нас не бояться. Но если твой хозяин не поумнел, то скоро тебе не поздоровится, как и всем его слугам.

— Ага! — воскликнул посланец. — Стало быть, говорить будешь ты, седобородый? Мы наслышаны о тебе, знаем, что ты привык болтаться по всему свету и строить гнусные козни, оставаясь при этом безнаказанным. Но на сей раз ты засунул нос слишком далеко, дражайший Гэндальф, и сейчас увидишь, что бывает с теми, кто дерзает составлять заговоры против Саурана Великого.

Он подозвал одного из воинов, и тот подал ему что-то обернутое в черную ткань.

Мордорский посланец развернул сверток и показал короткий меч Сэма, серый эльфийский плащ с застежкой и, наконец, кольчугу из мифрила, которую Фродо носил под одеждой. У всех потемнело в глазах, сердца окаменели, ибо казалось, что пришла пора распрощаться с последней надеждой. Пиппин с горестным криком бросился вперед из-за спины Имрахила.

— Молчи! — вскричал Гэндальф, отталкивая его назад, но черный глашатай громко расхохотался.

— Так у вас, стало быть, еще один такой имеется! — покатился он со смеху. — Не знаю, зачем они вам вообще сдались, но чтобы посылать их в Мордор! Подобной глупости трудно было ожидать даже от таких, как вы. Ну ладно, этот хоть для одной малости сгодился. Теперь ясно, что вещички ему знакомы, да и другим наверняка тоже. Отрицать бесполезно.

— Никто и не собирается, — промолвил Гэндальф. — Я действительно знаю каждую вещь и ее историю, а вот ты, хоть и именуешь себя устами Саурана, много на сей счет не расскажешь. Зачем ты принес все это сюда?

— Гномья кольчуга, эльфийский плащ, меч павшего Запада и лазутчик-крысеныш... То-то же! Мы знаем все — ваш жалкий заговор раскрыт. Можно предположить, что тот недомерок, у которого отобрали эти вещи, для вас ничего не значит, но я думаю иначе — он вам дорог. Коли так, задумайтесь, если вы вообще способны думать. Саурон не жалуется шпионов, и судьба крысеныша будет зависеть от вашего выбора.

Никто не ответил, но побледневшие лица и ужас в глазах говорили сами за себя. Вновь послышался громкий смех.

— Прекрасно, прекрасно! Вижу, вы этого мозгляка цените. И дело ему поручили важное, не так ли? Теперь его ждут долгие годы

нескончаемых мучений — у нас в Великой Башне есть большие искусники по этой части. Вы его вовек не увидите, разве что однажды он, сломленный и вразумленный, вернется к вам в назидание. Все будет именно так, если вы не примете условий моего Властелина.

— Назови условия, — голос Гэндальфа звучал твердо, но находившиеся поблизости видели в его глазах боль: он выглядел старым, усталым и готовым сдаться. Никто не сомневался в том, что маг выполнит все, что от него потребуют.

— Итак, условия... — промолвил посланец, злорадно улыбаясь и переводя взгляд с одного противника на другого. — Весь гондорский сброд вместе со своими прихвостнями немедленно уберется за Андуйн, принеся перед этим клятву не умышлять против Саурона Великого ни явно, ни тайно. Земли восточнее Андуйна навсегда отходят к Мордору, а западные, вплоть до Мглистых гор и Роханского провала, обязуются платить ему дань. Люди могут жить своим обычаем и подчиняться своим вождям, но им запрещается носить оружие. А также они должны восстановить подло разрушенный Айсенгард. Туда будет назначен наместник, но не Саруман, а иной, более заслуживающий доверия.

По самодовольной физиономии посланца все поняли, что этим наместником станет он сам. И не просто наместником, а тираном, что приберет все народы Запада под свою руку и обратит в величайшее рабство. Но тут снова зазвучал голос Гэндальфа:

— Не слишком ли много вы хотите в обмен на одного пленника? Получить все это твой хозяин мог бы только ценой долгой войны, в которой еще победить надо. А надежду на победу он, видать, потерял на полях Гондора, потому и вздумал торговаться. И если даже мы ценим этого пленника так высоко, где уверенность в том, что Саурон, великий лжец и предатель, выполнит свои обещания? Где пленник? Пусть его приведут и передадут нам, тогда и поговорим.

Гэндальф не сводил взгляда с Черного Посланца, следил за ним, как воин в бою следит за каждым движением смертельно опасного врага, и от мага не укрылось, что посланец на миг растерялся, хотя тут же попытался скрыть это за взрывом злобного смеха.

— Как ты смеешь оскорблять уста Саурона? — вскричал он. — Какая еще уверенность? Саурон не дает заверений, тем паче залогов! Хочешь снискать его милость, выполняй требования. Условия

названы. Делайте свой выбор, да побыстрее!

— Мы его сделали, — неожиданно произнес Гэндальф. Плащ распахнулся, и ослепительно белые одежды воссияли в этом мрачном месте подобно обнаженному клинку.

Мордорский посланец попятился от воздетой руки, а маг подался вперед и попросту забрал у него все — и кольчугу, и плащ, и меч.

— Это мы оставим себе на память о нашем друге, — молвил он, — что же до ваших условий, то они отвергнуты окончательно и бесповоротно. Уходи, твое посольство окончено, и теперь над тобой витает смерть. Мы явились сюда не для того, чтобы препираться впустую со лживым коварным Сауроном, а уж тем паче с одним из его рабов. Убирайся!

Посланец Мордора больше не смеялся. Его физиономия так исказилась от изумления и ярости, что стала походить на морду дикого зверя, у которого вырвали из пасти добычу, да еще и огрели палкой. Гнев душил его так, что он не мог вымолвить ни слова и лишь хрипло, сдавленно рычал. Но ему хватило одного взгляда на суровые, беспощадные лица противников, чтобы понять — на него смотрит сама смерть. Громко вскрикнув, он повернул коня и помчался к ущелью Кирит-Горгор. Спутники последовали за ним и на всем скаку трубили в рога, подавая условный сигнал. Еще до того, как они достигли Врат, ловушка Саурана захлопнулась.

Загрохотали барабаны, над стенами взвились языки пламени. Черные Врата распахнулись во всю ширь, и оттуда стремительным, неудержимым потоком хлынула вражеская орда. Вожди Запада поскакали к своим воинам, а вдогонку им неслись дикие яростные вопли. В воздух тучей поднялась пыль: со стороны дальней башни рванулись вперед дожидавшиеся сигнала в тени Эред-Литуи полчища вастаков. Со склонов по обе стороны Мораннона валом повалили орки. Серые холмы, на которых укрепились воины Запада, превратились в островки, окруженные бушующим злобным морем врагов, превосходивших их числом вдесятеро и более. Саурон вцепился в приманку стальной хваткой.

Арагорн едва успевал отдавать приказы. Они с Гэндальфом стояли на одном из холмов, и над ними реяло знамя с Древом и Звездами. На другом холме развевались знамена Роухана и Дол-Амрота: Белый Конь и Серебряный Лебедь. Каждый холм замкнулся

в железное кольцо, оцетинившись во все стороны мечами и копьями. Впереди, лицом ко Вратам Мордора, откуда следовало ждать самого страшного удара, стояли сыны Элронда, левый фланг держали дунадэйны, а правый — князь Имрахил с рыцарями Дол-Амрота и гондорскими копейщиками.

Завывал ветер, ревели трубы, свистели стрелы. Поднявшиеся над Мордором дымные облака заволокли солнце, сделавшееся багровым, словно то был закат — последний закат, за которым уже не придет рассвет. А сверху, из сгущавшейся тьмы, слетали назгулы, и их леденящие кровь крики гасили в сердцах последнюю надежду.

Когда Гэндальф отверг условия Мордора и тем самым обрек Фродо на нескончаемые мучения в Темной Башне, Пиппин содрогнулся от ужаса, но сумел совладать с собой и теперь стоял рядом с Берегондом в первой шеренге воинов Гондора. В первой, ибо решил, что коль скоро погибло все, лучше погибнуть и ему.

— Хоть бы Мерри был здесь, — пробормотал хоббит себе под нос.

Он смотрел на приближающиеся толпы врагов, а в голове его мелькали мысли: «Да, теперь я, пожалуй, понимаю бедолагу Дэнетора. Раз уж все равно умирать, так мы с Мерри могли бы умереть вместе. Ну да ладно, видать, не суждено. Надеюсь, он встретит конец полегче. Ну а уж я постараюсь сделать, что смогу».

Обнажив меч, Пиппин всмотрелся в красно-золотые узоры и наливавшиеся огнем нуменорские письмена. «Клинок-то как раз для такого часа и выкован, — подумалось ему. — Эх, кабы я смог достать им эту гнусную образину, тогда, может, и сравнялся бы со стариной Мерри. Ну да что там, хоть кого из врагов свалить перед смертью, и то будет не худо. Но как бы мне хотелось увидеть еще разок травку и солнышко!»

В этот миг до них докатился первый вражеский вал. Правда, орков задержала лежавшая перед холмами топь: они остановились и принялись осыпать противников стрелами. Но за ними со звериным рыком бежали горные тролли Горгорота, намного превосходившие людей ростом и силой. Пиппину показалось, что огромные тела покрывают доспехи из плотно подогнанных роговых чешуек, хотя, скорее всего, то были их собственные шкуры. Чудовища прикрывались круглыми черными щитами и размахивали тяжелыми

молотами. Без труда одолев болото, они как буря обрушились на гондорских воинов и схватились с ними врукопашную. Страшный удар сокрушил стоявшего рядом с Пиппином Берегонда: воин зашатался, рухнул наземь, а сразивший его вожак троллей навис над павшим, протягивая когтистые лапы. У этих мерзостных тварей было в обычае перегрызать поверженным противникам горло.

Пиппин изо всех сил ударил тролля мечом снизу вверх. Украшенный письменами клинок легко пронзил толстую шкуру и глубоко вошел в тело, отворив поток черной крови. Тролль качнулся и повалился прямо на Берегонда и Пиппина, придавив их своей тяжестью, словно упавший утес. Свет померк, хоббит почувствовал, что проваливается в бездонную тьму.

«Вот, стало быть, и конец», — успел подумать он и рассмеялся, почти радуясь тому, что все сомнения, заботы и страхи уже позади. Но прежде чем провалиться в забытие, он услышал знакомый голос, донесшийся словно из далекого прошлого:

— Орлы! Орлы летят!

На какой-то миг Пиппин задержался на пороге небытия.

«Бильбо! — промелькнула мысль. — Но нет, так ведь было в его сказке, давным-давно. А это моя, и она подошла к концу. Прощайте все!»

Больше он не видел, не слышал и не чувствовал ровным счетом ничего.

КНИГА ШЕСТАЯ

Глава 1.

ОРОЧЬЯ КРЕПОСТЬ

Сэм с трудом поднялся на ноги и несколько мгновений не мог сообразить, где находится. Потом память вернулась, а вместе с ней ужас и отчаяние. Он стоял перед захлопнувшимися воротами, нижним входом в крепость, куда орки унесли Фродо. Ударившись с разбегу об окованные бронзой створы, хоббит потерял сознание и теперь понятия не имел, долго ли провалялся во тьме. Наверное, долго: он продрог так, что зуб на зуб не попадал. Сэм привалился к воротам, прильнул к ним ухом и прислушался.

Изнутри вроде бы доносились приглушенные голоса, но скоро все стихло — орки удалились или умолкли. Голова раскалывалась, перед глазами все плыло, однако он усилием воли взял себя в руки и задумался — что же делать? Уж, во всяком случае, не ждать, пока откроются ворота — на это нет времени. А вызволять хозяина надо любой ценой, хоть бы при том и пришлось погибнуть.

— Погибнуть... — мрачно пробормотал Сэм, вкладывая Жало в ножны. — Этим все, видать, и кончится, да так оно и легче...

Он повернулся и медленно побрел назад по темному тоннелю, не осмеливаясь достать светоч Галадриэли. На ходу хоббит пытался припомнить и свести воедино все, случившееся после того, как они с Фродо прошли Перекресток. Задумавшись о том, который нынче может быть час, Сэм понял, что потерял счет не только часам, но и дням. Да и какие дни могли быть здесь, в стране вечного мрака и забвения?

— Интересно, они-то хоть про нас помнят? — он неопределенно махнул рукой, но указал вовсе не на запад, как ему думалось, ибо он находился в подземелье Шелоб и стоял лицом к югу.

А на западе близился полдень — по хоббитанскому счету полдень четырнадцатого марта. Арагорн вел черный флот от Пеларгира, Мерри с рохирримами пробирался тайной долиной, в Минас-Тирите полыхало пламя, а Пиппин видел растущее безумие в очах Дэнетора. Среди всех этих забот и тревог друзья непрерывно обращались мыслями к Фродо и Сэму. Их не забыли, но память и

помыслы далеких друзей ничем не могли помочь Сэмиусу, сыну Хэмфраста. Он был совсем один.

Вернувшись к каменной двери орочьего прохода, Сэм так и не смог найти никаких запоров, а потому снова перелез через нее, спрыгнул и доковылял до выхода из подземелья, где все еще колыхались на холодном ветру обрывки чудовищной паутины Шелоб. После духоты тоннеля вновь пробрала дрожь, но холодок бодрил. Сэм осторожно выбрался наружу.

Вокруг царила зловещая тишина. Было сумрачно, словно в поздний ненастный вечер. На запад медленно ползли тучи, дымную завесу над Мордором снова подсвечивали багровые всполохи.

Сэм поднял взгляд на темную башню, и тут в ее бойницах загорелся свет, отчего они сделались похожими на узкие, налитые кровью глаза. «Небось сигнал подают», — подумалось хоббиту, и забывшийся было страх перед орками вернулся. Ему не оставалось ничего другого, как искать вход в орочье логовище, но от одной этой мысли начинали дрожать колени. Ноги отказывались повиноваться, но он все же двинулся вперед — медленно, настороженно прислушиваясь и всматриваясь в густые тени под обступившими тропу скалами. Сэм миновал место, где упал Фродо и где еще не выветрился мерзостный запах Шелоб, а добравшись до расселины, где встретил шайку Шаграта и вынужден был надеть Кольцо, он остановился и сел. Некоторое время он просто не мог заставить себя сделать несколько последних шагов. Шагов за перевал, в Мордор, в землю, откуда не возвращаются.

Сам не зная зачем, хоббит достал Кольцо и снова надел его. Оно показалось очень тяжелым, а злобный ищущий взгляд ощущался все настойчивее и острее. Око Мордора силилось пронзить мглу, созданную для собственной защиты и превратившуюся теперь в помеху, что порождала сомнения и тревоги.

Как и прежде, мир вокруг затуманился, зато слух мгновенно обострился. Издали доносились стоны раненной Шелоб, но куда отчетливее и ближе слышались крики и лязг металла. Хоббит вскочил на ноги и вжался в стену, радуясь тому, что Кольцо на пальце; ему казалось, будто приближается еще одна стая орков. Однако спустя мгновение стало ясно — усиленный Кольцом слух сбил с толку, заставил ошибиться в расстоянии. Звуки долетали из крепости, прямо из высившейся над ущельем башни. Там творилось что-то неладное,

и Сэм содрогнулся, подумав, уж не взяла ли природная жестокость орков верх над приказами. Вдруг они мучают Фродо, быть может, рвут на куски?! Но он продолжал вслушиваться, и отчаяние сменялось надеждой. По всему выходило, что в стенах крепости идет настоящий бой: орки Шаграта и Горбага передрались друг с другом.

— Фродо, я иду! — закричал Сэм, позабыв обо всех страхах, и взбежал на вершину.

Сразу за перевалом тропа свернула налево и круто пошла вниз. Здесь начинался Мордор.

Он снял Кольцо: его подтолкнуло смутное, почти не осознаваемое ощущение опасности. Сэму, впрочем, думалось, что он просто хочет лучше видеть дорогу, чтобы ненароком не навернуться на крутизне.

Взору открылась суровая, горькая и безрадостная земля. У самых ног гребень Эфел-Дуат обрывался темным ущельем, по другую сторону которого вставал кряж пониже. То был мрачный Моргэй, внутреннее скальное ограждение, зубчатая стена с четко вырисовывавшимися на фоне багровых отсветов клыками остроконечных утесов. Далеко впереди, за широким озером мрака, испещренного крохотными огненными точками, словно полыхал чудовищный костер. Над ним поднимались столбы дыма, тускло-красные у основания и непроглядно черные наверху, где они сливались с клубящимся покровом, что нависал надо всей проклятой страной.

Сэм взирал на Ородруин, Огненную гору. Порой пламя в недрах ее пепельного конуса разгоралось сильнее, и невероятный жар заставлял выплескиваться из трещин в склонах реки расплавленного камня. Они медленно текли к Барад-Дуру или змеились по каменистой равнине, пока не застывали, превращаясь в подобие скрюченных драконов, извергнутых землей в страшных мучениях.

Роковая гора трудилась без устали. Рожденный глубинами огонь окрашивал хищно щерившиеся скалы кровью. Сэм оторопел от ужаса, ибо только сейчас разглядел крепость Кирит-Унгол во всей ее устрашающей мощи. Высившийся слева над перевалом рог был всего лишь одной, хоть и самой высокой, из ее башен. С востока твердыня поднималась тремя большими террасами, задняя ее сторона приникала к огромному утесу, по которому, один над другим,

лепились ярусы бастioned. Внизу, локтях в двухстах, лежал замкнутый каменной стеной крепостной двор. К смотревшим на юго-восток воротам вела широкая дорога. Спускаясь вдоль края пропасти, она поворачивала на юг, сливалась с дорогой через Моргульский перевал и, прорезая Моргэй, уходила дальше, на равнину Горгорот и к Барад-Дуру. Узкая тропа, на вершине которой стоял Сэм, сбегала вниз по крутым уступам и выходила к главной дороге неподалеку от мрачных ворот крепости.

Разглядывая твердыню, хоббит подивился тому, что ее укрепления преграждают в первую очередь не дорогу в Мордор, а выход оттуда. И действительно, давным-давно, после победы Последнего Союза, гондорцы возвели эту крепость как восточный форпост Итилиэна. Люди Запада стерегли путь из страны Саурона, не давая вырваться наружу затаившимся там после падения своего Властелина злобным чудовищам. Но крепость постигла та же судьба, что и башни Кархорст и Нархорст, ставшие Зубьями Мордора. Бдительность стражей ослабла, и главарь Кольценосцев не столько силой, сколько коварством овладел грозными стенами. Когда Саурон вновь угнездился в Мордоре, назначение крепости осталось прежним — она вставала на пути тех, кто пытался покинуть Темную Страну. Большую часть подданных Врага составляли насильственно согнанные в Мордор рабы, и теперь былой оплот Гондора не давал им вырваться на свободу. Однако недремлющая стража следила и за дорогой с запада на тот случай, если тайный лазутчик сумеет миновать Минас-Моргул и избежать тенет Шелоб.

Сэм отчетливо понимал, что дорога под пристальным надзором, и даже попытка прошмыгнуть мимо ворот, хоронясь в тени, обречена на провал: ведь орки прекрасно видят в темноте. А его задача была куда страшнее — не избежать ворот, а войти в них. Войти одному, без помощи и поддержки.

Мысли хоббита обратились к Кольцу, но это не принесло успокоения, а, напротив, усилило тревогу. Кольцо родилось в огне Роковой горы и ныне чуяло ее близость, откликаясь возрастающей мощью. Заключенное в нем зло крепло, и совладать с ним могла лишь могучая воля. Даже не надевая Кольца, лишь чувствуя, как оттягивает оно цепочку на шее, Сэм ощущал себя выросшим, словно бы облаченным в собственную огромную искаженную тень, угрожающе нависшую над стенами Мордора. Перед ним вставал выбор: терпеть Кольцо, как бы оно ни терзало, или же объявить его своим, бросить

вызов Силе, обосновавшейся в темной крепости за долиной Теней... Кольцо искушало, подтачивало волю, смущало разум, порождая безумные фантазии. Вот он, Сэмиус Могучий, Герой Героев, с пламенеющим клинком в руке вторгается в Темную Страну. Отовсюду стекаются на его зов войска, и он ведет их на штурм Барад-Дура. А потом... потом тучи развеются, засияет солнце, и по его, Сэмову, повелению, Горгорот превратится в дивный цветущий сад. Все сбудется, нужно только надеть Кольцо и объявить себя его властелином.

Выдержать испытание Сэму помогла любовь к Фродо, но не последнюю роль сыграл и обычный хоббитский здравый смысл. В сердце своем он сознавал, что такая ноша не по нему, будь даже все это правдой, а не Вражьей приманкой. Свой собственный маленький садик, а не какое-то там садовое королевство — вот все, что ему нужно. И чтобы возделывать его своими руками, так оно привычнее.

— Обман да морока, ничего больше, — проворчал хоббит себе под нос. — Ежели я сдуру надену Кольцо здесь, в Мордоре, Он меня мигом углядит и прихлопнет как козявку, пикнуть не успею. Лучше и не пробовать. Спору нет, невидимкой разгуливать совсем даже не худо, да только не тут. Ну а не надену, так далеко ли уйду? Вон оно какое тяжеленное стало... Эх, что же мне делать?

Но на самом деле у Сэма не было сомнений в том, что следует делать: идти к воротам, а там видно будет. Он встряхнулся, словно сбрасывая с плеч тень, и стал медленно спускаться вниз. Несколько шагов — и от призрачного величия не осталось следа, могучий герой снова обернулся маленьким испуганным хоббитом.

Крепость находилась совсем рядом, крики дерущихся орков были слышны без всякого Кольца. И доносились они как раз с нижнего двора, из-за ворот.

Сэм уже находился на полпути между тропой и крепостью, когда на освещенное багровыми отблесками пространство выскочили из темноты два орка. Не глядя по сторонам, они устремились к главной дороге, но на бегу оба запнулись, рухнули наземь и уже не поднялись. Стрел хоббит не видел, однако мигом сообразил, что орков подстрелили их же сородичи — или со стены, или из ворот. Он приник к каменной кладке, присмотрелся и с горечью убедился, что перелезть стену нечего и пытаться. Гладкая, без единой трещины или выступа, за который можно было бы уцепиться, она поднималась

локтей на тридцать, а вдоль ее гребня тянулся выдававшийся вперед карниз. Кроме ворот, другого пути не было.

Подкрадываясь к воротам, Сэм прикидывал, сколько же орков может оказаться внутри. В отряде Шаграта было около сорока, вдвое меньше, чем у Горбага, но Шаграт наверняка вывел из крепости лишь часть гарнизона. Между собой вожаки вроде бы ладили, и коли сцепились, то из-за чего? Может, добычу не поделили? Но какая у них добыча, кроме Фродо, да того, что на нем? Что на нем... — на миг хоббит оцепенел, ибо ему все стало ясно. Кольчуга, кольчуга из мифрила! Пожалуй, ради такого сокровища алчные орки нарушат даже строжайший приказ Темной Башни, единственное, что оберегало до сих пор жизнь пленника. Фродо мог погибнуть в любую минуту!

— А ну, вперед! — скомандовал себе Сэм. — Нечего труса праздновать!

Вывхватив Жало, он нырнул в темный проем распахнутых ворот, но неожиданно был отброшен назад, словно снова уткнулся в тенета Шелоб, на сей раз невидимые. Хоббит попробовал снова, но барьер казался неодолимым. Сэм растерянно огляделся, и в тени ворот увидел Безмолвных Стражей. На каменных тронах по обе стороны арки восседали огромные, высеченные из цельных валунов истуканы.

Каждый представлял собой три сросшихся тела с тремя головами и мордами, обращенными внутрь крепости, на дорогу и на ворота. На коленях покоились когтистые лапы, морды, как у стервятников; хотя изваяния были неподвижны, в них ощущалось присутствие бдительного злобного духа. Стражи безошибочно распознавали врага. Зримый или незримый, он не смог бы ни войти, ни выйти.

Собрав все силы, хоббит еще раз рванулся вперед и был отброшен с еще большей силой, словно встречным толчком. Неожиданное озарение пришло к нему уже на грани отчаяния: он медленно вытащил из-за пазухи фиал Галадриэли и поднял над головой. Звездный свет мигом разогнал тени, фигуры стражей во всем своем безобразии выступили из тьмы, и Сэм содрогнулся, уловив злобное выражение черных каменных глаз. Но злоба сменилась страхом, воля каменных чудовищ поколебалась, и хоббит почувствовал, что путь свободен.

Проскочив ворота и спрятав звездную склянку, он тут же

ощутил, как позади снова выросла невидимая стена. В тот же миг Стражи испустили пронзительный, отдавшийся в стенах эхом крик. Сигнал не остался без отклика: высоко наверху отбил единственный удар дребезжащий колокол.

— Ну вот, — проворчал Сэм. — Я и в колокольчик у дверей позвонил, да никто не встречает. Эй вы, там! — крикнул он изо всей мочи. — Скажите Шаграту, вашему главарю, что по его душу явился могучий эльф с волшебным мечом!

Ответа не последовало. Хоббит шагнул вперед и оторопел. В замкнутом пространстве внутреннего двора было темно, но эльфийский клинок полыхал голубым пламенем и давал достаточно света, чтобы увидеть — повсюду валялись орочьи трупы. Сэм едва не споткнулся о двух орков — лучников, ухитрившихся одновременно всадить ножи друг другу в спины. Дальше — больше: орки лежали кто в одиночку, там, где настиг гибельный удар или сразила меткая стрела, кто по двое, мертвой хваткой вцепившись один в другого. Все пали в ожесточенной схватке, рубя, душа и кусая даже в агонии. Мостившие двор плиты были скользкими от черной крови.

Погибшие относились к двум разным отрядам: одежда одних была помечена Багровым Оком, других — Лунным Ликом, искаженным в уродливой гримасе. Задерживаться и присматриваться Сэм не стал — по ту сторону двора, у подножия башни, виднелась открытая дверь, откуда исходило красное свечение. Хоббит перескочил через валявшегося на пороге мертвого орка, вошел и растерянно огляделся по сторонам.

За дверью начинался широкий гулкий коридор. Он был тускло освещен закрепленными вдоль стен чадающими факелами, но дальний конец его тонул во мраке. По обе стороны виднелось множество дверей и проходов, но там было пусто, если не считать нескольких трупов. Из подслушанного разговора орочьих вожаков Сэм знал, что Фродо должны были отнести в башню, на самый верх, но понятия не имел, как туда попасть. Если соваться наугад во все дыры, путь можно искать целый день.

— Это должно быть ближе к задней стене, — пробормотал он, размышляя вслух и припоминая увиденное сверху. — Крепость-то ихняя взбирается по склону, чем от входа дальше, тем выше. Пойду этим путем, тут хоть свет есть...

Хоббит двинулся по коридору, но каждый следующий шаг требовал от него все больших усилий. Начал возвращаться страх. Шаги эхом отдавались в гробовой тишине, напоминая шлепки огромных ладоней по камню. Одиночество, мертвые тела, сырые черные стены в кровавых отблесках факелов, боязнь таящейся где-нибудь в тени или за дверью смерти, а в сердце еще и предчувствие гибельной встречи — все это вместе взятое трудно было перенести. Сэм предпочел бы в открытую сразиться с врагами, конечно, ежели они не навалятся на него всем скопом. Однако надо было идти, и чтоб ярость придала ему смелости, Сэм заставил себя думать о лежащем где-то здесь Фродо — страдающем, истекающем кровью, а может быть, и убитом.

Хоббит уже миновал освещенный факелами коридор и приближался к широкой арке в дальнем его конце, когда сверху донесся ужасный душераздирающий вопль. Сэм замер и тут же услышал топот. Кто-то торопливо сбегал вниз по гулкой лестнице.

Рука сама собой потянулась к цепочке. У хоббита не хватило воли остановить ее, но и надеть Кольцо он не успел. В тот самый миг, когда его пальцы судорожно вцепились в золотой ободок, из темного проема по правую руку выскочил орк. Он бежал прямо на Сэма и заметил хоббита, когда их разделяло не более шести шагов. Сэм услышал тяжелое хриплое дыхание, увидел, как блестят налившиеся кровью глаза, но в этих глазах застыл ужас. Взору орка предстал не маленький, насмерть перепуганный хоббит, а огромная, облаченная в серую тень фигура грозного воителя. В одной руке могучего противника ослепительно сверкал меч, другая, прижатая к груди, скрывала нечто, не имеющее названия, но заключавшее в себе роковую, необоримую мощь.

Истошно взвизгнув, орк припустил обратно. Сэм, никак не ожидавший такого поворота событий, мигом воспрял духом и погнался за ним.

— Ага! — орал он на бегу. — Ноги уносишь! Супротив эльфа-воина кишка тонка! А ну показывай дорогу наверх, не то я с тебя шкуру спущу!

Но у орка прыти было побольше, чем у измотанного голодного Сэма. Крутая винтовая лестница со слишком высокими, не по хоббитскому росту, ступенями, казалась нескончаемой. Сэм начал задыхаться, тогда как беглец пропал из виду. Топот и отдававшиеся

эхом испуганные крики звучали все дальше, пока не стихли окончательно.

Впрочем, хоббита это не обескуражило. Он чувствовал, что на верном пути, и был полон решимости довести дело до конца.

— Ну-ну! — сказал себе Сэм, спрятав Кольцо и подтянув пояс. — Глядишь, у меня все и сладится — вон какого страху нагнали мы с Жалом на это отребье. Тем паче что, судя по всему, главную работенку сделали за меня Шаграт да Горбаг. Похоже, кроме этого перетрусившего крысеныша, здесь и в живых-то никого не осталось.

И тут он остановился, словно ударившись лбом о каменную стену. Как удар молнии поразил его страшный смысл собственных слов: «Никого не осталось в живых! Чей же вопль донесся до него сверху? Уж не предсмертный ли крик?..»

— Фродо! Фродо! Сударь! — выкрики Сэма мешались с рыданиями. — Неужто вас убили? Что же мне теперь делать?! Я ведь здесь, я уже пришел!

Хоббит устремился вверх по почти темной лестнице, освещенной лишь редкими факелами на поворотах да над проемами, что вели на ярусы башни. Сэм пытался считать ступени, но после двухсотой сбился со счета. Теперь он старался не шуметь, ибо был почти уверен, что слышит где-то над головой голоса. Видать, в живых остался не один крысеныш. Внезапно, когда хоббит уже совсем выбился из сил, ступени кончились. Сэм замер и прислушался: голоса звучали отчетливее, совсем недалеко. Оглядевшись, он обнаружил себя на открытой площадке десяти шагов в поперечнике, обнесенной низким парапетом. То была плоская крыша третьего яруса башни. Лестница заканчивалась в небольшой сводчатой камере посреди крыши, две низкие двери смотрели на восток и на запад. На востоке хоббит увидел широкую, темную равнину Мордора и пламеневшую вдали гору. Из ее глубин только что изверглась очередная порция лавы, и змеившиеся по склонам огненные реки горели столь ярко, что даже на таком расстоянии на каменной кладке трепетали багровые отблески. Вид на запад закрывало основание могучего каменного шпиля, возведенного на западной стороне верхнего двора и вздымавшегося выше гребней окружающих гор. Из узкого окошка пробивался свет. У подножия шпиля — шагах в пяти от Сэма — виднелась распахнутая дверь. Голоса доносились как раз оттуда, но хоббит слышал это не сразу,

ибо выглянул в восточный проем и остолбенел. Вся площадка была усеяна орочьими трупами, отрубленными головами и лапами. Воздух наполнился запахом смерти. Яростное рычание, удары и крики заставили Сэма отпрянуть в укрытие. Донесшийся снаружи хриплый жестокий голос хоббит узнал сразу. Он принадлежал Шаграту, начальнику крепости.

— Так ты, Снага, говоришь, что больше не пойдешь вниз? Будь ты проклят, мерзкий червяк! Никак втемяшил себе в башку, что, если я ранен, меня уже можно и не слушать? Ошибаешься! Только подойди, я тебе зенки вырву, как сейчас Радбугу. А уж явятся наши, посчитаюсь с тобой по-настоящему. Отошлю к Шелоб, так и знай.

— Никто не явится, а и явится, так ты прежде сдохнешь! — огрызнулся Снага. — Сколько можно твердить одно и то же: Горбаговы скоты первыми подошли к воротам, и никто из наших не ушел. Прорвались только Ладгуф с Музгашем, да их подстрелили. Я сам видел из окна.

— Вот и выходит, что идти тебе! — прорычал Шаграт. — Я всяко должен оставаться в крепости, да и с моей раной далеко не уйти. Проклятый ублюдок Горбаг, чтоб ему угодить в Черную Яму!.. — Шаграт разразился яростной грязной бранью. — Ему досталось похуже, чем мне, но пока я его душил, он успел ткнуть меня кинжалом. Скотина! Иди, а не то я тебя сожру! Надо дать знать в Лугбурз, не то в Черной Яме окажемся мы оба. Да, и ты тоже. Не надейся отсидеться здесь!

— Не пойду я вниз! — рявкнул в ответ Снага. — Вожак ты, нет ли, мне на это плевать! Держи лапы подальше от кинжала, а не то получишь стрелу в брюхо. Да и в главарях тебе ходить недолго. Как только узнают, что здесь случилось, тебе конец. Я защищал башню от этих вонючих моргульских крыс, а вы, двое распрекрасных начальников, испоганили все дело, передрались из-за добычи!

— Заткнись! — оборвал Шаграт. — Не твоего ума дело! У меня был приказ, а заваруху начал Горбаг, вздумал присвоить ту красивую рубашку.

— Ну-ну, а могучий, непобедимый Шаграт его прикончил. Только вот соображал он получше твоего. Говорил ведь тебе, что самый опасный лазутчик разгуливает на свободе, а ты и слушать не захотел. И меня не хочешь, а ведь Горбаг-то был прав. Он уже здесь:

великий боец, не иначе как из этих кровожадных эльфов или ужасных тарков. Слышал колокол? Он прошел мимо Стражей, а многим ли такое под силу? Сейчас он на лестнице, и покуда не уберется, я вниз не спущусь. Не спущусь, будь ты хоть назгулом!

— Вот ты как! — зашелся от ярости Шаграт. — Вздумал сам решать, что тебе делать, а что нет? А когда твой эльф заявится, бросишь меня и удерешь? Не выйдет. Прежде я тебе кишки выпущу!

Из двери башни выскочил орк поменьше. За ним гнался Шаграт, огромный, с такими длинными ручищами, что на бегу они задевали пол. Точнее, задевала одна, окровавленная и бессильно обвисшая. Другой лапой орочий вожак прижимал к себе большой сверток. Притаившийся за дверью Сэм на миг углядел в красном отблеске свирепую морду, изодранную, словно когтями, и перепачканную кровью. С оскаленных клыков стекала пена, орк рычал, будто дикий зверь. Шаграт гонялся за Снагой по всей площадке, пока тот не бросился обратно в башню и не пропал из виду. Тогда Шаграт остановился. Сэм отчетливо видел, как он стоит у парапета, тяжело дыша, с трудом сжимая и разжимая когти раненой лапы. Орк положил сверток на пол, здоровой лапой вытащил длинный кинжал, поплевал на него, а потом перегнулся через парапет и дважды крикнул. Ответа не последовало.

И тут, пока Шаграт смотрел вниз, повернувшись спиной к площадке, один из распростертых, вроде бы мертвых орков на глазах изумленного Сэма зашевелился и пополз вперед. Когтистая лапа вцепилась в сверток, орк приподнялся, целя в спину Шаграта зажатым в другой руке обломком копья с широким наконечником. Но в тот самый миг у него сквозь сжатые зубы вырвалось шипение — не то от боли, не то от ненависти. Стремительно, как змея, Шаграт отпрянул, обернулся и вонзил кинжал в горло врагу.

— Получай, Горбаг! — вскричал он. — Ты еще не издох, да? Ну так подыхай!

Шаграт вспрыгнул на тело поверженного противника и принялся с остервенением топтать его и кромсать кинжалом. Удовлетворив наконец свою ярость, орк запрокинул голову, издал хриплый торжествующий вопль, а потом, облизав кинжал и взяв его в зубы, подхватил сверток и заковылял к ближайшей двери на лестницу вниз.

Времени на раздумье у Сэма не оставалось. Он едва ли успел бы

выскочить через другую дверь незамеченным и прекрасно понимал, что с этим орком долго в прятки не поиграешь. Хоббит принял другое решение, наверное, самое удачное из всех возможных: закричал и прыгнул навстречу Шаграту. Кольцо, пусть даже скрытое под одеждой, страшило всех рабов Мордора, а сияние обнаженного клинка было невыносимо для орочьих глаз, подобно блеску звезд в землях эльфов, одна мысль о которых повергала злобное племя в трепет. Шаграту пришлось одной рукой и защищаться, и удерживать свое сокровище. Он остановился, зарычал, оскалив клыки, а потом, отскочив в обычной орочьей манере в сторону, сильно ткнул Сэма в лицо свертком, воспользовавшись тем как оружием. Хоббит пошатнулся, и прежде, чем он успел восстановить равновесие, Шаграт уже проскочил мимо и бросился вниз по лестнице. Выкликая проклятия, Сэм кинулся было в погоню, но его остановила мысль о Фродо, о том, что другой орк убежал в башню. Приходилось выбирать, а времени опять не было. Ускользнув, Шаграт мог вернуться с подмогой. Но преследовать беглеца означало оставить Фродо во власти Снаги. К тому же неизвестно, догонит ли Сэм Шаграта, а и догонит, так не погибнет ли в схватке? Сэм повернулся и помчался вверх.

«Опять небось маху дал, — думал он на бегу. — Ну да ладно, доберусь до верхушки, а там будь что будет».

Далеко внизу скатившийся по лестнице Шаграт выбежал во двор и кинулся к воротам со своей драгоценной добычей. Знай Сэм, сколько горя принесет это бегство, он бы, наверное, разрыдался. Но сейчас все его помыслы были сосредоточены на поисках. Осторожно приблизившись к двери, он заглянул внутрь. Там было темно, но скоро его взгляд уловил справа тусклый свет. Светился проем, выводивший на другую лестницу, еще темнее и уже первой. Она поднималась спиралью, и где-то наверху горел огонь.

Стараясь двигаться бесшумно, Сэм достиг чадящего смоляного факела, укрепленного над дверью напротив выходящего на запад узкого окна: то был один из тех красных огней, которые они с Фродо видели снизу, от створа тоннеля. Быстро миновав дверь, хоббит поспешил на следующий ярус, каждый миг ожидая, что кто-то набросится сзади и вцепится ему в горло. Наконец он оказался на следующей площадке — здесь окно смотрело на восток, а факел горел над дверью с западной стороны. Дверь была открыта, за ней находился темный коридор, но лестница обрывалась. Сэм прокрался

в коридор: по обе стороны имелось по низкой дверце, но обе были заперты и ни из-за одной не доносилось ни звука.

— Вот те на! — пробормотал хоббит. — Карабкался, а тут тупик. Но это не верхушка башни, тут и гадать нечего. Как же туда забраться?

Он сбежал ниже и подергал дверь. Та не поддавалась. Весь в холодном поту, Сэм снова поднялся вверх, хотя решительно не понимал, что делать дальше. Его совершенно не заботили ни Шаграт, ни Снага, ни все орки на свете — только бы увидеть Фродо, коснуться его руки!

Наконец усталый, совершенно обескураженный, Сэм сел на ступеньку и уронил голову на руки. Стояла тишина, страшная тишина. Факел, уже догоравший, когда он поднялся, затрепетал и погас — на хоббита накатила волна тьмы.

И тут, после всех напрасных поисков, в тоске и отчаянии Сэм, к собственному удивлению, тихонько запел. В темной башне зазвучал тонкий дрожащий голос, голос одинокого, растерянного хоббита — уж его-то ни один орк не спутал бы с пением эльфа-воителя. Он мурлыкал старые детские песенки, отрывки из сочинений Бильбо, мелькавшие в сознании мимолетными видениями родной страны. А потом вдруг в нем поднялись новые силы, голос окреп, и появившиеся неведь откуда собственные слова слились с незамысловатой мелодией.

У нас, в Закатной стороне,
Не молкнет песнь дрозда,
Цветут цветочки по весне,
Журчит в ручье вода,
И даже в полуночный час
Там в небесах всегда
Горит сверкающий алмаз —
Эльфийская звезда.

А тут, во тьме среди камней,
Где мертвая земля,
Где с каждым часом все темней,
Сижу, как в склепе, я.
Но солнце пусть затмила тень,

И звезд как будто нет,
С тобой я не прощаюсь, день,
С тобою, звездный свет.

Стоило Сэму на миг умолкнуть, как ему почудился слабый отклик. Он прислушался, но слышал вовсе не голос, а приближающиеся шаги. Наверху, в коридоре, со скрипом открылась дверь. Хоббит затаился, дверь с глухим стуком захлопнулась, и орочий голос злобно прорычал:

— Эй ты, крыса навозная! Заткни глотку! Только пикни, я поднимусь и задам тебе! Понял?

Ответа не было.

— Ладно, — продолжал Снага. — Я все равно слажу да посмотрю, что ты там делаешь.

Снова заскрипели петли, и, выглянув из-за угла, Сэм увидел мелькнувший в открытой двери свет и темный силуэт орка, тащившего что-то, смахивавшее на лестницу.

«Вот оно что! — осенило хоббита. — Там в потолке, люк с откидной крышкой, а над ним верхняя камера. Попасть туда можно только по приставной лестнице. Посмотрим...»

Так оно и было: Снага поставил лестницу, укрепил ее и, поднявшись, пропал из виду. Клацнул отодвигаемый засов. Затем орк заговорил снова:

— Лежи смирнехонько, гаденыш, не то худо будет. Разлеживаться тебе все равно недолго осталось, но не разевай пасть, иначе забава начнется прямо сейчас. А чтоб тебе было понятнее — получай!

Послышался звук, похожий на удар бича.

Сэма захлестнула безумная ярость. Он вскочил, подбежал к лестнице и в два прыжка взлетел по ней наверх. Его голова просунулась в люк посреди большой круглой камеры. С потолка свисала красная лампа, с западной стороны темнел узкий, высокий проем окна. Под окном на полу кто-то лежал, над лежащим нависла темная фигура орка. Бич взвился снова, но удара не последовало.

Сэм с криком прыгнул вперед и занес Жало. Орк обернулся, но

прежде чем он успел отскочить, эльфийский клинок отсек сжимавшую рукоять бича лапу. Снага взвыл от боли и ужаса, но, движимый отчаянием, бросился прямо на хоббита. Тот размахнулся слишком широко и не успел нанести удар, орк налетел на него, и оба покатались на пол. Еще не успев вскочить, Сэм услышал вопль и глухой стук: удиравший Снага зацепился за выступавший край лестницы и рухнул в открытый люк. Но об орке Сэм уже не думал, он стремглав бросился к окну. У окна лежал Фродо.

Голый, распростертый на куче грязного тряпья, он, казалось, лишился чувств. Рука прикрывала голову, на боку багровел рубец от удара бичом.

— Фродо! Фродо, дорогой мой! — вскричал почти ослепленный слезами Сэм. — Это я, Сэм! Я пришел! — он приподнял тело и прижал к груди.

Фродо открыл глаза.

— Снова сон... — пробормотал он едва слышно. — Но те, другие сны, были жуткими...

— Да никакой это не сон, сударь! — откликнулся Сэм. — Я взаправду тут. Явился за вами.

— Не могу поверить, — пролепетал Фродо, цепляясь за него. — Орк с бичом вдруг превратился в Сэма. Значит, и пение внизу мне не приснилось? Почудился твой голос, я даже попытался ответить. Это был ты?

— Я, сударь, я. А запел от отчаяния, потому как почти потерял надежду. Никак не мог вас отыскать.

— Но ведь отыскал же! Сэм, милый друг Сэм... — промолвил Фродо, снова закрыл глаза и, словно дитя, чьи ночные страхи развеяны любимым голосом или ласковым прикосновением, расслабился в заботливых объятиях друга.

Чувствуя себя на вершине блаженства, Сэм был бы рад просидеть этак хоть целую вечность, однако понимал, что это недопустимо. Мало найти хозяина, надо еще попытаться его спасти.

Он поцеловал Фродо в лоб, и стараясь, чтобы его голос звучал весело, как в Бебне-на-Бугре, когда он, бывало, раздвигал оконные занавески солнечным летним утром, сказал:

— Просыпайтесь, сударь. Давайте-ка, просыпайтесь.

Фродо вздохнул и сел.

— Где это мы? Как я здесь оказался? — спросил он.

— Некогда рассказывать, сударь, надо уносить ноги, — отозвался Сэм. — Мы на самой верхушке башни, той, которую видели от тоннеля. Потом вас схватили орки, а когда... не знаю. Вроде как вчера, а может, и раньше.

— Всего-то? — удивился Фродо. — А мне казалось, и здесь не одну неделю. Как очутимся в безопасном месте, обязательно мне все расскажи. Меня ранило, да? Я провалился во тьму и видел страшные сны, а как очнулся, действительность оказалась еще страшнее. Кругом орки! Кажется, они влили мне в горло какое-то жгучее, гадкое пойло. Сил совсем не было, все тело болело, но голова прояснилась. Они содрали с меня все до нитки, а потом две здоровенные образины принялись допрашивать и допрашивали, покуда я не почувствовал, что схожу с ума. Стояли надо мной, рычали, хватались за кинжалы... Мне никогда не забыть их рож и когтей!

— Не забудете, коли станете вспоминать, — промолвил Сэм. — Но ежели не желаете свидетелься с ними снова, надо убираться, и чем быстрее, тем лучше. Можете вы идти?

— Да, идти могу, — ответил Фродо, медленно поднявшись на ноги. — Я вроде и не ранен, только слабость страшная, да вот это место болит, — он прикоснулся к шее сзади, над левым плечом. Свисавшая сверху лампа заливала его обнаженное тело алым светом, и Сэму показалось, что Фродо облачен в пламя.

— Так-то оно лучше, — сказал Фродо, сделав пару шагов по камере и малость приободрившись. — Я ведь боялся двигаться, и при них, и даже когда остался один. А потом поднялся шум, завязалась драка. Думаю, два огромных главаря перессорились из-за меня и моих вещей. Тут я и того пуще перепугался. А когда все кончилось, настала мертвая тишина, еще хуже всего этого визга и лязга.

— Да, похоже, они между собой перегрызлись, — отозвался Сэм. — Их тут сотни две было, тварюг поганных. Я бы сказал — многовато для одного Сэма Гужни. Но они перебили друг друга сами, без моей помощи. Нам повезло, однако отсюда надо удирать пошустрее. Только вот как? Не можете же вы, сударь, идти через всю

Темную Страну в чем мать родила.

— Они все забрали у меня, Сэм! — воскликнул Фродо. — Все, что было! Ты понимаешь — все! — он снова опустился на пол, сник, словно только сейчас осознал весь ужас случившегося, и его захлестнуло отчаяние. — Мы проиграли, Сэм. Даже если выберемся отсюда, нам не спастись. Спасутся одни эльфы: уйдут прочь из Средиземья, далеко за Море. Но кто знает, не дотянется ли Тень и туда?

— Нет же, сударь! — возразил Сэм. — Еще не все потеряно. Его-то у вас не они забрали, а я. Вы уж простите, что без спросу. Но я его сберег. Вот оно, — Сэм нащупал на груди цепочку. — Тяжелая, скажу я вам, ноша. Теперь вы, верно, возьмете его обратно?

— Оно у тебя?! — вскричал Фродо. — Здесь, у тебя?! Сэм, да ты просто чудо! — в следующий миг голос его изменился. — Дай сюда! — выкрикнул он, вскочив и протянув дрожащую руку. — Отдай сейчас же! Оно не твое!

— Хорошо, сударь, — ответил изрядно удивленный Сэм. — Возьмите... — он медленно достал Кольцо и снял цепочку через голову. — Только помните, мы нынче в Мордоре. Тут тебе и Огненная гора, и все такое, как выберемся отсюда, сами увидите. Кольцо здесь особенно опасно, а уж какое тяжеленное... Коли нам с ним трудно придется, так я могу подсобить.

— Нет! Нет! — задыхаясь и дрожа от ярости, Фродо выхватил из рук Сэма Кольцо. В глазах его испуг мешался со злобой. — Нельзя! Ты вор!

Он стиснул Кольцо в кулаке, неожиданно побледнел и провел рукой по лбу. Представшее взору страшное видение он принял за явь. Прямо на его глазах Сэм превратился в орка, омерзительного, злобного орка с истекающей пеной пастью и алчущим взглядом, в гнусную тварь, жаждущую завладеть сокровищем. Но в следующий миг видение пропало. Перед ним на коленях стоял Сэм, с глазами полными слез и такой мукой на лице, словно его ранили в самое сердце.

— О, Сэм! — Фродо и сам готов был разрыдаться. — Что я сказал? Что сделал? Прости меня! После всего, что ты совершил... Это все Кольцо, его черная сила! Как бы я хотел, чтобы оно не нашлось никогда, никогда! Но не бойся за меня, Сэм. Свою ношу я

должен донести сам и делить ее не вправе ни с кем. Не стоит становиться между мною и моим проклятием.

— Оно конечно, сударь... — пробормотал Сэм, утирая рукавом слезы. — Я все понимаю. Но по-другому-то я могу вам помочь, верно? Скажем, вывести из этой дыры прямо сейчас. Правда, вам одежда нужна, да и снеди не худо бы раздобыть. С одежей-то оно проще. Коли мы в Мордоре, так и рядиться прямой резон по-мордорски, тем паче что выбора все одно нет. Боюсь, придется вам, сударь, переодеться орком... да и мне тоже. Вместе пойдем, так, чтоб друг от друга не отличаться. А пока накиньте вот это.

Расстегнув серый плащ, он закутал в него Фродо, положил на пол свою котомку и вынул из ножен Жало. Клинок светился очень слабо, едва заметно.

— Совсем забыл вам сказать, — продолжал Сэм. — Они не обобрали вас начисто, совсем нет. Вот Жало, ежели помните, вы мне его сами дали. И склянка Владычицы, она тоже цела. Но можно они пока у меня останутся? Я пойду, поищу что-нибудь пригодное, а вы здесь побудьте. Походите чуток, разомните ноги. Я мигом обернусь.

— Ты уж там поосторожнее, — сказал Фродо, — и возвращайся скорее. Вдруг где-то здесь еще прячутся живые орки.

— Рискну, — отозвался Сэм, шагнул к люку и соскользнул вниз по лестнице, но спустя мгновение появился снова и бросил на пол длинный кинжал.

— Вам эта штукавина может пригодиться, — заметил он. — А орку, тому, который вас бичом хлестанул, больше не потребуется. Он свалился в эту дыру и сломал себе шею. Знаете что, втяните-ка лестницу наверх и не опускайте, пока я не назову пароль. Пускай будет «Элберет». Слово эльфийское, ни одному орку его не произнести.

Некоторое время Фродо сидел дрожа, и в голове его теснились мысли одна страшнее другой. Потом он встал, запахнул поплотнее эльфийский плащ и, чтобы отогнать мрачные раздумья, принялся расхаживать из угла в угол, разглядывая свою темницу.

Со страху ему почудилось, что он битый час расхаживал таким манером, но в действительности спустя совсем немного времени знакомый голос тихонько окликнул снизу: «Элберет»!

Фродо спустил лестницу, и Сэм с пыхтением поднялся, неся на голове объемистый тюк.

— Теперь поспешим, — сказал он, бросив свою ношу на пол. — Мне вроде бы удалось найти кое-что нам по росту. Но надо торопиться. Живых я никого не приметил, но на сердце все равно беспокойно. Не могу отделаться от чувства, что за этим местом следят. Даже и не объяснить... или вот: чувство такое, будто над нами кружит Черный Всадник. Очень высоко, так, что не углядишь, но он ведь может и спуститься.

Сэм развязал узел. Фродо с отвращением взглянул на его содержимое, но выбора не было: либо надевать что нашлось, либо идти голым. Он надел лохматые штаны из засаленной шкуры какого-то зверя и грязную кожаную рубаху, а поверх натянул кольчугу, коротковатую для орка среднего роста, но очень длинную и тяжелую для хоббита. Застегнув пояс с широким мечом, Фродо выбрал из нескольких принесенных Сэмом орочьих шлемов один — он более-менее пришелся по голове и был легче прочих, ибо представлял собой железный каркас, обтянутый толстой черной кожей. Над защищавшим переносицу стальным клювом багровело грубо намалеванное Око.

— У моргульских, ну, у тех, из Горбаговой шайки, снаряжение удобнее и нам подошло бы лучше, — заметил Сэм. — Но, по-моему, после здешнего побоища в ихней одежонке в Мордор лучше не соваться. Ну-ка, сударь, дайте взглянуть. Чудненько, вам только руки до пола вытянуть да ноги колесом скривить — заправский орк будете. Ладно, эта штуковина все прикроет, — он накинул на плечи Фродо широкий и длинный черный плащ. — Теперь вы готовы. Щит сами подберете, когда выйдем.

— А ты-то как? — спросил Фродо. — Мы ведь должны выглядеть одинаково.

— Оно бы, конечно, не худо, — покачал головой Сэм. — Но мне лучше не оставлять здесь ничего из своих вещей, а как их уничтожить — не знаю. Орочью кольчугу поверх всей моей одежды не напялить. Придется просто прикрыться.

Опустившись на колени, Сэм бережно свернул свой серый плащ — сверток получился на удивление маленький и легко уместился в котомке. Затем он нахлобучил шлем, надел черный плащ и заявил:

— Ну вот, два орка — пара. Можно идти.

— Но учти, дружище, — отозвался Фродо с кривой улыбкой, — без передыху мне весь путь не осилить. Ты тут ни у кого не справлялся насчет придорожных трактиров? А то хоббитами иногда и пить-есть хочется, не забыл?

— Вот ведь олух, и вправду позабыл, — Сэм огорченно присвистнул. — А ведь с тех пор, как вас сцапали, у меня ни крошки во рту не было. Все из головы вылетело. Дайте-ка подумать! Когда я последний раз проверял, выходило, что на лембасе да припасах Фарамира, ежели ужаться, можно протянуть недели две. Но воды в моей фляжке от силы глоток остался. Как ни крути, а на двоих не хватит. А орки — они не едят, не пьют? Только дымом да ядом кормятся?

— Нет, Сэм, и едят, и пьют. Тень не может творить, не может создавать ничего по-настоящему нового. Я не думаю, что она произвела орков на свет, она лишь изуродовала их, переделав на свой лад. Раз они живые, так и питаться должны, как всякие живые существа. Гнилое мясо с тухлой водой для них, может, и сгодятся, но чтобы яд — это едва ли. Они ведь меня кормили, и я не такой голодный, как ты. Где-то здесь, в крепости, наверняка полно воды и снеди.

— Но искать некогда, — напомнил Сэм.

— Дела не так плохи, как ты думаешь, — сказал Фродо. — Пока ты был в отлучке, мне тоже кое в чем повезло. Они вправду забрали не все. Я порылся в этом тряпье на полу и, представляешь, нашел свою котомку с провизией! Они там, конечно, все перерыли, но лембас, похоже, понравился им еще меньше, чем Голлуму. Разбросали, потоптали, однако я собрал что мог — пропало не так уж много. А вот Фарамировы припасы орки утащили, а флягу мою продырявили.

— Ну тогда и говорить не о чем, — промолвил Сэм. — Еды хватит, с водой дело худо, но что-нибудь да придумаем. Пойдемте, сударь, иначе до того досидимся, что нам и целое озеро не потребуется.

— Пока ты не поешь, — возразил Фродо, — я с места не тронусь. Подкрепись лембасом и допей, что осталось в твоей фляжке. Положение у нас такое, что нет смысла беспокоиться о завтрашнем

дне. Он может и не наступить.

Наконец собрались. Спустившись, Сэм убрал приставную лестницу и бросил ее в коридоре, рядом с орочьим трупом. Ковылять вниз по каменным ступеням пришлось в темноте, но плоскую крышу еще озаряли отсветы Горы, хотя и изрядно потускневшие. Добавили к своему снаряжению по щиту и двинулись дальше.

К тому времени, когда друзья спустились по главной лестнице, оставшаяся наверху камера стала казаться им чуть ли не уютной. Теперь у них не было укрытия, а стены вокруг источали ужас. Быть может, в крепости Кирит-Унгол не осталось ни единого орка, но зло, составлявшее ее суть, пребывало в ней по-прежнему. Добравшись до двери на внешний двор, хоббиты помедлили. До ворот было еще далеко, но здесь уже ощущалась злобная воля Стражей, чьи очертания смутно вырисовывались по обе стороны проема. Каждый шаг давался со все большим трудом, в конце концов пришлось остановиться, ибо продвинуться еще хотя бы на пядь было невозможно.

Фродо сел на землю.

— Не могу идти, Сэм, — пробормотал он. — Мне худо. Не знаю, что со мной.

— Зато я знаю, сударь. Вставайте. Это все ворота, на них какие-то злые чары. Но я ведь вошел, значит, и выйти можно. Вряд ли будет намного хуже, чем было. Идемте!

Сэм снова достал звездный светоч Галадриэли. Словно воздавая честь мужеству хоббита, фиал осиял своим великолепием загорелую руку, совершившую столько подвигов.

Яркий свет озарил весь двор, как затянувшаяся вспышка молнии, изгнав тень из каждого уголка.

— Гилтониэль! А Элберет! — воскликнул Сэм, неожиданно вспомнив встреченных в Хоббитании эльфов, чья песня отогнала Черных Всадников.

— Айа эленион анкалима! — подхватил Фродо.

Внезапно, словно лопнула туго натянутая тетива, воля Стражников исчезла. Оба хоббита едва не повалились наземь, но устояли. Со всех ног они бросились в ворота мимо каменных чудовищ со сверкающими глазами. Послышался треск. Замковый

камень арки обрушился чуть ли не на пятки, стена обвалилась, рассыпаясь обломками. Сэм и Фродо проскочили в последний миг, они были на волосок от гибели. Ударил колокол, Стражи издали пронзительный жуткий вопль, и сверху, из мрака, донесся ответный крик. С черного неба, разрывая тучи кошмарным воем, упала крылатая Тень.

Глава 2.

ЗЕМЛЯ ТЕНИ

Оказавшись за воротами, Сэм первым делом спрятал фиал за пазуху.

— Бежим, сударь! — вскричал он. — Нет, не туда, там обрыв! За мной!

Шагов через пятьдесят спускавшаяся на восток дорога круто свернула за зубчатый бастион, и беглецы оказались вне видимости башни. На какое-то время они были спасены. Вжавшись в каменную стену, хоббиты перевели дух, но внезапно оба схватились за сердце. На стене рядом с рухнувшими воротами возник назгул и огласил окрестности жутким воплем.

Пересиливая ужас, побежали дальше. Вскоре дорога опять резко забрала к востоку, и на краткий, но страшный миг снова открылась крепость. Стремительно проскочив опасный отрезок, хоббиты оглянулись, успели увидеть на стене огромную черную фигуру — и нырнули на тропу, круто сбегавшую между утесами к моргульской дороге. Орки не появлялись, крики назгула оставались без ответа, но оба понимали, что тишина продлится недолго и погоня может начаться в любой момент.

— Так дело не пойдет, Сэм, — выговорил запыхавшийся Фродо. — Настоящим-то оркам надо бы в крепость торопиться, а мы прочь наладились. Нас раскусит первый же встречный. Нужно убираться с дороги.

— Оно конечно, — уныло отозвался Сэм, — только как? Крыльев-то у нас нет.

Восточные склоны Эфел-Дуат обрывались отвесными утесами в темное ущелье между хребтами. Невдалеке от слияния дорог, после очередного крутого спуска, тропа выходила на переброшенный через ущелье каменный мост, за которым терялась в нагромождении скал кряжа Моргэй. Отчаянным рывком Фродо и Сэм устремились по мосту, но не успели перебежать его, как услышали шум погони. Позади, выше по склону, башня крепости Кирит-Унгол тускло

светилась в темноте. Снова ударил и затрезвонил, не умолкая, дребезжащий колокол. Затрубили рога, из-за моста донеслись крики. Хоббитов зажали с обеих сторон. В темном ущелье, отрезанном от меркнувшего свечения Ородруина, Фродо и Сэм ничего не видели, но слышали топот кованых орочьих сапог и drobный перестук копыт по дороге.

— Быстрее, Сэм! Прыгаем! — крикнул Фродо.

Оба вскочили на парапет моста. Внизу зияла чернота, определить глубину провала не было никакой возможности, но иного выхода не оставалось. По счастью, бездонная пропасть с острыми камнями на дне на деле оказалась совсем не глубокой: пролетев с дюжину шагов, хоббиты шлепнулись в густой колючий кустарник. Оба затаились, Сэм тихонько зализывал исцарапанную руку.

Заговорить, и то шепотом, он осмелился, лишь когда крики на мосту смолкли.

— Вот уж не думал, сударь, что в Мордоре хоть что-то растет. Знал бы заранее, не так страшно было бы прыгать. Но колючки тутошние сквозь всю одежду меня истыкали. Зря я кольчугу не натянул.

— Не жалея, — откликнулся Фродо. — На мне вот и орочья кольчуга, и рубаха кожаная, а толку никакого. Весь искололся.

Из зарослей удалось выбраться с немалым трудом. Колючки и ветви были крепкими, как проволока, и цепкими, словно когти. Хоббиты изодрали плащи, прежде чем сумели освободиться.

— Теперь вниз, Сэм, — шепнул Фродо. — Спустимся побыстрее в долину, а там, как только сможем, свернем на север.

В мире наступал день, далеко на востоке, за пределами Мордора, вставало солнце, но здесь по-прежнему было темно, как ночью. Свечение Роковой горы приугасло, восточный ветер, дувший с тех пор, как хоббиты покинули Итилиэн, незаметно утих. Медленно, на ощупь, почти вслепую спускались вниз, пробираясь среди камней, колючих кустов и мертвых деревьев, пока не вымотались до того, что уже не могли сделать ни шага. Пришлось сделать привал. Друзья сели бок о бок, привалившись спинами к валуну.

— Вздумай сейчас Шаграт поднести мне стакан воды, я, верно, пожал бы ему лапу, — пробормотал Сэм.

— Не говори так, только хуже становится, — отозвался Фродо.

От усталости у него кружилась голова. Он растянулся на земле, некоторое время лежал молча, а когда, малость оправившись, с трудом приподнялся, то к своему удивлению обнаружил, что Сэм спит.

— Просыпайся! — стал тормошить спутника Фродо. — Вставай! Рано еще спать.

Сэм заморгал и затряс головой.

— Надо же, — проговорил он. — Кажись, задремал. Поспать-то как следует давненько не доводилось, вот глаза сами и закрываются.

Теперь Фродо шел впереди, стараясь двигаться на север, насколько это было возможно среди нагромождения валунов и скал. Неожиданно он остановился снова.

— Все без толку, Сэм, — промолвил он, утирая пот. — Мне не сдюжить. Кольчуга проклятушая докопает. Моя, из мифрила, и та казалась тяжелой, когда устанешь, а эта гораздо тяжелее. Да и какой в ней прок? Нам же не с боем прорываться.

— С боем или нет, — возразил Сэм, — но она убережет от ножа или случайной стрелы. Опять же Голлум, он жив, и его нельзя сбрасывать со счета. Не дело, чтоб между вами и ударом вражеским не было ничего, кроме кожаной рубахи.

— Послушай, Сэм, дружище, — сказал Фродо, — я устал до смерти и, по правде, ни на что не надеюсь, по все едино буду идти, пока ноги несут. Не обижайся, я знаю, чего тебе стоило найти для меня это снаряжение, да только сил тащить лишний груз уже не осталось.

— Эх, сударь, — вздохнул Сэм. — Какие обиды... Я бы рад вас на закорках понести, да силенок у самого... Скидывайте орочье барахло, пойдем налегке.

Фродо снял толстый плащ, стянул и отбросил кольчугу, но тут же поежился.

— Накинуть бы что-нибудь потеплее, — сказал он. — Вроде похолодало, или меня знобит.

— Возьмите мой плащ, сударь, — предложил Сэм, развязывая котомку и доставая серый шелковистый сверток. — Подойдет? Его

под низ, а снаружи тряпку орочью набросьте и пояском перехватите. Получится, конечно, не совсем на здешний манер, но вам потеплее будет, да и сдастся мне, от всякого зла он сохранит лучше всего прочего. Это ж подарок самой Владычицы.

— Так-то полегче, — сказал Фродо, завернувшись в эльфийский плащ. — Пожалуй, можно идти дальше. Только вот темень эта кромешная прямо в сердце ползет. Знаешь, когда я лежал в темнице, то вспоминал Брендивин и Лесной Край, и Мельничный ручей в Хоббитоне. А теперь и не вспомнить...

— Ага, сударь, вот и вы про воду речь завели, — попытался пошутить Сэм. — Услыхала бы нас Владычица, я бы сказал: «С вашего позволения нам нужны только свет и вода, простой дневной свет и чистая вода. Они дороже любых сокровищ». Да только где мы, а где Лориэн! — Сэм вздохнул и махнул рукой в сторону Эфел-Дуат, едва различимого на фоне темного небосклона.

Хоббиты продолжили путь, но очень скоро Фродо снова остановился.

— Над нами Черный Всадник, — шепнул он. — Я его чую. Спрячемся и переждем.

Укрывшись за здоровенным валуном, затаились и опасливо поглядывали на запад, пока Фродо не вздохнул с облегчением.

— Улетел!

Они встали и замерли в изумлении. Слева, на юге, небо серело, все явственнее открывая взору очертания горного массива. Разгоравшийся за горами свет медленно оттеснял мглу на север. Создавалось впечатление, будто высоко в небесах разыгралась битва. Клубящиеся тучи Мордора отступали, края лохматились клочьями под напором ветра из живого мира, гнавшего эти тучи назад, к породившему их гнездилищу мрака. Из-под приподнявшегося темного полога в Мордор, словно бедное утро сквозь закопченное окошко темницы, просачивался слабый свет.

— Гляньте-ка, сударь! — воскликнул Сэм. — Ветер переменился! Что-то происходит. Не все получается по Его хотению. Понапустил Тьмы, а она пятится. Вот бы посмотреть, что там делается!

Занималось утро пятнадцатого марта. Над долиной Андуина

вставало солнце, дул юго-западный ветер. На равнине Пеленнора умирал Тейоден.

На глазах у Фродо и Сэма полоска света растеклась вдоль всего гребня Эфел-Дуат, и на ее фоне они увидели быстро приближавшуюся с запада черную точку. Стремительно вырастая, она нырнула под полог туч и пронеслась высоко над головами хоббитов. Из вышины донесся пронзительный крик назгула, но он уже не внушал ужаса, ибо сам был исполнен страха и скорби. Главарь Кольценосцев встретил свою судьбу.

— Ага! — вскричал Сэм. — Точно, что-то там происходит. Шаграт твердил, будто война идет успешно, а вот Горбаг в этом сильно сомневался. И, похоже, оказался прав. По всему выходит, не задалось у них. Может, теперь и нам будет полегче, а, сударь?

— Это вряд ли, Сэм, — вздохнул Фродо. — Что бы ни случилось там, за горами, мы идем не на запад, а на восток. Я устал до изнеможения. А Кольцо, Сэм, с каждым шагом все тяжелее. Теперь я все время вижу его мысленно, оно как огромное огненное колесо.

Сэм понурился, искоса поглядел на Фродо, потом взял хозяина за руку и попытался приободрить.

— Ну же, сударь! Не все так плохо. Я вот уже получил, что хотел: самую малость света. Пройдем еще чуточку, а там привал устроим, полежим, отдохнем. Надо вам подкрепиться, вот лепешка, хоть кусочек лепешки съешьте.

Отломив лембаса и с трудом разжевав его — во рту пересохло сверх всякой меры, — хоббиты продолжили путь. Света было не больше чем в серых сумерках, но вполне хватало, чтобы увидеть, что они находятся на дне пологой, поднимавшейся к северу лощины — русла высохшего потока. За лощиной вилась вдоль подножий западных утесов тропа. Знай они про нее раньше, давно бы шли по ровной земле, а не калечили ноги на каменюках. Отделившись от главной моргульской дороги у западной оконечности моста, тропа длинной, вырубленной в скалах лестницей спускалась в ущелье. Этим путем, связывавшим Кирит-Унгол с укреплениями Айсенмута, железными челюстями Карах-Ангрена, пользовались мордорские дозорные и гонцы.

Конечно, выходить на тропу было опасно, но хоббиты спешили, а Фродо чувствовал, что ковылять дальше по бездорожью, среди

камней, он просто не сможет. К тому же он полагал, что на северном направлении их будут искать в последнюю очередь. По его разумению, погоня должна рыскать по равнине, тщательно просматривать все дороги, ведущие на восток, а заодно перекрыть единственный путь на запад, через перевал. Потому разумным казалось уйти на север, как можно дальше от крепости, а уж потом свернуть и искать дорогу на восток.

Хоббиты пересекли каменное ложе, вышли на орочью тропу и двигались некоторое время по ней. Слева, прикрывая от взгляда сверху, над головами нависали утесы, но тропа делала множество изгибов, и за каждым мог неожиданно встретиться враг. Ко всякому повороту приближались с опаской, держась за рукояти мечей. Света не прибавлялось, поскольку Ородруин по-прежнему изрыгал огромные клубы дыма. Раздуваемый ветром дым поднимался все выше, пока, оказавшись над воздушными потоками, не растекался, накрывая местность, как шляпка чудовищного гриба, чья ножка вздымалась за пределы видимости. Хоббиты брели уже более часа, когда неожиданно услышали звук, заставивший остановиться. В это трудно было поверить, но где-то совсем рядом журчала вода. Слева, из узкой расщелины — словно черный утес расщели ударом гигантского топора — вытекала тонкая струйка: быть может, остаток сладостного дождя, рожденного под сияющими солнцем морями и, волею злосчастной судьбы, обреченного пролиться в бесплодную пыль Черной Страны. Ручеек сочился из скалы, пересекал тропу и быстро терялся среди мертвых камней.

Сэм бросился к нему.

— Ежели я снова увижу Владычицу, непременно расскажу ей об этом! — воскликнул он. — Свет, а теперь и вода! — Внезапно он осекся, а потом пробормотал: — Сударь, давайте я попою первым.

— Как хочешь, — отозвался Фродо. — Места тут достаточно, какая нужда подходить к воде по очереди?

— Да я не о том, — пояснил Сэм, — вдруг она ядовитая или еще что... тогда уж пусть лучше буду я, ежели вы меня понимаете.

— Понимаю, — отозвался Фродо. — Но, по-моему, Сэм, мы можем вместе довериться нашей удаче.

Вода оказалась холодной, но не ледяной. Горьковатая и маслянистая, дома она показалась бы хоббитам неприятной на вкус,

но здесь они нашли ее превосходной. Оба напились вдоволь, и Сэм наполнил в дорогу флягу. Фродо почувствовал себя лучше, и они безостановочно прошли еще несколько миль, пока тропа не стала шире. По краям появилась грубая ограда, что указывало на близость очередного орочьего укрепления.

— Здесь придется свернуть, Сэм, — сказал Фродо, — свернуть на восток, — он взглянул на угрюмый кряж по ту сторону долины, вздохнул и добавил: — Но сил у меня осталось только-только, чтоб доковылять до скал и забиться в какую-нибудь нору. Там и отдохнем.

Теперь ложе высохшей реки находилось заметно ниже тропы. Спустившись и перебравшись через русло, хоббиты, к немалому своему удивлению, увидели множество темных прудов, питаемых стекавшими откуда-то сверху тонкими ручейками. На окраинах, во всяком случае вдоль западных гор, земля Мордора умирала, но еще не умерла окончательно. Здесь даже попадались отчаянно борющиеся за жизнь жесткие, корявые растения. На склонах, по ту сторону долины, цеплялись корнями за утесы похожие на кусты низкорослые чахлые деревца, пробивались сквозь камень пучки жухлой серой травы, стелился тощий мох, и повсюду густо переплетались извилистые лозы с длинными, острыми шипами или крючковатыми, резавшими, как ножи, колючками. На них шуршали на ветру иссохшие, сморщенные прошлогодние листья, а только-только раскрывавшиеся почки были уже изъедены гусеницами. Жужжали и кусались буровато-серые мухи, помеченные красными пятнышками — что твои орки с Багровым Оком на плащах. Над колючими зарослями вились тучи голодной мошкары.

— От орочьей одежды никакого проку, — ворчал, отмахиваясь от гнуса, Сэм. — Жаль, что у меня шкура не такая толстая.

Подняться на кряж хоббиты так и не смогли, Фродо совсем выбился из сил.

— Все, — пробормотал он. — Дальше ни шагу. Мне нужно отдохнуть и поспать, если получится.

Он огляделся, но вокруг было пустынно — похоже, в этом мрачном краю не водилось даже зверей. Измотанные до крайности друзья забились под свисавший со скального выступа, словно рогожа, колючий куст, сели и, как смогли, подкрепились.

Прибeregая лембас напоследок, они разделили между собой половину оставшихся Фарамировых припасов — горстку сушеных фруктов и кусочек вяленого мяса — и выпили немного воды. По дороге пили из черных прудов в долине, но сейчас снова испытывали жажду. Воздух Мордора был полон какой-то иссушавшей рот горечи. Сэм не имел склонности предаваться отчаянию, но при мысли о том, что же они будут пить по пути через простиравшуюся впереди безжизненную равнину Горгорот, ему становилось страшно.

— Поспите-ка, сударь, — предложил он. — Видите, снова темнеет. Сдается мне, день уже на исходе.

Фродо вздохнул и уснул, едва дослушав эти слова. Сэм и сам с трудом противился усталости. Взяв Фродо за руку, он сидел рядом с хозяином, пока не сгустилась тьма, а потом, чтобы не поддаться сонливости, выполз из укрытия и огляделся.

Вокруг что-то потрескивало, поскрипывало и шуршало, но ни голосов, ни шагов слышно не было. На западе, над гребнем Эфел-Дуат, ночное небо оставалось тусклым и бледным. Неожиданно в разрыве туч над темной вершиной Сэм увидел серебристую мерцающую звезду. Красота ее потрясала и возрождала в сердце надежду, ибо, как вспышка молнии, сознание хоббита озарила мысль — Тень не вечна и не всесильна, ибо есть в мире красота и свет, которые, как бы мрак ни разрастался, всегда будут превыше ее и никогда не затмятся. В орочьей башне он боялся за себя и пел, как бы бросая вызов собственному страху, а в этот миг и собственная судьба, и даже судьба хозяина перестала его тревожить. Он заполз обратно под куст, улегся рядышком с Фродо и, отбросив все страхи, отдался спокойному глубокому сну.

Пробудились хоббиты вместе, рука об руку. Сэм чувствовал себя свежим и готовым к новому дню, а вот Фродо тягостно вздыхал. Во сне ему виделись огненные кошмары, да и пробуждение ничуть не радовало, но все же сон пошел на пользу. Он набрался сил и теперь мог нести свое бремя дальше. Они не знали, долго ли спали и сколько сейчас времени, но, подкрепившись и отпив по глотку водицы, продолжили путь вверх по склону, пока не добрались до крутой каменистой осыпи. Здесь даже самые стойкие растения отказались от борьбы, и бесплодные вершины Моргэйского кряжа были сухими и голыми, словно сланец.

После долгих блужданий и поисков нашли путь, по которому

можно было подняться, не скатываясь вниз; одолев последнюю сотню футов, карабкаясь на четвереньках, протиснулись в расщелину меж двумя черными утесами и оказались на самом краю последней ограды Мордора. Внизу, у подножия обрыва тысячи в полторы локтей, расстилалась, теряясь во мраке за пределами видимости, угрюмая равнина. Ветер, дувший теперь с запада, отгонял тучи все дальше к востоку, но Горгорот по-прежнему тонул в сумраке — по земле, скапливаясь в лощинах, стелился курившийся из провалов и трещин дым.

Вдалеке, самое меньшее лигах в сорока, высилась Роковая гора с утопавшим в пепле подножием и окутанной облаками вершиной. Огни ее приугасли, но и погруженная в дремоту она оставалась пугающе опасной, словно спящее чудовище. Позади нее, на протянувшемся с севера длинном отроге Пепельных гор, громоздились укрепления Барад-Дура, скрытые в зловещей, как грозовая туча, тени. Темная Сила погрузилась в глубокое раздумье, и ее Око обратилось вовнутрь. Внушающее сомнение и тревогу видение — сияющий меч и суровый царственный лик — на какое-то время заставило Темного Властелина позабыть обо всем прочем, и мрачные мысли обволакивали тьмой бесчисленные бастионы и башни его твердыни.

Фродо и Сэм взирали на дышащую злобой страну со смешанным чувством ненависти и изумления. Между ними и дымящейся Горой лежала безжизненная, выжженная пустыня, и казалось совершенно непостижимым, как Владыка Мертвого края ухитряется содержать и кормить своих рабов. Однако войска у него были. Насколько хватало глаз, по склонам дальше к югу тянулись лагеря, иные палаточные, а иные похожие на маленькие городки. Один из самых больших — огромный муравейник, перечерченный прямыми линиями улиц между рядами унылых, приземистых и длинных строений, — находился чуть ли не под ногами, не далее чем в лиге от обрыва. И этот лагерь не пустовал: и по улицам, и по отходившему от лагеря на юго-восток и сливавшемуся с дорогой на Моргул широкому тракту сновало множество крошечных черных фигурок.

— Не нравится мне это, совсем не нравится, — проворчал Сэм. — Беснадега полная, кроме разве того, что коли уж здесь толчется такая прорва народа, то должна быть вода, не говоря уж о снеди. И никакие это не орки, а люди, если меня глаза не обманывают.

Ни он, ни Фродо ничего не знали об обширных, возделываемых рабами полях далеко на юге страны, за пределами дымного дыхания Горы, у печальных вод озера Нурнен, как не знали и о множестве проезжих дорог, что вели на юг и на восток, к обложенным данью землям. По ним воины гнали в Мордор бесчисленные вереницы подвод со всяким добром и толпы новых рабов. Здесь, в северных областях, находились рудники, склады припасов и сборные пункты, куда перемещавший свои войска, как фигуры на доске, Темный Властелин стягивал их для предстоящих ударов в давно задуманной войне. Первая проба сил оказалась неудачной, наступление на Гондор было отбито, и сейчас свежие силы собирались для нового удара у Кирит-Горгора. Даже приди Ему в голову мысль оградить Гору от всех и всяческих посягательств, он бы едва ли смог сделать больше.

— Да уж... — продолжил Сэм, — еды-питья у них там, может, и вдосталь, да только нам до ихних закровов не добраться. Тут и спуска-то, как я вижу, нет, да и спускаться незачем. Место открытое, как по нему пройдешь? Под ногами у них ползти, что ли?

— Попытаться все едино придется, — отозвался Фродо. — Это не хуже того, с чем я ожидал встретиться. Надежды пересечь равнины у меня с самого начала не было, нет ее и сейчас, но я по-прежнему буду делать все, что в моих силах. Однако постараюсь как можно дольше не угодить снова во Вражьи лапы. Пойдем-ка, друг, дальше на север; глянем, не удастся ли перейти равнину там, где она поуже.

— Догадываюсь, что мы там углядим, — заметил Сэм. — Коли равнина теснее станет, так большунов да орков там понабьется столько, что между ними не протолкнешься. Вот увидите, сударь.

— Может, и увижу, если вообще дотуда доберусь, — ответил Фродо и отвернулся.

О том, чтобы идти по самому гребню с его остроконечными пиками и глубокими ущельями, не могло быть и речи. В конце концов спустились тем же путем, что и поднялись, и стали искать путь понизу. Это тоже оказалось непросто, однако проковыляли добрую милю, прежде чем увидели примостившийся у подножия утеса орочий лагерь — обнесенное стеной скопище каменных лачуг, теснившихся вокруг темного зева пещеры. Движения заметно не было, но хоббиты пробирались осторожно, укрываясь в зарослях терновника, к счастью, густо разросшегося по берегам высохшей

реки.

Так удалось пройти еще две или три мили. Орочий лагерь уже скрылся из виду, но не успели друзья вздохнуть посвободнее, как слышали громкие грубые голоса. Они мигом нырнули за бурый корявый куст и затаились. Голоса приблизились, и скоро показались два орка. Один, одетый в коричневое рванье и вооруженный роговым луком, был невысок ростом и темнокож. Вернее всего, он принадлежал к мелкой породе лазутчиков. Второй, здоровенный, вроде бойцов Шагратова отряда, тоже имел лук за спиной, а в руках держал копье с коротким древком и широким наконечником. На его плаще красовалось Багровое Око. Орки по своему обыкновению ссорились, а поскольку принадлежали к разным племенам, перебранка шла на Общем Наречии, только выговор у каждого был свой.

Шагах в двадцати от того места, где хоронились хоббиты, меньший из орков остановился.

— Все! Я иду домой, — проворчал он, указывая в сторону орочьего лагеря. — Какой прок обдирать нос о камни? Говорю тебе, нет здесь никаких следов. Запах вел в горы, и я потерял его из-за тебя. Что тебя понесло в долину!

— От вас, нюхачей-маломерок, вообще никакого проку! — прорычал большой орк. — Глаза надежнее твоего сопливого носа!

— Ну и много ты ими углядел? — огрызнулся первый. — Апп! Ты даже не знаешь, чего ищешь.

— А кто виноват? — обозлился боец. — Точно не я! Все идет сверху. Сначала говорят, будто это могучий эльф в сияющей броне, потом — то ли гном, то ли маленький человечек, потом — шайка взбунтовавшихся урук-хай, а может, и все вместе.

— Апп! — прорычал разведчик. — Они там головы потеряли. Кое-кто из главарей может вдобавок шкурой поплатиться. Дошел до меня слухок — на крепость напали, сотни наших перебили, а пленник смылся. Довоевались, вояки! Неудивительно, что приходят дурные вести.

— Кто сказал — «дурные вести»? — взревел боец.

— Апп! А кто сказал, что нет?

— Такие разговоры ведут подлые мятежники! Заткни пасть, не

то я тебя прикончу!

— Ладно, ладно! Ни слова больше не скажу, но думать-то все равно буду по-своему. Слушай, а при чем тут тот черный длиннорукий пролаза?

— Почему мне знать? Может, и ни при чем. Гаденыш паршивый! Лазит повсюду, что-то там вынюхивает, а отдуваться потом нам. Как отирался поблизости, никому до него дела не было, а только сбежал, тут тебе и приказ — доставить живым, и срочно!

— Надеюсь, его сцапают и ему не поздоровится, — проворчал разведчик. — Он мне охоту испортил, подобрал кольчугу, а все следы кругом затоптал и запах отбил своей вонью. Когда я подроспел на место, было уже поздно.

— Кольчуга-то его и спасла, — заметил боец. — Я ведь не знал еще, что его ищут, и запустил стрелу ему в спину с полусотни шагов. Но он удрал.

— Грр! Упустил! — рассмеялся разведчик. — Сначала стреляешь не целясь, потом бежишь — еле ноги переставляешь, а под конец посылаешь за нами. Ну, с меня хватит! — он повернулся и зашагал прочь.

— Назад! — рявкнул боец. — Вернись, не то я на тебя донесу!

— Кому? Уж не твоему ли драгоценному Шаграту? Так он свое откомандовал.

— Я сообщу твое имя и номер назгулу, — прошипел боец. — Сейчас в крепости распоряжается один из них.

Мелкорослый орк остановился и обернулся. Теперь и его голосе ненависть мешалась со страхом.

— Мерзкий доносчик! Грозишься, а сам ни на что не годен! Какой из тебя урук?! Убирайся к своим вонючим крикунам, пусть они выморозят твое мясо, если только враги не разделаются с ними раньше. С главным-то, как я слышал, уже покончили. Надеюсь, это правда.

Огромный орк прыгнул к нему, замахиваясь копьем, но разведчик, мгновенно скользнув за камень, всадил стрелу ему прямо в глаз, и боец тяжело рухнул наземь. Стрелок бросился бежать и пропал из виду.

Некоторое время хоббиты сидели молча. Наконец Сэм шевельнулся.

— Ловко сладились, ничего не скажешь, — ухмыльнулся он. — Была б такая дружба сердечная по всему Мордору, можно считать, что половина наших бед позади.

— Тише, Сэм, — шепнул Фродо. — Поблизости могут оказаться другие. Мы едва спаслись, видать, охота налажена посерьезнее, чем нам казалось. Да, Сэм, таков дух Мордора, и, как я думаю, он царит в каждом его уголке. Если верить преданиям, орки всегда затевают меж собой ссоры, особенно если над ними нет сильного вожака. Но не стоит возлагать на это надежду. Нас они ненавидят куда сильнее, чем друг друга. Попадись мы на глаза этим двоим, они стали бы действовать заодно.

Хоббиты умолкли. Через некоторое время Сэм заговорил снова, но на сей раз шепотом.

— Слышали, сударь, как они толковали про «длиннорукого пролазу? Помните, я ведь говорил вам, что Голлум жив?

— Да, помню, — отозвался Фродо. — Я тогда еще подумал, откуда у тебя такая уверенность. Знаешь, до темноты нам лучше отсюда не высовываться, так что давай выкладывай все, что тебе известно. Только прошу тебя, потише.

— Постараюсь, — кивнул Сэм. — Хоть оно и непросто: про этого Вонючку рассказывать, да на крик не сорваться.

Хоббиты сидели под колючим кустом, пока блеклый свет Мордора медленно таял, превращаясь в темную беззвездную ночь, и Сэм тихонько рассказывал обо всем, для чего мог найти слова: о предательстве Голлума, ужасной Шелоб и о собственной стычке с орками. Когда он закончил, Фродо, не сказав ни слова, крепко пожал ему руку.

— Что ж, — промолвил он спустя несколько мгновений, поднимаясь на ноги. — Кажется, пришла пора идти дальше. Интересно, долго ли мы проблуждаем, прежде чем нас изловят и все труды и мучения пропадут впустую? Знаешь что, Сэм, пусть светоч Галадриэли пока остается у тебя. Мне его и положить-то некуда, разве что в руке нести, но в такой темнотище руки лучше иметь свободными. А Жало я тебе дарю насовсем. Обойдусь орочьим мечом, хотя и этот мне вряд ли понадобится.

Час за часом, в крошечной тьме, без всяких троп, спотыкаясь о камни, хоббиты брели на север. Когда, уже после того как во всем мире начался день, над западными хребтами забрезжил рассвет, они снова нашли укрытие и по очереди поспали. Пока Сэм бодрствовал, ему не давала покоя мысль о пропитании. А когда Фродо, проснувшись, заговорил о завтраке, он не выдержал и задал давно мучивший его вопрос:

— Скажите, сударь, вы имеете хоть какое-то представление насчет того, сколько нам еще топать?

— Смутное, — вздохнул Фродо. — В Разлоге, перед уходом, мне показывали карту Мордора, составленную еще до возвращения Врага, но я мало что запомнил. Могу лишь сказать, что где-то на севере, лигах этак в двадцати от моста у крепости, есть место, где западный и северный кряжи сходятся очень близко, чуть ли не смыкаются. Перебраться через равнину там, наверное, проще, но, с другой стороны, добравшись дотуда, мы окажемся дальше от Горы, чем сейчас. Лигах, я думаю, в шестидесяти. От моста мы пока отошли не больше чем на дюжину лиг, вот и выходит, что даже если все пойдет хорошо, нам не добраться до Горы раньше чем через неделю. Боюсь, Сэм, под конец моя ноша сделается такой тяжелой, что я не сдюжу...

— Чего я и опасался, сударь, — горестно покачал головой Сэм. — Целая неделя... Придется нам, сударь, есть поменьше или, пока можем, двигаться пошустрее. Скоро от всех припасов останутся только эльфийские лепешки.

— Постараюсь не отстать, — пообещал Фродо. — Ну, поднялись и в путь!

Выступив в полумраке, хоббиты, с редкими и короткими передышками, ковыляли по бездорожью всю ночь, а с первыми признаками рассвета забились в темную впадину под скальным выступом. Занялось утро, куда более ясное, чем в предыдущие дни. Сильный западный ветер упорно гнал прочь дымные мордорские тучи, и вскоре хоббиты смогли отчетливо разглядеть местность на несколько миль вокруг. Ущелье, разделявшее хребты Эфел-Дуат и Моргэй, становилось все уже, дно его поднималось все выше, и в конце концов оба кряжа срастались, так что внутренний превращался в длинный уступ, который лепился к более высокому внешнему, хотя с востока он так же круто обрывался к равнине Горгорот. Высохшее

русло сходило впереди на нет, пропадая среди скал, ибо там от главного хребта отходил протянувшийся на восток, как стена, голый каменистый отрог. Навстречу ему, от туманно-серого северного массива Эред-Литуи, выступал Айсенмут, за которым начиналась глубокая долина Удун. В этой котловине за Моранноном находились глубокие тоннели и подземные склады оружия, устроенные слугами Мордора для обороны Черных Врат. Ныне Властелин Тьмы поспешно собирал сюда несметные воинства, дабы отразить удар вождей Запада. На горных отрогах высились башни и горели сигнальные огни, а теснину перегораживали земляной вал и глубокий ров с одним-единственным узким мостом.

В нескольких милях севернее, на западном отроге, стоял древний замок Дуртанг, ставший теперь одним из многих окружающих Удун орочьих укреплений. Отходившая от него, ясно видимая в утреннем свете дорога сворачивала к востоку всего в паре миль от того места, где залегли хоббиты, и по карнизу сбегала на равнину к Айсенмуту. Чем больше хоббиты видели, тем яснее им становилось, что путь на север они проделали напрасно. На задымленной равнине не замечалось ни лагерей, ни перемещения войск, но вся она находилась под неустанным наблюдением крепостей Карах-Ангрена.

— Тупик, Сэм, — прошептал Фродо. — Отсюда нам ни на запад не подняться, ни на восток не спуститься. А единственная дорога ведет напрямик к крепости.

— Значит, напрямую и пойдем, — отозвался Сэм. — Испытаем удачу, ежели в Мордоре можно говорить об удаче. Назад-то нам уже всяко не вернуться, припасов не хватит. Стало быть, остается одно, идти вперед.

— Хорошо, Сэм, — уныло согласился Фродо. — Если у тебя еще осталась надежда, води меня. Я просто пойду следом.

— Прежде чем идти, сударь, вам нужно подкрепиться и поспать.

Сэм дал Фродо лепешку, напоил водой и устроил для него подушку, подложив под голову свернутый эльфийский плащ. Фродо слишком устал, чтобы возражать, во всем подчинился другу и даже не заметил, что съел двойную порцию лембаса, за себя и за Сэма, и выпил всю воду до последней капли. Сэм об этом предпочел промолчать. Когда Фродо уснул, он долго сидел, склонившись над хозяином, прислушивался к его дыханию и вглядывался в его лицо.

Исхудалое, испещренное морщинами, во сне оно все же выглядело мужественным и спокойным.

— Вы уж не обессудьте, сударь, — прошептал Сэм, — но я попытаю удачу. Без воды мы с вами далеко не уйдем, так что придется мне ненадолго оставить вас одного.

Он выбрался из укрытия и, переползая от камня к камню, с осторожностью, необычайной даже для хоббита, спустился к сухому руслу и некоторое время шел по нему вверх, к скальным уступам, по которым некогда каскадом сбегал небольшой поток. Теперь нигде не было видно и пятнышка влаги, но Сэм не желал сдаваться, лелея надежду, что источник, прежде питавший реку, не иссяк до конца. Он припал к земле, напряженно вслушался и, к полнейшему своему восторгу, действительно уловил слабое журчание. Вскоре он разыскал тонюсенькую темную струйку: вытекая из расщелины, она наполняла маленькую впадину, переливаясь через край, и терялась под россыпью камней.

Сэм попробовал воду, и она оказалась очень даже вкусной. Напившись вволю и наполнив флягу он повернулся, чтобы возвратиться назад, и в этот миг заметил мелькнувшую среди камней, неподалеку от убежища Фродо, черную тень. Едва сдержав крик, хоббит стремглав помчался к спящему другу, перепрыгивая с камня на камень. Успев заметить лишь мимолетное движение, он ничуть не сомневался в том, кто там движется, слишком уж хорошо он знал повадки этой опасливой и юркой твари.

— На сей раз удача меня не подвела, — пробормотал Сэм, убедившись, что Фродо цел и невредим. — Но, кажется, она на исходе. Мало того, что тут от орков не продохнуть, так теперь и этот паршивец вновь объявился. Какая жалость, что его так и не подстрелили!

Он долго сидел рядом с Фродо, не смея ни отойти, ни вздремнуть, и разбудил друга, лишь когда глаза стали закрываться сами собой.

— Боюсь, сударь, нас опять выследил Голлум, — первым делом предупредил Сэм. — А ежели то был не он, значит, их таких двое. Я тут за водой отошел, глянул назад, а он шасть — и пропал. Одновременно нам теперь спать нельзя, а у меня, прошу прощения, уже веки слипаются.

— Милый Сэм, — пробормотал Фродо. — Знаешь, по-моему, лучше уж Голлум, чем орки. Он нас не выдаст, по крайней мере, пока его не поймают.

— Ему и самому убить да ограбить ничего не стоит, — проворчал Сэм. — Держите ухо востро, сударь. Вот вам фляжка. Она полна, пейте вволю, потом еще наберем, — с этими словами он провалился в сон.

Проснулся он уже в сумерках. Фродо сидел, привалившись спиной к скале, и спал. Фляга опустела. Голлума поблизости не было.

Когда над Мордором снова сгустилась тьма и на горах яростно запылали красные сторожевые костры, хоббиты продолжили путь. Впереди ждал самый опасный отрезок. Сперва направились к источнику, а потом, осторожно поднявшись вверх, вышли к дороге там, где она сворачивала на восток к Айсенмуту, до которого оставалось миль двадцать. Дорога была неширокой, без всякого ограждения, и чем дальше, тем глубже становился обрыв у ее края. Хоббиты помедлили, напрягая слух, не уловили ничего тревожного и двинулись на восток.

Отшагав дюжину миль, они сделали короткий привал. Незадолго до этого места дорога сделала небольшой изгиб к северу, и пройденный отрезок пути уже скрылся из виду. Это обернулось бедой. Отдохнув несколько минут, друзья пошли дальше, но почти сразу же позади раздался звук, услышать который они боялись все время: топот множества ног. Он был еще не слишком близок, но, оглянувшись, хоббиты увидели, как из-за поворота появляются огни — множество факелов. Огни приближались быстро, слишком быстро, чтобы можно было спастись бегством.

— Этого я и боялся, Сэм, — сказал Фродо. — Мы положились на удачу, и она подвела нас. Вот мы и в ловушке.

Он растерянно смерил взглядом скальную стену, гладко обтесанную древними строителями, перебежал дорогу и заглянул в черную пропасть.

— Все пропало! — воскликнул он, в отчаянии опустил на землю возле отвесной стены и уронил голову на грудь.

— Похоже на то, — вынужден был согласиться Сэм. — Но ведь где наша не пропадала, сударь? Подождем, посмотрим... — с этими словами он сел в тени скалы рядом с Фродо.

Ждать пришлось недолго. Орки приближались широким шагом, шедшие впереди несли факелы. Сэм тоже склонил голову в надежде скрыть лицо, когда факельщики поравняются с ними, а щит выставил перед коленями, чтобы загородить совсем не орочьи ноги.

«Небось спешат, — думал он. — Что бы им пройти скорехонько мимо, да оставить в покое двух усталых воинов». Некоторое время казалось, что так и случится.

Орки в голове колонны шли, тяжело дыша, понурясь и не глядя по сторонам. Этих выходцев из низкорослых племен согнали в войско Темного Властелина против их воли, и у них было лишь одно желание — поскорее закончить переход и не угодить под кнут. Два огромных свирепых урука носились вдоль колонны взад и вперед, щелкая кнутами и подгоняя медлительных злобной бранью. Ряд проходил за рядом, факелы удалялись. Сэм затаил дыхание. Больше половины отряда уже прошло. Но тут один из надсмотрщиков заметил у обочины две фигурки.

— Эй, там! — заорал он, замахиваясь кнутом. — Встать!

Хоббиты не ответили, и он приказал колонне остановиться.

— Эй, вы, а ну сюда! — ревел урук. — Я вам покажу, как отлынивать! — он шагнул вперед и даже в темноте разглядел знаки на их щитах.

— Сбежать задумали, вот как! — прорычал он. — Или приказа не знаете? Всем вашим велено было собраться в Удуне еще вчера! Живо в строй!

Хоббиты с трудом поднялись и, сгорбившись, хромая, как пехотинцы, сбившие ноги во время долгого марша, заковыляли к хвосту колонны.

— Не туда! — рявкнул надсмотрщик. — В четвертый ряд от конца! И глядите у меня! Отстанете — пожалеете!

Он щелкнул над их головами длинным кнутом, и колонна быстрым шагом двинулась вперед.

Идти было нелегко даже бедному усталому Сэму, но для Фродо переход стал подлинным мучением. Стиснув зубы, он заставлял себя двигаться и ни о чем не думать. Потные орочьи тела невыносимо смердели, а вскоре хоббит стал задыхаться и от жажды. Приходилось

напрягать всю свою волю для того, чтобы дышать, переставлять ноги и отгонять мысль о том, к какому страшному концу неизбежно приведет этот полный страданий и тягот путь. Отбиться от колонны было невозможно. Надсмотрщик то и дело подбегал к ним и осыпал злобными насмешками.

— Что, лентяи, прибавилось прыти? — гоготал он, хлеща по ногам. — Где добрый кнут, ноги сами бегут! Держитесь! Это только начало. В вашем лагере вас так выпорют за опоздание, что вы темной ночи не взвидите. Может, поумнеете, а то вы вроде забыли, что сейчас война.

Через несколько миль, когда дорога стала полого спускаться к долине, Фродо окончательно выбился из сил. Ноги заплетались, он спотыкался на каждом шагу. В отчаянии Сэм пытался помочь хозяину, поддержать его, хотя чувствовал, что и сам недолго сможет поспевать за орками. Теперь он знал, что конец может наступить в любой момент: как только Фродо лишится чувств и упадет, все откроется и все их немыслимые усилия пойдут прахом.

«Хоть доберусь напоследок до этого уroda-кнутобойца», — подумал Сэм, но в тот самый миг, когда он уже нащупал рукоять меча, пришло неожиданное спасение. Они уже находились на равнине и приближались к проходу в Ундун. Немного впереди, у ворот перед мостом, дорога с запада сходилась с двумя другими, с юга и из Барад-Дура. По всем трем спешно двигались войска, ибо вожди Запада наступали, и Темный Властелин стягивал силы к северу. Случилось так, что к утопавшей в темноте развилке, куда не достигал свет костров со стен, одновременно подошли несколько отрядов. Тут же началась толчея и сумятица. Каждый отряд порывался пройти за ворота первым, ведь за ними ждал отдых. Никто не хотел уступать. Командиры орали, в воздухе свистели кнуты, перебранка быстро переросла в свалку: кое-где дело дошло до мечей. В довершении всего во фланг колонны из Дуртанга с ходу врезался отряд тяжело вооруженных уруков из Барад-Дура.

Боль и усталость не помешали Сэму смекнуть, как можно использовать возникшую неразбериху и давку. Он бросился на землю, увлекая за собой Фродо. Орки спотыкались и падали на них, рыча и ругаясь. На четвереньках хоббиты незаметно выбрались из толпы, с трудом перевалили через шедшую вдоль другого края дороги ограду и затаились.

Искать в темноте укрытие казалось делом бесполезным, однако Сэм понимал, что от дороги и от света факелов нужно убратся хоть немного подальше.

— Ну же, сударь, — шепнул он. — Отползем самую малость, а там отдохнем.

Последним отчаянным усилием Фродо приподнялся и прополз шагов двадцать, пока не наткнулся на какую-то неглубокую канаву. Он скатился туда и замер на каменистом дне, неподвижный, словно мертвец.

Глава 3.

РОКОВАЯ ГОРА

Свой рваный орочий плащ Сэм свернул и подсунул Фродо под голову, а лориэнским, улегшись поближе к хозяину, укрыл и его, и себя. Мысли хоббита тотчас унеслись в прекрасную страну эльфов — он надеялся, что даже в этой пустыне страха вышедшая из-под эльфийских рук ткань не утратила своих чудесных свойств и поможет им остаться незамеченными.

Крики и шум, доносившиеся с дороги, стихали по мере того, как войска проходили через Айсенмут. Беглецов, похоже, до сих пор не хватило — в сутолоке разноплеменных отрядов было не до того.

Сэм отпил глоток, влил несколько капель в рот Фродо, а когда тот немного пришел в себя, уговорил хозяина попить еще и даже съесть целую лепешку. Потом оба уснули, усталость пересилила страх. Спали, впрочем, недолго и беспокойно, все время ворочаясь. Жесткие камни впивались в тело, к тому же на марше хоббиты вспотели, а теперь начали зябнуть. С севера, от Черных Врат, через Кирит-Горгор веяло холодом.

Рассвет был серым и хмурым. Западный ветер по-прежнему продувал высокогорье, но в обнесенных, укрытых за скальной оградой Темной Страны долинах воздух оставался неподвижным и затхлым. Несмотря на прохладу, было душно.

Осторожно высунувшись из канавы, Сэм окинул взглядом унылую, плоскую, безжизненную равнину. Дороги опустели, но Сэм боялся, что зоркие часовые могут заметить хоббитов с высившейся не более чем в миле к северу стены Айсенмута. Вдалеке, на юго-востоке, темной тенью выростала Гора. Она дымилась: клубящиеся тучи поднимались к небу, и их сносило на восток, или стекали вниз по склонам и стелились над землей. В нескольких милях к северо-востоку мрачными серыми призраками вставали Пепельные горы, а за ними почти сливались с небосклоном мглистые северные кряжи.

— Миль пятьдесят будет, никак не меньше, — хмуро пробормотал Сэм, прикинув расстояние до грозной Горы. — Быстрее, чем за неделю, не добраться, Фродо-то совсем плох... — он тоскливо

покачал головой.

До сих пор, даже в самые тяжкие минуты отважный и стойкий хоббит ни разу не расставался надолго с надеждой на возвращение домой, но сейчас ему открылась горькая истина — в самом лучшем случае припасов могло хватить только до Горы. Осуществив задуманное, они останутся посреди ужасной пустыни без пищи и крова. Пути назад нет.

«Ну что ж, — подумалось Сэму, — что-то такое я чувствовал с самого начала. Взялся за дело, чтоб помогать хозяину, а коли в конце придется умереть вместе — так тому и быть. Жаль, конечно. Мне бы страшно хотелось увидеть еще хоть разок Заручье и Розы Сдружень с братьями, и Старбенья моего, и тетушку Бархатец, и всех прочих... Но нет, не может быть, чтоб Гэндальф этак вот взял да и послал Фродо на верную погибель. Была надежда вернуться, как пить дать была. Эх, кабы не сунулся старина Гэндальф в эту проклятушую Морию, не сгинул бы там, он нас отколь угодно бы вытащил».

Рассчитывать было не на что, но хоть Сэму казалось, что в его сердце затухла последняя искорка надежды, она вдруг, нечаянно-негаданно, вспыхнула вновь. Простоватое лицо сделалось строгим, почти суровым, воля окрепла, а тело напряглось, словно хоббит превратился в некое существо из камня и стали, над которым не властны ни отчаяние, ни усталость, ни несчетные мили.

Он еще раз оглядел равнину, обдумывая следующий шаг. К тому времени стало чуточку светлее, и Сэм с удивлением обнаружил, что местность вокруг отнюдь не такая ровная и гладкая, как казалось поначалу. Рывин и ям имелось более чем достаточно. Горгорот выглядел так, словно, прежде чем здешняя почва окаменела, на нее обрушился град чудовищных валунов, оставив в память о себе множество воронок. От самых больших, окруженных валами вывороченной породы, во все стороны разбегались широкие трещины. Двигаясь где ползком, где перебежками, можно было рассчитывать укрыться и от самого зоркого глаза, хотя такой способ больше годился для того, кто силен, бодр и не слишком спешит. Голодным, усталым, загнанным хоббитам он сулил мало хорошего, но не помирать же, сидя на месте.

Обдумав все это, Сэм повернулся к Фродо. Тот лежал навзничь, с открытыми глазами, уставясь в облачное небо.

— Сударь, — привлек его внимание Сэм. — Я тут осмотрелся, малость пораскинул мозгами и скажу вам вот что: не худо бы нам убраться отсюда, пока на дорогах пусто. Вы как, идти-то сможете?

— Смогу, — вяло отозвался Фродо. — Должен смочь.

И снова начался изматывающий путь. Прячась по расщелинам, таясь за холмиками, где ползком, где перебежками, хоббиты медленно продвигались к подножию северной гряды. Довольно долго рядом с ними тянулась восточная дорога, но потом она стала отклоняться, держась предгорий, и наконец ушла в черневшую далеко впереди тень. Но ней не появлялось ни людей, ни орков, ибо Темный Властелин почти закончил передвижение войск и, кроме того, даже в собственных владениях предпочитал действовать под покровом ночи. Он боялся обратившихся против него ветров свободного мира, что неустанно разрывали завесы мрака, и был слегка обеспокоен донесениями о проникновении в его страну дерзких, сумевших преодолеть все преграды вражеских лазутчиков.

С огромным трудом хоббитам удалось одолеть несколько миль, а когда они остановились, Сэм по изможденному виду Фродо понял, что путь по бездорожью, то ползком, то рывком, скоро доконает хозяина.

— Сударь, вернемся-ка на дорогу, пока светло. Положимся на удачу. В последний раз она чуть нас не подвела, но ведь не подвела же. По ровному месту идти не то, что по колдобинам, еще несколько миль оттопаем, а там и отдохнем.

Пожалуй, это было слишком рискованно, но Фродо возражать не стал: истомленный непосильной ношей, доведенный до крайности внутренней борьбой и отчаянием, он уже не обращал внимания на опасность. Взобрались на насыпь и устало поплелись по твердой, беспощадно открывавшей их всякому взору дороге, что вела напрямик к Черной Башне. И снова удача не изменила: за весь день не встретилось никого живого, а с приходом ночи хоббиты с дороги свернули и затерялись во мраке. Между тем в воздухе чувствовалось напряжение, словно местность предчувствовала грозную бурю. Вожди Запада уже миновали Перекресток и предали огню мертвые луга Имлад-Моргула.

Отчаянное путешествие продолжалось: Кольцо двигалось на юг, а знамена короля Гондора — на север. Силы хоббитов убывали:

каждый новый день был горше предыдущего, каждая миля давалась труднее и труднее. Днем враги не появлялись, зато ночами, укрывшись в стороне от дороги, Фродо и Сэм слышали доносившиеся с нее крики, топот множества ног или цокот копыт. Но пугало не это: с каждым шагом все острее становилось ощущение затаившейся впереди угрозы, что исходила от недремлющей Силы, погруженной в злобные раздумья за темной завесой вокруг своего трона. По мере приближения стена мрака становилась все непрогляднее и чернее, словно близилась последняя ночь мира.

В тот вечер, когда вожди Запада приблизились к рубежам мертвых земель, несчастные путники дошли до полного изнеможения. От орков они ускользнули четыре дня назад, и все это время осталось у них в памяти как непрерывный кошмарный сон, с каждым мигом становившийся все страшнее и страшнее. За последний день Фродо не вымолвил ни слова. Он шел, сгорбившись и спотыкаясь чуть ли не на каждом шагу, словно не видел земли под ногами. Сэм догадывался, что превыше прочих невзгод хозяина тяготила возрастающая тяжесть Кольца, терзавшего и сердце, и тело. С тревогой замечал он, как левая рука Фродо все чаще поднимается, словно для того, чтобы прикрыться от удара или заслонить глаза от сияющего заглянуть в них ужасного Ока. Правая рука прижималась к груди, нащупывая цепочку, но всякий раз опускалась, будто воля хоббита возвращалась и снова брала верх.

Сейчас, когда вернулась ночная тьма, Фродо сидел, свесив голову до колен и бессильно уронив руки. Сэм не отрывал от него сочувственного взгляда, пока ночь не сделала хоббитов невидимыми друг для друга. Он не знал, как приободрить хозяина, не находил слов утешения, а потому обратился к собственным невеселым раздумьям. У самого-то у него, несмотря на усталость и постоянный страх, еще оставались кое-какие силы. Лембас обладал свойством, без которого хоббиты, пожалуй, давно легли бы посреди пустыни и стали дожидаться смерти. Голода лембас не утолял, и порой Сэм подолгу не мог думать ни о чем другом, кроме как о ломте хлеба, не говоря уж о кусочке мяса, но в отсутствие какой-либо другой пищи все ярче проявлялась способность эльфийских дорожных галет укреплять волю, поддерживать терпение и придавать духу силу повелевать изможденным телом.

Пришло время принимать новое решение. Путники не могли и дальше держаться дороги, ибо она уходила на восток, под завесу

Тени, тогда как Гора теперь высилась по правую руку от них, почти прямо на юге. Нужно было сворачивать. И путь туда пробежал через мертвую, дымящуюся, засыпанную пеплом равнину.

— Вот бы воды! — пробормотал Сэм, едва ворочая пересохшим, распухшим языком.

Он давно ограничивал себя в питье, но воды оставалось уже не больше половины фляжки, а идти предстояло еще не один день. Впрочем, вода давно бы кончилась, не решились бы воспользоваться орочей дорогой, вдоль которой для проходящих безводной пустыней войск через каждые несколько миль были устроены колодцы. Прошедшие в последнее время многочисленные отряды вычерпали их почти досуха, но все же в одном Сэм ухитрился набрать воды — мутной, грязной, однако же пригодной для питья. Но с той поры прошел целый день, а найти воду в пустыне нечего было и надеяться. Наконец утомленный своими заботами, Сэм отложил их на утро и заснул. Во сне ему виделись огни, похожие на горящие алчной злобой глаза, и темные ползучие тени. Звериные шорохи сменялись душераздирающими криками, наводившими на мысль о пытках. Путая сон и явь, Сэм несколько раз вскакивал, но видел вокруг лишь непроглядную тьму. Лишь единожды он, озираясь, приметил поодаль бледные, смахивающие на глаза огоньки, но, возможно, то было лишь продолжение сна. Спустя мгновение огоньки исчезли.

Ненавистная ночь отступала медленно и неохотно. Рассвет был блеклым и тусклым, ибо вблизи Горы ему противились извергаемые ею дымные тучи и наплывавшие со стороны Барад-Дура тени, свитые вокруг Сауроном. Фродо лежал на спине, не двигаясь. Сэм стоял над ним: он предпочел бы дать хозяину отдохнуть подольше, но знал, что должен пробудить его волю, чтоб тот смог сделать еще одно усилие. Наконец он наклонился, погладил Фродо по лбу и шепнул ему на ухо:

— Проснитесь, сударь. Пора идти.

Фродо поднялся, первым делом поглядел на юг, но, увидев Гору и лежащую перед ней пустыню, горестно вздохнул.

— Я не могу, — дрожащим голосом произнес он. — Это такая тяжесть, такая тяжесть...

Сэм понял, что слова делу не помогут, разве что навредят, но его терзала жалость, а ничего лучшего в голову не приходило.

— Позвольте, сударь, я его за вас понесу, — неуверенно

предложил он. — Я бы с радостью, покуда сил хватит...

— Прочь! — закричал Фродо с безумным блеском в глазах. — Прочь! Не прикасайся ко мне! Оно мое! Убирайся!

Рука его дернулась к рукояти меча, но в следующий миг голос изменился.

— Нет, Сэм, — печально промолвил он. — Пойми, это моя ноша, и я ни на кого не могу ее переложить. Сэм, дорогой, слишком поздно. Ты мне уже не поможешь. Оно почти овладело мной. Самому мне от него не отказаться, а попробуешь отобрать — я сойду с ума.

— Понятно, — кивнул Сэм. — Но вот что я, сударь, думаю: есть ведь и другие вещички, от которых мы отказаться можем. Нам ведь теперь прямиком туда... — он взглянул на Гору... — так почему бы слегка не облегчить путь? Какой смысл тащить с собой то, что нам наверняка не понадобится?

Фродо тоже посмотрел на Гору.

— И то сказать, — согласился он. — На этом пути нам мало что понадобится. А в конце так и вовсе ничего.

Он отшвырнул орочий щит, снял и отбросил в сторону шлем и расстегнул тяжелый пояс, который упал на землю вместе с висевшим на нем мечом. Черный плащ Фродо порвал в клочья и пустил по ветру.

— Все! — воскликнул он. — Не буду я больше орком! И не возьму никакого оружия, ни злого, ни доброго. Пусть хватают меня, если хотят!

Сэм тоже снял орочье снаряжение, а потом вынул кое-что из свой котомки. Каждая вещица была ему дорога, хотя бы потому, что он проделал с ними такой долгий и опасный путь. Тяжелее всего было расставаться с кухонной утварью — при одной мысли к глазам подступали слезы.

— Помните того кролика, сударь? — спросил он. — Которого я стушил для вас в Итилиэне, в тот день, когда мы встретили Фарамира и увидели олифанта?

— Боюсь, что нет, — грустно отозвался Фродо. — Я, конечно, знаю, все это было, но для меня как бы и не наяву. Ничего подобного мне уже не представить. Вкус еды, травы, цветы, деревья, свет луны

или звезд — все стало ненастоящим. Настоящее — это огненное колесо. Я словно голый, и между мною и им ничего нет. Теперь я вижу его постоянно, а все прочее тускнеет.

Сэм взял руку Фродо и прижал ее к своим губам.

— Значит, чем скорее мы избавимся от него, тем скорее отдохнем, — пробормотал он и, добавив уже для себя, что «болтовня делу не подспорье», принялся собирать разбросанные вещи. Оставлять их на виду ему не хотелось.

— Вонючка уже разжился кольчугой, — рассуждал он, — не хватало теперь, чтобы ему достался еще и меч. Ручонки у него даром что тощие, а бед могут натворить без всякого оружия. И котелков моих он не получит.

С этими словами Сэм отнес весь скарб к одной из зияющих расщелин и зашвырнул туда. Лязг падавших во тьму драгоценных котелков звучал для него погребальным звоном.

Вернувшись к Фродо, он подпоясал хозяина отрезом эльфийской веревки, а остаток бережно свернул и убрал в котомку, где лежали фляга с водой да остатки лембаса. Сэм не стал снимать с пояса Жало, а во внутреннем нагрудном кармане оставил спрятанный фиал и коробочку, которую подарила ему Галадриэль.

Приготовления закончились. Путники обратили лица к Горе и двинулись вперед, не заботясь больше о скрытности — вся их воля, все помыслы были сосредоточены на том, как дойти до цели. Впрочем, чтоб увидеть хоббитов в покрывавшем равнину мгlistом сумраке, надо было на них наткнуться. Предупредить Темного Властелина об опасности, о том, что к самому сердцу его владений приближаются с неведомой целью маленькие, но отважные враги, могли бы назгулы, но они находились далеко. Их черные крылья реяли над головами воинов Запада, там, куда были обращены мысли Властелина Темной Башни.

Сэму казалось, что в тот день Фродо обрел новые силы, и не просто потому, что избавился от лишней поклажи. Хотя идти приходилось по каменистой, в рытвинах и трещинах пустыне, Гора приближалась быстрее, чем он рассчитывал. Но ближе к вечеру, едва стал убывать и без того слабый свет, Фродо снова начал горбиться и спотыкаться, словно дневной бросок стоил ему слишком больших усилий.

На последнем привале он просто рухнул на землю, с трудом пролепетал:

— Я хочу пить. Сэм, — и тут же умолк.

Сэм дал ему глоток; воды во фляге теперь оставалось на доньшке. Сам он даже не смочил губ и потому, когда над ними снова сомкнулась крошечная мордорская тьма, мог думать только о воде. В ушах стоял плеск речных волн и звон струй, мысленному взору представляли все виденные им в жизни водоемы — реки и озера, ручьи и колодцы, лужицы и болотца. Солнечный свет дробился на их поверхности, яркие блики резали глаза под опущенными веками. Ступни ощущали влажный прохладный ил, как бывало в Заручье, когда он шлепал по мелководью в компании молодых Сдружней — Джолли, Тома, Нибса да их сестрицы Розы.

— Давненько это было, — вздохнул Сэм, — и далековато. А дорога домой, ежели она вообще есть, никак не минует Гору.

Сон не шел, и хоббит говорил сам с собой, а точнее, спорил с каким-то гадким внутренним голосом. «Что ж, дело пошло лучше, чем я ожидал, — уверял себя Сэм, — начало, во всяком случае, недурное. Мы сегодня, пожалуй, половину пути отмахали. Еще один день, и...» — тут он осекся. «Не будь дураком, Сэм Гужни, — встрял его собственный голос, — еще одного такого дня хозяину не выдержать. Неизвестно, сможет ли он вообще идти. Да и тебя надолго не хватит, если будешь отдавать ему всю воду и почти всю еду». — «А вот и хватит. Я могу идти и пойду!» — «Куда?» — «К Горе, куда же еще?» — «А дальше что, Сэм Гужни? Что дальше? Ну доберетесь вы до Горы, а что ты там делать будешь? Сам-то он уже ни на что не способен».

Со страхом Сэм понял, что ответа на этот вопрос у него нет. Фродо на сей счет особо не распространялся; Сэм только и помнил, что Кольцо надлежит бросить в огонь. «Там Бездна какая-то, — пробормотал он, припоминая где-то слышанное название, — где ее искать, я без понятия, может, хозяин знает». «То-то и оно! — послышалось в ответ. — Тужитесь, тужитесь, а все попусту. Он сам так говорил, разве нет? Только ты и надеешься невесть на что, а какой от твоей дурацкой надежды прок? Кабы не твое упрямство, все мучения для вас давно бы закончились. Все едино помрете, если не хуже. Чем страдать, не лучше ли лечь прямо здесь, заснуть и не просыпаться? Все равно до вершины вам нипочем не добраться». «Я

доберусь! — упорствовал Сэм. — Пусть от меня одни кости останутся, я доберусь. А хозяина понесу, и буду нести, пока сердце не лопнет или хребтина не переломится. И хватит, разговор окончен!»

В этот миг земля под ним содрогнулась, и хоббит услышал отдаленный рокот, словно раскат заточенного под землей грома. Красный отблеск озарил тучи и угас. Гора тоже спала беспокойно.

Сэм даже вообразить не мог, каким мучительным окажется последний день пути к Ородруину. Болело у него решительно все, а во рту пересохло так, что он не мог проглотить ни крошки. Далеко на юго-востоке и черном небе сверкали молнии — похоже, надвигалась гроза. Но хуже всего было то, что с каждым шагом становилось все труднее дышать. Извергаемый Горой едкий дым обжигал горло и ноздри.

Глаза у хоббитов слезились, головы шли кругом, то и дело они спотыкались и падали. Но несломленная воля продолжала вести их вперед. Гора вырастала: скоро она заслонила собой все и вздымалась над ними чудовищным нагромождением пепла, застывшей лавы и опаленных камней, из которого к облакам возносился остроконечный конус. Прежде чем длившиеся весь день сумерки сменились настоящей ночью, хоббиты доковыляли до самого подножия.

Задыхаясь, Фродо рухнул на землю. Сэм сел рядом и, хотя усталость не проходила, с удивлением почувствовал странное облегчение. Голова прояснилась, никакие споры его более не занимали. Зная, какие доводы приводит отчаяние, он попросту не желал их слушать, и остановить его могла одна только смерть. Ему больше не требовался даже сон, а мысли сводились к одному — следующий день решит все. Только вот когда он настанет, этот день?

Ночь казалась нескончаемой, словно само время прекратило свой ход. Минута за минутой, час за часом уходили в ничто, не принося перемен. Сэм начал подумывать, что вернулась Сауронова Тьма и утро больше не наступит. Нашарив руку Фродо, он почувствовал, что хозяин дрожит от холода.

— Эх, зря мы выбросили одеяла, — сокрушенно пробормотал Сэм.

Он крепко прижался к Фродо, пытаясь согреть того своим телом, и незаметно уснул. Так, лежащими рядом в обнимку, их и застал

тусклый рассвет последнего дня пути. Ветер переменился. Теперь, постепенно усиливаясь, он дул с севера, а свет невидимого солнца просачивался сквозь дымную мглу.

— Пора! — сказал Сэм, с трудом поднимаясь на ноги. — Последний рывок!

Склонившись над Фродо, он мягко потряс хозяина за плечо. Тот застонал, привстал, но тут же упал на колени. Некоторое время он смотрел на мрачные склоны высившейся над ним Роковой горы, а потом молча пополз вперед на четвереньках. У Сэма сердце зашлось от жалости, однако покрасневшие, воспаленные глаза остались сухими.

— Я сказал, что буду нести его, пока хребтина не переломится, — пробормотал он, — и понесу! Сударь! — окликнул он Фродо. — Если мне нельзя нести его вместо вас, так я понесу вас вместе с ним. Вставайте, да залезайте мне на спину. Сэм доставит вас куда нужно, только скажите, куда.

Фродо слабо ухватился руками за шею, Сэм прихватил покрепче под мышками его ноги и с трудом поднялся, но дивясь тому, сколь легка его ноша. По правде сказать, он не был уверен в том, что осилит даже собственный вес хозяина, и с содроганием представлял, как навалится на него чудовищная тяжесть Кольца, но ничего подобного не произошло. То ли Фродо от голода, скитаний и страхов иссох так, что стал легче перышка, то ли самому Сэму была дарована некая новая сила, но Фродо он нес играючи, как, бывало, на лужайках Хоббитании нашивал на закорках хоббитят.

Подойдя к Горе с севера, Сэм слегка отклонился к западу, где склоны, хоть и сильно разрушенные, были довольно пологими. Фродо молчал, и Сэму не оставалось ничего другого, как попытаться подняться как можно выше. Пыхтя и спотыкаясь, он пробирался между нагромождениями камней, и даже когда подкосились вконец уставшие ноги, некоторое время карабкался на четвереньках, как улитка с домиком на спине. Лишь когда не осталось сил даже ползти, Сэм остановился и бережно пустил Фродо наземь.

Тот открыл глаза и вздохнул полной грудью, благо хоббиты уже поднялись над стелившимся по равнине дымом и воздух здесь был заметно чище.

— Спасибо, Сэм! — слышался прерывистый шепот. — Еще

далеко?

— Не знаю, — отозвался Сэм, — потому как понятия не имею, куда мы идем.

Он оглянулся, потом посмотрел вверх и поразился тому, как далеко завело его последнее усилие. Зловещая Гора в действительности была ниже, чем казалось с равнины, явно ниже высоких перевалов Эфел-Дуат, которые они с Фродо преодолели. Изрезанные, загроможденные скальными обломками склоны поднимались над равниной тысячи на три локтей, а под ними, подобно увенчанной зазубренным колпаком дымовой трубе, примерно на половину этой высоты возносился центральный конус. Сэм осилил уже более половины склона, и задымленная, окутанная тенями долина Горгорота осталась далеко внизу. А когда хоббит поднял глаза, с его пересохших губ едва не сорвался крик — наверху, среди расщелин и глыб, отчетливо виднелась тропа. Она поднималась с запада, петлями обвивала Гору и заканчивалась где-то на восточной стороне конуса. Сэм понял, что стоит им вскарабкаться чуть повыше, и дальше они смогут идти ровной дорогой. И смогут-таки взойти на Гору. В сердце вернулась надежда.

— Ее как нарочно для нас устроили, — пробормотал он себе под нос, — иначе бы нам нипочем доверху не добраться.

Конечно, тропу проложили отнюдь не для хоббитов. Сэм и не догадывался, что смотрит на Сауранову Дорогу, что вела от Барад-Дура к Саммат-Наур, Огненному Чертогу. Выбегая из огромных западных ворот Темной Башни, она проходила по перекинутому через бездонную пропасть стальному мосту, лига за лигой тянулась по равнине меж двумя дымящимися провалами, спиралью взбиралась на Гору и ныряла в темный проем в стене конуса, смотревший на восток, прямо на Бойницу Ока в окутанной тенью твердыне Саурана. Потоки лавы и камнепады нередко загромождали тропу, но бесчисленные рабы снова и снова приводили ее в порядок.

Сэм глубоко вздохнул. До дороги еще предстояло как-то добраться. Решив, что первым делом следует отдохнуть и успокоить ноющую спину, он растянулся на земле рядом с Фродо. Некоторое время оба лежали молча. Светлело. И вдруг — откуда это взялось, Сэм так и не понял — он остро ощутил необходимость действовать немедленно, словно кто-то настойчиво зывал к нему: «Сейчас, а не то будет поздно!». Собравшись с духом, он встал. Фродо, как будто

вняв тому же призыву, с трудом поднялся на колени.

— Я поползу, Сэм, — выдохнул он.

Как маленькие букашки, они, цепляясь за каждый выступ, вскарабкались по склону и достигли тропы. Она оказалась широкой, вымощенной плотно утрамбованным щебнем и пеплом. Выбравшись на нее, Фродо, словно повинаясь какому-то приказу, медленно повернулся лицом к востоку. В тот самый миг яростный порыв ветра из внешнего мира сдвинул темневшую вдали густую завесу мрака, и он увидел черные — чернее скрывавших их теней — остроконечные шпили и железный венец высочайшей из башен Барад-Дура. Багровый всплох — отблеск всепрорезающего Ока — ударил на север из находившейся на невероятной высоте бойницы, и твердыня снова скрылась во тьме. Устрашающее видение исчезло. Око не обратилось к Горе, ибо внимание Темной Силы было приковано к северу, к выжидавшим у Мораннона вождям Запада, на которых вот-вот должен был обрушиться сокрушающий последний удар. Но Фродо хватило и увиденного. Он упал как подкошенный, и рука его сама собой потянулась к цепочке на шее.

Опустившись рядом с ним на колени, Сэм с трудом разобрал еле слышный шепот.

— Помоги мне, Сэм! Помоги! Удержи мою руку! Мне с ней не справиться!

Сэм взял его руки, сложил ладонь к ладони, поцеловал, а потом ласково, но крепко сжал их между своими. «А вдруг Он заметил нас? — пришло ему в голову. — Коли так, Сэм Гужни, конца ждать недолго. И это будет конец всему».

Он снова поднял Фродо на спину, прижал покрепче его руки к своей груди, согнулся и зашагал вверх по дороге. Идти оказалось не так-то просто. По счастью, извержение, которое Сэм видел с Кирит-Унгола, затронуло в основном западные и южные склоны. С этой стороны дорогу не завалило камнями и не залило лавой, но во многих местах ее пересекали широкие трещины. Там, где дорога резко сворачивала на запад, она проходила сквозь выветренный утес — глыбу застывшей магмы, извергнутой Горой в незапамятные времена. Задыхавшийся под своей ношей Сэм уже миновал было поворот, когда краешком глаза приметил, как с утеса сорвалось что-то похожее на маленький черный камень.

Отскочить хоббит не успел. Обрушившаяся сверху тяжесть сбила его с ног. Он упал ничком, ободрав тыльные стороны рук, и тут же понял, что произошло, ибо услышал ненавистный голос.

— Гадкий хозяин! Обманул нас, обманул Ссмеа-голла, голлум, голлум. Он не смеет ходить сюда, не смеет вредить прелессти. Пусть отдасст!

Вскочив, Сэм мгновенно выхватил меч, но сделать ничего не мог. Фродо и Голлум сцепились в схватке. Голлум отчаянно порывался сорвать цепочку и завладеть Кольцом, но, наверное, только это — нападение, попытка силой отобрать сокровище — могло пробудить угасавшие волю и отвагу Фродо. Он отбивался с яростью, неожиданной ни для Сэма, ни тем паче для Голлума. Да и Голлум уже был не таким, как прежде. Гонимый всепожирающим вождением и беспощадным страхом, он прошел ужасными тропами голода, жажды и одиночества, превратившими его в изможденное, иссохшее существо, более всего походившее на обтянутый кожей скелет. Дикое пламя еще полыхало в его глазах, злоба оставалась прежней, но она больше не подкреплялась хваткой и силой. Фродо вырвался и дрожа вскочил на ноги.

— Прочь, прочь! — промолвил он, тяжело дыша и нащупывая Кольцо сквозь кожаную рубашку. — Прочь с дороги, ползучая тварь! Твое время вышло! Теперь ты не можешь ни предать меня, ни убить.

Внезапно, как уже было на Эмин-Мюил, Сэм увидел обоих соперников иным зрением. На земле, пресмыкалось нечто жалкое, едва ли большее, чем тень живого существа, а над этой поверженной, хотя все еще алчущей и злобствующей тварью возвышалась суровая, не ведающая жалости фигура, облаченная в белое и с огненным колесом на груди. И прямо из огня звучал властный голос.

— Сгинь и не тревожь меня больше! Посмей лишь прикоснуться ко мне, и падешь в Бездну Рока!

Припавшая к земле тварь попятилась. Глаза были полны ужаса, но в них все равно проглядывало неутолимое желание.

Тут видение исчезло, и взору Сэма предстали прижавший руку к груди Фродо и стоявший на четвереньках у его ног Голлум.

— Берегись! — крикнул Сэм. — Сейчас прыгнет! — он шагнул вперед, замахиваясь мечом, и снова закричал: — Скорее, сударь! Уходите! Не теряйте времени! С ним я разберусь! Идите!

Фродо взглянул на него будто издалека.

— Да, — отрешенно промолвил он, — я должен идти. Прощай, Сэм. Вот и конец. На Роковую гору падет рок. Прощай!

Он повернулся, выпрямился и медленно пошел вверх по тропе.

— Так! — произнес Сэм. — Наконец-то я с тобой разделаюсь! — сделав еще шаг, он занес меч.

Но Голлум не прыгнул, а припал к земле и заскулил.

— Не убивай нас! Не делай нам больно! Дай нам пожить, да, пожить чуть подольше. Все пропало! Нас нет! Без прелессти мы умрем, да, обратимся в прах! — длинными костлявыми пальцами он зачерпнул с тропы пригорошню пепла и еще раз прошипел: — В прахх...

Рука Сэма дрогнула. Сердце его наполнилось праведным гневом: прикончить на месте гнусного предателя и убийцу казалось единственно правильным, разумным и справедливым исходом. Но в уголке сердца вдруг всколыхнулось нечто, не позволившее нанести удар. Лежавшее перед ним в пыли, раздавленное, лишившееся всего ничтожество больше не вызывало ненависти. Он сам, хоть и недолго, носил Кольцо, а потому смутно догадывался о муках Голлума, навеки поработленного Кольцом и уже не способного освободиться и обрести покой. Только вот подходящих слов, чтобы выразить эти непростые чувства, у Сэма не было.

— Будь ты проклят, Вонючка! — сказал он. — Убирайся! Я тебе не верю, так что уматывай поживее, не то я непременно сделаю тебе больно, да, да, больно.

Голлум поднялся на четвереньки, попятился, повернулся и, прежде чем хоббит успел залепить ему на прощанье пинка, припустил вниз по тропе. Сэм тут же выбросил Голлума из головы — он вспомнил о Фродо. Того видно уже не было, и Сэм из последних сил заспешил вверх. Он не оборачивался, а иначе мог бы заметить, что Голлум повернул обратно и теперь, с безумным блеском в глазах, осторожно, но быстро крадется следом, тенью мелькая среди камней.

Некоторое время тропа шла прямо вверх, а потом, за поворотом к востоку, открылся склон конуса с темной пещерой — входом в Огненный Чертог. Вдали, за дымной пеленой, поднималось тускло-красное солнце, но Гору окружали мгла и мертвое безмолвие, словно

весь Мордор замер в ожидании страшного удара.

— Фродо! Сударь! — позвал Сэм, заглянув в зияющий зев пещеры.

Там было темно. Изнутри тянуло жаром, воздух сотрясал глухой рокот. Ответа хоббит не получил. С бьющимся от безумного страха сердцем он замер на миг у входа, а потом ринулся в темноту. Неотступная тень проскользнула следом.

Поначалу Сэм ничего не увидел. Дрожащей рукой он достал фиал Галадриэли, но звездный светоч был бледен, холоден и не разгонял удушливого мрака. Здесь, в самом сердце владений Саурона, в кузнице древней, величайшей в Средиземье мощи, даже эльфийская магия не имела силы. Преодолевая страх, Сэм неуверенно сделал в темноте несколько шагов, и тут впереди вспыхнуло и взметнулось к черному высокому своду красное пламя. Хоббит увидел, что находится в длинной, наподобие тоннеля, пещере, уходящей глубоко в дымящийся конус Горы. Впереди, совсем неподалеку от входа, стены и пол рассекала глубокая трещина. Оттуда, то вздымаясь, то опадая, вырывались языки пламени, а снизу беспрерывно слышался мерный рокот, словно там работала какая-то чудовищная машина.

Пещеру осветил очередной сполох, и возле трещины, на самом краю Бездны Рока, Сэм углядел черневшую на фоне ослепительного багрового зарева фигуру Фродо. Тот стоял неподвижно, словно обратившись в камень.

— Хозяин! — позвал Сэм.

Фродо шевельнулся и заговорил. Голос его, могучий и звучный, какого Сэм никогда прежде не слышал, гремел, эхом отдаваясь от стен и перекрывая рокот Горы.

— Я пришел, — возгласил он, — но того, для чего был послан, делать не стану. Кольцо мое! — с этими словами Фродо надел Кольцо на палец и исчез.

Сэм и ахнуть не успел, как одновременно произошло множество событий.

Что-то ударило его в спину с такой силой, что он упал, ударившись головой о каменный пол. В глазах померкло, и он не видел перескочившей через него и метнувшейся в глубь пещеры

темной фигуры.

А в Барад-Дуре в тот миг, когда Фродо в Огненном Чертоге надел Кольцо и объявил его своим, сам Темный Властелин содрогнулся, и вместе с ним, от основания до железного венца на высочайшей из башен, содрогнулась и его твердыня. Пронзая Тьму, Око обратилось к Саммат-Наур и узрело все. В ошеломляющем озарении Саурон постиг и замысел врагов, и свою собственную роковую оплошность. Ярость его была подобна неукротимому пламени, но страх душил Темного Властелина черным дымом, ибо он ведал, сколь гибельна угроза и сколь тонка нить, удерживающая ныне его судьбу.

Хитросплетения измен и коварства, запугивания и посулы, военные приготовления и планы — все это оказалось ненужным. Дрожь пробежала по всему Мордору — рабы затрепетали, войска остановились, а их вожди, неожиданно лишившись направляющей воли, заколебались и впали в смятение. Саурон забыл о них, выбросил из своего сознания, всей своей мощью обратившись к Горе. Туда, на юг, к Огненному Чертогу, повинувшись его мысленному приказу, с быстротой отчаяния понеслись на обгоняющих ветер крыльях назгулы.

Сэм встал. Еще наполовину оглушенный, он стер ладонью сочившуюся из ссадин на голове и заливавшую глаза кровь, шагнул вперед и увидел диковинное, жуткое зрелище. На самом краю бездны Голлум с безумным ожесточением сражался с невидимым противником. Он качался, чуть не срываясь в пропасть, отступал, падал, поднимался и снова падал. И все время шипел, но не произносил ни слова.

Огонь глубин пробудился и теперь грозно ревел, заполняя пещеру слепящим светом и нестерпимым жаром. Неожиданно Сэм увидел, как Голлум с усилием, словно подтаскивая что-то, поднес свои длинные руки ко рту. Блеснули и сомкнулись острые зубы, и в тот же миг раздался крик Фродо. Уже видимый, он стоял на коленях у края пропасти. А Голлум выплясывал, как сумасшедший, высоко держа Кольцо, все еще надетое на откушенный палец хоббита. Оно сияло, будто и впрямь было выковано из живого огня.

— Прелесть! Прелесть! Прелесть! — выкрикивал Голлум. — Моя прелесть! О моя прелесть! — не сводя жадных глаз с вожаемой добычи, он оступился, качнулся, застыл на мгновение

на краю бездны и с пронзительным воплем полетел вниз. — Прелесть! — донесся в последний раз его крик.

В недрах Горы раскатисто гроыхнуло, ревушие языки пламени взметнулись к самому потолку. Гора содрогнулась. Сэм побежал к Фродо, подхватил его и помчался к выходу. А там, на темном пороге Саммат-Наур, над равнинами Мордора, он замер, позабыв обо всем на свете, и только смотрел, каменя от страха и изумления.

Перед его взором вихрилась чудовищным смерчем туча, из глубин которой проглядывали могучие башни и бастионы, вырастающие прямо из горы и нависавшие над бездонными пропастями, глухие темницы, прорубленные в скалах ворота с огромными железными створами. В следующий миг все исчезло. Башни рухнули, горы осели, стены рассыпались. Исполинские столбы дыма и пара с ревом рванулись вверх, изогнулись, как гребень всепоглощающей волны, и эта волна с оглушительным, ни с чем не сравнимым грохотом обрушилась на равнину. Земля всколыхнулась и растрескалась, Ородруин зашатался. Из разверзшейся вершины взметнулось пламя. Небеса взорвались громом, полыхнули молниями. Неистовые потоки черного ливня хлестали, подобно чудовищным бичам. И туда, в самое сердце бури, разрывая в клочья облака, устремились назгулы. Устремились и сгнули, поглощенные бурлящим водоворотом разрушения.

— Ну, Сэм Гужни, вот и конец, — слышался рядом чей-то голос.

То был Фродо, бледный, изможденный, но снова ставший самим собой. В глазах его не осталось ни страха, ни безумия, ни напряжения воли, все исчезло вместе с тяжелой ношей. Перед Сэмом стоял прежний горячо любимый хозяин, и взор его, как в давние дни в Хоббитании, светился умиротворением и покоем.

— Хозяин! — вскричал Сэм, падая на колени. На его глазах рушился целый мир, но он чувствовал лишь великую, ни с чем не сравнимую радость. Бремя сброшено. Фродо спасен, свободен, снова стал прежним. И тут Сэм заметил искаленную, кровоточащую руку. — Бедная рука, — простонал он. — А мне нечем ни боль унять, ни даже перевязать. Лучше бы он мою руку отхватил, хоть целиком. Но он сгинул, на сей раз навсегда.

— Да, — отозвался Фродо. — Недаром Гэндальф предупреждал,

что даже Голлум может на что-то сгодиться. Так оно и вышло. Сэм, ведь сам я не смог бы уничтожить Кольцо. Все наши труды и мучения в последний миг едва не пропали впустую. Так что давай простим его. Цель похода достигнута, дело сделано. Я рад, что ты здесь, со мной, Сэм. Мы встретим конец вместе.

Глава 4.

КОРМАЛЕННСКОЕ ПОЛЕ

Мордорские орды бушевали вокруг холмов подобно грозящему захлестнуть и поглотить войска Запада штормовому морю. Солнце покраснело, крылья назгулов отбрасывали на землю черные тени смерти. Арагорн стоял у знамени. Безмолвный и суровый, он казался погруженным в раздумья о чем-то давно минувшем или далеком, но глаза его блистали подобно звездам, что сияют тем ярче, чем глубже ночная тьма. На вершине холма холодным белым изваянием застыл Гэндальф. Тени не касались его. Яростные атаки следовали одна за другой, разбиваясь о холмы, словно волны. Неистовые крики сливались в гул, поднимавшийся над лязгом оружия, как шум прилива.

Неожиданно, словно что-то открылось вдруг его внутреннему взору, Гэндальф резко обернулся и посмотрел на север, где небо оставалось бледным и чистым. Затем он воздел руки и громовым, перекрывающим шум битвы голосом вскричал:

— Орлы летят!

— Орлы летят! Орлы летят! — подхватили на холмах. В мордорском войске многие недоуменно задрали головы, гадая, что бы мог означать этот клич.

Высоко в небе неслись Гваихир, Владыка Ветров, и его брат Ландровал — величайшие из орлов Севера, самые могучие потомки старого Торондора, строившего гнезда на недостижимых пиках Круговых гор в пору юности Средиземья. За ними, подгоняемые крепнущим ветром, стройными рядами летели их сородичи. Круто спускаясь с высоты, они вихрем устремились прямо на назгулов, рассекая воздух широкими крыльями.

Но назгулы повернули вспять и исчезли в тенях Мордора. Они бежали, не приняв боя, ибо повиновались внезапному, отчаянному призыву из Темной Башни. В тот же миг войска Мордора дрогнули. Опускались руки, подгибались колени, торжествующие крики смолкали, а сердцами овладевало сомнение. Сила, доселе наполнявшая их ненавистью и ожесточением, заколебалась, а потом и

вовсе исчезла. Не связанные более чужой всеподавляющей волей, они взглянули в глаза противникам и с ужасом увидели в них свою смерть.

В самом сердце Тьмы забрезжил свет новой надежды. Дружно и грозно грянул боевой клич вождей Запада. Сплотив ряды, рыцари Гондора, конники Рохана и дунадэйны Севера ударили по растерянному вражьему воинству и отбросили его от подножий осажденных холмов. Они готовы были перейти в наступление, но Гэндальф неожиданно поднял руку и снова громко возгласил:

— Стойте, люди Запада! Остановитесь и ждите! Грядет час судьбы!

Не успел он договорить, как почва под ногами содрогнулась. Далеко за Черными Вратами, высоко над горами взметнулся исполинский столб Тьмы, пронизанный огненными вспышками. Земля тряслась и стонала. Зубья Мордора закачались и рухнули, Черные Врата рассыпались, а издали, то стихая, то нарастая и поднимаясь до самых туч, докатился раскатистый грохот, долгий, рокошущий гром разрушения.

— Хранитель Кольца сделал свое дело, — молвил Гэндальф. — С владычеством Саурона покончено!

Все вожди обратили взоры на юг, в сторону Мордора, и им показалось, будто оттуда, угрожая закрыть собою все небо, вырастает на фоне облаков непроглядно черная, увенчанная молниями Тень. Все выше вздымалась она над миром, простирая гигантскую грозящую длань, ужасную, но бессильную, ибо в то время, как она уже опускалась, порыв ветра подхватил ее и развеял бесследно. Пала тишина.

Воины Запада невольно опустили головы, а когда снова взглянули на равнину, оказалось, что их враги обратились в паническое бегство. Мощь Мордора таяла на глазах, как сдуваемая ветром пыль. Подобно муравьям, которые, лишившись своей царицы, бессмысленно и бесцельно мечутся по разворошенному муравейнику пока, вконец не обессилев, умирают, создания Саурона — орки, тролли и звери-оборотни, — не чувствуя более властвовавших над ними чар, впали в безумие. Они носились по равнине, не разбирая дороги, забивались в темные щели и норы, бросались и провалы или набрасывались друг на друга. Однако люди, вастаки и харадримы,

вели себя по-иному. Слишком долго служили они Злу, слишком сильна была в их сердцах ненависть к Западу. Даже поняв, что битва проиграна, они организовали отчаянное сопротивление: некоторые, сохраняя боевые порядки, стали отходить на восток, и лишь единицы побросали оружие и запросили пощады.

Гэндальф, предоставив завершать сражение Арагорну и другим вождям, громко воззвал с вершины холма, и спустя мгновение к нему спустился сам великий Гваихир, Владыка Ветров.

— Мне уже дважды доводилось быть твоей ношей, друг Гваихир, — обратился к нему маг, — но где два раза, там и третий. Сослужи последнюю службу: во мне нынче ненамного больше тяжести, чем было на вершине Зирак-Зигил, где сгорела моя прежняя жизнь.

— Да будь ты хоть сделан из камня, я отнесу тебя, куда пожелаешь, — ответил орел.

— Тогда летим, — сказал маг. — Только возьми с собой брата и еще кого-нибудь из сородичей, самого быстрогокрылого. Мы должны опередить крылатых назгулов, а значит, нам надлежит мчаться быстрее ветра.

— Северный ветер скор, но мы обгоним его, — заверил Гваихир.

Он подхватил Гэндальфа, взмыл в воздух и устремился на юг. За ним последовали Ландровал и стремительный юный Менелдор. Они неслись над Удуном и лежащим в развалинах Горгоротом, а впереди яростно извергала пламя Роковая гора.

— Вот и конец всему, — сказал Фродо. — Признаюсь, я рад, что ты здесь, со мной.

— Конечно, сударь, — отозвался Сэм, бережно прижимая к груди раненую руку Фродо. — Я с вами, а вы со мной. И путешествие наше кончилось, это точно. Но насчет конца всему... Обидно забрести в этакую даль, сделать все как надо, а потом взять да и сгинуть. Такой конец не по мне, ежели вы меня понимаете.

— Меня он тоже не радует, — вздохнул Фродо, — но так уж устроен мир. Надежды умирают, и приходит конец. Нам осталось только его дожидаться, и ждать недолго. Глянь, все вокруг гибнет, все рушится — отсюда нет спасения.

— Ладно, сударь, там видно будет... Но давайте хоть уберемся подальше от этой... как ее там... Роковой норы. Почему бы не спуститься вниз, по тропе?

— Хорошо, Сэм, — согласился Фродо. — Попробуем, раз тебе хочется.

Поднявшись на ноги, они стали медленно спускаться к подножию Горы. Тропа под ногами ходила ходуном. Потом Саммат-Наур изверг чудовищный столб дыма, восточная сторона конуса раскололась, и раскаленный поток лавы, выплеснувшись в образовавшуюся трещину, пополз вниз по склону Горы.

Силы стремительно покидали хоббитов. Они уже не могли идти дальше, да и идти было некуда. Добравшись до невысокого, усыпанного пеплом холма у подножия, друзья оказались словно на острове, еще державшемся, но обреченном на неминуемую гибель в страшной агонии Ородруина. Земля вокруг лопалась, из открывавшихся провалов валил дым и вырывались языки пламени. Гора корчилась в судорогах, на склонах, то здесь, то там, открывались новые щели. Оттуда изливались огненные реки. Медленно, неотвратно текли они вниз, к утлону прибежищу беглецов. Сверху валил дождь горячего пепла.

Сэм по-прежнему бережно держал руку Фродо.

— Да, сударь, — со вздохом пробормотал он. — Похоже, наша история и впрямь подходит к концу. А мне так хотелось бы ее послушать! Как думаете, скажут ли когда-нибудь: «Внемлите повести о Фродо Девятипалом и Кольце Судьбы», а все притихнут, ну как мы в Разлоге, когда слушали про Берена Однорукого и Великий Камень?.. Только ведь на нас с вами история не кончается. Вот бы узнать, что потом!

Сэм говорил без умолку, пытаясь отогнать страх, говорил и все время поглядывал на север. Оттуда дул ветер. Вдали тьма уже развеялась, и разлетевшиеся обрывки облаков открыли взору ясное, холодное небо.

Только зоркий взгляд Гваихира мог углядеть на вершине содрогающегося, обтекаемого реками лавы холма, среди клубов дыма и пепла две крохотные темные фигурки. Как раз в тот миг, когда орел заметил хоббитов, они упали — то ли их сбил с ног подземный

толчок, то ли свалил нестерпимый жар, то ли отчаяние заставило броситься наземь, чтобы не видеть, как надвигается неминуемая смерть. Подобно трем стремительным молниям, орлы устремились вниз: Ландровал и Менелдор подхватили хоббитов крепкими когтями и взмыли в небо, прочь от огня и дыма, разрушения, тьмы и гибели. Но Фродо и Сэм не поняли, что с ними случилось: в тот миг, когда их подняли в воздух, оба лишились чувств.

Придя в себя, Сэм обнаружил, что лежит на мягком ложе. Над ним мерно покачивались ветви буков. Сквозь нежно-зеленую молодую листву пробивался золотистый солнечный свет. Воздух был свеж и полон чарующих ароматов.

Запах вспомнился сразу: так пахло в Итилиэне.

— Ну и дела, — пробормотал хоббит. — Хотелось бы мне знать, сколько времени я проспал?

Благоухание вернуло его в тот час, когда он развел маленький костерок на солнечном склоне, но все случившееся потом выскользнуло из памяти.

— Похоже, мне снился дурной сон, — сказал себе Сэм, потянувшись и глубоко вздохнув. — Хорошо, что я наконец проснулся.

Он сел, огляделся и увидел рядом спокойно спавшего Фродо. Одну руку тот подложил под голову, другая, правая, лежала поверх одеяла. На ней не хватало третьего пальца!

Память о пережитом ужасе нахлынула с такой силой, что Сэм, не сдержавшись, громко вскричал:

— Так это был не сон! Где же мы?!

— В Итилиэне, — послышался сзади ласковый голос. — В гостях у государя. Он ожидает вас.

Сэм обернулся и вытаращил глаза: облаченный в белое, с белоснежной, поблескивающей на солнце бородой перед ним стоял Гэндальф.

— Как себя чувствуешь, добрый Сэмиус? — спросил маг.

Ошалевший от радости и изумления Сэм некоторое время так и

сидел с отвисшей челюстью, не в силах вымолвить ни слова.

— Гэндальф! — выговорил он наконец. — Я думал, ты помер! Я и про себя думал, что помер! Выходит, все, что было грустного, — неправда? Что же такое случилось?

— Великая Тень исчезла, — ответил маг и рассмеялся, и смех его был подобен музыке или журчанию прохладного ручейка, питающего свежестью иссохшую землю.

Хоббит и припомнить не мог, когда в последний раз слышал что-то подобное — чистый, радостный, веселый смех. Правда, сам он ни с того ни с сего ударился в слезы, но они высохли мигом, сами собой.

— Как я себя чувствую? — звонко воскликнул Сэм, вскакивая с постели. — Да так, так... словами не опишешь! — от избытка чувств он взмахнул руками. — Как весна после зимы, как солнце на листьях, как грубы, арфы и все-все песни, какие мне доводилось слышать!

Тут он спохватился и с жалостью посмотрел на друга.

— Я-то что, а вот как бедный господин Фродо? Видишь, что у него с рукой? Вот уж кому досталось так досталось!

— Да все со мной в порядке! — сказал Фродо, садясь на постели и широко улыбаясь. — Соня ты этакий, я тут ждал, ждал, когда ты глаза откроешь, да и сам уснул. Первый-то раз я проснулся спозаранку, а сейчас небось уже полдень.

— Полдень? — Сэм попытался подсчитать в уме, но бросил это занятие. — А какого дня?

— Сегодня четырнадцатый день Нового Года, — весело ответил Гэндальф. — По-вашему, по-хоббитански, будет восьмое апреля, вы ведь в марте считаете тридцать дней. Но в Гондоре Новый Год теперь всегда будут отмечать двадцать пятого марта, в день, когда пал Саурон, а вас вынесли из огня и доставили к королю. Это он вас выходил, а теперь ждет к своему столу. Как будете готовы, я вас отведу.

— К столу короля? — смутился Сэм. — Какого короля?

— Короля Гондора и верховного владыки Западных Пределов, — отозвался маг. — Нынче он вернул под свою руку все исконные владения. Скоро он отправится на коронацию, только вас и дожидается.

— Что мы наденем? — беспокойно спросил Сэм.

Рядом с постелями на земле были сложены изношенные лохмотья, в которых хоббиты проделали весь путь.

— То, в чем шли в Мордор, — твердо заявил Гэндальф. — Никакие шелка, гербы и доспехи не могут быть почетнее. Для торжества лучше одеяний не сыскать, а потом что-нибудь подберем.

Маг протянул им руки, и хоббиты заметили, что одна из них словно испускает свет.

— Что это там? — спросил Фродо. — Неужто?..

— Да, ваши сокровища. Их нашли у Сэма, когда вас спасли. Дары Галадриэли целы: и твой фиал, Фродо, и твоя коробочка, Сэм. Берите и радуйтесь.

Хоббиты умылись, оделись, слегка перекусили (королевского-то обеда еще когда дождешься) и последовали за Гэндальфом. Из буковой рощицы вышли на длинную, залитую солнцем лужайку, окруженную величавыми деревьями с темной блестящей листвой, усыпанной алыми цветами. Позади шумел водопад: ручей с веселым журчанием струился по цветущему лугу, убегая вдалеке под лесную сень. На лугу собралось множество рыцарей в сверкающих доспехах и рослых воинов, облаченных в черное с серебром. Все приветствовали хоббитов почтительными поклонами. Запела труба, Гэндальф, Фродо и Сэм в сопровождении почетной стражи прошли под деревьями вдоль ручья, и перед ними открылось широкое поле. За ним в серебристой дымке текла река, из воды выступал лесистый остров. Там стояли корабли, а на поле, блистая вооружением, стройными шеренгами по-отрядно выстроились войска. Стоило появиться хоббитам, как меченосцы разом выхватили из ножен мечи, копейщики склонили к земле копья. Грянули рога и трубы, и люди, на разных языках, но в едином порыве запели:

Слава, слава хафлингам! Великая слава!
Куййо и периан ананн! Аглар'ни Перианнат!
Великая слава хафлингам, Фродо и Сэмиусу!
Даур а Берхаэль, Конин эн Аннун! Эглерิโอ!
Слава!
Эглерิโอ!
А лайта те, лайта те! Андаве лайтувалмет!
Слава!

Кормаколиндор, а лайта тариэнна!
Слава! Слава Хранителю! Великая слава!

Фродо и Сэм залились краской, но глаза их сияли от изумления и восторга. Пройдя вперед, они увидели посреди поля три возвышения, сложенные из зеленого дерна. Над правым реяло знамя с могучим белым конем без всадника, мчавшимся по зеленому полю, над левым — стяг с изображением серебристого челна-лебедя, рассекающего синие волны, а посередине, над самым высоким из трех, развевалось на ветру большое черное полотнище с белым цветущим деревом, блистающим венцом и семью яркими звездами. Под этим полотнищем сидел человек в кольчуге, но без шлема и с длинным мечом на коленях. По приближении хоббитов он встал, рослый, темноволосый и сероглазый, с радостной улыбкой на лице. Он сильно изменился, но они узнали его.

Фродо бросился ему навстречу, Сэм бежал следом.

— Ну и чудеса! — кричал он на бегу. — Вот так радость! Это ж Бродяжник, или я еще сплю!

— Бродяжник и есть, — откликнулся Арагорн. — Что, Сэм, далекоато забрались мы от Пригорья, где я тебе так не глянулся? Всем нам пришлось проделать нелегкий путь, но на вашу долю выпал самый мрачный.

Затем, к величайшему изумлению и смущению Сэма, Арагорн преклонил перед хоббитами колено, взял обоих за руки, усадил на зеленый трон и, обернувшись к войскам, громко крикнул:

— Славьте! Честь и хвала героям!

А когда, прокатившись над полем, стих радостный гул приветственных восклицаний, то, к окончательному и полному удовлетворению Сэма, вперед выступил гондорский менестрель. С низким поклоном он попросил разрешения спеть и, получив его, возгласил:

— Вожди и рыцари, доблестные воины, короли и князья, славные воители Гондора и Рохана, сыновья Элронда и дунадэйны севера, эльф и гном, великие герои Хоббитании и весь свободный народ Запада — внимайте! Я спою вам о Фродо Девятипалом и Кольце Судьбы.

Услыхав это, Сэм залился звонким счастливым смехом, вскочил и воскликнул:

— Да что же это такое?! Неужто сбываются все мои мечты? — и снова ударился в слезы.

Воины вторили его смеху, и многие прослезились, а когда над полем возвысился чистый как серебро голос менестреля, все стихли. Менестрель пел то на эльфийском языке, то на Общем Наречии: волны сострадания и наслаждения захлестывали сердца слушателей, пока песня не увела их в волшебный край, где боль и ликование сливаются воедино, а горькие слезы обращаются в сладкое вино блаженства.

Все забыли о времени, и когда песнь отзвучала, солнце уже клонилось к западу. Арагорн встал, подал знак, и все направились в приготовленные шатры, чтобы пировать и веселиться до конца дня. Но Фродо с Сэмом задержались. Их отвели в палатку, где они переоделись в платье из тончайшего сукна. Дорожные лохмотья бережно свернули и с почетом уложили в сундук. Пришел Гэндальф и, к удивлению Фродо, принес эльфийский плащ и кольчугу из мифрила. Сэм получил золоченую кольчугу и свой серый лориэнский плащ, который почистили и починили. Потом маг положил перед хоббитами два меча.

— Не хочу я никаких мечей, — со вздохом сказал Фродо.

— Один придется взять, по крайней мере сегодня, — возразил Гэндальф, — без этого нельзя.

— Ладно, — неохотно согласился Фродо и протянул руку к мечу поменьше, принадлежавшему Сэму — Жало-то я тебе отдал, — пояснил он.

— Ну уж нет, сударь, — не согласился Сэм. — Господин Бильбо его вам подарил вместе с кольчугой. Ему бы не понравилось, окажись его подарок в других руках.

Фродо уступил. Гэндальф, словно оруженосец, опустился на колени и застегнул на хоббитах пояса с мечами, а потом, поднявшись, возложил им на головы серебряные обручи и отвел в шатер, где их ожидали почетные места за королевским столом, рядом с Гэндальфом, Эймером Роханским, князем Имрахилом и славнейшими военачальниками. За тем же столом сидели Леголас и Гимли.

Все встали, почтили молчанием павших, после чего настало время наполнить кубки. И тут в шатер пошли двое оруженосцев — во всяком случае так по первости показалось Фродо. Они носили цвета Гондора и Роухана — черное с серебром и белое с зеленым. В первый миг Сэм удивился — с чего это мальчишки затесались на воинский пир? — но стоило оруженосцам подойти поближе, как он восторженно завопил:

— Сударь, сударь, вы только гляньте! Это же Пиппин... я хотел сказать, Перегрин Тук. И Мериадок здесь! А вымахали как! Вот уж кому есть что порассказать небось побольше нашего.

— Не без того, — промолвил, повернувшись к нему, Пиппин. — Вот пир закончится, так мы и сами расскажем, и вас послушаем. А пока, ежели ждать невтерпеж, попробуйте порасспросить Гэндальфа, правда, он нынче больше смеется, чем говорит. Нам с Мерри недосуг. Мы теперь рыцари Гондора и Марки, как вы, надеюсь, заметили.

Пир продолжался долго, но всему приходит конец. После заката, когда над окутанным туманами Андуином, мерцая среди шелестящих листьев, медленно плыла круглая луна, Фродо и Сэм уединились под шепчущими деревьями с Гэндальфом, Мерри и Пиппином. Чуть позже к ним присоединились Леголас и Гимли. Разговор затянулся далеко за полночь. Фродо с Сэмом не терпелось услышать, что произошло с тех пор, как они покинули Порт-Гален и Дружество распалось. Друзья, как могли, удовлетворяли их любопытство, но и поздно ночью все еще оставалось о многом расспросить и на многие вопросы ответить.

Орки, говорящие деревья, немеряные лиги травы, всадники, блистающие пещеры, белые башни, золотые чертоги, сражения и огромные корабли с высокими мачтами — все это бесконечной чередой проходило перед глазами Сэма, так что под конец в его голове все перепуталось. Однако более тех чудес, о которых он слышал, Сэма поражало увиденное воочию — необыкновенно высокий рост Мерри и Пиппина. Несколько раз он заставлял их меряться с собой и Фродо.

— Не пойму, — растеряно твердил он. — Чтоб в вашем возрасте, да так подрасти! Вы же на добрых три пальца выше, чем полагается, или я гном.

— Какой из тебя гном, — рассмеялся Гимли. — Просто они пили энтийское питье, а для простого смертного это, знаешь ли, не жбан пива.

— Энтийское питье? — переспросил Сэм. — Вот что, расскажите-ка про этих энтов еще разок, а то я так толком и не понял, что они такое. Впрочем, сегодня мы всяко обо всем не потолкуем. Тут рассказов не на одну неделю хватит.

— Это точно, — согласился Пиппин. — Не худо бы запереть Фродо в какой-нибудь башне Минас-Тирита, пусть-ка он все это опишет. А то ведь забудем половину, а старый Бильбо потом расстроится.

Наконец Гэндальф поднялся.

— «Руки государя — руки целителя», — сказал он. — 'Так говорила одна мудрая женщина, и насчет Арагорна она не ошиблась. Но даже он лишь с огромным трудом вернул вас от самых пределов смерти. И хотя потом вы долго и мирно спали, вам снова пора в постели.

— И не только Сэму да Фродо, — добавил Гимли. — К тебе, Пиппин, это тоже относится. Я люблю тебя, хоть ты и стоил мне столько мытарств, что они вовек не забудутся. Не забыть и того, как я нашел тебя на поле боя. Кабы не гном Гимли, ты бы там и остался. Тебе повезло, что я заприметил торчавшие из-под груды тел хоббитьи лапы, ведь многие и не знают, как они выглядят. Когда я тебя откопал и поднял на руки, у меня и сомнений не было в том, что ты мертв. Я чуть бороду себе не вырвал. А ты, глянь-ка, первый день, как встал, а туда же, полуночничать. Ложись, приятель. Я тоже лягу.

— А я, — сказал Леголас, — прогуляюсь по лесам этой прекрасной страны, лучшего отдыха и быть не может. Когда-нибудь, с дозволения нашего короля, мои родичи поселятся здесь, и этот край станет благословен. На время — на месяц, на жизнь, а может, и на сто человеческих жизней. Но Андуин рядом, и Андуин течет к Морю. К Морю!

К Морю! О Море белая чайка вещает,
О Море ветер поет, зовет, меня окликает.
На запад, к закату, клонится светило дневное,

И слышатся голоса тех, кто уплыл предо мною.
А в Гаванях дальних челны в ожиданьи застыли.
Уйду! Мне укажут путь звезды на небосводе.
И под звездный напев, сладостный и печальный,
По Морю я проплыву на берег на самый дальний.
На Тол-Эрессеа ступлю, брег, недоступный людям,
Где вешний покой разлит, где мы вовеки пребудем.

Так, напевая, Леголас спустился с холма.

За ним разошлись и остальные. Фродо с Сэмом улеглись в постели, мирно уснули, а поутру снова пробудились к радости и веселью. В прекрасном Итилиэне они провели много дней. Кормаленнское поле, где стояли лагерем войска, лежало неподалеку от Хеннет-Аннун: тихими ночами хоббиты слышали шум водопада, а днем бродили по берегам потока, сбегавшего по цветущим лугам к Андуину. Они навещали места, где побывали на пути в Мордор, и Сэм не оставлял надежды где-нибудь в чаще или на потаенной поляне хоть краешком глаза снова увидеть олифанта. А когда узнал, что великое множество этих зверей поубивали во время осады, основательно огорчился.

— Ты уж, Сэмиус, больно много хочешь, — говорил он себе. — Все тебе подай, и олифанта в придачу. А все-таки жаль, ну хоть бы один остался...

Войска тем временем готовились к возвращению в Минас-Тирит. Усталые отдохнули, раненые поправились. Недобитые южане и вастаки еще продолжали сопротивление, но в конце концов покорились. Последними вернулись воины, вторгшиеся в Мордор и разрушившие крепости на севере страны.

Вожди Запада тронулись в путь в самом начале апреля. На кораблях, стоявших на приколе у Кэир-Андроза, спустились по Андуину к Осгилиату, там отдохнули, а на следующий день уже достигли зеленых полей Пеленнора и снова увидели белые башни под высоким Миндоллуином. Столица Гондора, последняя память о Заокраинном Западе, пройдя сквозь огонь и мрак, восставала к новой жизни.

На равнине разбили шатры. То был канун Майского Дня.

Поутру, на заре, король собирался вступить в город.

Глава 5.

НАМЕСТНИК И КОРОЛЬ

Над Минас-Тиритом витали страх и сомнение. Прекрасная погода, ясное солнышко — все это казалось насмешкой людям, каждое утро ожидавшим роковых известий. Их правитель сгорел заживо, государь Рохана пал и покоился в цитадели, а неожиданно явившийся в ночи новообретенный король снова ушел на войну, бросив вызов столь мрачным и грозным силам, что не приходилось и надеяться одолеть их с помощью одной лишь отваги. И о нем не было никаких вестей. С тех пор как войска миновали Моргульскую долину и, держась в тени гор, двинулись на север, ни гонцы, ни даже слухи о том, что происходит на востоке, не достигали города.

Спустя два дня после ухода вождей Эйовин потребовала, чтобы сиделки принесли ей одежду. Не слушая возражений, она встала и, с рукой на льняной повязке, направилась к смотрителю Палат Исцеления.

— Я не могу лежать в праздности в столь тревожное время, — заявила она с порога.

— Но вы еще не поправились, госпожа, — возразил глава целителей. — Вас поручено выхаживать с особой заботой, и, как мне было сказано, вам не следует вставать еще целую неделю. Прошу, вернитесь в постель.

— Я здорова, — упорствовала Эйовин, — во всяком случае, телом. Даже левая рука не болит, хотя и не слушается. Но от тоски и безделья недолго заболеть снова. Я ничего не знаю, сиделки как воды в рот набрали. Что слышно о войне?

— Новостей нет, — потупился целитель. — Только и известно, что наши прошли Моргульскую долину, а командует всеми, как говорят, новый вождь, прибывший с севера. Он не только великий воин, но еще и врачеватель. Вот уж чудно, чтоб исцеляющая рука еще и мечом владела... Нынче в Гондоре такого не встретишь, хотя в старые времена бывало, если верить преданиям. Но мы, лекари, почитай только тем и заняты, что латаем дыры, оставленные мечами. Мне о мечах да воинах и слышать тошно; в мире и без того

достаточно недугов и хворей.

— Войну начинают не по общему согласию, — молвила Эйовин. — Для нее хватит и одного врага. Не имеющие своих мечей беззащитны перед чужими. Или, по-твоему, народу Гондора следовало собирать травы, пока Темный Властелин собирает рати? Да и исцеленное тело не всегда благо, так же, как и смерть в бою, даже мучительная смерть от ран — не обязательно горе. Будь в этот мрачный час у меня выбор, я бы предпочла последнее.

Целитель удивленно воззрился на стройную высокую девушку — когда она обернулась к окну, выходящему на восток, глаза на бледном лице сверкнули, и здоровая рука судорожно сжалась в кулак. Он вздохнул и покачал головой.

— Неужто здесь не найдется для меня дела? — спросила она через некоторое время. — Кто сейчас управляет городом?

— Точно не знаю, — отозвался смотритель палат. — Такие дела — не моя забота. У рохирримов свой сенешаль, нашими воинами вроде командует Хурин. Но наместником в городе теперь по праву стал Фарамир.

— Где я могу его найти?

— Здесь, госпожа, в наших Палатах. Он был тяжело ранен, но уже идет на поправку. Правда, не знаю...

— Отведи меня к нему, — потребовала Эйовин. — Тогда и узнаешь.

Фарамир в одиночестве прогуливался по саду. Солнышко пригревало, он с удовольствием ощущал, как возвращается жизненная сила, но на сердце лежала тяжесть. Взор его то и дело обращался к востоку. Когда смотритель Палат окликнул его по имени, Фарамир обернулся и, увидев Эйовин, проникся глубокой жалостью, ибо понял, что она не только ранена, но и терзается беспокойством.

— Мой господин, — заговорил лекарь, — это Эйовин из Рохана. Она сражалась бок о бок с королем, получила тяжкую рану и была оставлена в Палатах под моим присмотром. Но она недовольна и потребовала встречи с вами.

— Пойми правильно, наместник, — обратилась к Фарамиру Эйовин. — Если я недовольна, то отнюдь не лечением и уходом. В Палатах обо мне заботились так, как может лишь мечтать человек, желающий исцелиться. Но я чувствую себя здесь, как в клетке. Безделье для меня невыносимо. Я искала смерти в бою и если осталась жива, так ведь и война продолжается.

— Но чего же хочешь ты от меня? — спросил Фарамир, когда лекарь по его знаку с поклоном удалился. — Я тоже пленник здешних врачей.

Глядя на Эйовин, Фарамир все глубже проникался восхищением и состраданием, ибо никогда не встречал девы столь прекрасной и столь печальной. Ласковое сочувствие в его взоре, столь непривычное для дочери суровых степей, смутило Эйовин, тем паче что она, возросшая среди воинов, ясно видела, что перед ней воитель, равному которому на бранном поле не сыскалось бы во всей Марке.

— Чего ты хочешь? — спросил он снова. — Если это в моей власти, я исполню любое твоё желание.

— Прикажи смотрителю Палат отпустить меня, — ответил Эйовин, но, хотя голос ее звучал гордо и уверенно, в сердце уже закралось сомнение.

Ей очень не хотелось, чтобы этот статный воитель, добрый и в то же время суровый на вид, счел ее вздорной, своенравной девицей, требующей невесты чего от скуки и нехватки терпения.

— Я сам нахожусь под его присмотром, — ответил Фарамир, — да и правления пока не принял. Но даже будь при мне вся полнота власти, я поостерегся бы приказывать целителям и вступать в дела, в которых ничего не смыслю. Исцеление — не моя стезя.

— Но я не ищу исцеления, — стояла на своем Эйовин. — У меня одно желание — идти в бой, как мой брат Эйомер, а еще лучше — как король Тейоден. Он пал, стяжав славу, и обрел покой.

— Догонять вождей уже поздно, даже достань у тебя на это сил, — мягко промолвил Фарамир. — А пасть в бою, хотим мы того или нет, нам, вполне возможно, придется и здесь, на стенах. И чтобы встретить смерть, как подобает воинам, мы должны проявлять терпение, во всем повиноваться целителям и ждать своего часа.

Эйовин промолчала, но когда Фарамир взглянул на нее, ему

показалось, что она немного оттаяла, будто крепкий мороз слегка отступил перед первым, еще слабым дуновением весны. Гордая дева едва заметно склонилась, по щеке, как сверкающая капелька дождя, скатилась слезинка.

— Но они уложат меня в постель на целую неделю, а в комнате нет ни одного окошка, выходящего на восток, — произнесла она тихонько, словно для себя, а не для собеседника, и на сей раз ее голос был голосом обычной девушки, юной и очень грустной.

— Этому горю легко помочь, — отозвался Фарамир с улыбкой, хотя его сердце разрывалось от жалости. — Оставайся в Палатах, а я попрошу целителей разрешить тебе гулять в саду, и ты сможешь смотреть на восток сколько заблагорассудится. А я буду поджидать тебя здесь и поглядывать в ту же сторону, ведь туда ушли все наши надежды. Быть может, встречи и разговоры помогут нам облегчить бремя ожидания.

Подняв голову, Эйовин взглянула Фарамиру прямо в глаза и, слегка зардевшись, сказала:

— Не понимаю, как я могу облегчить твоё бремя. Да и о чем разговаривать мертвой с живым?

— Хочешь прямого ответа? — спросил он.

— Да.

— Так слушай, Эйовин из Рохана. Ты прекрасна. Луга Гондора славятся красотой цветов, селения — красотой дев, но я никогда не встречал ни цветка, ни девушки столь прекрасной и столь исполненной печали. Возможно, всего через несколько дней на наш мир падет Тьма, и я надеюсь встретить ее, не дрогнув, но мне будет легче на сердце, если, пока еще светит солнце, я смогу видеть тебя. Ведь мы с тобой побывали под крылом Тени, и вернула нас к жизни одна и та же рука.

— Увы, — вздохнула Эйовин, — я не вернулась. Тень удерживает меня и поныне. Напрасно уповать на мое исцеление. И потом, я — щитоносица Рохана и более привычна к мечу, нежели к учтивым беседам. Однако прими благодарность, наместник, за дозволение покидать мою клетку.

С этими словами она поклонилась и вернулась в дом. Фарамир еще некоторое время бродил по саду, но теперь его взор все чаще

обращался не на восток, а к окнам Палат Исцеления.

Вернувшись в отведенный ему покой, Фарамир послал за попечителем Палат и пожелал услышать все, что тот сможет рассказать о Деве Рохана.

— Как прикажете, — отвечал тот, — но куда больше вы могли бы узнать от хафлинга. Он состоял при особе роханского короля и, как говорят, оставался с ним и госпожой Эйовин до самого конца.

Так и получилось, что Мерри был приглашен к Фарамиру. Они проговорили весь день, и из этой беседы наместник уяснил для себя гораздо больше, чем мог выразить словами хоббит. Теперь — так во всяком случае ему казалось — Фарамир понимал, что гнетет и тревожит прекрасную воительницу. Пожогим вечером Фарамир и Мерри вышли прогуляться в сад, но Эйовин не появилась.

Однако на следующее утро, выйдя из Палат, Фарамир увидел ее стоящей на стене в белом, пронизанном солнцем одеянии. Он окликнул девушку, и они долго гуляли по траве под деревьями, то переговаривались, то молчали. С тех пор встречи стали ежедневными. Глядя на них, смотритель Палат не мог нарадоваться, ибо в то время как город полнился страхом и дурными предчувствиями, эти двое расцветали и крепили прямо на глазах.

На пятый день после первой встречи Эйовин и Фарамир снова стояли на стене и смотрели вдаль. Новостей по-прежнему не было. Сердца горожан совсем упали, да и погода испортилась, словно подделываясь под общее настроение. Поднявшийся ночью северный ветер принес холод, солнце скрылось за тучами, и окрестные земли выглядели теперь серыми и унылыми.

И он, и она были в плащах, а на плечи Эйовин Фарамир набросил еще и синюю, цвета летнего вечера, накидку, расшитую по кайме серебряными звездами. Некогда эту накидку носила его мать, Финдуилас из Амрота, рано ушедшая из жизни и оставшаяся для сына самым прекрасным и грустным воспоминанием. Фарамиру казалось, что это одеяние как нельзя лучше подходит Деве Рохана, придает величие ее печальной красоте.

Поеживаясь под звездной накидкой, Эйовин неотрывно смотрела навстречу северному ветру, туда, где еще виднелась полоска чистого холодного неба.

— Что ты надеешься там увидеть? — спросил Фарамир.

— Разве Черные Врата не в той стороне? — ответила вопросом на вопрос девушка. — Он ведь должен вернуться оттуда? Прошло уже целых семь дней...

— Семь дней... — повторил Фарамир. — Не суди строго, если я скажу, что эти дни принесли мне радость и боль, каких я уже не чаял испытать в этой жизни. Велика радость видеть тебя, но велика и боль, ибо ныне я, как никогда прежде, страшусь возможного прихода Тьмы и конца мира, страшусь слишком скоро утратить то, что едва успел обрести.

— Страшишься потерять обретенное? — девушка взглянула ему в глаза с затаенной нежностью. — Не знаю, о потере чего в эти горькие дни стоило бы жалеть. Но оставим... Мне не хочется говорить. Я чувствую себя так, словно стою на краю пропасти и не вижу ничего, кроме разверзшегося под ногами мрака. Быть может, позади и есть свет, но я не решаюсь обернуться и жду, как решит судьба.

— Все мы сейчас ждем ее решения, — откликнулся Фарамир.

Разговор прервался. Они молча стояли на стене, и вдруг им показалось, что ветер стих, дневной свет потускнел, и воцарилась такая тишина, что не стало слышно ни голосов, ни пения птиц, ни шороха листьев, ни даже их собственного дыхания и биения сердец. Время остановилось. Руки встретились и сплелись, но они не заметили этого, застыв в ожидании неизвестно чего. Потом им привиделось, будто над гребнями далеких гор вознесся чудовищный вал тьмы, окаймленный росчерками молний и готовый поглотить весь мир. Дрожь земли передалась стенам города, а потом окрестности словно бы шумно вздохнули, и все звуки вернулись. Фарамир и Эойвин вновь услышали, как стучат сердца.

— Это напоминает мне Нуменор, — произнес Фарамир, дивясь тому, что слышит собственный голос.

— Нуменор? — не поняла Эйовин.

— Да, Нуменор, остров на Заокраинном Западе, поглощенный Морем. Огромная волна прокатилась тогда по зеленым холмам и равнинам, волна Тьмы, от которой не было спасения. Я часто вижу это во сне, — пояснил он.

— Значит, по-твоему, Тьма наступит снова? — спросила

девушка, непроизвольно придвинувшись к собеседнику. — Тьма, от которой не спастись?

— Нет, нет, — ответил Фарамир, заглядывая ей в глаза. — Это всего лишь образ, навеянный сном. Что происходит на самом деле, мне неведомо. Разум твердит, что на нас обрушилось великое зло и мы стоим у конца времен, но сердце отвечает — нет. Я чувствую легкость во всем теле, в сердце моем надежда и радость, и чувства мои сильнее любых доводов рассудка. О Эйовин, Эйовин, пресветлая Дева Рохана, в этот час я не верю ни в какую Тьму!

Он наклонился и коснулся губами ее чела. Они стояли на стене так близко друг к другу, что, когда снова налетел ветер, их волосы — черные, цвета воронова крыла, и золотистые, как пшеничный колос — заструились и переплелись в воздухе. Тень за горами развеялась без следа. Небо расчистилось, лента Андуйна засеребрилась в лучах ясного солнца, а сердца горожан исполнились такой радости, что многие смеялись и пели, сами не понимая почему.

А после полудня с востока прилетел огромный орел и принес весть, которой уже отчаялись ждать.

Славьте победу, воины Гондора,
Ныне был Саурон повержен,
И пала Темная Башня.
Славьте победу в Твердыне Стражи,
Ибо стража была не напрасна:
Нет больше Черных Врат,
И государь возвратился
С победой в Гондор!

Славьте победу! Всем на благо
Государь возвратился
И пребудет с вами
Отныне и вовеки!

И увядшее Древо воспрянет,
И встанут по холмам побеги
И осияют твердыню!

Славьте победу!

Так восклицал он, кружа над башнями, и песни звенели по всему городу.

Последующие дни были воистину золотыми. Весна и лето, ликуя, встретились на полях Гондора. От Кэир-Андроса примчались быстрые гонцы, и оповещенный о свершившемся город стал готовиться к встрече короля. Призванный на праздник, Мерри отбыл с обозом к Осгилиату, а оттуда на корабле на Кэир-Андрос. Фарамир остался в Минас-Тирите. Он принял обязанности наместника и, хотя ожидалось, что правление его будет недолгим, видел свой долг в том, чтобы надлежащим образом подготовить все для передачи власти истинному государю.

Эйовин тоже осталась в городе, хотя брат звал ее на Кормаленнское поле. Фарамира это удивило, но он был так занят, что теперь почти не виделся с ней и не имел времени перемолвиться хотя бы словечком. Дева по-прежнему жила в Палатах Исцеления и гуляла по саду в одиночестве. К ней вернулась бледность, пожалуй, во всем городе лишь она одна имела вид недужный и скорбный. В конце концов обеспокоенный этим смотритель обратился к Фарамиру, и тот отыскал девушку на стене, на облюбованном ими месте.

— Эйовин, почему ты не поехала на празднество? — спросил он.

— Разве не догадываешься?

— Я мог бы назвать две причины, но не знаю, которая из них верна.

— Говори без обиняков, — потребовала Эйовин. — К чему нам загадки?

— Как угодно, — склонил голову Фарамир. — Думаю, ты осталась потому, что получила приглашение от брата, тогда как ждала его от наследника Элендила. Другая причина, возможно, состоит в том, что ты не захотела бросить меня одного. А может статься, дело и в том, и в другом, а сама ты не можешь решить, что важнее. Эйовин! — вскричал он, утратив от волнения обычную сдержанность. — Ты не любишь меня или не хочешь любить?

— Я хотела быть любимой другим, — прозвучал ответ, — а ничьей жалости мне не нужно.

— Знаю, — сказал Фарамир. — Ты мечтала о любви Арагорна. Он велик и могуществен, а тебя влечет слава превыше низменной

суеты. Ты взирала на него с восхищением, как новобранец на знаменитого полководца. Он и вправду истинный повелитель, величайший герой среди ныне живущих. А добившись от него лишь понимания и сочувствия, ты решила, что жизнь кончена и лучшее для тебя — доблестно пасть в бою. Но посмотри на меня, Эйовин!

Дева подняла взор и долго смотрела ему в глаза.

— Жалость есть благородный дар сердца, и ее не следует презирать, — продолжал Фарамир. — Но я не предлагаю тебе жалости. Ты знатна, отважна, уже стяжала неувядаемую славу и так прекрасна, что, по-моему, этого не описать даже на языке эльфов. И я люблю тебя. Быть может, вначале, видя твою скорбь, я и вправду жалел тебя, но потом полюбил и любил бы, будь ты счастливейшей из смертных, будь ты хоть самой королевой Гондора. Но полюбишь ли меня ты, Эйовин?

Жар любви растопил лед, сковывавший сердце девушки, и в нем всколыхнулось ответное чувство, возможно, давно уже дремавшее там втайне от нее самой.

— В Минас-Аноре, в Твердыне Солнца, меня наконец оставила Тень! — воскликнула она. — Я больше не буду девой-щитоносицей, не стану соперничать в доблести с великими ратоборцами и искать упоения на поле брани. Отныне моим уделом будет не наносить, а исцелять раны, и любить все, что растет и плодоносит. И, — добавила она, взглянув на Фарамира, — я больше не хочу быть королевой.

— Вот и прекрасно, — рассмеялся он. — Я-то ведь не король. Но я возьму в Жены прекраснейшую Деву Рохана, если она согласна. И если будет на то ее согласие, мы поселимся за Рекой, в Итилиэне, где разобьем сад, цветущий и плодоносящий нам на радость.

— Выходит, я должна оставить свой народ ради мужчины из Гондора? — улыбнулась Эйовин. — Но понравится ли тебе, когда твои гордые соплеменники станут говорить: «Гляньте-ка на бывшего правителя. Он укротил дикую степную наездницу, словно не мог выбрать невесту среди тех, в чьих жилах течет кровь Нуменора?»

— Пусть говорят, что вздумается, — ответил Фарамир.

Он заключил Эйовин в объятия, поцеловал, и ему не было дела до того, что они стояли на стене, на виду чуть ли не у всего города. Действительно, многие видели их и дивились тому, как светились их лица, когда они рука об руку спустились и направились к Палатам

Исцеления.

— Вот Эйовин из Рохана, — сказал Фарамир зрителю. — Она исцелилась.

— Коли так, — улыбнулся лекарь, — я освобождаю ее от своего попечения и до возвращения брата вверяю заботам наместника. И да не коснутся ее впредь ни раны, ни хвори.

— Нет, — возразил Эйовин, — теперь, когда мне разрешено уйти, я предпочту остаться в этом благословеннейшем из домов, где повстречалась с любовью.

И она жила в Палатах, пока не вернулся король Эйомер.

Все было подготовлено к торжественной встрече. В Минас-Тирит стекался народ, ибо радостные вести облетели весь Гондор от Мин-Раммона до Пиннат-Гелина и дальних побережий. Вернулись беженцы: женщины украсили свои жилища цветами, на улицах вновь зазвучал детский смех. Из Дол-Амрота прибыли искуснейшие арфисты, из Лебеннина — звонкоголосые певцы, да и из иных краев собралось немало музыкантов с виолами, флейтами и серебряными рожками.

Наконец настал вечер, когда со стен увидели раскинутые по всему полю шатры. Всю ночь горели костры, люди возле них ждали рассвета. И рассвет пришел. Едва яркое утреннее солнце появилось над не затененными более горами на востоке, как в городе зазвучали колокола. Взвились и затрепетали на ветру стяги. Над Белой Башней в последний раз было поднято белое, как снег на солнце, безо всяких гербов и девизов, знамя наместников.

Вожди направили войска к городу, и люди со стен любовались, как рати приближаются, ряд за рядом, сверкая на солнце вооружением. У Ворот ратники остановились. Ворота еще не были восстановлены, пустой проем преграждали воины в черных с серебром доспехах, с длинными обнаженными мечами. Впереди стояли наместник Фарамир, хранитель ключей Хурин и другие военачальники Гондора, а с ними Эйовин, сенешаль Эльфхельм и вельможи Марки. По обе стороны от Ворот толпился народ в праздничных одеяниях, с венками и гирляндами цветов.

Перед Воротами оставалось большое пространство, окруженное рыцарями и воинами Гондора и Рохана, горожанами и пришлыми. Людской гомон смолк, когда из рядов подошедшего воинства

выступили одетые в серое с серебром дунадэйны Севера. Во главе их размеренно шагал Арагорн в вороненой кольчуге с серебряным поясом и белоснежном плаще, застегнутом у горла сияющим зеленым самоцветом. Голова оставалась непокрытой, если не считать тонкого серебряного обруча, поддерживавшего над челом звезду. С ним шли Эймер Роханский, князь Имрахил, облаченный в белое Гэндальф и четверо низкорослых воинов. Многие из собравшихся глазели на них с удивлением.

— Что ты, кузина, какие там мальчики, — говорила стоявшая в толпе Йорет своей родственнице, приехавшей из Имрот-Мелуи. — Это перианы из далекой страны полурослов, как говорят, тамошние прославленные князья. Так оно и есть. Мне ли не знать, ведь одного из них я выхаживала в Палатах. Ростом они не вышли, это точно, зато отваги им не занимать. Толкуют, что один из них побывал со своим оруженосцем аж в Черной Стране. Они сразились там с Темным Владыкой и — поверишь ли! — спалили его Твердыню, во всяком случае, так говорят в городе. Как я слышала, нашему Элессару они первейшие друзья, вот и сейчас рядом идут. А уж он такой государь, что лучше не сыщешь. В речах, знаешь ли, не больно ласков, но сердце у него золотое и руки тоже, он ведь исцеляет прикосновением. «Руки государя — руки целителя» — я первая так сказала, с этого все и пошло. А Митрандир, вон тот, с бородой, он мне тогда и говорит: «Йорет, люди долго будут помнить твои слова...

Тут Йорет пришлось умолкнуть. Запела труба, и в воцарившейся мертвой тишине от Ворот двинулся Фарамир в сопровождении хранителя ключей и четверых воинов в высоких шлемах и броне цитадели; эти воины несли большой, оправленный в серебро ларец из черного лебетрона.

Фарамир встретился с Арагорном, преклонил колено и произнес:

— Последний наместник Гондора испрашивает соизволения сложить с себя власть, — он протянул белый жезл.

Арагорн принял жезл, но тут же вернул его со словами:

— Твоя служба не кончена. Ты остаешься наместником, и этот титул будут носить твои потомки, пока длится мой род. Ныне же исправляй свою должность!

Фарамир встал и звучно провозгласил:

— Люди Гондора, внимлите наместнику королевства! Узрите

того, кто предъявляет права на престол. Пред вами Арагорн, сын Араторна, вождь дунадэйнов Арнора, предводитель воинств Запада, носитель Звезды Севера, обладатель Возрожденного Меча, непобедимый в бою, исцеляющий возложением Элессар, Эльфийский Берилл из рода Валандила, сына Исилдура, внука Элендила из Нуменора. Быть ли ему королем, вступить ли в город и властвовать над нами?

— Да! — громом прокатилось над войсками и толпами народа.

— Это просто обряд такой, — шепнула Йорет родственнице. — Так положено по обычаю, а на самом-то деле он в городе уже был и мне, как я уже говорила, сказал... — ей снова пришлось умолкнуть, ибо вновь зазвучала речь Фарамира.

— Люди Гондора! Как поведали мне знатоки преданий, в древности сын получал венец из рук отца или же, если отец не успевал передать власть при жизни, сын сам являлся за венцом в его усыпальницу. Ныне мы не можем соблюсти исконный обычай, а потому данной мне властью наместника я сам доставил сюда из Рат-Динена венец Эарнура, последнего короля, правившего во дни наших пращуров.

Воины выступили вперед, Фарамир открыл ларец и достал оттуда королевский венец. Он представлял собой шлем, похожий на шлемы Стражей цитадели, но был выше, весь белый, а серебряные, усыпанные жемчугом крылья по обе стороны напоминали крылья морской птицы — то был древний символ королей, явившихся из-за Моря. По ободу сияли семь алмазов, а на вершине красовался еще один камень, полыхавший, как пламя.

Приняв венец, Арагорн высоко поднял его и возгласил:

— Эт Эарелло Эндоренна утулиен! Синоме Маруван ар хилдиниар тенн Эмбар — метта!

То были слова, произнесенные некогда Элендилом, пришедшим из-за Моря на крыльях ветра.

«Из-за Великого Моря прибыл я в Средиземье. Здесь буду жить я и мои наследник, до скончания мира».

Но, к немалому удивлению многих, Арагорн не надел венца, а вернул его Фарамиру.

— Трудami и доблестью многих обрел я свое наследие, — сказал

он. — А потому прошу Хранителя Кольца принять венец и передать Митрандиру. Пусть тот, чьим неустанным трудам и мудрости мы обязаны победой, увенчает меня, если сочтет достойным.

Смущаясь и робея, Фродо взял венец из рук Фарамира и вручил Гэндальфу. Арагорн преклонил колено, а Гэндальф возложил символ власти на его чело и воскликнул:

— Настали дни короля, и да будут они благословенны пока стоят троны валаров!

Арагорн встал, и в толпе воцарилось изумленное молчание, ибо людям показалось, будто они видят его впервые. Высокий, как старинные короли Нуменора, выше всех окружающих, он выглядел и древним, и молодым, мудрым, могущественным, полным доброй и светлой силы.

— Вот истинный король! — вскричал Фарамир.

Грянули трубы. По знаку хранителя ключей Хурина преграждавшая Ворота стража расступилась. Король Элессар вступил в город и под звуки арф, флейт и виол, под звонкоголосое пение проследовал по празднично изукрашенным, усыпанным цветами улицам, к цитадели, а как только достиг ее, над высочайшей из башен развернулось знамя с Древом и Звездами.

Так началось правление Элессара, воспетое в преданиях и легендах. Город при нем стал прекраснее, чем когда-либо, даже в дни древнего великолепия. Расцвели сады, на площадях заплескались фонтаны. Новые створы ворот выковали из мифрила и стали, улицы вымостили белым мрамором. Над украшением города трудились гномы Одинокой горы, из Великого Леса наведывались родичи Леголаса. Всего было в изобилии, хвори обходили людей стороной, повсюду звенел детский смех, а слепых окон и опустелых дворов не осталось и в помине. А когда Третья эпоха миновала, то и новый век сохранил память о величии и славе минувших дней.

В первые дни после восшествия на престол государь восседал на троне в Зале королей и вершил государственные дела. Из многих земель, от разных народов, с востока и с юга, от рубежей Лихолесья на севере и из Серых Земель на западе, прибывали посольства. Король даровал свою милость покорившимся вастакам и отпустил всех пленников, заключил мир с жителями Харада, а рабов Мордора объявил свободными и пожаловал им во владение земли вокруг озера

Нурнен. Никто из отличившихся в боях не остался без достойной награды, а последним начальник Стражи привел к нему на суд Берегонда.

И король сказал:

— Берегонд, ты обнажил меч и пролил кровь в освященном месте, а также покинул свой пост без разрешения правителя или начальника Стражи. В старину за любое из этих преступлений полагалась лишь одна кара — смерть. Ныне я решаю твою судьбу.

Ты искупил свою вину отвагой в бою, искупил с лихвой, тем паче что причиной всему содеянному тобой была любовь к Фарамиру. Но Стражем цитадели тебе больше не служить и ты должен будешь покинуть Минас-Тирит...

Кровь отхлынула от лица Берегонда. Пораженный в самое сердце, он понуро уронил голову, но король еще не закончил.

— ...покинуть, ибо ты назначен в Белый Отряд, в личную гвардию Фарамира, князя Итилиэна, и не простым воином, а командиром. Отныне тебе предстоит жить на Эмин-Арнен, в чести и мире, служа тому, ради спасения кого ты рисковал жизнью.

Пораженный великодушием и справедливостью государя, Берегонд пал на колени, поцеловал его руку и удалился вне себя от радости. Фарамир получил во владение княжество Итилиэн, и Арагорн повелел ему воздвигнуть на Эмин-Арнен новую твердыню, откуда будет виден Минас-Тирит.

— Ибо, — сказал король, — Минас-Итил в Моргульской долине надлежит разрушить до основания. Наверное, когда-нибудь и тот край очистится от скверны, но люди смогут там жить еще очень нескоро.

Последним Арагорн поприветствовал Эйомера Роханского. Они обнялись, и король промолвил:

— Нам с тобой не пристало говорить о пожалованиях да наградах, ведь мы братья. В счастливый час пришел Эйорл с севера, и не было вовеки более благословенного союза. Наши народы не разу не подводили друг друга и не подведут впредь. Ты знаешь, что Тейоден Славный покоится сейчас в усыпальнице в нашем Святилище. Желает ли ты, чтобы он навсегда остался с усопшими королями Гондора или же перевезешь его в Рохан, дабы возвести для

него курган по обычаю предков?

— Я полюбил тебя с того дня, как ты вырос передо мной из зеленой травы, — отвечал Эймер, — и буду верен этой любви всегда. Но сейчас я должен вернуться в собственные владения, в моем краю многое нужно восстанавливать и приводить в порядок. Что же до павшего государя, то за ним мы вернемся, когда все будет готово, пока же пусть он мирно спит здесь.

— Мне тоже нужно побывать дома, — сказала Эйовин Фарамиру. — Хочу еще раз взглянуть на родной край и помочь брату. Но когда тот, кто был мне вместо отца, будет погребен и обретет покой, я вернусь.

На восьмой день мая конники Рохана ушли. Вместе с ними отправились и сыновья Элронда. Вдоль всей Северной дороги, от Врат города до стен Пеленнора, выстроились люди, желавшие воздать им на прощание честь и вознести хвалу. Потом разошлись по домам и гости из провинций, хотя иные задержались в городе, очень нуждавшемся в умелых трудолюбивых руках. С радостью в сердцах люди строили, восстанавливали, обновляли, заживляя раны войны и стирая память о Тьме.

Хоббиты все еще гостили в Минас-Тирите вместе с Леголасом и Гимли, ибо Арагорн хотел, чтобы Дружество не распадалось подольше.

— Конечно, все рано или поздно кончается, — говорил он, — но мне бы хотелось, чтобы вы задержались, потому что конец событиям, в которых мы вместе принимали участие, еще не настал. Близится день, ждать который я начал, едва вступив в пору возмужания, и ждал долгие годы и желал бы встретить его в окружении друзей.

Но что он имел в виду, так и осталось тайной.

Все это время соратники жили вместе с Гэндальфом в прекрасном доме и гуляли, где им заблагорассудится. Как-то раз Фродо спросил Гэндальфа:

— Слушай, ты-то хоть знаешь, о каком таком дне говорил Арагорн? Нам здесь хорошо и уходить не хочется, но дни бегут, Бильбо ждет, да и дом мой в конце концов не здесь, а в Хоббитании.

— Что до Бильбо, — ответил Гэндальф, — так он ждет того же

самого дня и прекрасно знает, что тебя здесь держит. Дни бегут, не спорю, но сейчас только май, лето еще не наступило, и, хотя многое изменилось, будто миновала целая эпоха, для деревьев и трав прошло меньше года с тех пор, как ты отправился в путь.

— Пиппин, — позвал Фродо. — Ты, помнится, говорил, будто Гэндальф стал не таким скрытным, как раньше. Надо думать, с ним такое с устатка приключилось, а как отдохнул чуток, так и вернулся к прежним привычкам.

— Каждому охота знать заранее, что подадут к столу — усмехнулся маг, — но те, кто готовит угощение, стараются сохранить блюда в секрете. От удивления и похвалы звучат громче. Ну и Арагорн... он сам ждет знака.

Вскоре маг куда-то запропастился. Хоббиты удивлялись, не зная, что под покровом ночи Гэндальф вместе с Арагорном ушел из города к южному подножию Миндоллуина, где начиналась проложенная в незапамятной древности тропа, по которой ныне мало кто осмеливался ходить. Через высокий перевал она вела к сокровенному ущелью, доступному лишь для великих мудрецов и владык.

Взобравшись по крутизне и остановившись у самой кромки снегов, они огляделись. Наступало утро. Далеко внизу виднелись белые, как тронутые солнцем иглы, городские башни, зеленела, как сад, долина Андуина, а Горы Теней были подернуты золотистой дымкой. С одной стороны взгляд достигал серого массива Эмин-Мюил, где звездочкой поблескивал Рэрос, а с другой протянулась к Пеларгиру лента Реки. На горизонте растекался свет — там небо сливалось с Морем.

— Вот твои владения, — сказал Гэндальф, — им суждено стать сердцем еще более великой державы. Третья эпоха кончается, грядет новая, и твоя задача положить ей начало и сберечь то, что можно. Ибо хотя многое удалось спасти, многое неминуемо и уйдет. Сила Трех Колец иссякает. Земли, которые ты видишь, и те, что лежат за ними, станут обиталищем людей. Наступает время их господства, а Первороденным суждено уйти.

— Я хорошо знаю это, дорогой друг, — отозвался Арагорн. — Но хотел бы в своих трудах руководствоваться твоими советами.

— Мне недолго осталось давать советы, — улыбнулся Гэндальф. — Третья эпоха была моей эпохой, Саурон — моим

врагом, но теперь мой труд завершен. За будущее в ответе ты, это бремя ляжет на твои плечи.

— Но ведь я умру, — сказал Арагорн. — Я смертный. В моих жилах течет незамутненная нуменорская кровь, и я проживу гораздо дольше обычных людей, но все же совсем недолго. Когда пребывающие сейчас в материнском чреве состарятся, я встречу смерть вместе с ними. Кто тогда будет править Гондором? Дерево во дворе у фонтана мертво и бесплодно. Исполнится ли мое желание? Увижу ли я знак, предвещающий перемену судьбы?

— Отврати свой взор от зелени мира и обрати туда, где, как тебе кажется, тоже все мертво и бесплодно, — молвил маг.

Арагорн обернулся и приметил над каменистым склоном зеленое пятнышко. Он стремительно взобрался вверх и увидел росшее чуть ли не прямо из снега молодое деревце не больше трех пальцев высотой. На нем уже распустились длинные изящные листья, темные сверху и серебристые внизу, а венчала его единственная гроздь цветов с белыми, светящимися, как залитый солнцем снег, лепестками.

— Йе утивиениес! — вскричал Арагорн. — Я нашел его! Вот побег Древнейшего из Древ! Но как он попал сюда? Ему не будет и семи лет!

— Воистину это продолжение прекрасного рода Нимлота, возросшего из семени Галатилиона, отпрыска Тельперiona, носившего множество имен, каждое из которых значило одно — Древнейшее из Древ, — подтвердил, взглянув на побег, подошедший Гэндальф. — Кто знает, почему сей всход поднялся именно здесь, именно в это время? Но мы находимся на месте древнего святилища; должно быть, давно, еще до ухода последнего короля, до того, как засохло дерево у фонтана, кто-то оставил здесь семя. Говорят, такие семена вызревают редко, но жизнь может дремать в них веками, и никто не в силах предсказать час ее пробуждения. Помни это. Ибо если семя созревает, Дерево надлежит высадить, дабы род не пресекся. Долго оставался он здесь, сокрытый в горах, подобно тому, как таились в пустынях севера потомки Элендила, хотя род Нимлота несравненно древнее твоего, король Элессар.

Арагорн осторожно взялся за тонкий ствол. Пустивший корни совсем неглубоко, он легко, без повреждений отделился от почвы, и

король без промедления вернулся со своей драгоценной находкой в цитадель. Старое засохшее Древо выкопали с корнями, но не сожгли, а с почтением положили на вечный отдых в тишине Рат-Динен. Новое Древо Арагорн посадил во дворе возле фонтана. Оно принялось, быстро и радостно пошло в рост, а к июню уже все стояло в цвету.

— Знак явлен, и мой день близок, — сказал тогда Арагорн и повелел расставить на стенах дозорных.

В канун летнего солнцестояния из Эмон-Дина в город прискакали гонцы, известившие короля о том, что с севера к стенам Пеленнора приближается кавалькада прекрасных обличьем всадников.

— Наконец-то! — радостно вскричал Арагорн. — Пусть весь город готовится к встрече!

Свежим, благоухающим вечером того же дня, когда с востока на синем, как сапфир, небе уже проступали первые звезды, но запад еще золотило уходящее солнце, по Северной дороге к воротам Минас-Тирита приблизились всадники. Впереди скакали Элладан и Элрохир с серебристым знаменем, за ними Глорфиндел и Эрестор с эльфами Разлога, а следом, на белоснежных скакунах, Владычица Галадриэль и Владыка Келеборн в сопровождении множества лориэнских эльфов в серых плащах, с сияющими бриллиантами в волосах. Последним ехал Элронд, славнейший и могущественнейший среди эльфов и людей. Рука его сжимала скипетр Аннуминаса, а рядом с ним серая верховая лошадь несла его дочь Арвен, Вечернюю Звезду своего народа.

Завидев ее, точно мерцавшую в сумерках, со звездами на челе, в облаке сладостных ароматов, изумленный и восхищенный Фродо сказал Гэндальфу:

— Наконец-то я понял, чего мы здесь дожидались. Вот истинное завершение всей истории. Отныне не только дни будут радостными, но и ночи станут благословенными и прекрасными, а ночные страхи сгинут бесследно.

Король приветствовал гостей, и когда они спешили, Элронд

вложил в одну его руку скипетр, а в другую — ладонь своей дочери. Вместе они поднялись в Верхний Город, и ночное небо расцвело звездами. Так в Городе королей, в ночь накануне летнего солнцестояния, Арагорн, король Элессар, взял в жены Арвен Андомиэль, увенчав счастливым концом повесть о своем долгом и многотрудном ожидании.

Глава 6.

ВСТРЕЧИ И ПРОЩАНИЯ

Отшумели веселые празднества, и члены Дружества все чаще стали задумываться о возвращении. В конце концов Фродо решил поговорить об этом с Арагорном. Царственную чету он нашел у фонтана, под цветущим Древом, где Арвен исполняла песнь Валинора. Завидев хоббита, король и королева поднялись, приветствуя его по эльфийскому обычаю.

— Я знаю, зачем ты явился, Фродо, — заговорил первым Арагорн. — Тебе не терпится вернуться домой. Ну что ж, дорогой друг, всякое дерево лучше всего растет на родной земле. Однако помни, что в землях Запада тебя всегда будет ждать радушный прием. Доселе о твоём народе слышали лишь немногие, но теперь Хоббитания превзойдет славой многие королевства, некогда великие, а ныне оставшиеся лишь в людской памяти.

— Верно, — кивнул Фродо, — меня и вправду тянет домой, но сперва хотелось бы побывать в Разлоге. Уж больно мне недостает Бильбо. Я опечалился, не увидев его среди приехавших с Элрондом.

— Чему ты удивляешься. Хранитель Кольца? — промолвила Арвен. — Тебе ли не знать, какова сила того, что ныне уничтожено? Ныне все сотворенное этой силой уходит из мира, но не забывай, что твой родич пробыл под ее властью куда дольше, чем ты. К тому же, по меркам твоего народа, он очень стар и после того как встретится с тобой, предпримет лишь одно, последнее путешествие.

— В таком случае, — сказал Фродо, — я прошу разрешения уехать как можно скорее.

— Задержись еще на неделю, — предложил Арагорн, — и мы вместе поедem до самого Разлога. Через три дня прибудет Эйомер. Он заберет прах Тейодена, дабы тот упокоился на родине, а мы будем сопровождать его. А прежде чем расстанемся — знай: я утвердил решение Фарамира. Свободный доступ во владения Гондора навсегда останется за тобой и твоими друзьями. Поверь, я был бы рад сделать для тебя все, что угодно, но не знаю награды, достойной твоего подвига. Могу лишь обещать, что поедешь ты с почестями,

подобаящими великому герою.

— А вот у меня, пожалуй, найдется для тебя дар, — добавила Арвен. — Ты ведь знаешь, я дочь Элронда, но когда придет его час отправляться в Гавани, меня с ним не будет, ибо мой выбор, радостный и горький, — это судьба Лютиэн. Так вот, Хранитель Кольца, я уступаю тебе право уйти за Море, если ты того пожелаешь. Если не уймется боль, если память о тяжком бремени будет лежать камнем на твоём сердце — уходи на Запад, где нет места ни тоске, ни усталости. А пока — на память об Эльфийском Берилле и Вечерней Звезде, с которыми тебя связала жизнь, возьми вот это, — она сняла висевший на серебряной цепочке и сиявший звездным светом на её груди драгоценный кулон и надела на шею Фродо. — Носи его. Когда подступят воспоминания о страхе и Тьме, он принесет тебе облегчение.

Спустя три дня, как и говорил Арагорн, в город во главе эйоредов славнейших воителей Марки прибыл Эйомер Роханский. В его честь в Меретронде, в Зале торжеств, был дан пир. Сидя за столом, король Рохана дивился красоте Галадриэли и Арвен, а едва празднество закончилось, обратился к Гимли:

— Наготове ли твой топор, достойный сын Глоина?

— Нет, досточтимый вождь, — отвечал гном, — но его недолго и принести, если возникнет надобность.

— Рассуди сам, — промолвил Эйомер. — Между нами и по сию пору лежат опрометчивые слова, сказанные мной о Владычице Золотого Леса. Ныне я увидел её собственными глазами.

— И что же ты скажешь теперь? — спросил Гимли.

— Увы, — вздохнул Эйомер. — Я не могу назвать её прекраснейшей из живущих.

— Тогда я схожу за топором, — откликнулся гном.

— Но позволь мне сначала пояснить, — продолжил Эйомер. — Случись мне встретить Владычицу в любом другом окружении, ты услышал бы от меня именно то, чего желаешь. Но сейчас я отдаю первенство Вечерней Звезде, королеве Арвен, и готов сразиться со всяким, кто этого не признает. Ну что, послать мне за мечом?

— Не стоит, благородный Эймер, — молвил Гимли с низким поклоном. — Я прощаю тебя. Ты избрал Вечер, а мое сердце отдано Утру. И сердце подсказывает мне, что скоро Утро уйдет, уйдет навсегда.

Наконец настал день отъезда — пышная многолюдная процессия готовилась отбыть на север. Оба короля, и гондорский государь, и правитель Рохана, явились в Рат-Динен и, возложив останки Тейодена на золоченые носилки, в молчании пронесли их по городу. У Ворот носилки поместили на колесницу, окруженную конниками. Перед ней везли развернутое королевское знамя, а на колеснице, с оружием павшего государя, сидел его оруженосец — хоббит Мериадок Брендибак.

В последний путь Тейодена провожали все члены Дружества. Фродо, Сэмиус и Гэндальф на Светозаре ехали в свите Арагорна, а Леголас и Гимли, как всегда, скакали вдвоем на Эроде.

С ними отправилась и королева Арвен, и Келеборн, и Галадриэль с эльфами, Элронд с сыновьями, князя Дол-Амрота и Итилиэна, а также множество знатных вождей и рыцарей. Никогда прежде ни один государь Марки не удостоивался столь великолепных проводов, как возвращающийся в родную страну Тейоден, сын Тенгела.

Кортеж неспешно достиг Анориэна, а когда приблизился к Серому Лесу, под склонами Эмон-Дина, с холмов донесся гул барабанов, хотя на виду не появлялся никто живой. Тогда Арагорн повелел вострубить в трубы, и герольды возгласили:

— Внемлите указу короля Элессара! Отныне и навеки лес Друадан отдается во владение народу Гхан-бури-Гхана, и да не вступит в него никто без их дозволения.

Барабаны грянули громом и разом смолкли.

После пятнадцатидневного пути погребальная колесница Тейодена прибыла в Эдорас. Гостей встретил налитый светом, украшенный прекрасными гобеленами Золотой Чертог, где был дан великолепный пир, какого Медусельд не помнил со дня своего возведения. Спустя три дня состоялся погребальный обряд. Прах Тейодена с оружием и множеством принадлежавших павшему королю ценностей поместили в каменный склеп, над которым насыпали высокий курган, быстро покрывшийся зеленой травой и

белыми звездочками Неувядающей Памяти. Теперь с восточной стороны Курганного луга высились восемь курганов.

Всадники из королевского дома на белых конях скакали вокруг кургана и пели песнь о Тейодене, сыне Тенгела, сложенную королевским менестрелем Глеовином. Больше он уже песен не слагал. Торжественный, медленный распев трогал даже тех, кто не знал здешнего языка, а рохирримы внимали ему с горящими глазами, словно все воспетое представало перед ними воочию. Далеко на севере грохотали копыта, и голос Эйорла перекрывал шум битвы при Келебранте. Повествование о королях уводило все дальше, и рог Хельма звучал в горах, и вот уже пала Тьма, и восстал король Тейоден, и сквозь Тень поскакал в пламя, и пал в величии, когда снова настало утро и солнце, на возвращение которого люди уже не смели надеяться, осветило склоны Миндоллуина.

Из мрака, из тьмы, восходу навстречу
Воин скакал с клинком гневливым.
Велик воитель, велика утрата!
Но смерть превозмог, и смерти превыше
Пребудет вовек посмертная слава!

Мерри рыдал, стоя у подножия кургана, а когда песнь отзвучала, горестно воскликнул:

— Прощай, Тейоден, славный, добрый Тейоден! Ты был для меня отцом, но, увы, недолго. Прощай!

Когда церемония завершилась, стихли стенания плакальщиц и Тейоден остался лежать, укрытый землей и камнем, люди собрались в Золотом Чертоге на тризну, не слишком печальную, ибо ушедший король дожил до преклонных лет и ушел из жизни, стяжав славу, не уступавшую славе великих предков. И когда пришло время почтить память былых государей, вперед выступила Эйовин, белая, как снег, золотая, как солнце. Она поднесла Эйомеру полную до краев чашу.

Тогда встал менестрель. Знаток преданий перечислил поименно всех государей Марки: Эйорла Юного, и Брего, воздвигшего Чертог, и Алдора, брата злосчастливого Бэлдора, и Фреа, и Фреавина, Голдвина, Деора, и Грама, и Хельма, укрепившегося в Хельмовой Теснине, когда Рохан опустошили враги, — так поднялись девять курганов с западной стороны, ибо прямая линия пресеклась, и другие курганы

насыпали уже напротив — там погребли Фреалафа, сына сестры Хельма, и Леофу, и Вальду, и Фолька, и Фольквина, и Фенгела, и Тенгела, и последним из них — Тейодена. И когда прозвучало имя Тейодена, Эймер осушил чашу. Эйовин приказала слугам наполнить все кубки: гости встали и выпили за нового короля, восклицая:

— Да здравствует Эймер, король Марки!

В самом конце пиршества Эймер поднялся и объявил:

— Сегодня мы поминаем короля Тейодена, но прежде чем вы разойдетесь, я хочу сообщить вам радостную весть. Уверен, покойный государь не осудил бы меня, ибо для сестры моей Эйовин он всегда был вместо отца. Слушайте же, сородичи и высокочтимые гости, благородный народ из разных земель, никогда прежде не собиравшийся в этом Чертоге. Фарамир, наместник Гондора и князь Итилиэна, просит руки Эйовин, Девы Рохана, и она дает на то свое согласие. Перед всеми вами я объявляю об их помолвке.

Фарамир и Эйовин выступили вперед. В честь молодых зазвучали здравицы, гости осушили кубки, а Эймер, соединив их руки, сказал:

— Да будет этот союз счастлив и крепок, и станет он залогом еще более тесной дружбы между Гондором и Роханом.

— Ты не скуп, Эймер, — заметил Арагорн, — коли отдаешь Гондору прекраснейшее из сокровищ своего королевства.

Эйовин взглянула ему прямо в глаза и промолвила:

— Пожелай мне счастья, мой государь и исцелитель.

— Я пожелал тебе счастья в тот миг, когда впервые тебя увидел, — ответил он. — Твоя радость — отрада моего сердца.

После празднества те, кому предстояло уехать, простились с оставшимися. Арагорн со своими рыцарями и эльфы из Лориэна и Разлога подготовились к отъезду. Фарамир и Имрахил оставались в Эдорасе. Оставалась и Арвен. Она простилась с братьями, а потом удалилась с отцом в холмы, где долго говорила с ним, укрывшись от посторонних взоров. Горестной была их разлука, ибо расставались они до конца времен.

Когда отъезжавшие уже собирались тронуться в путь, Эймер и Эйовин подошли к Мерри.

— Прощай, Мериадок из Хоббитании, ставший рыцарем Марки, — молвил король. — Счастливого тебе пути. И возвращайся, в Эдорасе тебя всегда встретят с радостью. Я бы рад одарить тебя на манер древних королей так, чтобы ни одна повозка не смогла вместить всех сокровищ, но что делать, если ты не хочешь брать ничего, кроме доспехов. Я вынужден смириться, ибо у меня нет награды, достойной твоего подвига, но один подарок все же прошу принять в память о Дернхельме и рогах Рохана, призвавших утро.

И тут Эйовин протянула Мерри маленький серебряный рог на зеленой перевязи. По рогу вилась искусная гравировка — изображения скачущих всадников и таинственные руны.

— Этот рог — наследственное достояние нашего рода, — сказал она. — Он очень древний, привезен с севера еще Эйорлом, а сработали его гномы. На нем чары: стоит вострубить в него, как враги устроятся, а друзья возрадуются, и их сердца укрепятся мужеством.

От такого дара Мерри отказаться не мог. Он принял рог, поцеловал руку Эйовин, обнялся с Эйомером, и они расстались.

Из Эдораса путь лежал к Хельмовой Теснине, где спутники задержались на два дня. Леголас выполнил обещание, данное Гимли, и посетил с ним Блещающие Пещеры, откуда вернулся на удивление задумчивый и молчаливый.

— У меня нет слов, чтобы описать увиденное, — отвечал он на все вопросы, — да и невозможно рассказать о Пещерах лучше, чем это сделал Гимли. Впервые от начала времен гном превзошел эльфа в речах. Но мы еще сравняем счет, ведь нам предстоит побывать в Фангорне.

Следующая остановка была сделана в Айсенгарде, совершенно преображенном трудами энтов. От кольца стен не осталось и следа, пространство внутри превратилось в сад, по которому протекала река. Посреди сада лежало чистое озеро, и высившаяся над водой черная неприступная башня отражалась в нем, словно в зеркале.

С того места, где прежде находились ворота, а теперь, словно часовые, стояли два раскидистых дерева, путники в изумлении взирали на неузнаваемо изменившуюся долину. Казалось, что окрестности пусты, но вскоре послышалось знакомое «хумм-хум», и навстречу им вышли Древобрад с Проблеском.

— Добро пожаловать в сад Ортханка, — прогудел старый энт. — Я знал, что вы идете, да уж больно заработался — дел еще непочатый край. Но, как я слышал, и вы у себя там, на юге и на востоке, тоже не сидели сложа руки. И все, что вы сделали, сделано хорошо, очень хорошо.

Как оказалось, Древобрад был прекрасно осведомлен о случившемся. Он долго рассыпался в похвалах, потом немного помолчал, пристально глядя на Гэндальфа, и наконец сказал:

— Да, могуч ты оказался, и все твои труды обернулись во благо. Теперь-то куда держишь путь? И зачем к нам пожаловал?

— Взглянуть, как у тебя тут дела, друг мой, да поблагодарить за помощь, — отвечал маг.

— Хумм-хум, ну что ж, это, пожалуй, справедливо, — прогудел Древобрад. — Энты внесли свой вклад, не без того. Мало сказать, что мы разделились с тем, хумм, проклятым древоубийцей, который жил в башне. Потом случилось нашествие этих, бурарум, этих злоглазых-черноруких кривоногих-жесткосердных когтелопых-гнузнобрюхих-кровожадных, моремай-тескинкахонда, хум... ну, вы народ торопливый, а их полное имя длинное, как годы мучений. Короче говоря, эти мерзкие орки нагрянули с севера, перешли Реку и окружили лес Лаурелиндоренан. Войти туда, правда, так и не вошли, благодаря присутствующим здесь Великим, — он поклонился Владыке и Владычице Лориэна, — а когда мы спустились с нагорья, и эти твари встретились с нами, они сильно удивились, потому что никогда прежде и слышать о нас не слышали, хотя то же самое можно сказать и о не в пример более достойных народах. Но вряд ли они нас запомнят, потому как запоминать некому — мало кто из них остался в живых. И это было хорошо для вас, ведь не повстречайся они с нами, король Травяной Земли не ускакал бы далеко, а если бы все же ускакал, у него, пожалуй, не осталось бы дома, куда можно вернуться.

— Мы знаем, — откликнулся Арагорн, — и об этом никогда не забудут ни в Минас-Тирите, ни в Эдорасе.

— Никогда — слишком долгое слово даже для меня, — отозвался Древобрад. — Ты хотел сказать «пока существуют наши королевства», а им надо просуществовать по-настоящему долго, чтобы этот срок показался долгим для энтов.

— Начинается новая эпоха, — заметил Гэндальф, — и может стать, что королевства людей переживут даже тебя, мой друг Фангорн. Но поговорим лучше о делах нынешних. Как там Саруман, не тоскует ли в Ортханке? Ты, конечно, улучшил вид из его окон, но не думаю, чтобы он сказал тебе за это спасибо.

Древобрад смерил Гэндальфа долгим и, как показалось Мерри, лукавым взглядом.

— А! — промолвил он. — Я так и думал, что в конце концов ты заговоришь об этом. Не тоскует ли в Ортханке? Да, под конец затосковал изрядно, хотя тоску на него нагоняла не столько башня, сколько мой голос. Хум! Видишь ли, я тут рассказывал ему всякие истории. Длинные истории, конечно, по вашим меркам.

— А почему он их слушал? Ты что, заходил в Ортханк? — спросил Гэндальф.

— Хум, нет, в башню я не заходил, — усмехнулся Древобрад. — Он сам подходил к окошку и слушал, больше-то новости вызнать было неоткуда. Хоть они были ему и не по вкусу, новости эти, но он всегда выслушивал меня до конца. Видно, больно уж хотел знать, что, где да как. Ну а к новостям я от себя добавлял многое, о чем ему стоило поразмыслить. Да, под конец он вовсе в тоску ударился. Очень уж торопливый был, это его и сгубило.

— Я приметил, добрый Фангорн, — сказал Гэндальф, — что ты подчеркнуто употребляешь слова вроде «был», «хотел», «тосковал» — все в прошедшем времени. А сейчас-то как дела обстоят? Или он помер?

— Нет, помереть, насколько мне известно, не помер... — Фангорн отвел глаза... — Просто он ушел. Да, ушел неделю назад. Я его отпустил. Когда он вылез наружу, от него мало что оставалось, а тот червяк, что при нем, и вовсе превратился в бледную тень. Не напоминай мне, Гэндальф, что я обещал держать его взаперти, сам прекрасно знаю. Но с тех пор многое переменилось. Я ведь зачем его стерег, чтобы от него вреда не было, разве не так? Но тебе ли не знать, как мне претит держать в неволе живых существ: даже таких, как он, нельзя сажать в клетку без крайней нужды. Змея без зубов может ползти куда вздумается.

— Может, ты и прав, — покачал головой Гэндальф, — но, по моему разумению, у этой змеи один зуб остался. В его голосе яд:

думаю, он ухитрился убедить тебя, даже тебя, Древобрад, нащупав в твоём сердце уязвимое место. Но раз он ушел, тут и говорить больше не о чем. Ортханк теперь возвращен к королю, своему истинному владельцу. Правда, ему башня, возможно, и не понадобится...

— Поживем — увидим, — сказал Арагорн. — Вся эта долина отныне принадлежит энтам, пусть делают здесь что хотят, но я попрошу их приглядывать за Ортханком и никого не пускать туда без моего позволения.

— Не больно-то туда войдешь, — прогудел Древобрад, — башня на замке. Я велел Саруману запереть ее, а ключи отобрал. Они у Проблеска.

С поклоном — ни дать ни взять склонившееся на ветру дерево — Проблеск протянул Арагорну два больших черных ключа причудливой формы, соединенных стальным кольцом.

— Еще раз благодарю, — сказал Арагорн энтам. — На этом мы распрощаемся. Пусть ваш лес разрастается, не зная тревог, а когда он заполнит собой всю долину, найдется место и к западу от гор, где вы недавно бродили.

Лицо Древобрада погрузнело.

— Лес-то может разрастись, — печально прогудел он, — деревья-то умножатся в числе, а вот энты — никогда. У нас нет энтингов.

— Так почему бы вам не продолжить поиски? — предложил Арагорн. — Путь на восток снова свободен, лежащие там земли для вас открыты.

— Это слишком дальний путь, — покачал головой Древобрад, — и теперь там слишком много людей. Но прошу прощения, я совсем забыл об учтивости. Не задержитесь ли вы здесь, чтобы немного отдохнуть? А может быть, кому-то из вас, — тут он посмотрел на Келеборна и Галадриэль, — будет приятно сократить путь домой, пройдя лесом Фангорн?

Но все, кроме Леголаса, ответили, что должны распрощаться и удалиться. Каждого ждала своя дорога, кого на юг, кого на запад.

— Ну а мы, — сказал Леголас Гимли, — с разрешения Фангорна заглянем в самую чашу и увидим такие деревья, каких больше нет нигде в Средиземье. Лесом и к дому пройдем, благо нам по пути.

Верный своему обещанию, гном согласился, хотя, как казалось, без особого восторга.

— Вот и расходится наше Дружество, — молвил Арагорн. — Но, надеюсь, вы оба в скором времени вернетесь в мою державу с обещанной помощью.

— Обязательно придем, государь, как только получим дозволение наших правителей, — заверил Гимли. — Ну, прощайте, мои славные хоббиты. Уж теперь то, думаю, вы доберетесь до дома благополучно, и мне не придется не смыкать глаз, опасаясь за вашу участь. Конечно, мы будем пересылать вести, быть может, нам выпадет случай навестить друг друга, но все вместе, боюсь, уже больше не соберемся. Доброго нам пути.

Древобрад распростился с каждым по очереди и с особым почтением, трижды, поклонился Келеборну и Галадриэли.

— Много, много времени утекло с тех пор, как встречались мы у ствола дерева или у камня, — прогудел он. — А Ванимар, ванималион иостари! Печальна наша встреча перед закатом, ибо мир меняется. Я чувствую перемены в воде, в земле и в дуновении ветра. Сдается мне, больше мы не увидимся.

— Не знаю. Старейший, — ответил Келеборн.

А Галадриэль сказала:

— Непременно встретимся, но не в Средиземье, и лишь после того, как земли, лежащие сейчас под волнами, снова поднимутся на поверхность. Тогда по весне, в ивовых рощах Тасаринана, мы встретимся вновь.

Последними с энтом прощались Мерри и Пиппин. Глядя на них, он повеселел и промолвил:

— Ну что, веселый народец, не хотите ли напоследок выпить со мной глоточек-другой?

— Еще как хотим, — дружно ответили хоббиты, и Древобрад отвел их под тенистое дерево, где стоял большой каменный кувшин.

Он наполнил три кубка, и хоббиты, пригубив, заметили, что старый энт лукаво поглядывает на них поверх чаши.

— Осторожнее, осторожнее, — усмехнулся он. — Вы и так подросли с той поры, как мы виделись в последний раз.

Хоббиты рассмеялись и осушили кубки.

— Что ж, до свидания, — сказал Древобрад. — И не забудьте, коли там, у себя, прослышите что-нибудь про энтийских жен, непременно пошлите мне весточку.

Он помахал им вслед своими ручищами и скрылся в лесу.

Когда всадники добрались до Роханского Провала, пришло время расставаться и с Арагорном. Распростились неподалеку от того места, где Пиппин заглянул в Камень Ортханка. Прощание было грустным, ведь они проделали вместе долгий, нелегкий путь.

— Вот бы мне такой камень, чтоб в нем можно было увидеть друзей да поговорить с ними, — вздохнул Пиппин.

— Такой, что для этого годится, всего один и остался, — откликнулся Арагорн. — Тебе вряд ли понравилось бы то, что показывает камень Минас-Тирита. Ну а палантир Ортханка останется у меня — король должен знать, что происходит в его владениях. Кстати, не забывай, Перегрин Тук, — ты рыцарь Гондора и от службы тебя никто не освобождал. Сейчас ты в отпуске, а буде потребуешься — я призову. И не печальтесь, дорогие друзья, мы еще свидимся. Вспомните, мои владения лежат и на севере. Будет время, я обязательно туда наведаюсь.

Потом Арагорн простился с Владыкой и Владычицей Лориэна.

— Пройдя сквозь Тьму, ты обрел все, чего добивался, Элессар, — сказала Галадриэль. — Будь же мудр и достоин своего счастья.

А Келеборн добавил:

— Прощай, родич. Пусть твоя судьба будет лучше моей и твое сокровище останется с тобой до конца.

Дальше хоббитам предстояло ехать с Гэндальфом и эльфами. В час заката они тронулись в путь, а когда, отъехав немного, оглянулись, то увидели, что король Гондора смотрит им вслед. Он неподвижно восседал на коне в окружении своих рыцарей. В свете заходящего солнца их доспехи сверкали золотом, а мантия Арагорна вилась на ветру подобно белому пламени. Он поднял над головой свой зеленый берилл, и камень вспыхнул в его руке, как звезда.

Вскоре уменьшившийся в числе отряд, следуя течению Айсена, свернул на запад, пересек лежавшие за Провалом пустоши, а потом повернул к северу и вступил в Серые Земли. Местные жители бежали и прятались, ибо страшились эльфов, хотя знали о них только понаслышке — Дивный Народ почти никогда не бывал в этих краях. Спутников никто не тревожил, да они, сознавая свою силу, никого и не опасались: двигались неспешно, устраивая стоянки в приглянувшихся местах.

На шестой день после прощания с королем пересекли лес, что спускался с высившихся по правую руку отрогов Мглистых гор, а когда ближе к вечеру снова выбрались на открытую равнину, то повстречали двух странников весьма плачевного обличья — старика в грязно-белых лохмотьях и тащившегося за ним сгорбленного, жалкого нищего, непрерывно причитавшего и скулившего.

— Привет, Саруман, — окликнул старика Гэндальф. — Куда путь держишь?

— А тебе что за дело? — огрызнулся тот. — Мало тебе моего падения, так ты еще хочешь указывать, куда мне идти?

— Сам прекрасно знаешь, ничего я указывать не собираюсь ни тебе, ни кому другому, — сказал Гэндальф. — Мое время прошло, и что кому делать, нынче указывает король. Он взял на себя это бремя. Но зря ты не дождался его в Ортханке, мог бы убедиться в его мудрости и милосердии.

— Тем больше оснований было уйти, да поскорее, — раздраженно откликнулся Саруман. — Я не нуждаюсь ни в том, ни в другом. А на твой первый вопрос, коли ты и впрямь хочешь знать, отвечу. Я держу путь куда угодно, только бы подальше от его королевства.

— Значит, ты опять сбился с дороги, — усмехнулся Гэндальф. — Послушай, стоит ли попусту терять время в скитаниях? Мы готовы предложить тебе помощь.

— Вы? Мне? — скривился Саруман. — Нет уж, нечего надо мной насмехаться. По мне лучше ненависть, чем ваши ухмылочки. Это все она, владычица эльфов, — он бросил злобный взгляд на Галадриэль. — Всегда меня ненавидела, козни строила, всех против меня подбивала. Не сомневаюсь, она и встречу эту подстроила, чтоб

надо мной поглумиться. Жаль, я раньше не догадался, а то лишил бы вас этого удовольствия.

— Эх, Саруман, — вздохнула Галадриэль. — Тебе не приходило в голову, что у нас есть дела и заботы поважнее, чем за тобой гоняться? Радовался бы лучше тому, что случай снова свел нас вместе. Тебе дарована судьбой последняя возможность...

— Если и вправду последняя, я несказанно рад, — съязвил Саруман. — Не придется больше отказываться, и то хорошо. Пусть мои надежды рухнули, но и вашими я тешиться не намерен. Коли они у вас вообще остались! Глупцы! — продолжал он, злобно сверкнув глазами. — Я не зря веками изучал тайны Колец. Вы погубили себя, погубили сами, и знаете это не хуже меня. Разрушая мой дом, вы разрушили и свой собственный, и что бы со мной ни случилось, эта мысль будет служить мне утешением. На чем, хотелось бы знать, вы рассчитываете убраться за Море? На сером корабле, полном призраков?

Саруман разразился хриплым злорадным смехом, а потом огрел посохом своего скорчившегося в придорожной пыли спутника и вскричал:

— А ну вставай, идиот! Шевелись! Коли всем этим расчудесным всадникам приглянулась наша дорога, мы найдем себе другую. Поворачивайся, а то не получишь на ужин и корки!

Нищий съежился и занял:

— Бедный старый Грима! Бедный старый Грима! Вечно меня бьют, вечно ругают... Как же я его ненавижу! Как бы мне хотелось от него избавиться!

— Так и оставь его, — предложил Гэндальф.

Но Змеиный Язык лишь бросил на мага взгляд тусклых, полных ужаса глаз и поплелся за Саруманом. Поравнявшись со взиравшими на него с жалостью хоббитами, Саруман остановился.

— И вы здесь, недомерки? Что, тоже захотели поиздеваться? Конечно, какое вам дело до надобностей бедного старика. У самих-то небось всего вдоволь, и еды, и одежды — вон как вырядились. Табачок, надо думать, тоже имеется, и самый лучший. Знаю, знаю, откуда он взялся. Не пожалуете ли от щедрот на трубочку нищему скитальцу, а?

— Я бы дал, да у меня нету, — смутился Фродо.

— У меня немножко осталось, — сказал Мерри. — Погоди минуточку, сейчас найду, — он спешился, пошарил в притороченной к седлу суме и, достав оттуда кожаный кисет, протянул Саруману.

— Бери все, что есть. Это из запасов, найденных в развалинах Айсенгарда.

— Мой табачок, мой, и за него дорого плачено, — воскликнул Саруман, хватая кисет. — Тут, правда, не густо, ты-то больше забрал... Ну да ладно, нищему всякая кроха сгодится. Ограбленный должен радоваться, коли вор возвратит ему хоть самую малость. Ничего, ты еще попомнишь, каково зариться на чужое добро. Вот увидишь, дела в Южном Уделе вовсе не так хороши, как бы тебе хотелось. Долго тебе не нюхать табачку.

— Спасибо на добром слове, — фыркнул Мерри. — И раз так, отдавай кисет, он мой собственный, из дома захвачен. А табак заверни в свое тряпье.

— Между нами, ворами, какие счета? — хмыкнул Саруман, пряча кисет за пазуху, пнул Гриму и заспешил к лесу.

— Ничего себе, — присвистнул Пиппин. — Еще обзывается. Мы, видишь ли, воры. А кто на нас орков напустил, чьи слуги гнали нас через весь Рохан так, что мы еле живы остались?

— Орки — дело прошлое, — покачал головой Сэм. — Я больше насчет Хоббитании волнуясь. Вроде он сказал «куплена». Как, хотелось бы знать. И про Южный Удел он что-то такое говорил... мне очень не понравилось. Ох, чует мое сердце, домой нам надо, да поскорее.

— Кто ж спорит? — отозвался Фродо. — Надо, но быстрее не получится, если мы хотим повидать Бильбо. Что бы там ни было, а я сперва заеду в Разлог.

— Дело стоящее, — поддержал его Гэндальф. — А вот Саруман, бедняга, я вижу, совсем увял. Боюсь, тут уж ничего не поделаешь. Хотя в том, что Древобрад прав, меня все одно сомнение берет. Пропащий-то он пропащий, но на мелкую пакость еще вполне способен.

Далее путь пролегал по северной оконечности Серых Земель, зеленому, радующему глаз, но совершенно пустынному краю.

Пришел сентябрь, месяц золотых дней и серебряных ночей, а они ехали и ехали, пока не добрались до реки Лебедянки. К востоку от водопада, где она с плеском низвергалась в низину, обнаружился старый брод, а за ним уже начинался Эрегион. В одно погожее утро с лагеря, расположенного на вершине холма, высившегося над колеблющимся морем тумана, спутники увидели, как солнце осветило три пронзающих облака остроконечных пика — Карадрас, Келебдил и Фануидол. Они находились неподалеку от Врат Мории.

Здесь отряд задержался на семь дней. Близилось еще одно расставание. Келеборну и Галадриэли предстояло повернуть на восток, пройти перевалом у Багрового Рога, спуститься по Черноречной Лестнице к Серебряному Логу и речной долиной вернуться в свою страну. Они заехали так далеко на запад потому, что им нужно было о многом поговорить с Элрондом и Гэндальфом, да и теперь медлили с отъездом. Когда хоббиты засыпали, они ночи напролет просиживали под звездами, вспоминая радости и утраты минувших веков или размышляя о грядущем, но случись рядом путник, он увидел бы лишь неподвижные серые фигуры, похожие на воздвигнутые неведомо кем и заброшенные в глуши каменные изваяния. А услышать бы вовсе ничего не услышал, ибо Мудрые не говорили вслух: только их сияющие глаза вспыхивали еще ярче, когда они обменивались мыслями.

Но наконец все было сказано. Пришло время расставаться и им, но не навсегда, а до той поры, когда Три Кольца должны будут покинуть Средиземье. Владыка и Владычица со своими спутниками отправились домой. Те, кто собирался в Разлог, смотрели с холма им вслед, и когда серые плащи лориэнских эльфов слились со скалами, сгустившийся туман озарила яркая вспышка. Фродо понял — Галадриэль в знак прощания подняла руку, и на ней сверкнуло Кольцо.

Сэм отвернулся, вздохнул и пробормотал:

— Вот бы еще разочек побывать в Лориэне.

Путь продолжился, и как-то под вечера за краем верескового взгорья показались огни Разлога. Путники спустились в долину, пересекли мост и вступили в полный света, песен и радости дом Элронда.

Перво-наперво, не поев, не умывшись и даже не сбросив плащей, хоббиты бросились искать Бильбо и нашли его сидящим в кресле перед камином, в комнатухе, заваленной бумагами, перьями и карандашами. Он совсем одряхлел, но выглядел умиротворенным и сонным.

При их появлении Бильбо открыл глаза.

— Привет, привет! — проговорил старый хоббит. — Вернулись, значит? А завтра как раз мой день рождения. Ловко вы подгадали. Знаете, мне ведь стукнет сто двадцать девять. Коли протяну еще год, так, глядишь, и сравняюсь со Старым Туком. Хотелось бы мне его переплюнуть... ну да там видно будет.

Отпраздновав день рождения Бильбо, хоббиты задержались в Разлоге еще на несколько дней и почти все это время провели в обществе старого друга. Теперь он редко покидал комнату, выходил только к столу, правда, туда его лишний раз звать не приходилось. Уж на что стал соня, но чтобы завтрак проспать, такого за ним не замечалось.

Сидя у огня, друзья рассказывали ему все, что могли припомнить о своих путешествиях и приключениях. Поначалу Бильбо делал вид, будто записывает, но частенько задремывал, а потом, встрепенувшись, говорил:

— Великолепно! Просто потрясающе! На чем это мы остановились? — и они заново возвращались к тому месту, где он начинал клевать носом.

Единственным, что заинтересовало его по-настоящему и было выслушано с полнейшим вниманием, оказался рассказ о коронации и свадьбе Арагорна.

— Меня, конечно, приглашали, — сказал он, — я ведь долго этого ждал. Но сборы да переезды — это так хлопотно, а у меня и здесь дел по горло...

Спустя две недели, выглянув поутру из окошка, Фродо приметил побелевшие паутинки — ночью их прихватило морозцем. И тут он неожиданно понял, что пора уезжать, пора расставаться с Бильбо. По-прежнему стояли тихие, погожие дни, но уже наступил октябрь, лето, самое благодатное на людской памяти, кончилось, так что вскорости следовало ожидать ветров и дождей, а путь предстоял неблизкий. Но, по правде сказать, его тревожила вовсе не погода, он просто-напросто

чувствовал — надо возвращаться в Хоббитанию. Да и Сэм, похоже, чувствовал то же самое. Как раз накануне он сказал:

— Да, сударь, где мы с вами только не побывали, чего только не повидали, но, сдается мне, лучше этого места не сыскать. Здесь от всего понемножку есть, ежели вы меня понимаете: и от Хоббитании, и от Золотого Леса, и от Гондора. Тут тебе и палаты королевские, и постоянный двор, и луга, и горы — всего понамешано. Оно бы и ладно, да только я нутром чую — засиделись мы, пора уходить. Честно признаюсь, что-то мне за папашу боязно.

— Да, Сэм, тут всего хватает, кроме Моря, — отозвался Фродо и повторил про себя. — Кроме Моря.

В тот же день Фродо поговорил с Элрондом, и порешили на том, что хоббиты отправятся в путь завтра утром. Узнав об этом, Гэндальф, к превеликой их радости, сказал:

— А что, поеду-ка я, пожалуй, с вами. По крайней мере до Пригорья. Мне охота Свебигуза навестить.

Вечером они зашли попрощаться с Бильбо.

— Что ж, — молвил старый хоббит, — надо так надо, ничего не поделаешь. Конечно, жаль расставаться, я по вам скучать буду. Приятно было знать, что вы рядом, хоть меня в последнее время без конца в сон клонит.

Потом он вздумал подарить Фродо мифрильную кольчугу и Жало, начисто позабыв, что они уже давно подарены, и вручил ему три исписанные в разное время книги, на красных переплетах которых красовалась наклейка с надписью «Переводы с эльфийского, выполненные Б. Б.»

Сэм получил маленький кошелек с золотом.

— Почитай, последние зернышки из Смоговых закромов, — сказал Бильбо. — Может пригодиться, ежели жениться надумаешь.

Сэм покраснел.

— Ну а вам, ребятня, — обратился он к Мерри и Пиппину, — мне нечего подарить, кроме доброго совета. Кончайте головы отращивать, этак на вас скоро никакая шляпа не налезет. И вообще хватит расти, не то на одежке разоритесь.

— Коли ты сам затеял переплюнуть Старого Тука, — не полез за

словом в карман Пиппин, — то я не вижу, почему бы нам с Мерри не обогнать Быкобора.

Бильбо рассмеялся и вытащил из кармана две превосходные, искусно отделанные серебром трубки с перламутровыми мундштуками.

— Держите, вспоминайте меня, когда курить будете. Эльфы их для меня сделали, да только я больше не курю.

Тут он уронил голову и засопел, а когда проснулся, спросил:

— Так о чем мы тут говорили? Ах да, насчет подарочков. Кстати, о подарочках: Фродо, что стало с моим Кольцом, тем, которое ты унес?

— Бильбо, милый, так ведь его нету. Я от него избавился, ты же знаешь.

— Вот ведь жалость, — вздохнул Бильбо. — А так хотелось взглянуть на него еще разок. Нет, что за чушь! Ты ведь вроде за тем и шел, чтоб от него избавиться, да? Ох, сколько всего напуталось-намешалось, разве упомнишь. Тут тебе и Арагорновы дела, и Белый Совет, и Гондор, и конники, и южане, и олифанты... Сэм, ты и вправду олифантов видел? И пещеры, и башни, и золотые деревья, и уйму всего прочего. Куда моему путешествию до вашего! И чего я не вернулся кружным путем — Гэндальф бы мне много всякого показал. Правда, тогда я не поспел бы к торгам и, надо думать, хлебнул бы горяшка. Ну, а теперь слишком поздно. Ежели по правде, куда так приятнее сидеть спокойненько здесь да про все это слушать. Камин тут уютный, еда — прямо-таки отменная, а захочется компании, так кругом эльфы. Чего еще желать.

Тропинка в дальние края
Берет начало от крыльца.
Кто хочет — пусть идет, а я
Уже добрался до конца.

Тому, кто вышел в дальний путь.
Дорога, будь ему легка!
А я желаю отдохнуть,
Поесть, вздремнуть у камелька.

С последними словами голова Бильбо упала на грудь, и он крепко заснул.

Вечерело. В комнате становилось темнее, но яркий огонь камина освещал лицо Бильбо, и молча смотревшие на него хоббиты видели, что во сне старик улыбается. Потом, окинув взглядом каморку с плясавшими на стенах тенями, Сэм тихонько сказал:

— Сдается мне, сударь, не больно-то много он тут написал, пока нас не было. А уж нашу историю точно не закончит.

В ответ на это Бильбо приоткрыл глаза и встряхнулся.

— Вишь как меня сон одолевает, — промолвил он. — А когда есть время писать, тянет только на стихи. Фродо, дорогой, может, ты займешься моими записями? До отъезда не успеешь, так заberi с собой все заметки и дневник тоже. Понимаешь, мне никак времени не найти, чтобы все это разобрать да привести в порядок. Сэм тебе поможет, а как кончишь с бумагами, привози мне — взгляну, что у тебя получится. Не бойся, придираюсь не стану.

— Все сделаю в лучшем виде, — заверил Фродо. — И скоро вернусь, это уж само собой. Опасностей больше не предвидится. Теперь есть настоящий король, и он живо приведет дороги в порядок.

— Вот спасибо так спасибо! — растроганно произнес Бильбо. — Для меня это огромное облегчение.

И с этими словами он снова погрузился в сон.

На следующий день Гэндальф и хоббиты простились с Бильбо в его комнатке — снаружи было уже холодно, — а потом распрощались с Элрондом и его приближенными.

Уже на пороге, благословив Фродо и пожелав ему счастливого пути, Элронд добавил:

— Думаю, Фродо, если ты не сможешь вернуться сюда очень скоро, тебе не стоит возвращаться вовсе. Лучше как-нибудь осенью, примерно в эту же пору, когда леса Хоббитании наденут золотой убор, поищи Бильбо там. Я буду с ним.

Никто, кроме Фродо, этих слов не слышал, а он о них никому не рассказал.

Глава 7.

ДОРОГА ДОМОЙ

Наконец хоббиты распростились с Разлогом и повернули к дому. Всем не терпелось поскорее увидеть родную Хоббитанию, но в самом начале пути вышла задержка. Фродо неожиданно захворал. Он с трудом решился переправиться через Бруинен, а после переправы весь день молчал. Другьям казалось, что все это время он едва понимал, что происходит вокруг. Шло шестое октября.

— Больно, Фродо? — вполголоса спросил Гэндальф, подъехав к хоббиту.

— Да, — отозвался тот, — плечо болит. Рана ноет, сил нет, а вспомню, как ее получил, еще хуже становится. Сегодня как раз год исполнился.

— Увы! — со вздохом промолвил маг. — Бывают раны, которые до конца не залечишь.

— Моя, видать, из таких, — сказал Фродо. — И возвращаюсь я не по-настоящему. До Хоббитании-то, может, и доберусь, но боюсь, что ни родной край, ни я сам уже не такие, как прежде. Кинжал, паучий яд, зубы... многовато для одного хоббита. И моя ноша, она была со мной слишком долго. Где я найду покой?

Гэндальф не ответил.

Однако к концу следующего дня боль и слабость исчезли, и Фродо снова сделался веселым и бодрым, словно позабыл об изводившей его накануне черной тоске. Дальнейшее путешествие шло без помех, день пролетал за днем. Неторопливо, любуясь по дороге лесами, горевшими в лучах осеннего солнца золотом и багрянцем, спутники доехали до Выветрени.

Близился вечер, и темная тень холма падала на дорогу. Фродо попросил друзей поторопиться и целую милю ехал со склоненной головой, кутаясь в плащ и стараясь не смотреть на холм. К ночи погода переменилась. Налетевший с запада ветер, принесший холод и дождь, громко гудел в кронах деревьев, и желтые листья порхали в воздухе, точно птицы. Когда впереди, за плотной дождевой завесой,

стала вырисовываться Пригорская Круча, ветви уже почти облетели.

Поздним ненастным днем в конце октября пятеро путников поднялись по дороге к южным воротам Пригорья. Ворота была накрепко заперты. Дождь хлестал прямо в лица, по темнеющему небу бежали низкие тучи, и друзья чуток приуныли, они-то рассчитывали на более радушный прием.

Кричали и стучали долго, пока не появился привратник с увесистой дубинкой. Открыл он не сразу — подозрительно присматривался к незванным гостям, пока не узнал Гэндальфа и не увидел, что его спутники — хоббиты, хотя и очень странно одетые. Ворота распахнулись, повеселевший привратник приветствовал новоприбывших.

— Заходите, заходите, не дело под дождем мокнуть. Ну и вечерок выдался — холодина, сырость... Ступайте напрямик в «Пони», Свербигуз обрадуется. Там услышите все, что стоит послушать.

— Как сменишься, приходи туда, — рассмеялся Гэндальф. — Нам тоже найдется что рассказать А где Гарри?

— Ушел, — скривившись, ответил привратник. — Лучше Свербигуза поспрашайте, он знает. Доброго вам вечера.

— И тебе тоже.

Сразу за воротами у дороги приметили новое строение — длинный, приземистый одноэтажный дом. Высыпавшие оттуда люди настороженно поглядывали на путников из-за забора. А вот халупа Билла Прихвошня выглядела заброшенной, плетень покосился, окна заколочены досками.

— Как думаешь, Сэм, — любопытствовал Пиппин, — ты не зашиб его насмерть своим огрызком?

— Хорошо бы, но вряд ли, — откликнулся Сэм. — Впрочем, до этого прощелыги мне дела нет. Узнать бы, что с другим Биллом случилось, с моим пони. Он у меня долго из головы не шел: и как волки воют, и все такое. Сердце изболелось.

Наконец добрались до «Гарцующего пони». Трактир вроде бы не изменился, по крайней мере, снаружи. В нижних окошках за

красными занавесками горел свет. Гости нетерпеливо зазвонили в колокольчик. Ноб приоткрыл дверь, выглянул в щелочку и, разглядев в свете фонаря прибывших, вскрикнул от удивления.

— Хозяин! — заорал он. — Господин Свербигуз! Они воротились!

— Вот как? Ну я им сейчас задам! — слышался голос Свербигуза, а следом появился и он сам с дубинкой в руках.

При виде мага и хоббитов он оторопел; в следующий миг его мрачная физиономия расплылась в приветливой улыбке.

— Ноб, олух шерстолапый! — вскричал он. — Ты что, не мог старых друзей по именам назвать? Чтоб меня больше так не пугал, сам ведь знаешь, какое нынче времечко! Ну и ну, откуда вы, гости дорогие? Признаюсь, я уж и не чаял вас больше увидеть. Думал, сгинули: надо ж было додуматься, уйти в Глухоманье, да еще с Бродяжником, а вокруг эти страхолюды черные! Но я рад, честное слово, всем рад, а перво-наперво Гэндальфу. Входите, добро пожаловать! Комнатушке те же прикажете, что и в тот раз? Свободны, вас дожидаются. По правде сказать, сейчас почти все комнаты не заняты, скоро сами увидите. Устраивайтесь, а я похлопочу насчет ужина. Нынче все сам да сам, скоро руки отвалятся. Эй, Ноб, увалень несчастный, кликни-ка Боба! Ах, да, я запамятовал. Нету Боба, он на ночь домой отправился. Значит, ты и отведешь пони на конюшню. Пошевеливайся, недотепа! Гэндальф-то небось своего скакуна сам отведет. Прекрасный конь, дивный, я так и сказал, сразу как увидел. Ну, заходите, будьте как дома!

Свербигуз не изменился, такой же болтливый и суетливый, как прежде. Могло показаться, будто он и вправду разрывается от хлопот, но трактир выглядел почти пустым: из общей залы доносился негромкий разговор, голоса два-три, не больше. Когда хозяин зажег свечи и повел гостей в дом, все заметили, что вид у него озабоченный и на физиономии прибавилось морщин.

Друзья последовали за ним в ту самую комнату, где год назад провели памятную ночь. Они пребывали в некоторой растерянности: было ясно, что старина Свербигуз за напускной бодростью пытается скрыть какие-то неприятности. Оставалось подождать, пока все выяснится.

Как и предполагалось, вскоре после ужина Свербигуз заглянул

спросить, все ли им понравилось. Нареканий не было: по части снеди и пива перемен к худшему в «Гарцующем пони» не замечалось.

— А приглашать вас в общую залу я нынче и не решусь, — вздохнул трактирщик. — Вы с дороги устали, да и компании там считай никакой. Вот ежели уделите мне полчасика перед сном, я с удовольствием потолкую с вами и о том, и о сем здесь, без посторонних.

— Поговорить мы и сами не прочь, — отозвался Гэндальф, — да и какая там усталость. Оно конечно, мы промокли, продрогли да изголодались, но от всего этого ты нас уже вылечил. Присаживайся. А ежели у тебя еще и табачок найдется, мы тебя благословлять будем.

— Может, чего другого пожелаете? — смутился хозяин. — С табаком нынче туговато, только наш самосад, да и того не хватает. Из Хоббитании-то подвозу нету. Пойду, пошарю по кладовкам, может, чуток и наскребу.

Наскреб трактирщик изрядно, всей компании хватило бы на пару дней, но его кисет оказался набитым крупными, плохо порезанными листьями.

— Ничего лучше нет, — извиняющимся голосом произнес он. — Конечно, с листом из Южного Удела не сравнишь. Тамошний табак первейший: я всегда так говорил, хотя по части всего прочего, вы уж не обессудьте, Хоббитании до Пригорья далеко.

Хозяина усадили в большущее кресло у очага, Гэндальф расположился напротив, а хоббиты пристроились между ними на низеньких табуретах. Новостей было хоть отбавляй, и проговорили не один раз по полчаса. Многие из услышанного у Свербигуза вызывало недоверие пополам с восхищением, он только качал головой, разводил руками и без конца повторял:

— Да что вы говорите, господин Беббинс! Или Подхолмс? Я совсем запутался! Быть того не может, мастер Гэндальф! Да не может быть! Кто бы мог подумать, в наше-то время!

Но и ему нашлось что порассказать. Послушать его, так все шло наперекосяк, а про дела и говорить нечего — одни слезы.

— Путников в Пригорье нынче почитай и не бывает, — сетовал он, — а наши все больше по домам сидят, за семью запорами. Все

началось с тех шалопутов, что нагрянули с Зеленой Тропы в прошлом году; небось помните, вы их застали. Ну а потом они толпами повалили. Были среди них и просто неприкаянные бедолаги, видать, от лиха бежали, но по большей части народ собрался паршивый. Вор на воре и вором погоняет. С ними и у нас неприятности начались: ссоры, потасовки, а там и до смертоубийства дошло! До смертоубийства — можете вы в такое поверить?!

— Можем, можем, — хмыкнул Гэндальф. — Скольких убили-то?

— Двоих и троих, — ответил Свербигуз, имея в виду большунов и хоббитов. — Бедного Мэта Верескача, и Раули Плодожора, и коротышку Тома Репья из-за Кручи, а еще Вилли Обрывника да одного Подхолмса. Все славные ребята. А Гарри Козлолист, который привратник, вместе с Биллом Прихвоцнем переметнулся к пришлецам, да с ними и ушел. Я так думаю, они их и впустили в ту ночь, когда до драки дошло. Перед тем-то мы их вытурили, а сразу после Новогодья, тогда еще снег сильный был, они воротились. Ну и пошло... нынче они по окрестным лесам прячутся и промышляют разбоем. Житья от них нет, точно худые времена вернулись, о каких раньше только сказывали. По дорогам не проехать, никто за ворота носу не кажет, и запирают рано. До чего дошло — приходится караулы по ночам снаряжать, да не только у ворот, а по всей ограде.

— Странно, — покачал головой Пиппин. — Ехали мы не торопясь, особо не береглись, а никто нас не тронул. Думали, все тревоги позади остались.

— Кабы так, — вздохнул трактирщик. — Какое там позади... А что вас не тронули, оно не диво. Была им охота цепляться к тем, у кого мечи, да шлемы, да щиты всякие. Сто раз подумаешь, стоит ли связываться. Я и сам-то, как вас увидел, опешил.

Только сейчас хоббиты сообразили, что здешний народ удивляет не столько их возвращение, сколько оружие и доспехи. Они настолько свыклись с боевым снаряжением, что и думать не думали о том, как выглядят в родных краях сверкающие под плащами кольчуги, стальные шлемы и щиты с гербами Гондора и Рохана. Да и Гэндальф на невиданной стати скакуне, в серебристой мантии поверх белых одежд, с длинным Гламдрингом на поясе выглядел более чем внушительно.

— Ну-ну, — рассмеялся маг, — если ваши разбойники и пятерых испугались, бояться их нечего. Мы пострашнее врагов видали, не чета им. Надеюсь, пока мы здесь, вас оставят в покое.

— Да только надолго ли? — уныло промолвил Свербигуз. — Честно скажу, задержишься вы подольше, все рады будем. У нас тут народ не боевой, к таким заварухам непривычный, а Следопыты, как назло, все куда-то запропали. Не ценили мы их, ох не ценили. Так ведь по неразумию, что с нас взять? С разбойниками-то еще можно управиться, но тут и похуже дела делаются. Волки прошлой зимой под самой оградой были, а в лесу такие завелись... глянешь и обомрешь. Боязно здесь было, тревожно, уж поверьте на слово.

— Оно и не удивительно, — отозвался Гэндальф, — почитай во всех землях в те дни было тревожно, еще как тревожно. Но радуйся, Сафлор! Тебя эти великие тревоги только самым краешком задели, и хорошо, что не сильнее. Но скоро наступят лучшие времена, такие, каких ты и не припомнишь. Следопыты вернулись, мы с ними ехали. Но главное, Сафлор, — теперь снова есть король. Скоро у него и до вас руки дойдут. Снова откроется Зеленая Тропа, гонцы поскачут на север, дороги оживятся, а тварей твоих злобных из Глухоманья прогонят. Да и Глухоманья со временем не останется: люди поселятся, лес раскорчуют, землю распашут.

Свербигуз покачал головой.

— Супротив десятка-другого солидных, почтенных путников я, знамо дело, ничего не имею, но голодранцев да сорвиголов всяких здесь не надобно. Обойдемся без чужаков, и в Пригорье, и окрест. Пусть нас лучше в покое оставят. Чего хорошего, ежели пришлецы валом валить начнут? Только разор да маета!

— Да оставят вас в покое, Сафлор, — со смехом заверил трактирщика Гэндальф. — Между Айсеном и Сероструем места на всех хватит. Селиться будут перво-наперво там да в южном течении Брендивина, откуда до Пригорья топать и топать. Вон на севере, милях в ста отсюда, тоже люди живут — хоть бы на Северном Вσχолмье, что у дальнего конца Зеленой Тропы. Много тебе от них беспокойства?

— Места, может, и хватит, — упорствовал Свербигуз, — да только тамошний край гиблый, про то всем ведомо. Кто туда жить пойдет, кроме самых отпетых разбойников?

— Следопыты пойдут, — отвечал Гэндальф. — Твой «гиблый край», между прочим, на самом деле называется Форност Эрайн, Северест Королевский. В один прекрасный день король туда наведается. Тогда у тебя от гостей отбою не будет, да каких гостей!..

— Звучит заманчиво, — с сомнением прокряхтел Свербигуз. — Спору нет, делу бы оно на пользу пошло, ежели только Пригорье и вправду в покое оставят.

— Да сказал же тебе, все будет хорошо. Король Пригорье знает и любит.

— Это откуда же? — удивился трактирщик. — Король, он ведь небось сидит на троне в огромном замке, в сотнях миль отсюда да пьет вино из золотого кубка. Что ему «Пони» с нашим простецким пивом? Правда, пиво у меня неплохое, совсем даже неплохое. Особенно с прошлой осени, когда ты, Гэндальф, его заговорил. Одно только и утешение среди многих печалей.

— А он, — встрял в разговор Сэм, — и незаговоренное пил, да всегда нахваливал.

— Мое пиво? Кто нахваливал? — не понял трактирщик.

— Бродяжник, кто же еще. Вождь Следопытов. Ты что, еще не сообразил?

Свербигуз наконец сообразил и от изумления чуть не впал в столбняк. Глаза вытаращились, сделавшись чуть ли не круглее щек, челюсть отвисла.

— Бродяжник! — растерянно пролепетал он. — Бродяжник! На троне, с золотым кубком... Куда же мы катимся!

— К распрекрасным временам, во всяком случае для Пригорья, — с улыбкой отвечивал Гэндальф.

— Хотелось бы верить, — промолвил, подумав, Свербигуз. — Может, и впрямь все к лучшему обернется. Вас послушаешь, так и на сердце спокойней. Я не упомяну, когда в последний раз этак вот приятно беседовал. Нынче хоть спать с легким сердцем лягу. Конечно, вы тут столько всего наговорили, есть о чем поразмыслить, но это лучше отложить на завтра. Утро вечера мудренее. Пойду-ка в постель, да и вы небось тоже. Эй, Ноб! — позвал он, подходя к двери. — Ноб, лентяй... — неожиданно трактирщик осекся и хлопнул себя по лбу. — Ну вот, — пробормотал он себе под нос, — что-то все

это мне напомнило.

— Часом, не еще одно забытое письмо? — любопытствовал Мерри.

— Ох! — Свербигуз махнул рукой. — Об этом, господин Брендибак, вы мне лучше и не напоминайте. Но вы меня с мысли сбили. О чем это я? Ноб, стойла, корму задать... Ага, вот! У меня тут кое-что ваше имеется. Помните, у вас коней свели и пришлось покупать у Прихвошня его заморыша? Так вот, он здесь. Сам пришел, а откуда — вам оно виднее. Притащился весь драный, как старый пес, понурый, что твоя вешалка, но живехонький. Ноб за ним ухаживал.

— Что!? — вскричал Сэм. — Мой Билл? Да чего же я все-таки везучий, что бы там папаша ни говорил! Вот и еще одно желание исполнилось! Где он?

Спать Сэм отправился лишь после того, как навестил Билла в его стойле.

Путники провели в Пригорье весь следующий день, и к вечеру господин Свербигуз никак не мог пожаловаться на отсутствие посетителей. Любопытство пересилило все страхи, и трактир был набит битком. Хоббиты спустились в общую залу, посидели с гостями и ответили на множество вопросов. Память у пригорян крепкая, и Фродо не раз спросили, написана ли его книга.

— Нет еще, — отвечал он. — Дома закончу. Вот вернусь, буду приводить в порядок свои заметки.

Он обещал вовсе расписать поразительные события в Пригорье, с тем чтобы книга, посвященная главным образом далеким и не столь значительным делам, имевшим место «где-то на юге», стала хоть чуток поинтереснее.

Один юнец потребовал было песню, но его никто не поддержал. Гости нахмурились, им явно не хотелось никаких происшествий.

Их и не было: пока маг и хоббиты оставались в «Пони», ничто не тревожило покой брыльчан ни днем, ни ночью. Но рано поутру путники собрались в дорогу: дождь так и не прекратился, им хотелось попасть домой до ночи, а до Хоббитании еще ехать и ехать. Собралось немало провожатых, и физиономии у них были повеселее, чем в прошлом году. Кому еще не довелось повидать друзей во всем их великолепии, поразевали от изумления рты: величественный

белобородый Гэндальф словно светился, и его мантия походила на облачко, прикрывшее солнце, а четыре хоббита выглядели как странствующие рыцари из почти позабытых сказок. Даже те, кто смеялся над рассказами о короле, призадумались: а ну как в этих байках есть некая толика правды?

— Доброго вам пути и счастливого возвращения домой, — сказал на прощание Свербигуз. — Должен предупредить: ежели слухи не врут, так у вас в Хоббитании тоже не все ладно. Толкуют, будто там чудные дела творятся. Беда одна не ходит, как у нас говорят. Но, осмелюсь заметить, вы в своих скитаниях здорово изменились и, судя по виду, уладить домашние нестроения для вас плевое дело. Наведите там порядок. Желаю удачи! И не забывайте ко мне в «Пони» наведываться, чем чаще, тем лучше. Я буду рад.

Попрощавшись с трактирщиком, они тронулись в путь и вскоре выехали за западные ворота, откуда начиналась дорога к Хоббитании. Билл отправился с ними. Его снова основательно навьючили, но он бодро рысил рядом с Сэмом и выглядел весьма довольным.

— Хотел бы я знать, на что это Свербигуз намекал, — промолвил, размышляя вслух, Фродо.

— Я кое о чем догадываюсь, — угрюмо откликнулся Сэм. — Речь небось о том, что я в Зеркале видел: деревья рубят и все такое, а старика моего из наулка выставили. Эх, жаль, я раньше не воротился.

— Ив Южном Уделе что-то не так, — заметил Мерри. — Где ж это слыхано, чтобы у них трубочного зелья недоставало.

— Помяните мое слово: ежели дело дрянь, значит, не обошлось без Лотто, — заявил Пиппин. — Он всем пакостям корень.

— Без него, может, и не обошлось, но что корень, это едва ли, — промолвил Гэндальф. — Вы про Сарумана забыли, а он стал интересоваться Хоббитанией пораньше Мордора.

— Невелика беда, — хмыкнул Мерри. — Ты с нами, а значит, скоро все прояснится.

— С вами-то я вами, но лишь до поры до времени, — отозвался маг. — Скоро мы расстанемся. Я в Хоббитанию не поеду. Свои дела сами улаживайте, вы теперь ребята сноровистые. Неужто еще не поняли: мое время прошло. Больше я ничьих дел не устраиваю и даже

не помогаю устраивать. Да вам, друзья, и не нужна никакая помощь. Вы выросли, встали вровень с величайшими героями, так что я за вас не боюсь. А мне, если хотите знать, скоро поворачивать. Надобно к Бомбадилу наведаться. За все мое время мы с ним так толком и не поговорили. Он, ровно пень замшелый, с места не трогается, а я — перекасти-поле. Ну да вроде уж откатал свое, вот мы с ним и побеседуем. Нам есть что сказать друг другу.

Вскоре доехали до того места на Западном тракте, где распростились с Томом Бомбадиллом. Хоббиты почему-то надеялись, почти ожидали увидеть его, но дорога была пуста. Над курганами висел серый туман, густая завеса скрывала лежащую вдали Пущу.

Они остановились, и Фродо с тоской посмотрел на юг.

— Вот бы повидать его снова, — промолвил он. — Хотелось бы знать, как он там.

— Хорошо, как всегда, можешь не сомневаться, — заверил Гэндальф. — Все наши тревоги мимо него прошли, и все, что мы делали и видели, ему не больно-то интересно, разве вот только энты... А насчет повидать, может, тебе еще и выпадет случай. А сейчас я бы на вашем месте поспешил, чтобы поспеть к Брендивинскому мосту, покуда ворота не заперли.

— Какие еще ворота? — фыркнул Мерри. — Отродясь на дороге никаких ворот не было, сам ведь знаешь. В Баковинах — другое дело, но туда меня в любое время пустят.

— То-то и оно, что не было, — усмехнулся Гэндальф. — Что было и что есть — не одно и то же. Да и у ворот в Баковины может возникнуть больше затруднений, чем тебе думается. Ну, друзья мои, до свидания. Насовсем не прощаюсь, еще свидимся.

Он повернул Светозара: огромный конь легко перемахнул тянувшуюся вдоль обочины зеленую изгородь, перешел на галоп и вихрем умчался по направлению к курганам.

— Вот и опять нас четверо, как в самом начале, — промолвил Мерри. — Все позади осталось, будто мы спали, видели сон, а теперь потихоньку просыпаемся.

— А вот мне, — задумчиво отозвался Фродо, — наоборот кажется — что мы засыпаем снова.

Глава 8.

ДОМАШНИЕ НЕСТРОЕНИЯ

Уже наступила ночь, когда усталые, промокшие до нитки путники добрались наконец до Брендивина, где с удивлением обнаружили, что мост с обоих концов преграждают крепкие, утыканные шипами ворота. Сразу за мостом, на том берегу реки, виднелись какие-то новые строения: двухэтажные дома с тускло освещенными прямоугольными окнами. Выглядели они уныло и как-то совсем не по-хоббитански.

Друзья забарабанили в ворота. Некоторое время отклика не было, но потом, неожиданно, кто-то протрубил в рог, свет в одном из домов погас, и из темноты донесся сердитый голос.

— Эй, кого там нелегкая принесла? Поворачивайте оглобли. Слепли, что ли? Написано же: «От заката до рассвета проход воспрещен».

— Что тут прочитаешь, в такой темнотище, — крикнул в ответ Сэм. — И где это слыхано, чтобы хоббитов из Хоббитании держать под дождем? Нам что, до утра здесь торчать? Не разглядел я вашей писульки, а как разгляжу — тотчас порву.

Перед домом замелькали фонари, из двери высыпала целая орава хоббитов. Они открыли дальние ворота, некоторые перешли мост, но у внешних ворот замешкались. При виде путников решимости у них поубавилось.

— Ба, да это никак Хоб Заплетень! — воскликнул Мерри, признав одного из стражников. — Неужто не узнаешь? Разуй глаза, это я, Мерри Брендибак. Растолкуй, что тут за сыр-бор? И чего это ты у моста отираешься — раньше тебя из дома было не выманить?

— Вот те на! — ахнул старый Хоб. — И вправду господин Мерри! Живой, и одет ровно для битвы. А у нас поговаривали, будто вы сгинули, заблудились в Пуще... Рад вас видеть в добром здравии.

— А коли рад, так кончай таращиться да отворяй ворота, — отозвался Мерри.

— Прошу прощения, сударь, — смущенно ответил Хоб, — но у нас приказ.

— Какой еще приказ? Чей?

— Главнокомандующего из Бебня-на-Бугре.

— Главно... кого? — не понял Фродо. — Это кто ж такой? Уж, часом, не Лотто ли?

— Пожалуй, что и так, господин Беббинс, да только нам его по имени звать не велено. Главнокомандующий, и весь сказ.

— Да неужто? — хмыкнул Фродо. — Ну, может, оно и верно — нечего доброе имя Беббинсов позорить. Хорош родственничек, ничего не скажешь. Придется разобраться, поставить его на место.

Гомонившие по ту сторону ворот хоббиты разом примолкли.

— Вы бы, сударь, того, поосторожнее, — робко промолвил один. — Дойдет до Главнокомандующего, он вам таких речей не спустит. А будете шуметь — разбудите большуна.

— Да уж разбудим, можешь не сомневаться, — заявил Мерри. — И вряд ли его это обрадует. Выходит, ваш драгоценный Главнокомандующий, мало что сам безобразит, так еще и татей чужеземных набрал? Коли так, мы успели в самую пору.

Он соскочил с пони и, разглядев в свете фонарей поминавшуюся стражниками надпись, сорвал ее, изодрал в клочья и бросил за ворота. Хоббиты попятились — открывать ворота они явно не собирались.

— Пиппин, за мной! — позвал Мерри. — Вдвоем управимся.

Хоббиты пустились наутек, но за рекой снова протрубил рог, и в дверном проеме дома показалась высокая, грузная фигура.

— Это еще что такое? — ворчал большун. — Ворота ломать вздумали? А ну уматывайте, пока я вам шеи не посворачивал! — тут он осекся, заведя блеснувшие в темноте мечи.

— Кого я вижу? — насмешливо проронил Мерри. — Никак Билл Прихвощень! Собственной персоной! Ну так слушай: если ты сию же секунду не откроешь ворота, я пощекочу тебя вот этой штуковиной, — он показал клинок. — А как откроешь, дуй без оглядки. И чтоб духу твоего поганого здесь больше не было. Нам

разбойники без надобности!

Помедлив, Прихвощень отпер ворота.

— Давай сюда ключи! — велел Мерри.

Прощельга запустил в него связкой ключей, прошмыгнул мимо и побежал было дальше, но тут Сэмов пони взбрыкнул и так угостил бывшего хозяина задними копытами, что тот с криком отлетел в темноту. Больше о нем никто не слышал.

— Молодчина, Билл, — сказал Сэм, разумея пони.

— Так, — промолвил Мерри. — С большуном уладили, а с вашим Главнокомандующим мы еще потолкуем. Но сперва отдохнуть надо, мы, чай, с дороги. Эй, Хоб, вы тут, я вижу, трактир «У Моста» снесли да понастроили этих паскудных халуп. Вам же хуже, размещайте нас теперь на ночлег где хотите.

— Прошу прощения, господин Мерри, — проямлил Хоб. — Только это не допускается.

— Что не допускается?

— Посторонних привечать, еду расходовать и все такое...

— Да что тут у вас делается? — вконец потерял терпение Мерри. — Недород случился или как? Ведь лето было прекрасное, да и осень тоже.

— Нет, сударь, — прокряхтел Заплетень. — Недорода не было. Урожай собрали что надо, но куда все кануло, никто не знает. Это все «сборщики» да «делильщики» — шастают повсюду, обмеряют, взвешивают, считают и волокут все в свои закрома. Собирают-то они ретиво, а вот с дележкой худо обстоит. Большую часть собранного мы не видим.

— Ладно, — молвил, позевывая, Пиппин, — нет у меня охоты с устатку выслушивать всякие истории. Что поесть у нас у самих найдется. Отведите нам какую ни есть комнатенку. Вид у ваших сараев не больно уютный, но мне случалось ночевать в местах и похуже.

Хоббиты-караульщики замялись: нарушать правила было боязно, но возражать решительным, вооруженным до зубов путникам, двое из которых были необычайно рослыми и крепкими, никто не решился. Фродо распорядился вновь запереть ворота — по округе

могли рыскать всякие шалопуты, так что это имело смысл, — и друзья отправились в хоббитскую сторожку. Они постарались устроиться поудобнее, насколько позволяла убогая обстановка. Очаг в доме был плохонький, чадающий, койки в спальне на втором этаже узкие и жесткие, зато на стенах в изобилии красовались листы бумаги с правилами, запрещающими чуть ли не все на свете; впрочем, Пиппин тут же все их пообрывал. Пива не оказалось, еды нашлось всего ничего, но припасы у друзей имелись, так что они и сами поужинали, и со стражниками поделились. Правда, чтобы приготовить ужин, Пиппин дерзновенно нарушил правило № 4, а именно — побросал в очаг двухдневный запас дров.

— Ну, Хоб, — сказал он, подкрепившись, — теперь можно и байки твои послушать, только бы вот еще трубочку набить.

— Так ведь нету нынче табаку, — вздохнул Заплетень, — разве только для большунов. Все запасы как повымело. Ходили слухи, будто в конце прошлого года, после того, значит, как вы ушли из Южного Удела к Сарнскому броду, подводы сплошняком катили, все мешками с листом груженные. Этот Лотто...

— Придержи язык, Хоб, — оборвали сразу несколько караульчиков, — дойдет до Главнокомандующего — и тебе не поздоровится, и нам взбучки не миновать.

— Ничего до него не дойдет, коли среди вас доносчиков не сыщется! — возразил разгорячившийся Хоб.

— Ну и ну! — покачал головой Сэм. — Слушать противно. Ни тебе встретить-приветить, ни пивка, ни табаку, одни дурацкие правила да разговоры какие-то... тьфу, просто орочи. Я-то по возвращении отдохнуть думал, да гляжу, впереди работенки хоть отбавляй. И паршивой, я скажу, работенки. Давайте на боковую, утро вечера мудренее.

Как оказалось, у нового Главнокомандующего имелись свои способы узнавать новости. От Моста до Бугра путь неблизкий, никак не меньше сорока миль, но кто-то не поленился ночью передать весточку, в чем Фродо и его друзья убедились уже на следующий день.

Поначалу у них не было определенных планов — разве что передохнуть малость в Сухом Овражке — но теперь, увидев, как обстоят дела, порешили двинуть прямиком в Хоббитон. Поутру

оседлали пони и зарысили по Тракту. Уже не дождало, ветер унялся, однако небо оставалось серым, и окрестности выглядели на редкость тоскливо даже для осенней поры. Вокруг царило запустение, а поодаль то здесь, то там что-то дымилось, будто догорали пожары.

Ближе к вечеру, одолев миль двадцать, добрались до деревеньки, стоявшей прямо на Тракте. О «Плавучем Бревне», тамошнем постоялом дворе, ходила добрая слава. Путники уже предвкушали славный ночлег, но когда приблизились к восточной околице, оказалось, что дорога перегорожена. На загородке красовалась большая доска с надписью «Проезда нет», а позади толпилась большая группа околоточных с перьями на шляпах и дубинками в руках. Стражи порядка из всех сил тужились напустить на себя важный и грозный вид, но явно робели, а потому выглядели глуповато.

— Это еще что такое? — спросил Фродо, с трудом сдерживая смех.

— А то, господин Беббинс, — отвечал начальник околоточных, в отличие от своих подчиненных носивший аж два пера, — что вы арестованы за взлом ворот, срывание и разрывание Правил, нападение на привратников, незаконный переход границы, спанье в казенных постройках без дозволения и подкуп стражи путем накормления.

— А не маловато ли обвинений? — усмехнулся Фродо.

— Для начала вполне достаточно, — буркнул старший околоточный.

— Кстати, — подал голос Сэм, — можете добавить обзывание вашего Главнокомандующего распоследними словами, желание надавать ему по прыщавой роже и мыслишку, что околоточные шибко смахивают на записных болванов.

— Ладно, ладно... — пробормотал начальник. — Нам велено без лишнего шума доставить вас в Заручье и передать большунам Главнокомандующего. Будет вам случай высказаться, когда он разберет ваше дело. Но я бы на вашем месте поостерегся распускать язык, коли не хотите надолго угодить в Погреба.

К вящему смущению околоточных, Фродо и его спутники покатались со смеху.

— Хватит чушь молоть, — молвил, отхохотавшись, Фродо. — Я поеду куда мне угодно и когда угодно. Вообще-то мне в Бебень надо по делу, а коли нам по пути, так можете составить компанию.

— Очень хорошо, господин Беббинс, — отозвался начальник, отодвигая загородку. — Только не забудьте, что я вас арестовал.

— Чего-чего, — отвечал Фродо, — а этого я никогда не забуду. Хотя, может быть, со временем, вас и прощу. Но сегодня, на ночь глядя, мы никуда не поедem, так что не откажите в любезности, проводите нас до «Плавучего бревна».

— Никак нельзя, господин Беббинс, — покачал головой начальник. — Трактир закрыт. На дальней околице есть Околоток — наши, стало быть, казармы, — можете заночевать там.

— Пусть так, — согласился Фродо. — Ступайте вперед, а мы за вами.

— Эй, Робин Горушкинс, — позвал Сэм, приглядевшись к околоточным и приметив знакомую физиономию. — Поди-ка сюда, хочу перемолвиться с тобой словечком.

Опасливо покосившись на начальника, который хоть и разозлился, но встречать не посмел, Горушкинс поотстал от своих и пошел рядом со спешившимся Сэмом.

— Слушай, приятель, — сказал ему Сэм. — Ты ведь хобиттонский, должен быть поумнее прочих. Это ж додуматься надо — господина Фродо и господ Мерри с Пиппином, взять да арестовать! А хлыщ этот, начальничек ваш, толкует, будто «Бревно» закрыли. Что за кавардак тут у вас творится?

— Так ведь все трактиры позакрывали, — боязливо ответил Робин. — Главнокомандующий не одобряет пива. С этого все и началось, хотя мне сдается, что все пиво просто-напросто его большуны хлещут. А еще он на дух не переносит пришлецов: всякий из них обязан явиться в Околоток и дать объяснение, куда идет да по какому делу.

— И не стыдно тебе этакой дурью маяться? — поморщился Сэм. — Самого-то, помнится, из трактира за уши было не вытянуть. Ты ведь вечно норовил к бочке с пивом присоседиться.

— Эх, Сэм, я бы и сейчас не прочь, — вздохнул Робин, — только что тут поделаешь. Ты уж на меня не сердчай, самому тошно. Я ведь в

околоточные зачем пошел — побродить по Хоббитании, вызнать, в каком трактире какое пиво варят, новости послушать, то да се... Это ведь семь лет назад было, задолго до всяких новшеств. Но нынче все по-другому.

— Бросил бы эту работенку, коли она тебе не в радость.

— Так ведь не дозволяется, — уныло откликнулся Горушкинс.

— Еще раз услышу «не дозволяется», могу здорово рассердиться, — предупредил Сэм.

— Эх, — понизил голос околоточный, — вот кабы все разом да «здорово рассердились», я бы ни чуточки не огорчился. Обрыдло мне это. Но вся беда в людях, в большунах Главнокомандующего. Шастают повсюду, и чуть кто голос подаст — за шкуру и в Погреба. Первым сцапали старину Белостопа — голову, значит, нашего, а потом пошло-поехало. Позасадили без счета, а в последнее время еще хуже стало. Как что не по-ихнему, сразу бьют.

— Они бьют, а вы им пособляете! — сплюнул в сердцах Сэм. — Вот хоть бы ты. Кто тебя сюда прислал?

— Никто. Мы... это... квартируем в тутошнем Околотке, — принялся сбивчиво объяснять Горушкинс. — Первый Отряд Восточного Удела — так нас называют. Околоточных-то нынче сотни, а еще новых набирают — при теперешних Правилах малым числом не обойтись. Многих насильно забирают, но есть и которые по своей воле идут. Знаешь ведь, любители выставляться да совать нос в чужие дела всегда найдутся. Хуже того, у нас и доносчики завелись — шпионят для Главнокомандующего.

— Вот, стало быть, как вы о нас прознали.

— Угу... Самих-то нас с вестями не посылают, нам не положено, но они под это дело старую службу приспособили — Скорую Почту со сменными гонцами. Один такой прошлой ночью нагрянул с «тайным донесением», передал следующему, тот дальше понес. А сегодня к полудню обратно приказ пришел — вас арестовать, но в Погреба не сажать, а отвезти в Заручье. Главнокомандующему угодно вас видеть.

— Ему угодно... — фыркнул Сэм. — Ну ничего, вот потолкует с ним господин Фродо, прыти у него поубавится.

Околоток был ничуть не лучше караульни у моста. Одноэтажный, с узкими оконцами, из блеклых, неровно уложенных кирпичей, он одним своим видом, что снаружи, что изнутри, нагонял тоску. Ужинали за длинным непокрытым столом, по которому неделями не проходились тряпкой, а угощение вполне соответствовало обстановке. Поутру путники расстались с этим местом без сожаления, однако выехали не спозаранок, а только часов в десять. До Заручья оставалось восемнадцать миль, начальник околоточных торопился, а друзья собирались в путь нарочито неспешно, чтобы ему досадить. Покидавшая деревню процессия выглядела презабавно, но немногочисленные местные, вышедшие поглазеть на «арестантов», явно побаивались смеяться. Сопровождать путников отрядили дюжину околоточных, но Мерри заставил их идти впереди, а Фродо с друзьями ехали следом. Мерри, Пиппин и Сэм непринужденно болтали, пели и потешались над околоточными, но Фродо общего веселья не разделял. Он задумчиво молчал и выглядел печальным.

— Всем привет! — крикнул какой-то старый, но крепкий хоббит, чинивший плетень у самой околицы. — А можно полюбопытствовать, кто тут кого арестовал?

Двое околоточных тут же отделились от отряда и направились к нему.

— Эй, начальник! — окликнул Мерри. — Вели своим молодцам вернуться, не то я сам с ними потолкую.

Начальник что-то буркнул, и околоточные вернулись в строй.

Хоть друзья и не гнали своих пони, пешим за конными не поспеть, и со временем околоточные стали отставать. Несмотря на прохладный ветреный день, бедолаги пыхтели и обливались потом. Они проголодались, многие натерли ноги и теперь едва ковыляли. Часам к трем пополудни, когда проделали уже четырнадцать миль, стражи порядка совсем выбились из сил.

— Нам под вас подлаживаться не с руки, — заявил Мерри. — Топайте потихоньку, как можете, а мы вперед подадимся.

— Пока, Робин! — крикнул Сэм. — Встретимся у «Зеленого Дракона», коли еще помнишь, где это. Не волынь, приходи.

— Да как же так? — упавшим голосом молвил начальник отряда. — Вы ведь арестованные! Нельзя Правила нарушать. Мне за

вас отвечать придется...

— Мы еще много чего нарушим, — пообещал Пиппин, — и сами за все ответим, можешь не беспокоиться. Счастливо оставаться.

Пони резво зарысили по дороге, и когда солнце стало клониться к Забеленным Кручам, окружавшим западный оком, друзья добрались до Зарученской заводи. Но здесь Фродо и Сэма ожидало настоящее потрясение. То был их родной край, земля, которая, как они теперь понимали, была им дороже всего на свете, однако эта земля изменилась до неузнаваемости. Большую часть знакомых с детства домов порушили, иные, похоже, и сожгли. Радовавшие прежде взгляд ряды хоббитских норок на высоком северном берегу оказались раскопаны и заброшены, а спускавшиеся к самой воде маленькие садики сплошь заросли бурьяном. Вдоль проходившей берегом дороги на Хоббитон тянулись новопостроенные каменные уродины, выросшие на месте вырубленной тенистой аллеи. А взглянув в сторону Бугра, путники увидели высоченную кирпичную трубу, что выбрасывала в вечернее небо клубы черного дыма.

— Да что ж это такое?! — вскричал Сэм вне себя от гнева. — Я еду туда, сударь, тотчас же еду! Папашу отыскать надо и вообще разобраться...

— погоди, Сэм, не горячись, — сказал Мерри. — Думается мне, у главнюка этого... командующего наготове целая шайка головорезов. Пошарим-ка поначалу по Заручью, поспрошаем хоббитов, что да как.

Однако селение точно вымерло — на улочках никого, все норки и дома на запоре. В чем тут дело, друзья поняли довольно скоро, добравшись до «Зеленого Дракона». Возле заброшенного, стоявшего с выбитыми окнами трактира отиралось с полдюжины не внушавших доверия большунов — рослых, желтолицых и косоглазых.

— Ряхи точь-в-точь, как у того южанина, что в Пригорье с Прихвощнем хороводился, — пробормотал Сэм.

— А я на таких в Айсенгарде насмотрелся, — откликнулся Мерри.

У каждого из громил имелась увесистая дубинка, но другого оружия хоббиты не заметили. Завидя путников, большуны

перегородили дорогу, а один из них, самый злобный с виду, насмешливо спросил:

— Далече наладились? Все, приехали. А куда подевались наши доблестные околоточные?

— Ковыляют помаленьку, — ответил Мерри. — Мы как раз здесь обещали их подождать.

— Видали, ребята? — обернулся главарь к своим приятелям. — Говорил же я Сычу, нельзя доверять такое дело здешним придуркам. Нет чтоб послать кого из наших...

— Думаешь, было бы больше проку? — усмехнулся Мерри. — Вот уж дудки. Конечно, мы тут, в Хоббитании, к разбойникам непривычны, но как с ними управляться, знаем.

— Разбойникам, говоришь? — угрожающе произнес вожак. — Ишь ты, какой храбрец выискался. Попридержи язычок, пока я его тебе не укоротил. Что-то вы, недомерки, много о себе воображать стали. Уж не надеетесь ли сдуру на доброе сердце вашего главного коротышки? Ну, это вы зря. Нынче он без Сычева слова шагу не ступит, будет делать, что Сыч велит.

— А что именно? — спокойно поинтересовался Фродо.

— Наводить в вашем захолустье порядок, вот что, — ответил громила. — А не сладит, так Сыч сам за вас возьмется, и круто возьмется, это я вам обещаю. Помяните, крысеныши, мое слово — к концу года вы тут все по струнке ходить будете.

— Рад был услышать о ваших планах, — вежливо поблагодарил Фродо. — Я, кстати, собирался заглянуть к господину Лотто, ему небось тоже будет интересно.

— Лотто! — загоготал разбойник. — Можешь не утруждаться, он и так знает, что ему положено. Сказано же, он все делает по Сычеву велению. А вздумает ерепениться, так его и сменить недолго. Ежели кто из мелюзги сует нос не в свое дело, у нас с такими разговор короткий. Понял меня, бестолочь?

— Чего ж тут не понять, — пожал плечами Фродо. — Только мне кажется, вы тут совсем отстали от жизни. С юга ушли давно, новости до вас не доходят, вот и не знаете, что разбойничьим временам конец настал. Темная Башня пала, в Гондор возвратился король. Айсенгард по камушкам раскатали, а ваш дражайший хозяин

нам по пути встретился, нищим бродягой стал. И дорогами нынче скачут не живодеры из Айсенгарда, а гонцы гондорского государя.

— Нищий бродяга? — с ухмылкой переспросил большун. — Да неужто? Полегче, петушок, что-то ты больно раскукарекался. Можешь плести что угодно насчет всяких там королей да башен, никто не помешает нам распрекрасно устроиться в вашем укромном уголке. А увижу кого из королевских гонцов, — тут он прищелкнул пальцами перед носом Фродо, — возьму к ногтю.

Пиппин долго сдерживался, но это было уже слишком. Чтоб какой-то косоглазый наглец обзывал «петушком» Хранителя Кольца, восславленного на Кормалленском поле! Он сбросил плащ, выхватил меч и двинул коня вперед, блистая серебром гондорских доспехов.

— На колени, мерзавец! — рявкнул Пиппин. — Я и есть королевский посланец, друг короля, известный во всех землях Запада. Ты — проходимец и дурак! Моли о пощаде, не то спознаешься с клинком, потрошившим троллей!

Меч Пиппина угрожающе сверкнул в закатных лучах. Мерри и Сэм, готовые поддержать товарища, тоже обнажили клинки. Только Фродо не шелохнулся.

Разбойники попятились. Привыкшие наводить страх на мирных поселян, они растерялись, увидев перед собой воителей с острыми мечами. Да и в голосах приезжих звучали такие нотки, каких прежде большунам от хоббитов слышать не доводилось. От наглой самоуверенности не осталось и следа.

— Проваливайте! — приказал Мерри. — И суньтесь только еще в эту деревню — горько пожалеете!

Хоббиты двинули коней вперед, и громилы, побросав в испуге дубинки, припустили по дороге на Хоббитон. Некоторые из них на бегу трубили в рог.

— Да, вовремя мы успели, — заметил Мерри.

— В самый раз, — откликнулся Фродо, — а может, и поздновато даже, во всяком случае, чтоб спасти Лотто. Жалко мне этого простофилю.

— Спасти Лотто? — удивился Пиппин. — Ну ты даешь! Да его первого пришибить надо.

— Боюсь, Пиппин, ты не совсем понимаешь, как обстоят дела, — возразил Фродо. — Лотто наверняка не думал, что все так обернется. Он, конечно, пакостник и круглый дурак, но сейчас, похоже, сам угодил в плен. Эти головорезы злодействуют от его имени, но забрали уже такую силу, что могут и без него обойтись. Уверен, он сидит взаперти и дрожит от страха. Надо попробовать его вызволить.

— Ну и ну! — помотал головой Пиппин. — Скажи мне кто раньше, я бы не поверил, что, воротившись домой, буду сражаться с полуорками и ради чего — ради спасения Лотто-Чирья!

— Сражаться? — задумчиво переспросил Фродо. — Да, не исключено, что дойдет и до сражения. Но только помните, хоббитов убивать нельзя, даже тех, которые переметнулись к злым дням не со страха, а по подлости нрава. Смертоубийств между хоббитами не бывало с основания Хоббитании, и не след нам быть зачинателями в таком деле. Без крайней нужды не надо убивать никого, даже разбойников. Держите себя в руках, постарайтесь обойтись без кровопролития.

— Постараться-то можно, но ежели громил наберется много, без крови дело не решится, — возразил Мерри. — Печалью да состраданием, друг мой Фродо, ты ни Лотто, ни Хоббитанию не выручишь.

— Это точно, — подхватил Пиппин. — В другой раз их так просто на испуг не возьмешь. Они от неожиданности струхнули, а соберутся гурьбой, тут и осмелеют. Слышишь, как рога разгуделись? Бандюги своих созывают. Надо подумать об укрытии, хотя бы на ночь. Нас только четверо, хоть мы и с оружием.

— Есть мыслишка, — высказался Сэм. — Пойдем-ка к старику Тому Сдружню. Хоббит надежный, и сыновья его парни крепкие — все мои друзья. У него и отсидимся.

— Нет, Сэм, — покачал головой Мерри. — Отсиживаться нам как раз и не следует. Мирный народ всегда так поступает, а головорезам это только на руку. Вот загонят нас в угол, навалятся всей силой — что тогда? Дом подпалят и всех выкурят, а то и просто сожгут. Нет, надо что-то предпринимать, и немедленно.

— А что? — спросил Пиппин.

— Хоббитанию поднимать, вот что! — воскликнул Мерри — Надо, чтоб народ пробудился. Сами же видите, нынешние порядки

никому не по нраву, кроме, может быть, парочки негодяев да нескольких недоумков, которые сами не понимают, во что ввязались — им просто поважничать охота. Наши сородичи слишком долго жили в тишине да покое; и рады бы все изменить, да не знают, как за дело взяться. Чтобы вся Хоббитания полыхнула, хватит и искорки, да только люди Главнокомандующего знают это не хуже нас и постараются затоптать огонь, покуда он не разгорелся. Нами они займутся очень скоро, так что и мы не должны терять времени. А насчет Сдружня, так ты, Сэм, сгоняй к нему, если хочешь. Его в деревне уважают, может, и сладится что. Давай, скачи, а я протрублю в роханский рог, сыграю такую музыку, какой здесь еще не слыхивали.

Фродо, Пипин и Мерри двинулись назад, к середине деревни. Сэм направил пони по дороге на юг, к ферме Сдружней, но не успел отъехать далеко, как услышал чистый, возносящийся к небу звук рога. Эхом прокатившийся по холмам и полям, рог звучал столь призывно, что Сэм чуть было не повернул обратно. Пони вздыбился и заржал.

— Но, но, малый, вперед! — подбодрил скакуна Сэм. — Мы еще вернемся.

Тем временем Мерри сменил ноту — теперь он выдувал сигнал тревоги Брендибаков:

**ПРОСНИСЬ! ПРОСНИСЬ! НАПАСТЬ! ПОЖАР!
ВСТАВАЙ! ПОЖАР! ВРАГИ! ПРОСНИСЬ!**

До Сэма донесся шум множества голосов, захлопали двери.

Впереди зажглись огни, залились лаем собаки. Послышался топот, и навстречу Сэму выбежали сам старый Сдружень и трое его сыновей — Том Младший, Джолли и Ник. Сжимая в руках топоры, они преградили ему дорогу.

— Пойдите, ребята! — услышал Сэм голос фермера. — Этот вроде не из разбойников. По росту так хоббит, хоть и вырядился чудно. Эй! — крикнул Сдружень. — Ты кто таков будешь? И что тут за переполох?

— Да Сэм я, Сэм Гужни. Я воротился!

— Батюшки! — воскликнул старый Том, приглядевшись. — Никак и вправду Сэм, голос его, и лицом похож. Правда, в такой одеже тебя не сразу узнаешь. Небось из дальних краев вывез? А мы уж боялись, что ты помер.

— Какое там! — весело вскричал Сэм. — Мы оба живехоньки, и я, и господин Фродо. Он тоже здесь, с друзьями. А переполох оттого, что они задумали поднять Хоббитанию, бандюг всех повытурить, а главнюка ихнего сбросить. Уже начинаем.

— Вот это дело! — одобрил фермер — Наконец-то! Я почитай весь год только о том и думал. Сам бы начал, да пособить было некому. К тому же у меня жена, опять же Роза... Приходилось таиться, в одиночку-то против громил не попрешь. Но теперь, всем миром, мы им зададим жару. За мной, мальцы! — велел он сыновьям. — Раз Заручье восстало, мы в стороне не останемся.

— А как же госпожа Сдружень и Роза? — спросил Сэм. — Тут ведь заваруха начнется, не боязно их одних оставлять?

— Не одни они, с ними мой Нибс, — ответил старый Том и с понимающей ухмылкой добавил: — Загляни к ним, может, чего помочь надо...

Фермер с сыновьями поспешили к деревне, а Сэм — к усадьбе. Круглая дверь хозяйского дома была распахнута настежь, жена и дочь Тома стояли на пороге, а перед ними, на крыльце, застыл Нибс с вилами в руках.

— Это я, Сэм Гужни! — крикнул хоббит, спрыгивая с пони и взбегая по ступеням. — Брось, Нибс, не тычь в меня вилами. На мне все равно кольчуга. Добрый вечер, госпожа Сдружень, привет, Роза!

— Сэм! — охнула Роза. — Где это ты пропадал так долго? Все говорили, будто ты умер, а я не верила, с весны тебя и ждала. Только что-то ты не шибко спешил, а?

— Может, и так, — смущенно согласился Сэм, — зато вот сейчас спешу. Мы тут задумали повыгнать разбойников, так что мне надобно вернуться к господину Фродо. Я на минуточку заехал, справиться, как у вас дела, госпожа Сдружень, да как ты, Роза, поживаешь.

— Все в порядке, Сэм, спасибо, — ответила фермерша, —

совсем бы горя не знали, кабы не большуны эти проклятущие.

— Говорил, будто спешишь, а сам лясы точишь, — фыркнула Роза. — Коли ты все это время за господином Фродо приглядывал, что ж сейчас его оставил, когда паленым запахло?

Для Сэма это было уж чересчур. На такой упрек толком и за неделю не ответишь, так что лучше вовсе не оправдываться. Он молча повернулся, но когда уже взобрался на пони, Роза сбежала с крыльца.

— А ты похорошел, Сэм, возмужал, — сказала она с застенчивой улыбкой. — Езжай, только поберегись, а как разделаешься с громилами, сразу же возвращайся. Договорились?

Воротившись на площадь, Сэм увидел, что поднялась уже вся деревня.

Не считая зеленых юнцов, собралось больше сотни крепких хоббитов с топорами, кузнечными молотами, длинными ножами и увесистыми дубинками. Кое у кого имелись охотничьи луки. Народ прибывал — подходили окрестные хуторяне.

Прямо посреди деревни развели большущий костер: во-первых, для ободрения, а во-вторых, потому, что это запрещалось. Быстро темнело, но огонь разгорался все ярче. На въездах в деревню под присмотром Мерри громоздили завалы.

Тут и околоточные подросли. Наткнувшись на баррикаду, они опешили, а когда разобрались, что к чему, в большинстве своем снимали перья и присоединились к восставшим. Нашлись, правда, и такие, что предпочли улизнуть.

Фродо и остальных Сэм нашел у костра в окружении восхищенно глазевших зарученцев. Они вели беседу со старым Томом.

— Дальше-то что делать будем? — спросил фермер.

— Пока не знаю, — признался Фродо. — Надо бы вывести побольше про этих бандюг. Сколько их всего наберется?

— Трудно сказать, — пожал плечами Сдружень. — В домах, что вдоль дороги выстроены, должно быть десятков пять, но они ведь на месте не сидят. Вечно шныряют туда-сюда, потому как грабежом

заняты, или, по-ихнему, «сбором». Но в Бебне, при главнюке, всегда ошивается не меньше дюжины. Правда, самого его уж недели две как не видно; на Бугор к нему большуны никого не пускают.

— Они ведь небось не только вокруг Хоббитона трутся, — предположил Пиппин.

— Увы, — подтвердил Сдружень. — На юге, как говорят, их немало будет — и в Долгом Доле, и у Сарнского брода. У Раздорожья ихних домов — плюнуть некуда. Опять же, есть ведь еще Погреба, как они их прозвали, — кладовки подземные в Грабарне, где теперь тюрьму для недовольных устроили. Но все ж, как мне думается, в Хоббитании их не больше трех сотен. Ежели мы будем держаться вместе, так сладим со всеми.

— Ас оружием у них как? — спросил Мерри.

— Хлысты, ножи да дубинки, — ответил Сдружень. — Для грязных делишек вполне достаточно, ничего другого мы не примечали. Но коли дойдет до драки, может, и еще что-то отыщется. Луки у некоторых есть, это точно. Двоих наших они подстрелили.

— Вот так, Фродо, — сказал Мерри. — Говорил же я, без крови не обойдется. Видишь, они уже убивать начали.

— Не совсем так, — прокряхтел Сдружень. — Ежели насчет стрельбы, так, по правде, первые стрелы пустили Туки. Ваш-то батюшка, господин Перегрин, с самого начала с Лотто не ладил, а как тот объявил себя Главнокомандующим, Нонешний Тук возьми и заяви, что самозванных начальников он не признает, а ежели и пристало кому в Хоббитании главнокомандовать, так законному тану, а не какому-то выскочке. Лотто взъярился, послал своих большунов, но ничего не добился. Тукам везет, норы в Зеленых холмах у них глубокие, одно слово — Великие Смиалища. Бандюги так к ним и не прорвались. Которые совались, Туки их стрелами встречали, и троих таки уложили. Нынче в Тукборо никому ходу нету, кругом дозоры.

— Ай да родичи! — восхитился Пиппин. — Сей же час еду в Смиалища. Кто со мной?

Сопровождать его вызвалась дюжина парней, имевших верховых пони.

— До встречи! — крикнул Пиппин, когда все уже сидели в

седлах. — К утру приведу сюда целое войско.

Мерри на прощание протрубил в рог, и всадники ускакали в ночь. Оставшиеся, прознав о возможной подмоге, заметно приободрились.

— И все равно, — сказал Фродо стоявшим поблизости, — мне бы не хотелось никого убивать, даже головорезов. Разве уж если без этого никак, чтобы хоббита спасти...

— Ладно, — махнул рукой Мерри. — Никто из нас крови не жаждет. Но мне думается, что из Хоббитона в любой момент может нагрянуть шайка, и не затем, чтобы разговоры разговаривать. Удастся уладить дело без драки — оно и лучше, однако мы должны быть готовы к худшему. На сей случай у меня план имеется.

— Вот и хорошо, — кивнул Фродо. — Делай все, как знаешь.

В этот миг с дороги на Хоббитон примчались дозорные.

— Идут! — кричали они. — Десятка два, а то и более. Прямо сюда чешут, а двое свернули куда-то на запад.

— Наверняка к Раздорожью, за подмогой, — сказал Том Сдружень. — Но дотуда миль пятнадцать в одну сторону, так что пока тревожиться нечего.

Мерри быстро распорядился очистить площадь. Всем безоружным было велено попрятаться по домам, запереть двери и не высовываться. Ждать недругов пришлось недолго — вскоре послышались громкие голоса, затем тяжкий топот, и на дороге показались разбойники. Завидя баррикаду, они покатались со смеху — никто из них и представить себе не мог, что в краю мирных коротышек найдется сила, способная противостоять отряду из двадцати громил-большунов. Хоббиты открыли проход в заграждении и расступились.

— Премного благодарствуем! — раздались глумливые выкрики. — А теперь бегом по норам да по койкам, пока вас не выпороли!

Они двинулись вдоль улицы, раздавая приказы: «Погасить огни! Все по халупам, да поживее! Пошевеливайтесь, не то на год в Погреба засадим».

Но на угрозы никто не обратил взимания. Пропустив отряд,

хоббиты молча сомкнулись и двинулись следом.

Добравшись до костра, громилы обнаружили гревшего в одиночестве руки у огня старого Тома.

— Кто такой? Что тут делаешь? — рявкнул разбойничий вожак.

Фермер медленно поднял голову, смерил его пристальным взглядом и ответил:

— А я вот как раз собирался спросить о том же тебя. Это наша страна, и вы нам здесь не нужны.

— Зато ты нам нужен! — загоготал главарь. — По тебе Погреба плачут. Взять его, ребята! Да наподдайте как следует, чтоб не ерепенился.

Несколько человек шагнули было вперед, но тут же остановились. Вокруг загудели голоса, неожиданно для себя люди поняли, что фермер вовсе не одинок. Выступившие из теней за пределами освещенного пространства хоббиты, все с оружием и числом никак не меньше двух сотен, взяли их в плотное кольцо.

К костру подошел Мерри.

— Мы ведь с тобой встречались, — сказал он вожаку, — и я предупреждал, чтобы ты не вздумал воротиться. Предупреждаю еще раз, последний: ты стоишь на свету под прицелом. Тронешь этого фермера или кого другого хоть пальцем — тебе каюк. Так что бросай оружие, и парням своим вели сделать то же.

Громила огляделся по сторонам. Он ничуть не испугался, ибо слишком плохо знал хоббитов для того, чтобы понять, какая опасность ему грозит. По его разумению, двум десяткам людей ничего не стоило прорвать кольцо из двух сотен коротышек.

— За мной, ребята! — скомандовал он. — Вмажем мелюзге по соплям!

С дубинкой в правой руке и длинным ножом в левой он бросился на преграждавшего ему путь Мерри, но едва успев замахнуться, рухнул наземь, пронзенный четырьмя стрелами.

Это миготом остудило горячие головы. Разделить участь вожака желающих не нашлось — остальные большуны без сопротивления сложили оружие. Их связали и поместили под стражу в один из ими же выстроенных домов. Тело главаря оттащили подальше и закопали.

— Дело-то оказалось проще простого, — заметил Сдружень. — Я так и знал, что мы с ними справимся, только и надо было, чтобы нас кто-то растормошил. В самое время вы возвратились, господин Мерри.

— Дело еще не сделано, — возразил Мерри. — Ежели верить вашим, господин Сдружень, подсчетам, так мы пока и десятой части этих негодяев не угомонили. Впрочем, уже стемнело, и мне думается, что до утра нового нападения не будет. Мы им подготовим встречу, а как явятся, потребуем, чтобы предъявили нам Главнокомандующего.

— А чего тянуть? — проворчал Сэм. — Время-то раннее, часов шесть, двинуть бы напрямик к Бугру... Уж больно мне папашу повидать хочется. Вы, господин Сдружень, случайно не знаете, как у него дела?

— Не то чтоб очень хорошо, — отвечал фермер, — но и не скажу, чтобы совсем худо. К Бугру-то тебе Сэм, незачем, нынче его там нет. Бебнев наулок начисто срыли, для папаши твоего это удар был. Ну а его поселили в одном из тех новых домов, которых большуны понастроили, пока еще занимались чем-то, кроме грабежей да поджогов. От нашей околицы дотуда не больше мили. Он, бывает, ко мне навещается. С кормежкой у них худо, так я его подкармливаю. Совсем бы к себе взял, да не дозволено.

— Большое спасибо, господин Сдружень, век вашей доброты не забуду, — пылко заверил Сэм. — Но мне бы все-таки поскорее с ним встретиться. До утра еще далеко, а главнюк с тем Хрычом-Сычом, о котором бандюги сказывали, невесть чего натворить могут.

— Так съезди к нему, — отозвался фермер. — Только не один, прихвати с собой пару ребят. Найдешь старика, там не оставляй, отведи лучше ко мне в усадьбу. Да, и за Ручей перебираться тебе без надобности. Джолли мой дорогу покажет.

Сэм ушел. Мерри выставил вокруг деревни дозоры, а потом вместе с Фродо отправился в Томову усадьбу.

Когда все с удобством расположились у очага, хозяева из вежливости задали гостям несколько вопросов насчет путешествия, но ответов почти не слушали — куда больше их волновали дела домашние.

— Началось все с Лотто, с Прыща, как мы его прозвали, — повел рассказ старый Том, — и началось сразу после вашего, господин Фродо, отъезда. Чудные у него были замашки, у Прыща этого. Хотел все к рукам прибрать, чтоб другие на него спину гнули, а он, стало быть, знай себе командовал. Вот и принялся скупать что ни попадя — и мельницы, и трактиры, и пивоварни, и хутора с угодьями, особенно где табачок растили. И Охрякову мельницу прикупил, еще до того как на Бугре поселился. Откуда у него такие деньжищи, то мне неведомо, хотя, конечно, ему от папаши покойного досталось в наследство немало земли в Южном Уделе. И, похоже, лучший тамошний лист он уже года два как на сторону продавал. А в конце прошлого года стал торговать всем подряд. И все товары сплавлял куда-то на юг, в чужие края. За ними большуны приезжали, разбойник на разбойнике. Ну, одни нагрузят подводы да и укатят, а другие стали здесь оставаться, и чем дальше, тем больше. Пока мы расчихали, что к чему, они уже расселились по всей Хоббитании — начали валить лес да строить свои дома, где им вздумается. По первости, правда, Прыщ платил хоббитам, но вскорости это забылось, и пошел сущий грабеж. Но худшее впереди было. Старый Голова отправился было на Бугор с протестом, но так дотуда и не доехал. Громилы его сцапали и засадили в Погреба, он и посейчас там мается. Так и остались мы без Головы, а Прыщ объявил себя Главнокомандующим Околотками, или просто Главнокомандующим. Ну и пошел... главнокомандовать. С ним никакого сладу не стало — чуть кто пикнет, начнет, как они говорят, «высовываться», — тут же волокут следом за стариной Уиллом. Жизнь настала препоганая. Табак только для людей, пиво для них же, трактиры все до единого позакрывали. Чего нихватишься, всего недостает, кроме только правил. Шарили по дворам, по амбарам, искали припрятанные припасы, и что находили, забирали себе, мол, для «справедливого распределения». Другим мало чего перепало, даже в Околотках и то бурдой кормят. Нам казалось, что гаже и быть не может, но настоящий разор начался, когда объявился Сыч.

— Кто он таков, Сыч-то? — спросил Мерри. — Я слышал, один бандюга при нас его поминал.

— Похоже, главнейший ихний вожак, — ответил Сдружень. — Впервой мы прослышали о нем в последнюю страду, примерно в конце сентября. Видеть его никто из наших не видел, но он угнезвился в Бебне и, по всему, он-то и есть настоящий

Главнокомандующий. Головорезы делают, что он велит, а велит он главным образом жечь, крушить да ломать. Уже и до убийств дошло. Это даже и не грабеж — грабители добро себе прибирают, а эти норовят все прахом пустить, деревья рубят — бросают гнить, дома жгут — оставляют пепелища. Бессмыслица, да и только. Взять, к примеру, Охрякову мельницу. Прыщ ее разломал чуть не сразу, как в Бебень вселился, а потом нанял большунов немытых, чтобы они ему новую выстроили, с колесами да штуковинами всякими чужеземными. Тэд, дуралей несчастный, один только и радовался — железяки для громил начищал там, где его папаша был полным хозяином. Прыщ и другие мельницы велел на тот же манер переделать, чтобы они, значит, больше зерна мололи, да побыстрее. Ну не дурь ли это — зерна-то не прибавилось, сколько на старые мельницы свозили, столько и для новых осталось. Но с Сычевым приходом помол и вовсе закончился. Нынче в Хоббитоне ни днем ни ночью покоя нету: стук, лязг, дымина из труб валит. Грязищу всякую прямо в Ручей сливают, а ведь он в Брендивин течет. Короче, ежели задумка в том, чтоб сделать из Хоббитании пустыню, они на верном пути. И я не верю, что за всем этим стоит только Прыщова дурость. Сыч — вот от кого все злодейство.

— Точно, — поддержал отца Том Младший. — Они ведь даже Прыщову мамашу сцапали, старуху Лобелию, а ежели он кого и любил, так только ее. Кое-кто из наших видел, как это вышло. Гуляла она себе по тропинке, с зонтиком со своим, глядь, а навстречу громилы на возу катят. Она возьми да спроси: «Куда это вы наладились?», а они в ответ: «В Бебень едем». Лобелия им: «За каким рожном?», а большуны ей: «Сарай для Сыча ладить». Старуха пытается: «Кто ж вам позволил?», а эти гогочут: «Сыч велел. Пшла с дороги, старая карга!» Ну она осерчала: «Я вам покажу, — говорит, — Сыча, ворюги грязнущие», да как огреет главаря ихнего зонтиком. Сама-то ему еле по пояс, а вишь, не сробела. Ну, и упекли старушенцию в Погреба, в ее-то возрасте. Туда много кого понапихали. Вот ведь оно как — иные прочие и моложе, и крепче, а Лобелия похрабрее оказалась.

Посреди разговора вернулся Сэм, а с ним и Старбень. Папаша Гужни не то чтобы очень уж постарел, но стал туговат на ухо.

— Добрый вечер, господин Беббинс, рад видеть вас в полном

здравии, — проговорил старик, но тут же ворчливо добавил: — Уж не обессудьте, у меня на вас зубок имеется. Я всегда говорил, не надобно Бебень продавать, добра не будет. Все беды с этого и пошли. Пока вы, как мне тут Сэм сказывал, в чужедальних краях Черных большунов по горам гоняли — я, правда, в толк не возьму, на кой вам это сдалось, — они все к нам понабились. Наулок срыли, огород загубили, картошки высадить и то негде.....

— Мне очень жаль, что так вышло, господин Гужни, — отозвался Фродо. — Но теперь я вернулся и постараюсь все исправить.

— Вашими бы устами да мед пить, — расплылся в улыбке Старбень. — Лучшего и желать не приходится. Недаром я всегда говорил — господин Фродо Беббинс истинный, наибогороднейший хоббит, что б там, прошу прощения, не думали насчет некоторых других с той же фамилией. Сэм-то мой как, надеюсь, хорошо себя вел? Вы им довольны?

— Не то слово, господин Гужни, — откликнулся Фродо. — Вы, может, не поверите, но его нынче во всех землях знают. Подвиги Сэмовы в песнях славят, отсюда до Моря, и за Великой Рекой тоже.

Сэм покраснел, но посмотрел на Фродо с благодарностью. Ведь Роза все слышала: глаза ее просияли, она ласково улыбнулась.

— Да, в такое не вдруг поверишь, — буркнул старик, — хотя по всему видать, он с чудным народом водился, куртку вот свою задевал куда-то, а была почти новая. Где это видано, чтоб хоббит ходил, железяками обвешавшись, пусть в такой рубахе дыру не скоро протрешь?

И Сдружневы домочадцы, и гости поднялись спозаранку. Ночь прошла спокойно, но на спокойный день надеяться не приходилось.

— Видать, в Бебне бандюг не осталось, — заметил Том, — а вот с Раздорожья могут нагрянуть в любое время.

Сразу после завтрака прискакал гонец из Тукборо.

— Тан поднял всю нашу округу, — с воодушевлением поведал он. — Вести летят, как пожар, во все стороны. Громилы, что несли дозор вокруг наших владений, теперь на юг драпают... которые уцелели. Тан пустился за ними в погоню, но господин Перегрин с

другим отрядом спешит сюда.

Следующая новость оказалась похуже. Около десяти часов примчался Мерри, ездивший на разведку.

— Скоро гости пожалуют, — сообщил он. — До нас им осталось мили четыре. Идут со стороны Раздорожья. Шайка немалая, не меньше сотни, да по пути все новые прибиваются, чтоб им всем провалиться!

— Да, эти разговаривать не станут, — заметил Сдружень. — Ежели Туки не поспеют, нам придется укрыться и отстреливаться. Дело будет жаркое, господин Фродо.

Однако Туки не опоздали, вскорости Пиппин привел сотню крепких молодцов из Тукборо и с Зеленых холмов. Теперь у Мерри было достаточно сил, чтобы отбить нападение. Хоббиты-разведчики доносили, что громилы идут скопом. Они уже знали, что против них поднялась вся округа, и намеревались подавить мятеж в зародыше, безжалостно разгромив Заручье. Только вот в военном деле никто из них ничего не смыслил. Враги ничуть не заботились о мерах предосторожности, что позволило Мерри осуществить свой план.

Свернув с Западного тракта на дорогу к Заручью, большуны оказались в ложбине меж двумя грядами холмов, по гребням которых тянулись невысокие, но крепкие заборы, а примерно в сотне шагов за поворотом они наткнулись на завал из перевернутых телег. Разбойники растерялись, а когда обнаружили, что из-за заборов по обе стороны в них целят из луков, опешили и того больше. Тем временем позади них хоббиты выкатили на дорогу заранее припрятанные подводы, отрезав таким образом путь к отступлению. И тут сверху донесся голос. Говорил Мерри.

— Эй, бездельники! Вы в ловушке. Ваши приятели из Хоббитона уже поплатились. Один убит, остальные в плену. Так что бросайте оружие, отходите на двадцать шагов и садитесь на землю, попытаетесь прорваться — будем стрелять.

Но взять на испуг столь большой отряд, состоявший из людей, привыкших не ставить хоббитов ни во что, было не так-то просто. Немногих пожелавших сдаться главари привели в чувство пинками и подзатыльниками. Десятка два громил бросились бежать: шестеро из них полегли под стрелами, остальные, убив двоих хоббитов,

прорвались сквозь заграждение и кинулись к лесной опушке. Прежде, чем они скрылись, хоббиты подстрелили еще двоих, а потом Мерри протрубил в рог. Издали донесся ответный сигнал.

— Далеко не уйдут, — сказал Пиппин, — кругом полно наших охотников.

Но самые свирепые и отчаянные разбойники — а их оставалось никак не меньше восьми десятков — ринулись штурмовать передний завал и склоны холмов. Многих застрелили, залезших на баррикаду встретили в топоры, однако и бандюги вошли в такой раж, что дрались, думая не столько о своем спасении, сколько о том, как бы уложить побольше коротышек. Несколько хоббитов погибло. Защитники баррикады дрогнули, и уже готовы были отступить, но тут с востока ударил скрывавшийся в засаде отряд под началом Мерри и Пиппина. Мерри собственноручно прикончил главаря нападавших, косоглазого верзилу, сильно смахивавшего на здорового орка. Уцелевших разбойников зажали в кольцо, засыпали стрелами; наконец сопротивление было сломлено.

Недруги потеряли убитыми человек семьдесят, около дюжины взяли в плен, но победа далась недешево — девятнадцать хоббитов погибли, а раненых насчитывалось десятка три. Трупы врагов отвезли на подводах к заброшенному песчаному карьере, сбросили туда и зарыли; впоследствии это место стали называть Погребной Ямой. Павших хоббитов похоронили в братской могиле на склоне холма. Над захоронением установили огромный камень, а вокруг по прошествии времени разбили сад. Так завершилась Зарученская битва 1419 г., единственная в истории Хоббитании после случившейся в Северном Уделе Зеленопольской сечи 1147 г. Хотя сражение, к счастью, унесло не слишком много хоббитских жизней, в Алой Книге этому событию посвящена целая глава, а имена всех его участников занесли в Свиток Почета. Каждый историк Хоббитании знает их наизусть. Немалую славу стяжали Сдружни, ставшие с той поры одним из виднейших семейств края, ну а первыми в Свитке заслуженно упомянуты имена вождей — Мериадока и Перегрина.

Фродо, хотя и находился в первых рядах, до конца битвы так и не обнажил меча, а по завершении дела отговорил жаждавших отомстить за погибших друзей хоббитов от расправы с пленными.

Отдав последние распоряжения, четверо друзей отправились перекусить к старому Тому. За столом Фродо сказал:

— Ну что ж, пожалуй, теперь пришла пора повидаться с главнюком.

— Точно, — поддержал Мерри, — и чем скорее, тем лучше. И нечего с ним особо нежничать. Громил понавел он, все беды с него пошли, вот пусть теперь ответ держит.

Фермер кликнул желающих проводить друзей и отобрал пару десятков самых бравых молодцов.

— Это ведь мы думаем, что с бандюгами покончено, — пояснил он, — а так ли оно на самом деле, никому не ведомо.

Путь предстоял недолгий, так что двинулись пешими. Чем ближе подходили к Бугру, тем сильнее охватывала сердца печаль. Впереди маячила высоченная труба, вдоль дороги скособочились замызганные халупы. Вскоре показалась новая мельница — большущее, неприглядное кирпичное здание, из которого в реку стекала какая-то вонючая жижа. По обочинам дороги не осталось ни одного деревца. А перейдя мост и снова взглянув на Бугор, они просто ахнули. Сэма, например, к такому зрелищу не подготовило даже виденное им в Зеркале. На месте разрушенной старой мызы торчали обмазанные дегтем сараи. Каштаны повырубили, живые изгороди извели под корень, даже траву, и ту вытоптали. По всему склону стояли здоровенные подводы. Бывший Бебнев наулок зиял карьерами, а что осталось от самой хозяйской усадьбы, невозможно было разглядеть за скопищем новопостроенных хибар.

— Они срубили его! — неожиданно вскричал Сэм. — Праздничное дерево загубили!

И впрямь, раскидистое дерево, под которым Бильбо произносил памятную прощальную речь, валялось неподалеку с обрубленными ветвями. Сэм расплакался, но его стенания были прерваны ехидным смехом.

Через низкую стену мельничного двора глядел грубого вида хоббит с выпачканными в саже руками.

— Что, Сэм, не нравится тебе у нас? — произнес он с издевательской ухмылкой. — Ну конечно, ты же всегда был такой чувствительный. Я-то думал, ты с концами пропал, может, отчалил на одном из тех кораблей, о которых болтать любил. Которые все уплывают да уплывают... За каким рожном воротился? Впрочем, мы и тебя к делу приспособим, нынче в Хоббитании работенки на всех

хватит.

— То-то и видно, — огрызнулся Сэм. — Кое-кто так заработался, что уже и руки помыть некогда. Но имей в виду, Охряк, с тебя причитается, а все ухмылочки да подначки к твоему должку припишутся. Столько набежит, что вовек будет не рассчитаться.

Охряк сплюнул через стену.

— Тоже мне, храбрец выискался, — проговорил он, презрительно скривившись. — Я Самому друг, руки у тебя коротки меня тронуть. Будешь язык распускать, он тебя так тронет, что мало не покажется.

— Хватит, Сэм, не стоит на дурака слова тратить, — вмешался Фродо. — Хочется верить, что таких, как он, среди хоббитов немного. Измена — вот что хуже всякого разора, какой здесь большуны учинили.

— Мало того, Охрячишка, что ты грязный наглец, — добавил Мерри, — так и вся твоя похвальба яйца выеденного не стоит. Мы как раз затем и пришли, чтобы подняться на Бугор да начальничка твоего драгоценного взащей вытурить. Громилы-то его уже свое получили.

У Тэда челюсть отвисла — в этот миг он заметил отряд вооруженных хоббитов, переходивший мост. Метнувшись к мельнице, Охряк забежал внутрь, выскочил с рогом и громко затрубил.

— Смотри не лопни, — рассмеялся Мерри. — У меня лучше выходит, вот послушай.

Он поднял серебряный рог, и над Бугром разнесся чистый, звонкий призыв. Из окрестных нор и неказистых домишек повысыпали хоббиты. Фродо и его спутников приветствовали радостными возгласами, многие похватили все, что могло сойти за оружие, и присоединились к ним. Ближе к вершине Фродо остановил отряд и в свой старый сад вошел, сопровождаемый лишь тремя друзьями. Впрочем, от сада осталось одно воспоминание: повсюду мусор, а чуть не впритык к окнам усадьбы, так, что туда и свет-то не попадал, понатыкали каких-то конурок. Сам Бебень выглядел заброшенным, входная дверь перекосилась, оборванная цепочка болталась снаружи, и в колокольчик было не позвонить. На стук никто не откликнулся, дверь толкнули, она подалась, и хоббиты

вошли. Внутри было грязно и затхло. Похоже, там давно уже никто не жил.

— Куда запропал этот несчастный Лотто? — недоуменно пробормотал Мерри, когда друзья обыскали все комнаты и не нашли никого живого, кроме мышей и крыс. — Может, по лачугам пошарить?..

— Здесь даже хуже, чем в Мордоре, — сердито проворчал Сэм. — Стократ хуже, потому как это наш дом, и мы помним, каким он был раньше!

— Да, без Мордора не обошлось, — кивнул Фродо. — Хотя это грязное дело сотворил, пожалуй, Саруман. Он ведь только думал, будто сам по себе, а на деле всего-навсего исполнял чужую волю. То же относится и к недоумкам вроде Лотто.

— Пойдем отсюда! — сказал Мерри, с отвращением глядя по сторонам. — Знай я, каких бед Саруман натворит, затолкал бы свой кисет ему в глотку.

— Да уж, наверное... — послышался насмешливый голос. — Но ведь не затолкал же, и теперь я могу сказать всем вам: добро пожаловать!

На пороге стоял Саруман собственной персоной. С последней встречи он отъелся, пополнил и выглядел донельзя самодовольно. Глаза хитро и злобно поблескивали.

— Сыч! — вскричал Фродо, которому внезапно открылась истина.

— Он самый, — рассмеялся Саруман. — Я гляжу, ты уже обо мне наслышан. Так меня звали в Айсегарде, надо полагать, в знак особой привязанности. Но бьюсь об заклад, ты не чаял встретить меня здесь.

— Да уж, — признался Фродо, — хотя мог бы и догадаться. Предупреждал же Гэндальф, что на мелкие пакости ты еще способен.

— Очень даже способен, — откликнулся Саруман, — и не только на мелкие. Ох и насмешили же вы меня, коротышки, когда все из себя такие важные да довольные ехали мимо, затесавшись в компанию великих мира сего. Думали небось, что со всем дурным

покончено; вернетесь в свою страну и будете отдыхать да жизни радоваться. Конечно, это Саруманов дом можно порушить, Сарумана можно на улицу выставить, а вас никто тронуть не смей! На Гэндальфа надеялись, что он вас в обиду не даст.

Саруман снова расхохотался.

— Как бы не так! Вы свое дело сделали, и теперь ему на вас наплевать, таков уж его обычай. Зато я решил: раз вы такие олухи, что таскаетесь за ним окольными путями, вам следует преподать хороший урок. Что посеете, то и пожнете; вот так-то, малыши. Будь у меня малость побольше времени и людей, урок получился бы на славу, но я и без того немало успел. Вам жизни не хватит, чтобы все исправить, а мне будет что вспомнить.

— Если такие воспоминания доставляют тебе удовольствие, — пожал плечами Фродо, — то мне тебя жаль. Ладно, что говорить. Иди своей дорогой и больше сюда не возвращайся.

Однако вокруг усадьбы уже собрались окрестные хоббиты, им решение Фродо показалось неоправданно мягким.

— Не отпускайте его! — слышались голоса. — Он негодяй, убийца. Прикончить его!

Саруман окинул враждебно настроенную толпу презрительным взглядом.

— «Прикончить, прикончить...», — передразнил он. — Ишь раскудахтались, храбрецы. Ну попробуйте, если духу хватит, — он выпрямился во весь рост, глаза его налились мраком. — Я лишился добра и крова, но моя сила при мне. Всяк дерзнувший поднять на меня руку будет проклят навеки. Кровь моя падет на всю вашу Хоббитанию, она превратится в бесплодную пустыню и никогда уже не исцелится.

Многие испуганно попятились, но Фродо махнул рукой.

— Не верьте ему. Не осталось у него никакой силы, разве что лживый голос, чтобы обманывать да запугивать тех, кто станет его слушать. Но я не хочу мстить, не хочу бессмысленного кровопролития. Ты свободен, Саруман, уходи, только поживее.

— Эй, Змеюка! — позвал Саруман, и из ближайшей лачуги, припадая к земле, как пес, выполз Грима. — Идем! — бросил ему старик. — Эти расчудесные, благородные хоббиты опять нас

выгоняют. Пошли.

Саруман повернулся и, не оглядываясь, зашагал прочь, но, поравнявшись с Фродо, внезапно выхватил нож и нанес молниеносный удар. Острое лезвие со звоном отскочило от скрытой под одеждой кольчуги. В следующий миг злодея схватили и повалили наземь. Сэм занес над ним меч.

— Нет, Сэм! — крикнул Фродо. — Не убивай его! Я ведь даже не ранен. И в любом случае не хочу, чтоб он расстался с жизнью в таком состоянии, униженный и озлобленный. Некогда он был воистину велик, и не нам быть ему судьями ныне, когда он пал, и с этим ничего не поделать. Разве что пощадить в надежде на то, что он сам сумеет выбраться на верный путь.

Саруман поднялся на ноги и бросил на Фродо странный взгляд, взгляд, в котором мешались удивление, уважение и ненависть.

— Ты вырос, хафлинг, — промолвил он, — по-настоящему вырос. Теперь ты мудр и жесток. У тебя хватило ума лишить меня радости мщения. Я уйду в постыдном долгу перед твоим милосердием. Но мне ненавистны и оно, и ты! Что ж, уйти я уйду и больше тебя не потревожу. Но не жди от меня пожеланий здоровья и долгой жизни. Не будет у тебя ни того, ни другого, хоть и не моими стараниями. Я только предсказываю.

Он пошел прочь, и хотя руки многих гневно сжимали оружие, хоббиты расступились, давая ему дорогу. Змеиный Язык немного замешкался, потом уныло поплелся следом.

— Грима! — окликнул Фродо. — Оставь ты его, на кой он тебе сдался? Ты-то нам ничего дурного не сделал. Никто тебя не гонит, отдохни, окрепни, а там отправишься куда сочтешь нужным.

Грима остановился и удивленно поглядел на Фродо. Он никак не ждал подобного предложения и, казалось, готов был его принять. Однако остановился и Саруман.

— «Ничего дурного», так ты сказал? — прохрипел он. — Ну конечно, ежели он и выползал по ночам наружу, так только на звезды полюбоваться. Правда, тут кто-то спрашивал, куда запропал бедный Лотто. Змеюка, ты не знаешь, что с ним такое стряслось? Может, расскажешь этим добрым хоббитам?

— Нет! Нет! — истошно завопил Грима, упал на землю и

забился словно в припадке.

— Не хочешь — не надо, — пожал плечами Саруман. — Пожалуй, я и сам могу утолить их любопытство. Так вот, коротышки, это он убил вашего глупого маленького Главнокомандующего. Правда ведь, Грима? Думаю, прирезал его во сне. Прирезал и закопал... надеюсь. Хотя тут есть сомнения, Змеюка-то наш в последнее время голодный был. Ну, это нехорошо! После такой выходки добрые хоббиты едва ли захотят тебя и дальше откармливать. Пошли-ка лучше со мной.

Налитые кровью глаза Гримы сверкнули бешеной злобой.

— Это все ты, — прошипел он. — Ты меня заставил, ты приказал...

Саруман расхохотался.

— А слово Сыча для тебя закон, не так ли? Вот Сыч тебе и говорит: за мной!

Он пнул скулившего на земле Гриму, повернулся и пошел прочь, но тут произошло нечто совершенно неожиданное. Змеиный Язык зарычал, как пес, вскочил и, выхватив припрятанный нож, прыгнул Саруману на спину. Резко отдернув назад голову старика, он полоснул его ножом по горлу и с воплем бросился бежать. Фродо и рта открыть не успел, как тренькнули тетивы трех хоббитских луков, и Змеиный Язык рухнул замертво.

К ужасу стоявших поблизости, вокруг тела Сарумана сгустился плотный серый туман. Медленно поднимаясь над Бугром, он образовал колышущуюся полупрозрачную фигуру. Она качнулась к западу, но налетевший порыв холодного ветра разорвал туман в клочья. Послышался тяжелый вздох, и серый призрак обратился в ничто.

Со страхом и жалостью взирал Фродо на распростертое тело. Саруман выглядел так, словно пролежал мертвым долгие годы. Иссохшая кожа обтянула череп, а местами полопалась и обвисла клочьями, обнажив кости. Фродо прикрыл труп полой грязного плаща и отвернулся.

— Ну вот все и кончилось, — пробормотал, поежившись, Сэм. — Гадость какая, лучше бы мне этого не видеть...

— Надеюсь, теперь покончено и с войной, — сказал Мерри.

— Я тоже надеюсь, — вздохнул Фродо. — Это был последний удар. Но подумать только, его нанесли прямо сюда, в самый Бебень. Я много чего опасался, но о таком даже и помыслить не мог.

— Насчет того, что кончилось, это я, пожалуй, поторопился, — угрюмо заметил Сэм. — Кончится все, когда мы повычистим Хоббитанию да приведем в порядок. Работы невпроворот, а сколько времени уйдет, лучше и не загадывать.

Глава 9.

СЕРЕБРИСТЫЕ ГАВАНИ

Чистка и вправду потребовалась основательная, но все же на нее ушло меньше времени, чем опасался Сэм. На другой день после битвы Фродо поехал в Грабарню и освободил всех пленников. Одним из первых вышел на волю Фредегар Бульбан, до того отощавший, что теперь язык не поворачивался назвать его Толстеном. Собрав кучку бравых молодцов, он укрылся с ними в Долбонорах, и большунам-головорезам стоило немалых трудов выкурить их оттуда.

— Бедный старина Фредегар, уж лучше бы с нами пошел, — сказал Пиппин, вынося приятеля на руках, ибо тот слишком ослаб, чтобы идти самому.

— Это еще что за молодой великан с громовым голосом? — прошептал Бульбан, приоткрыв один глаз и пытаясь улыбнуться. — Неужто наш малыш Пиппин? И какой же нынче у тебя размер шляпы?

Следом из темной клетушки выпустили Лобелию. Несчастная старушенция выглядела совсем дряхлой, но нести себя не позволила и вышла самостоятельно, опираясь на руку Фродо. Когда она со своим неизменным зонтиком появилась на пороге, ее встретили рукоплесканиями и восторженными криками. Лобелию в жизни так не приветствовали: она была весьма тронута и даже расплакалась. Однако весть об убийстве Лотто оказалась для нее страшным ударом. В Бебень-на-Бугре старушка возвращаться не стала; перебралась к родне, Опоясням да Подпивайлам, а усадьбу оставила Фродо. Следующей весной, дожив до ста с лишним лет, Лобелия скончалась. Все свое состояние она завещала на помощь хоббитам, оставшимся без крова, а душеприказчиком назначила того же Фродо, который был немало удивлен и растроган таким завершением давней родственной распри.

Старый Белостоп просидел в заточении дольше всех прочих, и хотя с ним обращались, пожалуй, помягче, чем с многими, даром это для него не прошло. Он взял отпуск для поправки здоровья, а обязанности головы на время его отсутствия пришлось взять на себя

опять-таки Фродо. Впрочем, единственным его деянием на этом посту стало сокращение числа околоточных до прежней величины. Покончить с разбойниками поручили Мерри и Пиппину. Дело у них пошло споро, благо куража у прослышавших о битве в Заручье большунов поубавилось и те почти не оказывали сопротивления. Разрозненные шайки пытались прятаться по лесам, но еще до конца года всех отловили, разоружили и, накостыляв в назидание по шеям, выдворили из Хоббитании.

Сэм все это время трудился без продыха. Хоббиты могут работать как пчелки, была бы нужда да желание. Весь край, от мала до велика, взялся за дело, каждому, даже старикам и детишкам, хотелось приложить руки к восстановлению порушенного и наведению порядка. Первым делом разобрали по кирпичикам Околотки и прочие дома, выстроенные «Сычевыми большунами». Правда, кирпичи не побили и не повыбрасывали — они пошли на обновление старых хоббитских норок, чтобы те стали уютнее и суше. В Сычевых кладовках обнаружили огромные запасы пива, съестного, табаку и чего только сердце пожелает, так что все обстояло не так уж плохо, как думалось поначалу.

В Хоббитоне перво-наперво, не успев даже снести новопостроенную мельницу, взялись за расчистку Бугра и возрождение Бебнева наулка. Песчаную яму засыпали и впоследствии на ее месте насадили сад, а на южном склоне вновь появились гряды аккуратных, выложенных кирпичом норок. Старбень вернулся в свой номер третий и теперь без усталости твердил каждому встречному-поперечному, что «нет худа без добра» и «все хорошо, что хорошо кончается».

Проложивши улочку, хоббиты стали спорить, как ее лучше назвать. Предлагались названия вроде «Возрожденных Смиалов» или даже «Аллеи Победы», но, будучи не по-хоббитански высокопарными, они не прижились, и все стали говорить просто Новый наулук. Бывало, правда, что зарученские острословы в шутку именовали это место Сычевым Пшиком.

Хуже всего досталось деревьям, которые по Сычеву велению вырубili чуть ли не по всему краю. Для Сэма это было самой горькой утратой, ведь деревья растут долго, и садовник боялся, что даже его правнуки вряд ли увидят Хоббитанию прежней, цветущей и

зеленой.

Но как-то раз, улучив, что удавалось нечасто, свободную минутку, он припомнил свое путешествие и подарок Галадриэли. Сэм достал коробочку и, не зная, что с ней делать, обратился за советом к друзьям.

— Ну наконец-то, — сказал Фродо. — Я уж думал, ты про нее забыл. Открывай.

Внутри оказалась тончайшая серая пыльца, а посередине лежало то ли зернышко, то ли орешек с серебристой скорлупкой.

— Ну и дальше что? — спросил Сэм.

— Развей по ветру, — легкомысленно посоветовал Пиппин. — Дальше небось все само сделается.

— Лучше рассыпь на подходящем месте, хоть бы здесь, на Бугре, а там посмотрим, что выйдет, — высказал свое мнение Мерри.

— Годится ли? — усомнился Сэм. — Что ж я стану обхаживать только свой сад, когда крутом столько хоббитов страдает? Владычице бы это вряд ли понравилось.

— Правильно, — поддержал Фродо. — Трудолюбия и умения тебе не занимать, вот и займись посадками, где сможешь. А подарок тебе в помощь, используй его, чтобы лучше дело пошло. Да смотри, расходуй с умом, коробочка-то маленькая.

И Сэм принялся рассаживать саженцы перво-наперво там, где прежде росли самые красивые деревья. В каждую ямку, под корень, он клал крохотную щепотку драгоценной пыльцы. Садовник расхаживал по всей Хоббитании, а коли он все-таки уделял особое внимание Хоббитону и Заручью, то никто на него не обижался. Когда в коробочке осталась самая малость, он поднялся на Срединную высотку — холм почти посреди Хоббитании — и, произнеся благословение, бросил остатки в воздух. Серебристый орешек Сэм посадил на Праздничной лужайке, а посадивши, долго гадал, что же из него вырастет? Всю зиму он с трудом сдерживался, чтобы не бегать без конца посмотреть — не случилось ли чего?

Оно и случилось — весна превзошла самые смелые ожидания. Саженцы тянулись вверх с такой быстротой, словно время для них ужалось раз в двадцать, а зернышко, оставленное на лужайке, дало чудесный, стремительно рвавшийся к солнцу побег. В апреле на

молодом деревце с серебристой корой и длинными листьями распустились золотые цветы. Впоследствии многие стали приходить издалека, чтобы только взглянуть на это диво, ибо то был мэллорн, единственный к западу от Гор и к востоку от Моря и один из прекраснейших в мире.

Да и вообще 1420-й год выдался для Хоббитании просто замечательным, и не только из-за того, что солнышко пригревало, а ласковый дождик поливал землю как раз тогда, когда требовалось, и именно в той мере, в какой было нужно. Куда важнее оказалось другое — на край словно снизошел дух изобилия, красоты и жизни. В землях смертных, населяющих Средиземье, никто не помнил такого лета. Детишки, рожденные или зачатые в тот год, были сильны и прекрасны, и многие появились на свет с густыми золотистыми волосами, что прежде считалось среди хоббитов большой редкостью. Ягод уродилось столько, что хоббитята разве что не купались в клубнике со сливками и объедались сливами, оставляя под деревьями высокие пирамиды из косточек. О хворях все и думать забыли, а ворчали, да и то в шутку, одни только косари, выбиваясь из сил на лугах с невиданно сочной и высокой травой.

В Южном Уделе лозы клонились под тяжестью виноградных гроздьев, табак удался на диво, а амбары ломились от собранного зерна. Ну а в Северном Уделе пиво из ячменя тогдашнего урожая вошло в поговорку. Еще и поколения спустя какой-нибудь старикан, осушив добрую пинту, со вздохом заглядывал в опустевший жбан и говорил: «Эх, славное пиво, почти как в четыреста двадцатом».

Первое время Сэм, как и Фродо, жил у Сдружней, а когда отстроили Новый наулок, перебрался туда, к своему Старбеню. Так ему было сподручнее приводить в жилой вид Бебень, но часто приходилось отлучаться — дела лесничие ждали его по всей Хоббитании. Вышло так, что в начале марта, когда Сэм в очередной раз уехал из дома, Фродо неожиданно заболел. Тринадцатого числа старый Сдружень обнаружил его лежащим на постели в бреду. Он судорожно сжимал в руке белый камень, который всегда носил на цепочке на шее, и бормотал что-то непонятное.

— ...Оно сгнуло, сгнуло навек. Без него так темно и пусто...

Но приступ скоро прошел. К двадцать пятому, когда вернулся Сэм, Фродо уже вполне оправился и предпочел ничего не рассказывать. Тут как раз и Бебень привели в порядок. Мерри с

Пиппином привезли назад из Сухого Овражка старую мебель и утварь, так что обновленная нора выглядела ничуть не хуже прежнего.

— Ну вот, все и готово, — сказал Фродо Сэму. — Можно переезжать. Ты-то скоро ко мне переберешься?

Сэм промолчал — похоже, он несколько растерялся.

— Я тебя не тороплю, — продолжал Фродо. — Просто думал, что в Бебне тебе лучше будет. Старбень твой рядышком, под рукой, да и вдова Громыхалло за ним присмотрит.

— Да не в том дело, сударь... — Сэм замялся и густо покраснел.

— Ну так в чем? — не понял Фродо. — Давай, выкладывай.

— Да вот Рози, Рози Сдружень, — пробормотал Сэм. — Я так понимаю, наш прошлый отъезд бедняжке не больно-то по нраву пришелся. И то сказать, я ведь даже не попрощался, потому как тогда не мог. Расстались, толком не поговоривши, а встретились — тоже все как-то не выходило. Делов-то, сами знаете, было невпроворот. Ну а намерен я собрался, заговорил с ней, а она в ответ: «Мы с тобой и так целый год потеряли. Куда дальше-то тянуть?» Насчет «потеряли», это она, положим, через край хватила... но вообще-то ее понять можно. Прямо уж не знаю, как мне и быть, хоть пополам разорвись...

— Вот оно что, — улыбнулся Фродо. — Тебе и жениться хочется, и со мной расставаться жалко. Но Сэм, дружище, это же так просто. Женись поскорее, да переезжай ко мне вместе с Рози. Уж где-где, а в Бебне всем места хватит, и вам, и детишкам вашим.

Так оно и вышло. Сэм с Рози поженились весной 1420 года (год запомнился невиданным числом свадеб) и поселились на Бугре. Сэм был счастлив, а Фродо и того паче, ведь во всей Хоббитании не нашлось бы хоббита, за которым ухаживали бы с такой заботой. Все дела наладились и шли теперь свои чередом, так что Фродо смог почти все свое время посвятить бумагам да записям. А на Хмелины, на Вольной Ярмарке, он сложил с себя полномочия головы, предоставив на следующие семь лет право главенствовать на пирушках славному старине Белостопу. Мерри с Пиппином одно время жили вместе в Сухом Овражке, частенько наведываясь в Бебень — так и сновали между Баковинами и Бугром. Вся Хоббитания восхищалась их песнями и рассказами, диковинными нарядами и веселыми вечеринками. В народе их прозвали «господа-

что-надо», и вовсе даже не из зависти — сердца радовались при виде того, как они скачут во весь опор в сверкающих кольчугах, распевая дивные чужеземные песни. Снискав всеобщий почет и славу, оба ни чуточки не зазнались: были так же радушны и просты в обхождении, как прежде, а веселы так и пуще прежнего.

Фродо с Сэмом, напротив, жили скромно, кольчуги как сняли, так больше и не вытаскивали, а длинные серые плащи с драгоценными застежками надевали только по особо торжественным случаям. Правда, белый камень на цепочке Фродо носил постоянно и частенько непроизвольно касался его рукой.

Все шло прекрасно и обещало стать еще лучше. Сэм радовался каждому дню так, как только может радоваться хоббит, и смущало его лишь одно — Фродо как-то незаметно стал выпадать из жизни Хоббитании. По правде, Сэму было немножко обидно, что его друг и хозяин, прославившийся на весь мир, у себя на родине не пользуется особым почетом. Немногие знали, какую роль сыграл он в походе, и как-то само собой получалось, что восторг и уважение окружали главным образом господ Мериадока с Перегрином и, к слову, самого Сэма (хоть он к тому ничуть не стремился).

Но осенью их коснулась тень прежних тревог.

Как-то вечером Сэм зашел в кабинет, и хозяин показался ему каким-то странным: на лице мертвенная бледность, а глаза отрешенно смотрят куда-то вдаль.

— Сударь, что с вами? — обеспокоенно спросил Сэм.

— Я ранен, — не глядя на него отозвался Фродо, — ранен, и рана моя неисцелима.

Но все обошлось благополучно. Уже на другой день Фродо почувствовал себя вполне здоровым, а Сэм, успокоившись, припомнил, какое было число. Два года назад, как раз шестого октября, Фродо получил рану под горой Выветрень.

Время шло. В марте 1421 года Фродо снова сделалось плохо, и ему стоило немалых усилий скрыть свой недуг от близких. Впрочем, у Сэма хватало иных забот. Двадцать пятого марта Роза родила дочурку.

— Вот ведь, сударь, незадача, — заявил Сэм, явившись к Фродо. — Мы с Розы давно порешили назвать первенца в вашу честь,

с вашего, само собой, позволения. Ждали-то мальчика, а тут девочка... Чудная девчушка, просто красавица: к счастью, не в меня удалась, а в Розу. Но как с именем быть, теперь ума не приложу.

— Право же, Сэм, — отозвался Фродо. — Чем тебе старинный обычай не угодил? Подбери цветочное имя, Роза там или что-нибудь в этом роде. Куда лучше-то? В Хоббитании половину девочек так кличут.

— Так ведь это... — замялся Сэм, — хочется что-нибудь особенное. В странствиях наших я много слыхивал прекрасных имен, да только, как бы это сказать получше... великоваты они на каждый день. Вроде как для праздника придуманы. Вот и Старбень мой твердит: «Называть длинно — не больно умно. Короче назовешь — скорее позовешь», ну и все в этом роде. А если уж цветочное, так тут и не в длине дело, главное, цветок подобрать с понятием. Она ведь у меня прехорошенькая, а будет еще краше.

Фродо задумался, а потом сказал:

— А вот, Сэм — как тебе Эланор? Помнишь, такой солнечный цветок, мы его в Лотлориэне видели.

— Ох и удружили же вы мне, сударь, — восхитился Сэм. — Это самое то, что нужно!

Осенью 1421 года, когда крошке Эланор минуло уже полгода, Фродо позвал Сэма к себе в кабинет.

— Слушай, в четверг у Бильбо день рождения, — молвил он. — Перещеголял-таки он старого Тука, ему стукнет сто тридцать один.

— Молодец старина, — отозвался Сэм.

— Вот-вот, — сказал Фродо, — и мы просто обязаны его навестить. Давай вместе поедem. Роза, наверное, чуток огорчится, но ты скажи ей, что вернешься не позже чем через две недели. Я сам понимаю, что отлучаться надолго тебе нынче не с руки.

— Опять я пополам разрываюсь, — вздохнул Сэм. — И в Разлог мне съездить охота, и Бильбо повидать, да только это... из дому выбираться, как помирать. Уж больно здесь хорошо.

— Бедолага, — рассмеялся Фродо. — Я твои чувства понимаю, но ничего, небось не разорвешься. Не из того ты теста, всегда целым был, целым и останешься.

На следующий день Фродо вручил Сэму ключи и показал, где лежат рукописи. Теперь все они были сведены в одну, дописанную почти до конца толстенную книгу в красном кожаном переплете. В начале множество страниц было исписано тонким почерком Бильбо, но все же большая часть книги оказалась заполненной твердой рукой Фродо. Он же поделил книгу на главы, причем последняя, восьмидесятая, оставалась незавершенной — там еще было несколько чистых страниц. На титульном листе красовалось много заголовков:

«Мой дневник. Мое неожиданное путешествие. Туда и обратно, и что случилось потом.

Приключения пяти хоббитов. Повесть о Великом Кольце, составленная Бильбо Беббинсом на основе собственных наблюдений и рассказов друзей. Что мы совершили в Войне Кольца».

Здесь кончалась рука Бильбо. Дальше писал Фродо:

«Падение Властелина Колец и Возвращение Короля (как это виделось Малому Народу: воспоминания Бильбо и Фродо из Хоббитании, дополненные отчетами их друзей и наставлениями Мудрых).

С извлечениями из Книг Премудрости, переведенных Бильбо в Разлоге».

— Славно вы потрудились, сударь! — воскликнул Сэм. — Книгу, можно считать, почти закончили.

— Я ее совсем закончил, — поправил его Фродо. — А последние страницы, они для тебя оставлены.

Двадцать первого сентября хоббиты отправились в путь. Фродо ехал на том самом пони, на котором вернулся из Минас-Тирита и которого нынче звал не иначе как Бродяжником. Сэм, понятное дело, выбрал для путешествия своего любимчика Билла. Стояло дивное золотое утро. Сэму и в голову не приходило спрашивать, куда они направляются: казалось, тут и гадать нечего.

Пони неспешно трусили по дороге к Затону. На ночлег путники остановились в Зеленых холмах, а двадцать второго сентября, во второй половине дня, добрались до опушки леса.

— Сударь, вы часом не за тем ли деревом хоронились, когда мы

первый раз встретились с Черным Всадником? — спросил Сэм, указывая налево. — Нынче кажется, будто все это во сне было.

Настал вечер, на восточном небосклоне замерцали звезды. Хоббиты миновали дуплистый дуб, свернули и стали спускаться с холма сквозь заросли орешника. Сэм молчал, погрузившись в воспоминания, а потом услышал, как Фродо тихонько напевает себе под нос старую путевую песенку, только слова немного переиначил:

А впереди у нас, друзья,
Большак иль тайная стезя:
Идем мы нынче по земле,
А завтра — под землей, во мгле,
Иль в поднебесье, в вышине,
Под солнцем или при луне.

И словно в ответ снизу, с поднимавшей из долины дороги, донеслись голоса:

А! Элберет Гилтониэль!
силиврэн пенна мириэль
о менел аглар элленат!
Мы здесь остались навсегда,
Средь этих сумрачных земель,
Но светит нам твоя звезда!
О Элберет! Гильтониэль!

Фродо и Сэм остановились и молча ждали, пока не увидели впереди сияние, а там и приближавшихся путников.

Сначала появился отряд эльфов во главе с Гилдором, а за ними, к величайшему удивлению и восторгу Сэма, — Элронд и Галадриэль. Владыка Разлога был облачен в переливчато-серую мантию, на челе его сияла звезда, а на персте — золотое кольцо с большим голубым камнем: Вилья, могущественнейшее из Трех эльфийских. Одевание ехавшей на белой лошади Владычицы Лориэна походило на легкое туманное облако, окутавшее луну и выпускавшее мягкий серебристый свет. На ее пальце красовалось кольцо из мифрила, Нэнъя, с сиявшим,

словно холодная звезда, белым камнем. Позади трусил маленький мышастый пони, и вез он не кого иного, как сонно покачивавшегося в седле Бильбо.

Элронд учтиво поприветствовал хоббитов, Галадриэль одарила их улыбкой.

— Ну, почтенный Сэмиус, — сказал она, — наслышана я о твоих трудах. Ты с толком распорядился моим подарком, и теперь Хоббитания навеки пребудет цветущим, благословенным краем.

Сэм только и смог, что низко поклониться — слов у него не нашлось. Воспоминания воспоминаниями, но, снова увидев Владычицу воочию, он был просто ошеломлен ее несравненной красотой.

Тут и Бильбо открыл глаза.

— Привет, Фродо, — промолвил он. — Видишь, обставил я таки Старого Тука. А теперь вот в новое путешествие собрался. Ты как, со мной?

— С тобой, — отвечал Фродо. — Хранители Кольца должны быть вместе.

— Сударь, куда это вы наладились!? — вскричал Сэм, только сейчас начавший понимать, что, собственно, происходит.

— В Гавани, Сэм, — последовал спокойный ответ.

— Как же так? Я-то ведь не могу!

— Нет, Сэм, не можешь. Во всяком случае, до поры. Сейчас ты только проводишь нас, а потом... кто знает? Ты тоже носил Кольцо, хоть и недолго, и возможно, твое время еще придет. И не грусти ты так, хватит уж тебе пополам-то рваться. Будешь теперь целехоньким, отныне и на долгие годы. У тебя впереди еще столько дел, столько радостей...

— Но... — глаза Сэма наполнились слезами. — ...Я думал, после всего, что было, вам понравится в Хоббитании, думал, вы будете жить дома, долго и счастливо.

— Так ведь и я думал то же самое. Поначалу. Но оказалось, что рана моя слишком глубока. Я пытался спасти Хоббитанию, и она спасена, да только не для меня. Так часто бывает, Сэм — чтобы что-то сберечь, приходится от этого отказываться, потерять для себя, но

передать другим. Вот я и передаю. Ты мой наследник, все, что у меня было, остается тебе. А ведь у тебя есть еще и Розы, и Эланор, а там, глядишь, мальчишки пойдут — и Фродо, и Мерри, и Пиппин, да и девочка Лютик будет, и другие — может быть, больше, чем я могу предвидеть. Твои руки понадобятся везде. Вот увидишь, тебя выберут головой, и ты сможешь оставаться им, сколько захочешь, не говоря уж о том, что навсегда войдешь в историю Хоббитании как лучший, непревзойденный садовник. Ты будешь читать Алую Книгу, дабы не умерла память об уходящей Эпохе, чтобы народ не забывал о Великой Угрозе и еще сильнее любил родную землю. Мои главы закончились, начинается твоя, и пока она длится, ты будешь самым занятым и самым счастливым из хоббитов. Ну а сейчас — в путь! Поехали!

Уходили Элронд и Галадриэль. Третья эпоха завершилась, дни Колец миновали, и сама песнь о тех временах близилась к концу. Вышние эльфы покидали Средиземье, и с ними, исполненные глубокой, но светлой, лишенной горечи, печали, окруженные почтительным вниманием Дивного Народа, ехали Бильбо, Фродо и Сэм.

За остаток вечера и ночь они пересекли всю Хоббитанию, но остались незамеченными никем, кроме лесных зверушек. Если редкие ночные прохожие и видели за деревьями мягкое свечение, то принимали его за отблеск плывущей к западу луны.

Остались позади южные подножия Забеленных Круч. Покинули Хоббитанию и вступили на Дальнее Вσχолмье, где высились эльфийские башни и откуда уже можно было видеть Море. Путь продолжался, скоро приблизились к Митлонду — городу Серебристых Гаваней, что стоял на берегу глубоко вдававшегося в сушу залива.

Стоило им приблизиться к воротам, как навстречу вышел сам Кирдан Корабел. Огромного роста, длиннобородый, седой, он был очень стар, но глаза его лучились, как звезды. Хранитель Гаваней приветствовал прибывших поклоном и сказал:

— Все готово.

Проследовали за ним к причалу, где дожидался большой белый челн, и там, на пристани, увидели старца в белом, стоявшего рядом с

великолепным конем. Он шагнул вперед, и хоббиты, к превеликой своей радости, узнали Гэндальфа. Маг больше не таился, и на его пальце сверкало Третье Кольцо, Нарья, с алым, как пламя, камнем. Известие о том, что Гэндальф уйдет за Море вместе с ними, порадовало всех отплывавших.

А вот Сэм совсем пригорюнился: он думал о том, каково ему будет одному-одинешеньку возвращаться домой через всю Хоббитанию, оплакивая разлуку. Но когда эльфы уже поднимались по сходням на готовый отчалить корабль, на пристань вылетели бешено гнавшие своих лошадок Мерри и Пиппин.

— Ага, — сказал Пиппин, улыбаясь сквозь слезы. — Опять ты, Фродо, надумал улизнуть тайком, и опять у тебя ничего не вышло. Только выдал тебя на сей раз не Сэм, а самолично Гэндальф.

— Я самый, — подтвердил маг, — и сделал это потому, что втроем возвращаться веселее, чем в одиночку. Ну что ж, друзья мои, здесь, на этом берегу, наши пути расходятся окончательно. Ступайте с миром. Не стану говорить вам «не плачьте», ибо слезы — это не всегда плохо.

Фродо поцеловал Мерри, Пиппина и последним Сэма. Едва он ступил на палубу, как на мачтах поднялись паруса, задул ветер и челн медленно заскользил по длинному серому заливу. Оставшиеся долго провожали его взглядом, и последним, что они видели, был мерцающий огонек — стоявший на корме Фродо держал в поднятой руке светоч Галадриэли. Но вот угас и он. Челн вышел в море и двинулся на запад сквозь дождливую ночь, пока наконец Фродо не ощутил, как воздух наполняется дивным благоуханием и не услышал чарующие звуки летящей над водой песни. И тогда, словно во сне, увиденном им в доме Бомбадила, серая завеса дождя сделалась серебристо-стеклянной, а потом будто раздвинулась, и его взору предстали белые прибрежные утесы, а за ними зеленая страна, купавшаяся в нежном свете восходящего солнца.

А Сэм стоял и стоял на пристани, даже когда пала ночь, а челн уже давно скрылся за горизонтом. Он слушал, как плещутся о берега Средиземья морские волны, и плеск этот глубоко запал в его сердце. Мерри и Пиппин молча стояли рядом.

Наконец трое друзей повернули домой. Теперь ехали не спеша, но не оглядывались. До самой границы Хоббитании они не

перекинулись и словечком, но каждому было легче от того, что в этом долгом грустном пути с ним рядом друзья.

Перевалив холмы, выбрались на Западный тракт и там разъехались. Мерри с Пиппином направились в Баковины, и скоро уже снова напевали на скаку песни, Сэм свернул к Заручью и уже в сумерках добрался до Бугра. Впереди приветливо светились окошки — там горел огонь, готовился ужин и там его ждали. Роза радостно встретила его у дверей, провела в дом, усадила в кресло и дала на руки крошку Эланор. Сэм глубоко вздохнул:

— Вот я и вернулся.